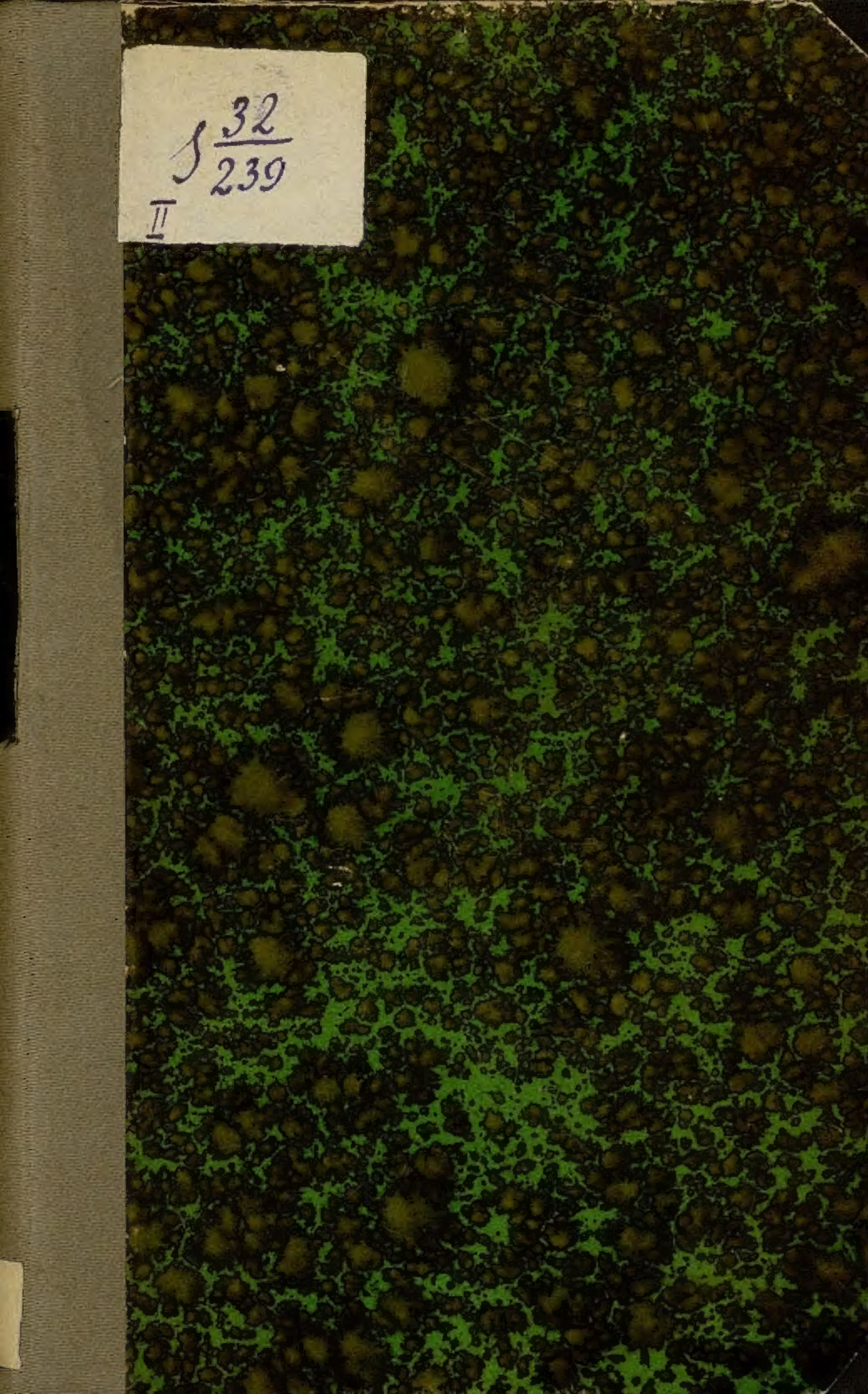

S 32/239
II

S 32
239

А. Я. МАКСИМОВЪ.

На далекомъ Востокѣ

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Книга II. 2

С.-П.-Б.
ИЗДАНІЕ М. К. МАКСИМОВОЙ

Изданіе М. К. Максимовой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Я. МАКСИМОВА

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ"

(Романы, повѣсти и разсказы изъ жизни на восточной окраинѣ).

Все изданіе состоитъ изъ **10 книгъ** раздѣленныхъ на **двѣ** серіи, по **5 книгъ въ каждой;** каждая книга объемомъ въ 16 — 20 печатныхъ листовъ, съ 5 — 6 иллюстраціями.

Подписка принимается какъ на полное изданіе сразу, такъ и отдѣльно по серіямъ

Подписная цѣна на **полное изданіе въ 10 книжекъ** до выхода 4-й книги первой серіи **9 руб.**

Подписная же стоимость каждой серіи въ **5 книжекъ,** до выхода 4-й книжки серіи **5 руб.**

Въ отдѣльной продажѣ (въ книжныхъ магазинахъ) цѣна каждой книги **1 р. 50 к.**

Подписка принимается въ складѣ изданія М. К. МАКСИМОВОЙ, С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Гатчинская улица, домъ № 4, кв. 1.

Рисунки Дозв. Ценз. Спб. 9 Окт. 1898 г.   Тип. К. Л. Пентковскаго, Казанч. 6.

132/239

А. Я. Максимовъ.

НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

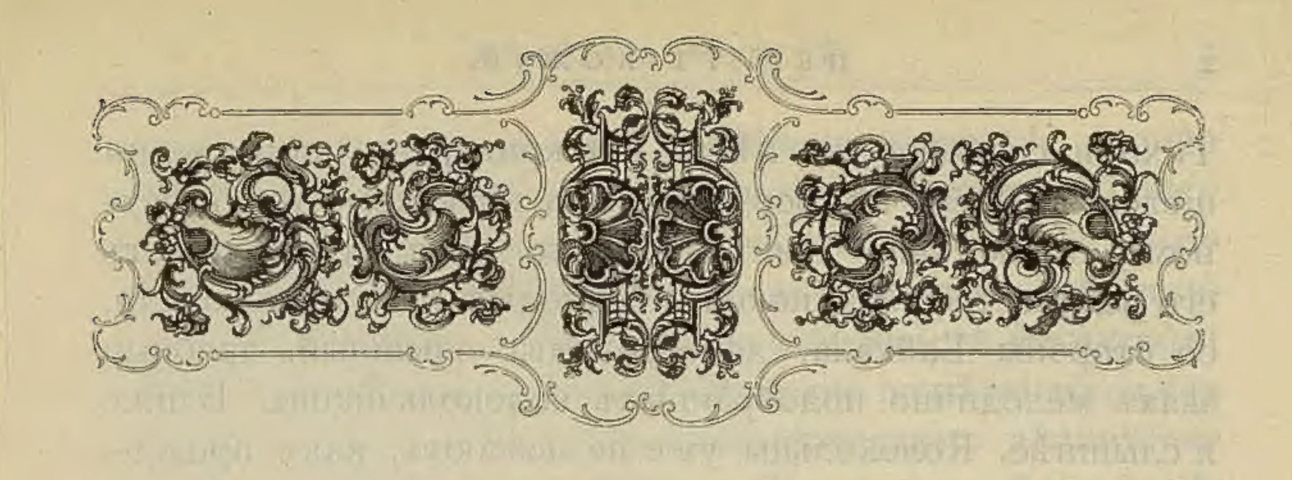
КНИГА ВТОРАЯ.

Перстъ Божій. (Быль изъ сибирской жизни).—Панорама океана. (Очеркъ изъ жизни военныхъ моряковъ).—Старый боцманъ. (Смотритель маяка)

Изданіе М. К. МАКСИМОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія К. Л. Пентковскаго, Казначейская, 6—71.
1898.

2007041400

Перстъ Божій.

Быль изъ сибирской жизни.

I.

Ясная зимняя ночь. Полная луна стоитъ высоко въ таинственно-прекрасномъ небѣ и фантастически освѣщаетъ дремучій сосновый боръ, широко раскинувшійся по обѣ стороны безлюднаго, кяхтинскаго, почтоваго тракта. Голубоватые, ласкающіе, мягкіе лучи чуднаго ночного свѣтила играютъ среди мшистыхъ стволовъ лѣсныхъ великановъ, опушенныхъ недавно выпавшимъ снѣгомъ. Снѣжныя хлопья, эффектно повисшіе на пушистыхъ вѣтвяхъ, сверкаютъ подобно драгоцѣннымъ алмазнымъ украшеніямъ, разбросаннымъ по сосновому бору волшебной рукой щедрой природы. Милліоны разноцвѣтныхъ, микроскопическихъ огней горятъ на каждой иглѣ хвои, на оголенномъ подлѣскѣ-кустарникѣ, въ мохнатыхъ вершинахъ, словно замерзлыхъ въ недвижномъ, морозномъ воздухѣ, и, наконецъ, на почтовой дорогѣ, пересѣченной во многихъ мѣстахъ причудливыми, фантастическими тѣнями.

Тихо и спокойно въ лѣсу. Ни крика, ни шороха, ни шелеста. Дремучій боръ застылъ въ какомъ-то сказочномъ оцѣпенѣніи. Ничто и никто пока не нарушаетъ его величественнаго покоя и безмолвія... Но вотъ издали, со стороны Байкала, донесся едва слышный, дробный звякъ мелодично подобранныхъ колокольчиковъ. Ближе и слышнѣе. Колокольцы уже не звякаютъ, какъ прежде, а гармонично позваниваютъ, заполняя уснувшую лѣсную чащу какими-то, чарующими воображеніе и слухъ, переливами, трелями и руладами. Въ этихъ чарующихъ звукахъ слышится то веселый, радостный смѣхъ, то плачъ, то вакхическая разнузданность, то скорбное стенаніе. Изрѣдка колокольчики какъ бы захлебываются отъ собственнаго восторга и замираютъ, но спустя секунду вновь начинаютъ отбивать мелодичную дробь и еще съ большимъ одушевленіемъ и большею энергіею заливаться подъ расписною дугою лихой тройки, только что въѣхавшей подъ таинственную сѣнь угрюмаго, безмолвнаго бора. Лошади, поощряемыя молодцоватымъ крикомъ ямщика, несутся крупною рысью, вздымая копытами тучи льдистой пыли, сверкающей въ лунномъ сіяніи драгоцѣнными каменьями рѣдкостной красоты и блеска. Полуоткрытая кибитка, скрипя полозьями, легко ныряетъ изъ ухаба въ ухабъ, убаюкивая плавными, мягкими размахами задремавшаго сѣдока, плотно укутаннаго въ превосходную шелковистую даху. Лицо сѣдока совершенно закрыто роскошнымъ бобровымъ воротникомъ и собольей шапкой, нахлобученной до самаго переносья. Откинувшись въ уголъ кибитки и вытянувъ до облучка ноги, обернутыя въ пышный медвѣжій коверъ, сѣдокъ сладко дремлетъ, не обращая вниманія на двадцатиградусный морозъ, тщетно пытающійся пробраться подъ зимніе доспѣхи проѣзжаго, богатаго кяхтинскаго купца Семена Петровича Кушнарева, вполнѣ довѣрившагося лихому ямщику. Ямщикъ по мѣстному прозвищу Кривой Воронъ, отлично знаетъ какую важную персону везетъ и потому не жалѣетъ своего молодецкаго голоса,

хорошо знакомаго красиво подобранной тройкѣ, лучшей изъ всѣхъ почтовыхъ лошадей на цѣломъ трактѣ. Тройку далъ на предыдущей станціи, вмѣстѣ съ наиболѣе опытнымъ, бывалымъ ямщикомъ, предусмотрительный станціонный смотритель Гвоздевъ, не забываемый щедротами богача Кушнарева, который ежегодно по нѣсколько разъ совершалъ свои поѣздки по коммерческимъ дѣламъ изъ Кяхты въ Иркутскъ и обратно. Кушнаревъ былъ извѣстенъ всѣмъ смотрителямъ, старостамъ и ямщикамъ не только кяхтинскаго тракта, но даже до Томска въ одну сторону и до Благовѣщенска въ другую, гдѣ ему также частенько приходилось бывать по разнымъ торговымъ дѣламъ. За щедрымъ купцомъ, дававшимъ ямщикамъ на чаи не менѣе рублевки, а старостамъ и того больше, ухаживали, какъ за коронованной особой. Ему никогда не было отказа въ лошадяхъ. Даже въ кипучее время трактоваго движенія, когда многіе проѣзжіе, не исключая и съ подорожными „по казенной надобности“, просиживали на почтовыхъ станціяхъ по цѣлымъ суткамъ, Кушнаревъ всегда безостановочно несся къ желаемой цѣли, получая, при любезномъ содѣйствіи станціонныхъ смотрителей и старостъ, лучшія тройки съ наиболѣе лихими и опытными ямщиками. Всѣ дѣятели почтоваго тракта наперерывъ старались угодить молодому купцу, единственному представителю богатѣйшей торговой фирмы, во главѣ которой ему довелось стать всего пять лѣтъ тому назадъ, послѣ неожиданной, загадочной смерти горячо любимаго отца, ограбленнаго и убитаго неизвѣстными злодѣями между Иркутскомъ и Кяхтой въ одну изъ его обычныхъ зимнихъ поѣздокъ по коммерческимъ дѣламъ. Старикъ Кушнаревъ подвергся нападенію, какъ выяснило строгое энергичное разслѣдованіе, въ одномъ изъ пунктовъ вышеописаннаго сосноваго бора, но гдѣ именно — никакъ не удалось опредѣлить, такъ какъ грабители, убивъ коммерсанта и ямщика, безслѣдно запрятали ихъ тѣла въ лѣсной чащѣ, а кибитку безъ лошадей бросили въ двадцати верстахъ отъ тракта, на

глухой тайговой дорогѣ. О страшной участи старика Кушнарева и ямщика Ползунова узнали по окровавленнымъ слѣдамъ, оставленнымъ въ кибиткѣ. Слѣды эти были многочисленны и ужасны. Вся внутренняя обивка кибитки была положительно залита кровью. Кровавыя пятна разыскали на облучкѣ и полости. Передъ саней оказался въ тѣхъ же зловѣщихъ пятнахъ. На обѣихъ оглобляхъ и дугѣ виднѣлись отчетливые отпечатки окровавленныхъ рукъ. Повидимому, злодѣи произвели нападеніе въ то время, когда сѣдокъ и ямщикъ сладко дремали, и покончили съ ними раньше, чѣмъ тѣ успѣли проснуться. Затѣмъ, скрывъ свои жертвы, убійцы, опасаясь преслѣдованія, ударились въ глухую тайгу, гдѣ выпрягли лошадей и поскакали дальше верхомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшили лица, производившія разслѣдованіе о совершенномъ злодѣяніи, но случилось ли именно все такъ, какъ эти лица предполагали, — зналъ одинъ всевѣдущій Богъ. Люди же путались во всевозможныхъ гипотезахъ, болѣе или менѣе основательныхъ, разумныхъ и близкихъ къ истинѣ...

Кто были убійцы — не удалось раскрыть, несмотря на щедрую награду, обѣщанную молодымъ Кушнаревымъ, вызваннымъ по телеграфу изъ Иркутска, гдѣ тотъ готовился для поступленія въ одинъ изъ университетовъ. Не удалось также разыскать тѣла убитыхъ, хотя на эти розыски сынъ, удрученный невыразимымъ горемъ, затратилъ немало денегъ и энергіи. Цѣлый мѣсяцъ молодой Кушнаревъ, охваченный жгучимъ желаніемъ похоронить съ честью несчастнаго отца, производилъ, во главѣ сотни нанятыхъ людей, самые тщательные поиски въ дремучемъ сосновомъ лѣсу; цѣлый мѣсяцъ онъ едва ѣлъ и пилъ, забылъ весь окружающій міръ, забросилъ торговыя дѣла. Его поглотила страстная, неотразимая жажда во что бы то ни стало отыскать тѣло отца, но удовлетворить эту жажду ему не удалось. Измученный физически, потрясенный душевно, съ сильно разстроенными нервами вернулся Семенъ Петровичъ домой и

серьезно расхворался. Только спустя три мѣсяца онъ могъ заняться слегка разстроенными коммерческими дѣлами своей фирмы, причемъ выяснилось, что старикъ Кушнаревъ, возвращаясь въ послѣдній разъ изъ Иркутска въ Кяхту, имѣлъ при себѣ около ста тысячъ денегъ, на которыя, повидимому, и позарились неизвѣстные злодѣи.

II.

Прошло пять лѣтъ. Жгучее чувство тяжкой невознаградимой утраты смягчилось и оставило едва замѣтный слѣдъ въ сердцѣ молодого Кушнарева, но зато голова его была постоянно занята неотвязчивою мыслью разыскать хотя прахъ обожаемаго отца, лишеннаго по волѣ извергов даже христіанскаго погребенія. Возбужденное воображеніе часто рисовало ему всевозможныя картины насильственной смерти отца, одна другой страшнѣе и ужаснѣе. Проѣзжая злополучнымъ сосновымъ боромъ нѣсколько разъ въ году—весной, лѣтомъ, осенью и зимой, онъ всегда пытливо всматривался въ каждую пядь лѣсной чащи, словно требуя отъ нея отвѣта на свой нѣмой, мучительно-острый вопросъ; но дремучій лѣсъ ревниво хранилъ роковую тайну и своимъ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ лишь отягощалъ болѣзненно настроенное воображеніе Семена Петровича. Тѣмъ не менѣе послѣдній никогда, даже въ глубокую ночь, не проѣзжалъ бора безъ того же пытливаго осмотра. Онъ постоянно приказывалъ ямщикамъ будить себя при въѣздѣ въ лѣсъ, и это приказаніе всегда исполнялось точно и безпрекословно. Вотъ почему и Кривой Воронъ, прозванный такъ вслѣдствіе потери одного глаза въ какой-то молодецкой дракѣ, не преминулъ окликнуть задремавшаго Кушнарева, какъ только кибитка нырнула съ открытаго мѣста въ боръ:

— Батюшка Семенъ Петровичъ, въѣхали!

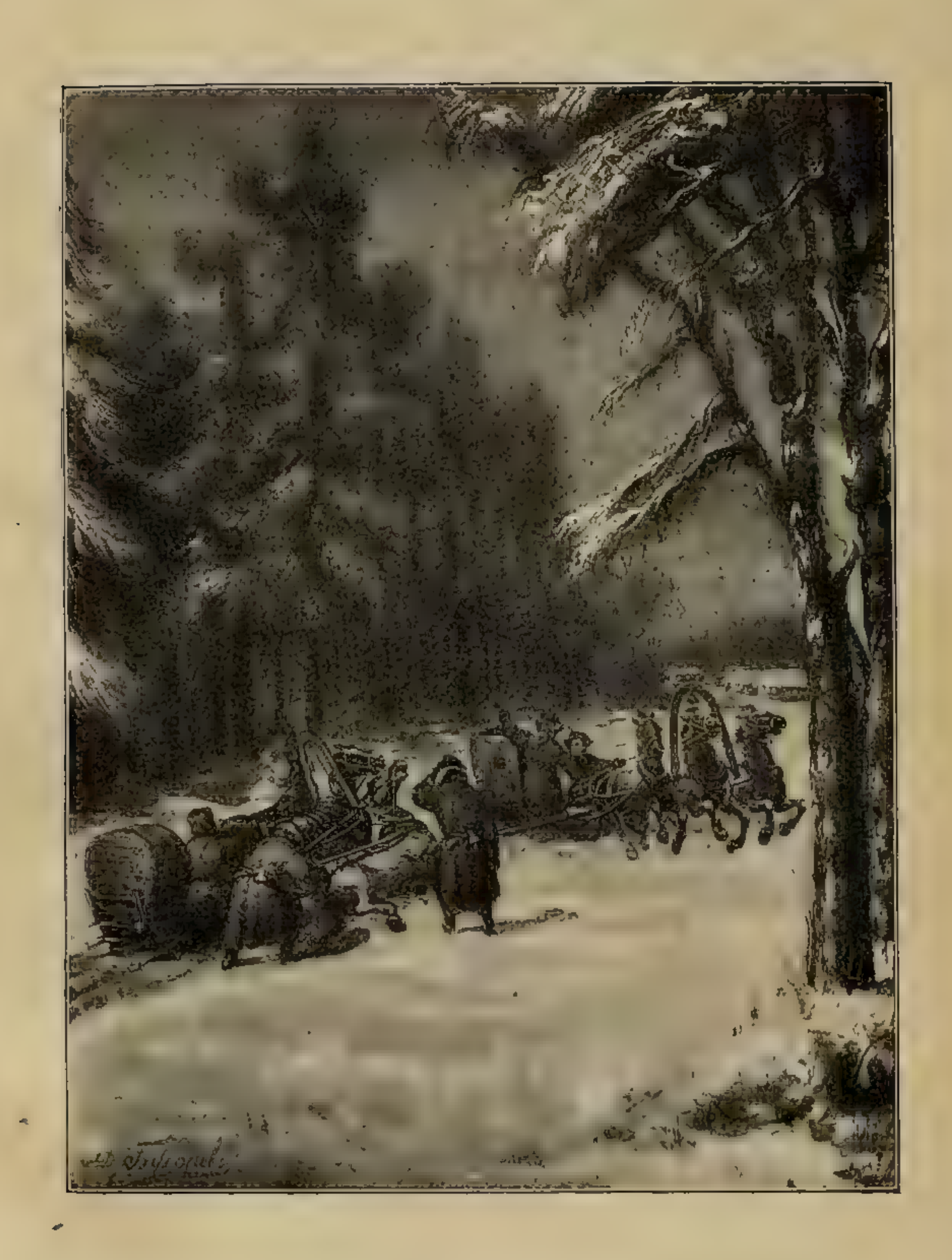
Молодой человѣкъ встрепенулся и высвободилъ изъ

воротника свое худое, нервное лицо, обрамленное небольшою русою бородкою. Ямщикъ лихо свистнулъ и хлестко ударилъ по лошадямъ вожжами. Тройка дружно рванула и понеслась еще быстрѣе, вздымая бойкими ногами облака льдистой пыли. Морозный воздухъ рѣзалъ открытую часть лица точно острымъ ножомъ. Кривой Воронъ совершенно спрятался въ широкую оленью даху и лишь изрѣдка взглядывалъ на дорогу своимъ единственнымъ глазомъ сквозь узкую щель высоко приподнятаго воротника. Онъ вполнѣ довѣрялъ лошадямъ, хорошо освоившимся съ почтовымъ трактомъ, и предоставилъ имъ свободно мчаться среди безлюднаго, фантастически освѣщеннаго луной, лѣса. Величественныя деревья, опушенныя сверкающимъ снѣгомъ, мелькали мимо кибитки подобно сказочнымъ великанамъ, поставленнымъ на стражѣ у рубежа таинственнаго, безмолвнаго бора. Кушнаревъ съ трудомъ слѣдилъ, сквозь слипшіяся отъ мороза рѣсницы, за волшебной панорамой, тянувшейся съ обѣихъ сторонъ довольно широкой дороги. Неотразимое грустное чувство охватило все его существо при видѣ мѣстности, памятной ему благодаря загадочной, ужасной смерти обожаемаго имъ отца. Печальныя воспоминанія нахлынули жгучею волною. Семену Петровичу живо припомнились мельчайшія подробности его мѣсячнаго пребыванія въ дремучемъ, безконечномъ лѣсу, а также тщетныхъ поисковъ тѣлъ несчастныхъ жертвъ, погибшихъ подъ ножами неизвѣстныхъ злодѣевъ. Вспомнилось ему, какъ неустанно и долго искалъ онъ съ нанятыми людьми мѣсто гибели отца, съ какой болѣзненной энергіей рыскалъ онъ по всѣмъ доступнымъ трущобамъ таинственнаго бора, всецѣло поглощенный однимъ страстнымъ, мучительнымъ желаніемъ. Въ тѣ страшные, тревожные дни онъ былъ готовъ пожертвовать не только всѣмъ своимъ капиталомъ, но даже жизнью за отысканный трупъ отца. Съ каждымъ днемъ онъ удваивалъ обѣщанную награду, и вскорѣ цифра этой награды достигла баснословной суммы — въ сто ты-

сячъ рублей. Кромѣ спеціально нанятыхъ людей приняли дѣятельное участіе въ поискахъ сотни окрестныхъ жителей, мечтавшихъ заслужить щедрую награду. Обѣ опушки лѣса, расположенныя вдоль почтоваго тракта, были обшарены съ величайшею тщательностью. Многіе смѣльчаки забирались на лыжахъ въ самую глубь дремучаго бора, рискуя каждую минуту поднять изъ берлогъ свирѣпыхъ чернобурыхъ медвѣдей или встрѣтиться съ бѣглыми каторжниками, особенно многочисленными въ ту памятную теплую зиму. Добровольные поиски продолжались до весны. Съ наступленіемъ же весенняго таянія снѣговъ пришлось ихъ прекратить — вслѣдствіе превращенія лѣсной почвы въ обширнѣйшее опасное болото. Лѣтомъ поиски возобновились. Тѣло несчастнаго старика Кушнарева искали словно богатѣйшій кладъ, но все было напрасно. Злодѣи успѣли схоронить свои жертвы такъ ловко, съ такою адскою предусмотрительностью, что даже вытребованные изъ Иркутска наиболѣе опытные, бывалые сыщики стали въ тупикъ передъ неразрѣшимой загадкой. Эта таинственная загадка заняла всѣ свободные умы. Разыгравшееся воображеніе простого, темнаго люда нашло обильную пищу для всевозможныхъ предположеній, болѣе или менѣе фантастическихъ и сказочныхъ. Среди окрестныхъ переселенцевъ, ямщиковъ и даже инородцевъ начали циркулировать разныя небылицы, которыми старались объяснить удивительное и странное исчезновеніе ограбленныхъ жертвъ. „Для чего именно понадобилось скрыть тѣла убитыхъ? Почему злодѣи такъ тщательно замели слѣды своего страшнаго преступленія? Какихъ уликъ они боялись?“ Надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ тщетно трудились и тратили время многіе представители мѣстнаго интеллигентнаго общества. Самъ Кушнаревъ постоянно сосредоточивался на тѣхъ же вопросахъ, но не могъ подыскать болѣе или менѣе разумнаго, логическаго объясненія дѣйствій злодѣевъ, которымъ, казалось, не для чего было хоронить концы своего ужаснаго преступленія съ такою

дьявольскою осмотрительностью и съ такимъ чрезмѣрно разсудительнымъ хладнокровіемъ. Вѣдь все равно невозможно было изловить какихъ то неизвѣстныхъ бродягъ, успѣвшихъ, послѣ совершенія убійства, скрыться въ глухой тайгѣ, смежной съ китайскою границею. Повидимому, грабителями руководили какія то особенныя, исключительныя соображенія и обстоятельства, но какія именно — никому не удалось разрѣшить съ достаточною ясностью. Вообще, надъ всѣми деталями совершеннаго злодѣйства висѣла таинственная, непроницаемая завѣса, приподнять которую никто не могъ, несмотря на полное напряженіе ума и воображенія. Эта невозможность объяснить загадочное исчезновеніе убитаго Кушнарева какими-нибудь логическими соображеніями заставила разныхъ невѣжественныхъ людей измыслить фантастическія сказки всевозможнаго характера. Одни распускали слухъ, что старикъ Кушнаревъ просто подстроилъ фиктивное убійство, чтобы избѣгнуть позорнаго наказанія, которое грозило ему за многолѣтнюю фабрикацію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, случайно будто бы раскрытую какими то неподкупными чиновниками. Другіе утверждали втихомолку, что къ совершенному преступленію причастенъ, по разнымъ корыстнымъ разсчетамъ, самъ молодой Кушнаревъ, который, скрывъ тѣла своихъ жертвъ въ глубокихъ подвалахъ собственнаго дома, лишь для отвода глазъ искалъ ихъ съ такою черезчуръ усердною настойчивостью въ едва проходимыхъ дебряхъ дѣвственнаго лѣса. Нѣкоторые же переселенцы и ямщики порѣшили, что дѣло не обошлось безъ вмѣшательства нечистой силы.

— Самъ чортъ утащилъ старика въ преисподнюю, толковали они съ большою положительностью, а на вопросъ скептиковъ: „за что?“ — обстоятельно выворачивали всю подноготную убитаго коммерсанта. По ихъ мнѣнію, старикъ Кушнаревъ былъ не только страшно корыстолюбивый міроѣдъ, высосавшій кровь у множества народа, но даже безпощадный злодѣй, не останавливавшійся,

ради увеличенія своего капитала, предъ самымъ ужаснымъ преступленіемъ.

— Хорошо, соглашались скептики подъ впечатлѣніемъ услышаннаго,—старый кровопійца попалъ въ преисподнюю за свои грѣхи, но за что утащилъ туда же ямщика Ползунова? Вѣдь онъ, кажись, былъ парень славный и богобоязненный...

Этотъ неоднократный простой вопросъ приводилъ обыкновенно въ немалое смущеніе сторонниковъ вмѣшательства нечистой силы въ загадочное исчезновеніе двухъ жертвъ безпощадныхъ грабителей, такъ какъ, охотно отправляя въ адъ ненавистнаго имъ почему-то старика Кушнарева, они отнюдь не желали подобнаго непріятнаго путешествія для Ползунова, пріобрѣвшаго во всемъ околоткѣ лестную репутацію примѣрнаго семьянина и безусловно хорошаго человѣка.

Подобныя клеветническія выдумки и фантастическія бредни изрѣдка достигали до ушей молодого Кушнарева и только подливали нестерпимую горечь въ чашу его душевныхъ и нравственныхъ мукъ. Семенъ Петровичъ жестоко страдалъ какъ за себя, такъ и за любимаго отца, сокрытый прахъ котораго старались забросать грязью разные зловредные люди: одни—намѣренно, другіе—по невѣжеству. Онъ постоянно скорбѣлъ, что не можетъ приподнять таинственную завѣсу совершеннаго злодѣянія, и страстно жаждалъ хоть когда-нибудь открыть убійцъ отца и одновременно выяснить: гдѣ спрятанъ ими дорогой трупъ.

III.

Поглощенный грустными воспоминаніями, Кушнаревъ вдумчиво всматривался въ лѣсную опушку, эффектно освѣщенную луною. Тройка мчалась съ прежней быстротой, и кони выпускали изъ расширенныхъ ноздрей клубы горячаго пара. Дорога шла легкими извилинами, дѣлая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно крутые завороты, на

которыхъ приходилось сдерживать лошадей, чтобы кибитка не опрокинулась на раскатахъ. До слѣдующей почтовой станціи оставалось всего около десяти верстъ. Кривой Воронъ уже предвкушалъ теплую печь, кипящій самоваръ и стаканчикъ водки на придачу. Онъ мечталъ о сладостномъ отдыхѣ, лѣниво распустивъ вожжи и уткнувшись закоченѣвшимъ носомъ въ заиндивѣвшій воротникъ дахи... Вдругъ онъ почувствовалъ сильный толчокъ и едва не слетѣлъ съ облучка подъ передокъ кибитки—вслѣдствіе неожиданной остановки тройки на крупной рыси. Могучій коренникъ всталъ почти на дыбы, точно желалъ вытащить голову изъ хомута, нажатаго оглоблями до самыхъ ушей. Пристяжныя фыркали и пугливо пятились, вытягивая морды по направленію къ какому-то темному предмету, недвижно лежавшему поперекъ дороги.

— Что такое случилось? спросилъ встрепенувшійся Кушнаревъ, инстинктивно нащупывая въ боковомъ карманѣ дахи револьверъ, безъ котораго никогда не выѣзжалъ послѣ трагической гибели отца.

— Убитый человѣкъ лежитъ, трепетнымъ шепотомъ вымолвилъ ямщикъ, подбирая возжи и сворачивая лошадей въ сторону.

Кушнаревъ стремительно приподнялся на ноги, точно подброшенный мгновенно развернувшейся подъ нимъ пружиной, и сталъ внимательно оглядывать снѣжную пелену дороги, залитой голубоватымъ, волшебнымъ свѣтомъ луны, поднявшейся высоко надъ лѣсомъ. Вскорѣ онъ разсмотрѣлъ отчетливую фигуру человѣка, лежавшаго на спинѣ всего въ пяти шагахъ отъ кибитки, безъ шапки и шубы, но въ большихъ мѣховыхъ сапогахъ. Съ сердечнымъ трепетомъ и невольною дрожью во всемъ тѣлѣ Семенъ Петровичъ мелькомъ увидѣлъ окровавленное лицо, обращенное къ лунѣ точно съ мольбою о божественномъ возмездіи, и страшно разсѣченную голову, неестественно свернутую къ одному плечу.

— Куда ты? обратился Кушнаревъ съ рѣзкимъ воп-

росомъ къ ямщику, замѣтивъ, что тотъ сворачиваетъ тройку къ лѣсной опушкѣ.

— Объѣзжаю его, лаконически отвѣтилъ Кривой Воронъ прежнимъ трепетнымъ шепотомъ, избѣгая глядѣть въ сторону распростертаго на снѣгу человѣка.

— Стой! крикнулъ Семенъ Петровичъ. — Надо посмотрѣть: не живъ ли онъ еще?

— Боже васъ сохрани, баринъ!.. Пропадете ни за грошъ!.. Не пущу! энергично запротестовалъ ямщикъ, вдругъ пустивъ лошадей въ карьеръ...—Глядите! ткнулъ онъ рукавицей вправо.

Молодой человѣкъ быстро повернулъ голову по указанному направленію. Возлѣ самой опушки лѣса стояла кибитка безъ лошадей съ печально опущенными оглоблями. На облучкѣ виднѣлась чья-то скорчившаяся фигура.

— Начисто обдѣлали... И ямщика укокошили, замѣтилъ вскользь Кривой Воронъ, продолжая гнать тройку.—Охъ, жисть наша каторжная!..

— Стой! вторично крикнулъ Кушнаревъ, стараясь поймать ямщика за шиворотъ. — Нельзя же оставить несчастныхъ въ безпомощномъ положеніи! Стой, говорятъ тебѣ, каналья!..

— Хоть убейте меня, а не остановлюсь, батюшка Семенъ Петровичъ! твердо проговорилъ Кривой Воронъ.— И насъ съ вами укокошатъ!..

— У меня есть револьверъ...

Ямщикъ досадливо перебилъ:

— Эхъ, баринъ, ничего вы со своимъ пистолетомъ не подѣлаете, когда ихъ, можетъ быть, тамъ десять разбойниковъ собралось съ ружьями, съ топорами, да съ дубинами... Выпалить не дадутъ, какъ положатъ васъ на мѣстѣ! И храбрѣе васъ бывали да бѣды не избѣгали!.. Милыя, выручайте!

Тройка, поощренная зычнымъ крикомъ, поддала и понеслась стрѣлой, взметая копытами тучи снѣжной пыли. Кибитка яростно запрыгала. Кушнаревъ не могъ

устоять на ногахъ и безсильно опрокинулся на сидѣнье, торопливо протирая залѣпленные снѣгомъ глаза. Онъ больше не выражалъ желанія остановиться. Какое-то странное внутреннее чувство подсказывало ему, что надо мчаться именно впередъ, а не возвращаться къ убитымъ и ограбленнымъ. Неотразимая сила влекла его въ противоположную сторону отъ мѣста новаго злодѣянія. Онъ жаждалъ не мчаться, а летѣть съ быстротою сокола. Ему уже казалось, что тройка несется недостаточно скоро.

— Гони, гони во всю! безсознательно вскрикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ. Сердце его замирало, дыханіе захватывало. Въ головѣ закопошилась неясная, но жгучая мысль, что сейчасъ, сію минуту должно свершиться что-то неизбѣжное, роковое, но давно желанное...

— Батюшка, Семенъ Петровичъ, пропали мы! вдругъ застоналъ Кривой Воронъ, стараясь сдержать трепетными руками разбѣжавшихся лошадей.

Кушнаревъ, ухватившись обѣими руками за верхъ кибитки, стремительно приподнялся и увидѣлъ впереди легкую кошеву безъ колокольцевъ. Въ кошевѣ, быстро удалявшейся, сидѣли четверо подозрительныхъ людей въ мохнатыхъ козьихъ дахахъ и неистово хлестали тройку сильно уставшихъ лошадей. Необъяснимое волненіе охватило Семена Петровича при видѣ кошевы, въ которой, несомнѣнно, спѣшили скрыться злодѣи, только что ограбившіе неизвѣстнаго проѣзжаго. Все его существо рвалось за этими злодѣями. Въ его трепетавшемъ сердцѣ загорѣлось неотразимое чувство мести. Онъ слѣдилъ за кошевой широко расширенными, пылающими глазами и вдругъ, точно подтолкнутый сверхъестественной силой, однимъ могучимъ прыжкомъ очутился на облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ, оторопѣвшимъ отъ неожиданной встрѣчи съ злодѣями, которыхъ считалъ оставленными позади.

— Гони, гони во всю! хрипло, ужаснымъ голосомъ,

закричалъ Кушнаревъ, схвативъ ямщика за шиворотъ.— Тысячу рублей на чай, если догонишь!.. Убью, какъ собаку если упустишь! вырвалась изъ стѣсненной груди молодого человѣка безумная, страшная угроза.

Кривой Воронъ не сталъ перечить. Дико гикнувъ, онъ пустилъ тройку опять въ карьеръ. Страха въ немъ какъ не бывало. Его мужество было подогрѣто какъ угрозой, такъ и перспективой щедрой награды. Кромѣ того онъ успѣлъ сообразить, что разбойниковъ было не такъ много, какъ рисовало ему возбужденное воображеніе, а почтовая станція близехонько—въ какихъ нибудь трехъ верстахъ...

Началась поразительная погоня за разбойничьей кошевой. Кибитка неслась съ баснословною быстротою; фантастически окутанная облаками блестящей снѣжной пыли, она казалась какимъ-то волшебнымъ экипажемъ, управляемымъ грозными мстителями сказочнаго міра. Лошади словно чуяли, что должны совершить своего рода подвигъ. Поощряемыя пронзительнымъ гиканіемъ расхрабрившагося ямщика и дикими, хриплыми вскриками Кушнарева, они рвались впередъ, точно силясь выскочить изъ своихъ заиндивѣвшихъ шкуръ. Ихъ бѣшеная скачка напоминала легендарный бѣгъ коней скандинавскихъ сагъ. Кошева замѣтно осаживалась, несмотря на энергичныя усилія злодѣевъ, видимо мечтавшихъ избѣгнуть страшной погони.

Разбойничья тройка быстро ослабѣвала, будучи не въ состояніи состязаться въ бѣгѣ съ лучшими лошадьми въ цѣлой округѣ, припасенными, для ожидаемаго проѣзда щедраго Кушнарева, расторопнымъ, предусмотрительнымъ станціоннымъ смотрителемъ Гвоздевымъ...

IV.

Спустя нѣсколько минутъ бѣшеной погони, кибитка уже была всего въ десяти саженяхъ отъ разбойничьей кошевы. Вдали показались огни почтовой станціи. Рѣ-

шительный моментъ приближался, такъ какъ кошева могла промчаться мимо станціи и безслѣдно скрыться въ узкой тайговой дорогѣ, куда нельзя было пробраться въ сравнительно тяжелой и широкой кибиткѣ. Кривой Воронъ вовремя сообразилъ это обстоятельство и заставилъ лошадей сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе. Въ нѣсколько секундъ разстояніе до кошевы сократилось на столько, что можно было разглядѣть лица двухъ злодѣевъ, пугливо озиравшихся на энергичныхъ, настойчивыхъ преслѣдователей.

— Глядите, батюшка Семенъ Петровичъ! вдругъ вскрикнулъ съ невольнымъ ужасомъ Кривой Воронъ, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ. — Никакъ Ползуновъ съ того свѣта явился! Ей Богу, онъ и есть!.. Съ нами крестная сила!

— Убійца моего отца! дико закричалъ Кушнаревъ подъ внезапнымъ впечатлѣніемъ какого-то необъяснимаго и удивительнаго внутренняго чувства. — Наконецъ-то ты попался въ мои руки!.. Стой, стой! или всѣмъ вамъ размозжу головы!

Разбойники продолжали скакать, не обращая вниманія на угрозу. Они, повидимому, не потеряли еще надежды скрыться въ тайгѣ и бѣшено гикали въ четыре голоса на уставшихъ лошадей.

— Стой, стой! неистово кричалъ Кушнаревъ, грозно махая вытащеннымъ изъ кармана револьверомъ, но не рѣшаясь стрѣлять по людямъ.

Кривой Воронъ, замѣтивъ опасную нерѣшительность Кушнарева, своевременно посовѣтовалъ:

— Палите, батюшка, въ ихнихъ лошадей!.. Не уйдутъ тогда!..

Семенъ Петровичъ не замедлилъ выполнить благоразумный совѣтъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ два раза по разбойничьей тройкѣ. Правая пристяжная вдругъ сдѣлала неестественный скачекъ въ сторону и со всѣхъ ногъ грохнулась въ снѣгъ. Кошева остановилась всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ почтовой станціи. Разбойники засуетились, стараясь обрѣзать постромки под-

стрѣленной пристяжной, но было поздно... Кривой Воронъ, обогнавъ на всемъ скаку кошеву, ловко остановилъ взмыленную тройку поперекъ дороги, отрѣзавъ такимъ образомъ злодѣямъ единственный путь къ спасенію. Кушнаревъ, съ револьверомъ въ правой рукѣ, принялъ угрожающее положеніе.

— Убью на мѣстѣ, если кто изъ васъ пошевельнется! взвизгнулъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.

— Хватайте, вяжите злодѣевъ! властно приказалъ онъ ямщикамъ, выскочившимъ на выстрѣлы и крики со станціи, кто съ топоромъ, кто съ дубьемъ, а нѣкоторые даже съ ружьями.

Въ одно мгновеніе разбойниковъ окружили со всѣхъ сторонъ, точно хищныхъ волковъ. Попавъ въ безвыходную западню, они дали связать себя безъ сопротивленія побросавъ въ снѣгъ свое оружіе—четыре топора и ножи. Ползунова вязалъ, съ чувствомъ удовлетворенной мести, самъ Кушнаревъ, ежесекундно приговаривая:

— Ага, попался, наконецъ, въ мои руки!.. Попался!..

— Глядиде, братцы, вѣдь Ползуновъ съ того свѣта явился, въ разбойники записался! насмѣшливо вымолвилъ Кривой Воронъ, указывая товарищамъ, потѣвшимъ надъ остальными тремя злодѣями, на тщедушнаго мужиченка, все прятавшаго лицо въ мохнатый воротникъ своей козьей дахи.

— Полно брехать-то!.. Ишь что выдумалъ! послышались недовѣрчивые голоса.

— Право, братцы, онъ самый, увѣренно проговорилъ Кривой Воронъ, поворачивая тщедушнаго мужиченка лицомъ къ лунѣ.

— И впрямь онъ! съ невольнымъ страхомъ зашептали ямщики, съ пугливымъ любопытствомъ разглядывая съежившагося Ползунова.—Вотъ диво-то!.. Какими судьбами онъ живъ оказался и разбойникомъ сталъ?

— Онъ убилъ моего отца! съ мрачной энергіей воскликнулъ Кушнаревъ, разрушая своей рѣзкой, рѣшительной фразой общее недоумѣніе.

— Мой грѣхъ! простоналъ вдругъ Ползуновъ, повалившись въ ноги молодому человѣку.—Мой грѣхъ, мой грѣхъ! твердилъ онъ съ мучительнымъ раскаяніемъ, тыкаясь лицомъ въ снѣгъ.

Ямщики, понуривъ головы, хранили угрюмое молчаніе. Тронутые искреннимъ покаяніемъ злодѣя, они отнеслись къ преступному, но повинившемуся товарищу съ душевнымъ всепрощеніемъ, столь свойственнымъ русскому человѣку. Ихъ языки не поворачивались для произнесенія какого либо справедливаго упрека или злобнаго укора. Они видѣли въ Ползуновѣ, съ момента его добровольнаго раскаянія, уже не кровопійцу и разбойника, а несчастнаго человѣка, вовлеченнаго въ преступную жизнь нечистою силою. Какъ бы въ подтвержденіе ихъ наивной мысли Ползуновъ, не подымаясь съ колѣнъ, вдругъ заговорилъ съ какимъ-то торопливымъ, нервнымъ порывомъ.

— Нечистый попуталъ!.. Онъ душу мою загубилъ! Онъ, проклятый, соблазнилъ меня старичка Петра Савича ограбить!.. Все онъ!.. И не впрокъ пошли денежки, залитыя невинной кровью... Я, ради денегъ, человѣка зарѣзалъ, а денегъ этихъ не видѣлъ и не считалъ... Право не видѣлъ!.. Даже бумажника не успѣлъ развернуть, какъ на этихъ злодѣевъ нарвался! мотнулъ головой Ползуновъ въ сторону связанныхъ разбойниковъ, злобно поглядывавшихъ на каявшагося товарища.—Они окаянные, ограбили меня, а потомъ зачали грозить, что убьютъ, если я не стану съ ними разбойничать... И сдѣлался я разбойникомъ и грабителемъ!.. Рыскали мы, почитай по всей Сибири: гдѣ ограбимъ, гдѣ убьемъ кого, а гдѣ поклажу срѣжемъ... Немало душъ загубили мы въ послѣднія пять лѣтъ... А сегодня задумали батюшку Семена Петровича ограбить. Узнали мы, что онъ съ большими деньгами изъ Иркутска въ Кяхту ѣдетъ, и стали его въ сосновомъ бору поджидать... Ждали, ждали и убили, по ошибкѣ, какого-то другого проѣзжаго... И ямщика прикончили съ нимъ... Лошадей

въ лѣсу спрятали, къ деревьямъ привязали, чтобъ не прибѣжали на станцію и людей не всполошили... Концы хотѣли скрыть... Только что начали мы съ убитаго одежду стаскивать, какъ услыхали, что кто-то ѣдетъ еще...

И напалъ на насъ вдругъ такой страхъ, что и разсказать нельзя!.. Почудилось намъ, что ѣдутъ люди, посланные изловить насъ... Вскочили мы въ свою кошеву и понеслись... Слышимъ погоня за нами... Зачали мы гнать лошадей на смерть, чтобъ только свои ноги унести, а погоня все приближалась и приближалась... Тутъ мы и попались!.. Простите, братцы, меня окаяннаго, простите! началъ опять стонать Ползуновъ, кланяясь всѣмъ въ ноги.

— Богъ проститъ, а законъ покараетъ, угрюмо проворчалъ станціонный смотритель. — Иди на станцію! приказалъ онъ спустя нѣсколько секундъ, предварительно пошептавшись о чемъ-то съ Кушнаревымъ.

Затѣмъ, обратившись къ безмолвно стоявшимъ ямщикамъ, смотритель повелительно проговорилъ, указывая на остальныхъ трехъ разбойниковъ:

— Уведите, молодцы, этихъ злодѣевъ въ ямщицкую и зорко сторожите ихъ до утра, а потомъ всѣхъ въ городъ отправимъ для расправы по закону... А ты, Храмцовъ, обернулся онъ къ станціонному старостѣ, сію минуточку заложи въ кошеву тройку гнѣдыхъ и скачи къ засѣдателю: надо мертвыя тѣла поднять, а безъ него нельзя — законъ не дозволяетъ... Пошли также кого нибудь похрабрѣе на Боровую станцію — предупредить тамъ, что съ ихнимъ ямщикомъ приключилось. Кто поѣдетъ, пускай захватитъ по пути лошадей, оставленныхъ злодѣями въ лѣсу — вѣдь, подохнутъ онѣ тамъ отъ голода и мороза...

— А вы, батюшка Семенъ Петровичъ, пожалуйте на станцію чайку покушать, подобострастно пригласилъ смотритель Кушнарева, угрюмо слѣдившаго глазами за Ползуновымъ, который, понуривъ голову, шелъ, подъ конвоемъ одного ямщика, въ станціонный домъ.

V.

— Какъ прикажете, батюшка Семенъ Петровичъ: сейчасъ привести къ вамъ Ползунова или попозже, какъ чайку напьетесь? заискивающимъ тономъ спросилъ смотритель Кушнарева, едва тотъ вошелъ въ просторную, чистенькую комнату „для пріѣзжающихъ", прилично уставленную крѣпкою старомодною мебелью, обитою давно высохшею, пожелтѣвшею кожею.

— Сейчасъ, сейчасъ приведите его! съ лихорадочнымъ волненіемъ проговорилъ молодой человѣкъ, сбрасывая на диванъ даху и соболью шапку.

Смотритель вышелъ. Кушнаревъ нервно заходилъ по комнатѣ, ероша обѣими руками свои длинные спутавшіеся отъ дороги волосы. Мысли его были сосредоточены на одномъ — узнать, какъ можно скорѣе, гдѣ спряталъ злодѣй Ползуновъ трупъ его обожаемаго, трагически погибшаго отца.

„Наконецъ-то, наконецъ я разрѣшу загадку, несказанно томившую меня въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ", съ сердечнымъ трепетомъ думалъ Семенъ Петровичъ, быстро шагая изъ угла въ уголъ. „Наконецъ-то будетъ сброшена таинственная, непроницаемая завѣса съ ужаснаго преступленія!.. Боже мой, я узнаю подробности страшной смерти отца!.. Нѣтъ, не надо этихъ адскихъ подробностей!.. Зачѣмъ бередить сердце, для чего терзаться мучительными воспоминаніями?.. Мое воображеніе уже достаточно измучило меня, рисуя мнѣ ужасающія картины смерти отца, картины, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ и кровь застывала въ жилахъ... Нѣтъ, не надо никакихъ подробностей!.. Я знаю, что отецъ мой убитъ и ограбленъ Ползуновымъ и съ меня довольно... Теперь же я долженъ только узнать отъ злодѣя — куда онъ схоронилъ трупъ своей жертвы... Отцовскій прахъ уже давно ждетъ упокоенія по христіанскому обряду, и я обязанъ, во чтобы то ни стало,

исполнить свой сыновній долгъ. Сердце мое успокоится, душа перестанетъ томиться, какъ только будетъ розысканъ дорогой прахъ... Жизнь готовъ я отдать за этотъ прахъ!.. чуть не вскрикнулъ Кушнаревъ, охваченный глубокимъ волненіемъ.

Въ этотъ моментъ его мучительныя мысли были прерваны смотрителемъ, вошедшимъ въ комнату вмѣстѣ съ Ползуновымъ, руки котораго были связаны за спиной. Семенъ Петровичъ невольно вздрогнулъ при видѣ злодѣя и пылающимъ взоромъ быстро оглядѣлъ его невзрачную, словно пришибленную, фигуру. Ползуновъ вошелъ съ низко опущенною головою, точно приведенный на плаху. Всклокоченные волосы падали на лобъ и закрывали всю верхнюю часть худого, изможденнаго лица. Его узкія плечи нервно вздрагивали. Черезъ разорванный воротъ кумачевой рубахи виднѣлась впалая грудь, быстро колебавшаяся отъ судорожнаго, учащеннаго дыханія. Время отъ времени это дыханіе переходило въ глубокіе, тяжелые вздохи, при которыхъ опущенная голова Ползунова, совершенно уходила въ высоко приподнявшіяся плечи. Въ комнатѣ царила подавляющая тишина, нарушаемая только этими мучительными вздохами. Кушнаревъ молча стоялъ передъ злодѣемъ, не находя силъ задать роковой вопросъ. Глаза его туманились, голова кружилась. По всему его тѣлу пробѣгалъ нервный трепетъ. Судорожно сжатое горло пересохло до онѣмѣлости. Болѣе минуты Семенъ Петровичъ не могъ ни глотнуть, ни вымолвить слова. Смотритель недоумѣвалъ, но не смѣлъ нарушить тягостное молчаніе.

— Гдѣ ты скрылъ трупъ моего отца? спросилъ, наконецъ, Кушнаревъ хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ.

Ползуновъ сильно вздрогнулъ и, упавъ съ размаху на колѣни, тоскливо залепеталъ:

— Простите, батюшка Семенъ Петровичъ, простите!.. Нечистый попуталъ, нечистый душу мою загубилъ... И самъ не знаю, какъ все случилось... И не хотѣлъ зарѣзать, а сама рука поднялась...

— Молчи, молчи! мучительнымъ шепотомъ перебилъ Кушнаревъ злодѣя. — Не хочу этого знать... Не надо!.. Ты скажи только: куда дѣвалъ трупъ моего отца?.. Озолочу, если скажешь!..

— Въ дуплѣ спряталъ, въ дуплѣ, застоналъ Ползуновъ, стукаясь лбомъ въ полъ. — У самой этой дороги большое дуплистое дерево стоитъ: въ немъ и спряталъ... Десять верстъ въ сторону отвезъ, чтобы лучше концы схоронить... Хотѣлъ, чтобъ люди не думали на меня, чтобъ семья моя не была опозорена... Нарочно я и всю кибитку кровью выпачкалъ... Пущай, думалъ я, и меня убитымъ считаютъ, пущай лучше жена и дѣти какъ по мертвецѣ убиваются, нежели какъ по злодѣѣ... Все-таки имъ было легче!.. Простите, батюшка Семенъ Петровичъ, простите!..

— Гдѣ же это дерево? продолжалъ Кушнаревъ задавать вопросы тѣмъ же хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ.

— У самой, какъ ни на есть, дороги...

— У какой?

— У проселка, что въ тайгу ведетъ...

— Такихъ проселковъ съ полдюжины поблизости наберется, вмѣшался станціонный смотритель. — Ты укажи толково, чтобъ разыскать можно было.

Ползуновъ приподнялъ голову и тупо уставился на смотрителя. Глаза его были какіе-то мутные и безжизненные.

— Какъ тутъ указать? право не знаю, пробормоталъ онъ въ недоумѣніи. — Свернулъ я въ проселокъ — тамъ и спряталъ... Ночью это было... Гналъ я тройку вскачь: все опасался, чтобъ съ мертвымъ тѣломъ кто не накрылъ... Страшно было!. Ухъ какъ страшно!.. Наткнулся я на это дерево случаемъ — чуть кибитку объ него на раскатѣ въ дребезги не разбилъ... Лѣвымъ отводомъ такъ ударился, что искры изъ глазъ посыпались, едва на облучкѣ удержался... А лѣвая пристяжная въ ямину какую-то попала и по самое брюхо въ снѣгу увязла... Коренникъ умный былъ: самъ остановился. .

Началъ я лошадь изъ ямины высвобождать—гляжу дупло, большущее такое... Мѣсяцъ прямо въ него свѣтитъ... Тутъ я и догадался убитаго въ дупло спрятать... Запихалъ я его и дальше поскакалъ, а черезъ часъ на этихъ разбойниковъ нарвался... Они и помогли мнѣ потомъ все дѣло такъ построить, чтобъ концовъ не видать было... Изъ одной лошади крови цѣлое ведро напустили и ею всю кибитку вымазали...

— Не это я знать хочу! нервно перебилъ Кушнаревъ Ползунова.—Можешь то дерево указать или нѣтъ?

— Еслибъ самому поѣхать...

— Завтра съ разсвѣтомъ поѣдемъ вмѣстѣ и будемъ искать энергично и рѣшительно вымолвилъ Кушнаревъ.

— Возьмите съ собой Кривого Ворона — здѣшнія мѣста ему хорошо извѣстны, предложилъ смотритель.— Не лишнее бы еще одного ямщика на всякій случай прихватить, добавилъ онъ, понизивъ голосъ до шепота, чтобы не слыхалъ Ползуновъ.

— Зачѣмъ? удивился Кушнаревъ.

— За нимъ приглядѣть не мѣшаетъ, мотнулъ смотритель головой по направленію къ злодѣю, продолжавшему стоять на колѣняхъ. — Съ этимъ народомъ надо держать ухо востро: сегодня онъ повинную проситъ, а завтра наровитъ удрать при первой возможности... Немало потомъ хлопотъ будетъ изловить его...

— Хорошо, я возьму еще ямщика по вашему указанію, согласился Кушнаревъ и затѣмъ добавилъ тихо:— уведите его — онъ мнѣ не нуженъ...

VI.

Семенъ Петровичъ провелъ ночь въ тревожномъ раздумьѣ, не смыкая глазъ. Его преслѣдовала неотвязчивая мысль: „удастся ли разыскать импровизированную злодѣемъ позорную могилу отца“? Онъ терзался вполнѣ понятными сомнѣніями. Ему было ясно, что память измѣнила Ползунову, дѣйствовавшему притомъ пять лѣтъ

тому назадъ подъ впечатлѣніемъ неотразимаго страха. Разсвѣтъ засталъ Кушнарева бодрствующимъ. Онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія выѣхать на розыски какъ можно скорѣе. Нѣсколько уже разъ онъ подходилъ къ полузамерзшему окну и, прижавшись горячимъ лбомъ къ холодному стеклу, пытливо всматривался въ первые проблески утренней зари. Ямщики закопошились на дворѣ, когда было еще темно. Хлопая дверьми, они зашнырями между ямщицкой и конюшней, готовя лошадей для предстоящей почтовой гоньбы. Кушнаревъ чутко прислушивался къ ихъ тяжелымъ шагамъ, къ скрипу сухого снѣга, къ звонкому ржанію и другимъ звукамъ просыпавшейся почтовой станціи. Съ каждымъ получасомъ звуки эти росли и множились. Откуда-то донесся протяжный крикъ пѣтуха и слился съ сиплымъ лаемъ, охрипшей отъ холода, дворовой собаки. Раздался топотъ лошадиныхъ копытъ по деревянному полу конюшни. Послышалось бойкое перекрикиванье ямщиковъ: то Петруха звалъ для чего то Семена, то Семенъ кликалъ Кривого Ворона, то староста отдавалъ властнымъ голосомъ какія-то приказанія. Вотъ вышелъ на крыльцо, въ сильно потертой дахѣ, станціонный смотритель и, размахивая руками, сталъ, въ свою очередь, распоряжаться подвластными людьми. Спустя нѣсколько минутъ онъ скрылся и вскорѣ появился въ комнатѣ для проѣзжающихъ прилизанный, гладко выбритый и застегнутый на всѣ пуговицы, точно являлся къ какому нибудь начальству. Его лоснящееся, одутловатое отъ продолжительнаго пьянства лицо, дышало низкопоклонствомъ и подобострастіемъ.

— Не прикажете ли, Семенъ Петровичъ, подать самоварчикъ? спросилъ смотритель вкрадчивымъ, льстивымъ теноркомъ.

— Чаю мнѣ не хочется пить... Я хотѣлъ бы поскорѣе выѣхать на розыски, нетерпѣливо проговорилъ молодой человѣкъ.

— Я уже приказалъ запречь лучшую тройку въ

легонькую кошевочку: она будетъ значительно поуже вашей кибитки и всякимъ проселкомъ свободно проѣдетъ... Кошевочка моя собственная, исключительно для вашей милости, чтобъ не тѣсно было. Ползуновъ же съ двумя ямщиками поѣдетъ впереди въ другой кошевѣ: онъ будетъ дорогу указывать, а ваша милость за нимъ слѣдкомъ... Такъ, я думаю, хорошо будетъ? Роспорядился, кажется, недурно, батюшка Семенъ Петровичъ? со слащавой улыбочкой доложилъ смотритель..

— Вполнѣ хорошо, одобрилъ Кушнаревъ,— но когда я могу выѣхать?..

— Черезъ четверть часа все будетъ готово: къ тому времени и посвѣтлѣе станетъ... Съ вашей милостью Кривой Воронъ поѣдетъ, а съ Ползуновымъ — Семенъ Глѣбовъ и Петръ Расторгуевъ — люди отлично благонадежные, продолжалъ докладывать смотритель о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. —А счастливъ этотъ Кривой Воронъ, перескочилъ онъ вдругъ на другую тему, ласкательно заглядывая въ глаза молодому человѣку. — Удивительно счастливъ!.. Всѣ завидуютъ ему, что онъ такую щедрую награду отъ вашей милости заслужилъ...

— Да, да, я пообѣщалъ ему тысячу рублей, если онъ догонитъ разбойничью кошеву, вспомнилъ Кушнаревъ.

— И неужели, батюшка Семенъ Петровичъ, вы такъ и отвалите ему такую уйму денегъ? съ нескрываемою завистью воскликнулъ смотритель.

— Я не имѣю обыкновенія бросать свои обѣщанія на вѣтеръ... Кривой Воронъ получитъ заслуженную тысячу сейчасъ же...

Смотритель, охваченный невольнымъ порывомъ гадкаго, завистливаго чувства, даже присѣлъ и звонко всплеснулъ руками:

— Да онъ съ ума сойдетъ отъ такихъ деньжищъ! Онъ пропьетъ ихъ въ первомъ кабакѣ!

— Это его дѣло, сухо проговорилъ Кушнаревъ,— а мое дѣло — немедленно выдать обѣщанную награду.

Спустя секунду онъ добавилъ нѣсколько смягченнымъ тономъ:

— Я никого не забуду, если удастся разыскать тѣло отца моего, всѣхъ награжу по царски.

— Разыщете, непремѣнно разыщете, съ радостною увѣренностью произнесъ смотритель, предвкушая щедрую получку. — Господь поможетъ вамъ!

— Кажется, кто-то ѣдетъ сюда? насторожился Семенъ Петровичъ. — Слышите?

Дѣйствительно, со стороны Кяхты донесся отчетливый звонъ на диво подобранныхъ колокольцевъ. Звонъ быстро приближался.

Смотритель бросился къ окну, зоркимъ, привычнымъ глазомъ взглянулъ на дорогу и скороговоркой доложилъ:

— Становой съ казаками ѣдетъ... Во весь духъ жаритъ!

И затѣмъ подумалъ про себя: „чуетъ, видно, своимъ длиннымъ носомъ, что стоющее дѣльце наклевывается".

Кушнаревъ досадливо повелъ плечами:

— Ну, вотъ, дождались!.. Начнутся теперь разныя задержки: подъемъ мертвыхъ тѣлъ, допросы, протоколы и тому подобная полицейская канитель.

— Для кого задержки и канитель, а для вашей милости иное будетъ. Вамъ стоитъ только пожелать, и все запляшетъ по вашей золотой дудкѣ, съ циничною откровенностью пробормоталъ смотритель, выбѣгая изъ комнаты на встрѣчу прибывшаго начальства.

„Приму къ свѣдѣнію слова этого пьянчужки", подумалъ молодой человѣкъ, роясь въ своемъ дорожномъ погребцѣ изящной, роскошной работы.

VII.

— Мое вамъ нижайшее почтеніе, высокоуважаемый Семенъ Петровичъ! какимъ-то восторженнымъ тономъ произнесъ толстенькій, маленькій человѣчекъ съ густыми,

щетинистыми усами и непомерно длиннымъ, сизымъ носомъ, стремительно влетая въ комнату для проѣзжающихъ. Человѣкъ былъ въ форменномъ растегнутомъ сюртукѣ и и въ высокихъ мѣховыхъ сапогахъ со шпорами. Его кругленькое брюшко было обтянуто теплымъ жилетомъ, на которомъ красовалась массивная золотая цѣпочка отъ часовъ со множествомъ разнообразныхъ брелоковъ. Въ лѣвой рукѣ человѣчекъ держалъ засаленную фуражку съ кокардой и съ удивительно большимъ козырькомъ. Подъ мышкой у него виднѣлся портфель. Съ боку торчала сильно помятая шпага, повѣшенная, сквозь прорѣзъ сюртука, на темнокрасной муаровой портупеѣ, эффектно лежавшей на жилетѣ въ видѣ орденской ленты черезъ плечо.

Кушнаревъ встрѣтилъ становаго съ дипломатическою любезностью. Крѣпко пожавъ протянутую руку, украшенную драгоцѣнными перстнями, онъ проговорилъ съ принужденною улыбкою:

— Весьма радъ васъ видѣть, почтеннѣйшій Иванъ Сидоровичъ. Вы проявляете изумительную служебную энергію. Я никакъ не ожидалъ, что вы прискачете такъ скоро. Удивительная быстрота!

— Я всегда таковъ: одна нога здѣсь, другая—тамъ, началъ бахвалиться становой.—По четыреста верстъ въ сутки дѣлаю, когда понадобится, безъ устали скачу день и ночь, не ѣмъ, не пью, не сплю—разъ того требуетъ долгъ службы. Для меня служба на первомъ планѣ... Законникъ я, законникъ! Отъ закона не на іоту не отступлю... Никому никакой поблажки! Всѣ у меня передъ закономъ равны.

„Вотъ тебѣ на!" печально подумалъ Кушнаревъ. „Пожалуй и Ползунова со мной не отпуститъ? Вѣдь это противозаконно..."

Становой, достаточно расхваливъ себя, затараторилъ на другую тему, не давъ молодому человѣку вымолвить слова:

— Ахъ высокоуважаемый Семенъ Петровичъ, какой

вы герой, легендарный герой! Цѣлую шайку вооруженныхъ разбойниковъ одинъ захватили!.. Слышалъ батюшка мой, все слышалъ. Мнѣ староста все разсказалъ: какъ вы разбойничью кошеву преслѣдовали и какъ собственноручно этого мерзавца Ползунова связали. Смѣло, смѣло! За такой подвигъ вамъ бы Георгія слѣдовало повѣсить да не въ петлицу, а прямо на шею... Заслужили, вполнѣ заслужили!.. А этотъ негодяй Ползуновъ, какую штуку со всѣми нами выкинулъ, какъ ловко надулъ насъ!.. Всѣ считали его зарѣзаннымъ, а онъ, поди-жъ вотъ, самъ проѣзжихъ рѣзалъ и по большимъ дорогамъ грабилъ... Да за такое дѣло его надо повѣсить, непремѣнно повѣсить! Я буду настаивать, чтобы его судили по законамъ военнаго времени, въ примѣръ прочимъ ямщикамъ. Я уже приказалъ заковать его въ кандалы и сейчасъ отправлю въ городъ подъ сильнымъ конвоемъ. Ползуновъ — чрезвычайно важный преступникъ! Для него каторги мало...

— Позвольте, почтеннѣйшій Иванъ Сидоровичъ, попросить васъ объ одномъ одолженіи, мягко перебилъ Кушнаревъ расходившагося становаго.

— Къ вашимъ услугамъ, высокоуважаемый Семенъ Петровичъ, галантно расшаркался становой, ловко щелкая шпорами. — Все, что угодно! По одному мановенію вашей длани готовъ промчаться на почтовыхъ безъ отдыха сто тысячъ верстъ!.. Готовъ не ѣсть, не пить, кувыркаться, прыгать, плясать, плакать, смѣяться... Все, что угодно! Вы наша опора, надежда и гордость!..

Кушнаревъ невольно усмѣхнулся при этомъ неожиданномъ потокѣ лакейскихъ словъ, выпаленныхъ становымъ съ необычайнымъ пафосомъ. Въ немъ воскресла надежда убѣдить законника совершить беззаконіе — отпустить съ частнымъ лицомъ злодѣя, достойнаго за свои преступленія самой лютой казни.

— Итакъ, вы исполните мою просьбу? спросилъ молодой человѣкъ невольно заискивающимъ тономъ.

— Не одну, а сто тысячъ милліоновъ, всевозмож-

ныхъ просьбъ! предупредительно воскликнулъ Иванъ Сидоровичъ.

— Я хочу сейчасъ поѣхать на розыски тѣла своего отца или, вѣрнѣе сказать, его праха, рѣшительно проговорилъ Кушнаревъ.—Отпустите со мной Ползунова—онъ укажетъ...

— Вы просите Ползунова отпустить съ вами! ужаснулся становой, дико таращa глаза.—Вы хотите ѣхать съ разбойникомъ въ какую-то трущобу?.. А если онъ убѣжитъ?.. Кто будетъ отвѣчать? Я-съ, высокоуважаемый Семенъ Петровичъ, я-съ! Меня отдадутъ подъ судъ, меня-съ! За такое беззаконіе я потеряю все—и службу, и чины, и права, мнѣ присвоенныя, и даже честь! Въ каторгу меня сошлютъ... разстрѣляютъ... повѣсятъ... Конечно, ради васъ я готовъ вынести всевозможныя земныя муки какъ физическія, такъ и нравственныя, но...

Иванъ Сидоровичъ запнулся и скорбно поникъ головой. Онъ хотѣлъ спросить: „кто вознаградитъ меня?“ но не рѣшился высказать свою затаенную мысль, предоставляя собесѣднику догадаться о ней. Кушнаревъ и догадался.

— Ползуновъ не убѣжитъ, увѣренно вымолвилъ молодой человѣкъ, — а чтобы вамъ не было безъ него скучно — оставляю въ ваше полное распоряженіе свой дорожный погребецъ... Что найдете въ немъ—все ваше, многозначительно намекнулъ онъ.

Становой просіялъ, высоко приподнялъ опущенную голову и съ оживленіемъ воскликнулъ:

— Дѣлайте, что знаете, высокоуважаемый Семенъ Петровичъ. Все къ вашимъ услугамъ! Если угодно возмите съ собой и моихъ казаковъ.

Кушнаревъ отказался:

— Благодарю васъ—они мнѣ не нужны. Я беру съ собой трехъ ямщиковъ, которые и присмотрятъ за Ползуновымъ: онъ не сбѣжитъ отъ нихъ — ручаюсь за это головой. Вы можете быть совершенно спокойны, что васъ не разстрѣляютъ и не повѣсятъ, усмѣхнулся молодой человѣкъ, торопливо одѣвая даху.

— Позвольте, я помогу вамъ, стремительно подскочилъ Иванъ Сидоровичъ.

— Ахъ, не безпокойтесь, пожалуста, сконфузился Кушнаревъ, уклоняясь отъ лакейскихъ услугъ черезчуръ любезнаго станового.

VIII.

Спустя нѣсколько минутъ со двора почтовой станціи выѣхали двѣ троечныхъ кошевки и лихо понеслись къ темнѣвшемуся вдали сосновому бору. Въ передней кошевѣ ѣхалъ Ползуновъ съ ямщиками Глѣбовымъ и Расторгуевымъ, подъ присмотръ которыхъ разбойникъ былъ отданъ. Во второй кошевкѣ сидѣлъ Кушнаревъ съ Кривымъ Ворономъ, сіявшимъ отъ восхищенія вслѣдствіе получки баснословной награды за вчерашнюю гоньбу. Награда эта была вручена ему передъ самымъ отъѣздомъ на поиски въ присутствіи всего населенія почтовой станціи, глядѣвшаго съ завистью и разинувшаго рты, какъ отсчитывалъ Кушнаревъ сотенными бумажками обѣщанный кушъ денегъ. Кривой Воронъ ошалѣвшій отъ нежданнаго счастья, принималъ красивые кредитные билеты съ невольнымъ трепетомъ и глубокимъ волненіемъ. Ему казалось, что онъ видитъ дивный сонъ. Его единственный глазъ вращался съ какимъ-то дикимъ недоумѣніемъ, разглядывая удивительныя, невиданныя краски сторублевокъ, отливавшихъ на утреннемъ солнцѣ подобно чудной радугѣ. Первое время онъ не зналъ, что дѣлать съ полученными кредитными билетами: держать ихъ голой рукой на морозѣ было холодно, а смять и засунуть куда либо онъ не рѣшался да и жаль было. Эта наивная нерѣшительность вызвала ѣдкія насмѣшки со стороны казаковъ и ямщиковъ, которые никакъ не могли переварить въ своемъ завистливомъ сердцѣ получку счастливымъ Кривымъ Ворономъ такой громадной суммы.

— Полно, ребята, глумиться надъ чужимъ счастьемъ, съ юморомъ вступился Иванъ Сидоровичъ, пребывавшій въ сладостныхъ мечтахъ о томъ, что онъ найдетъ въ дорожномъ погребцѣ щедраго коммерсанта.—А ты, паря, не распускай возжей, обратился становой къ Кривому Ворону,—складывай денежки и запихивай ихъ въ рукавицу либо за пазуху.

Кривой Воронъ принялъ совѣтъ начальства къ свѣдѣнію и поспѣшно спряталъ деньги въ рукавицу, затѣмъ не спѣша разобралъ вожжи, гикнулъ на тройку и лихо вынесся за ворота, гдѣ сталъ поджидать другую кошеву, лошадьми которой правилъ Ползуновъ. Глѣбовъ и Расторгуевъ помѣстились сзади и зорко слѣдили за разбойникомъ, чтобы тотъ не выкинулъ какой либо штуки. Такъ распорядился станціонный смотритель съ цѣлью упрощенія розыска злополучнаго, дуплистаго дерева.

Ползуновъ сидѣлъ на облучкѣ сгорбившись, съ унылымъ видомъ человѣка, приговореннаго къ смерти. Помутившіеся глаза его тоскливо глядѣли въ одномъ направленіи, черезъ расписную дугу коренника. По совѣту того же смотрителя онъ рѣшилъ начать поиски съ мѣста перваго злодѣянія, толкнувшаго его на дальнѣйшую разбойничью жизнь. Мѣсто это оказалось, по странной случайности, въ той же части лѣса, гдѣ накануне былъ ограбленъ неизвѣстный проѣзжій, вмѣсто намѣченнаго злодѣями, молодого Кушнарева.

— Глядите, батюшка Семенъ Петровичъ, указалъ Кривой Воронъ,—тотъ-то все еще посреди дороги лежитъ, а ямщикъ, какъ сидѣлъ вчерась на облучкѣ, такъ и посейчасъ сидитъ горемычный...

Кушнаревъ съ содраганіемъ взглянулъ впередъ, но тотчасъ же завернулся въ даху, справедливо досадуя въ душѣ на непростительную мѣшкотность становаго, кейфовавшаго на почтовой станціи. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кошевка остановилась, и вслѣдъ затѣмъ послышался сдержанный говоръ ямщиковъ. Молодой человѣкъ высвободилъ изъ воротника, только что спря-

танное лицо и съ любопытствомъ осмотрѣлся. Обѣ кошевки стояли рядомъ въ недалекомъ разстояніи отъ ограбленнаго проѣзжаго, рѣзко выдѣлявшагося на снѣгу. Широко раскинувъ руки, мертвый, казалось, преграждалъ путь, желая схватить смѣльчаковъ въ свои закоченѣвшія объятія. Легкій вѣтерокъ зловѣще игралъ его длинными всклокоченными волосами и шевелилъ лохмотья разорванной, въ предсмертной борьбѣ, рубахи.

— Ползуновъ не хочетъ дальше ѣхать, тихо доложилъ Кривой Воронъ, обернувшись къ Кушнареву. — Бросилъ вожжи, легъ ничкомъ на дно кошевки и воетъ...

— Не могу, не могу, не могу! раздался стонущій голосъ Ползунова, преисполненный невыразимой душевной муки и ужаса.—Нѣтъ моченьки мимо ихъ проѣхать... Глядятъ они на меня, глядятъ!.. Охъ, страшно, страшно!.. Всѣ глядятъ!..

— Проѣдемъ и безъ него, храбро вымолвилъ Глѣбовъ, разбирая вожжи. — Эй, вы, милыя! крикнулъ онъ на лошадей. Тѣ рванулись впередъ и пошли легкою рысью, ежесекундно фыркая и пугливо шевеля настороженными ушами.

Кривой Воронъ осторожно тронулъ свою тройку слѣдомъ, вытянувъ вожжи въ тугую.

— Не могу, не могу!.. Охъ, братцы, не могу! продолжалъ стонать Ползуновъ, корчась на днѣ кошевы, словно лежалъ на раскаленныхъ угольяхъ... — Помру, сейчасъ помру!.. Охъ-хо-хо!..

Тройка Глѣбова бѣжала, пугливо косясь въ сторону убитаго, котораго приходилось объѣзжать почти вплотную. Поровнявшись съ трупомъ, лошади неожиданно чего-то устрашились и разомъ понесли во весь карьеръ, увлекая за собою и тройку Кушнарева, несмотря на энергичныя усилія Кривого Ворона, намотавшаго вожжи на руки. Напрасно Глѣбовъ старался сдержать лошадей, закусившихъ удила. Онѣ мчались съ поразительной быстротой, сильно встряхивая кошевку на ухабахъ. Ползуновъ, судорожно вцѣпившись въ рогожную обивку

кошевы, продолжалъ корчиться и стонать хриплымъ голосомъ.

— Охъ, братцы, за нами они гонятся, за нами!.. Вотъ, вотъ они!.. Душу мою сейчасъ вырвутъ и унесутъ!.. Вырвутъ, вырвутъ!..

Въ этотъ моментъ тройка сдѣлала крутой поворотъ. Кошева раскатилась и моментально перевернулась, выбросивъ въ глубокій снѣгъ трехъ сѣдоковъ, причемъ Глѣбова, запутавшагося въ вожжахъ, обезумѣвшія лошади потащили дальше. Все скрылось въ облакахъ сухой, льдистой пыли...

Кривой Воронъ миновалъ опасный поворотъ, благодаря своей опытности, вполнѣ благополучно, но остановить лошадей не могъ — онѣ продолжали мчаться за первой тройкой, волочившей по мягкому снѣгу нисколько не потерявшагося Глѣбова. Послѣдній, приподнявъ немного голову, крѣпко держался за вожжи, бороздя спиной пушистую пелену дороги. Мохнатая козья даха, мѣховой малахай и валенки, обшитыя прочной кожей, предохраняли ямщика отъ ушибовъ и толчковъ на ухабахъ...

IX.

Промчавшись версты три, Глѣбовская тройка, наконецъ, остановилась. Кривой Воронъ, нагнавъ ее, свободно сдержалъ значительно успокоившихся лошадей. Кушнаревъ, слѣдившій съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми перипетіями безумнаго бѣга передней тройки, быстро выскочилъ изъ кошевы и подбѣжалъ къ Глѣбову, только что поднявшемуся на ноги.

— Что, расшибся? тревожно спросилъ молодой человѣкъ, оглядывая ямщика съ головы до ногъ.

— Ни чуточки, отвѣтилъ тотъ съ нѣкоторымъ бахвальствомъ и началъ съ напускнымъ хладнокровіемъ поправлять на лошадяхъ сбившіяся на бокъ шлеи.

— А Ползунова и Расторгуева нѣтъ здѣсь! съ безпокойствомъ напомнилъ Кривой Воронъ.

— Въ самомъ дѣлѣ где Ползуновъ? съ испуганнымъ недоумѣніемъ воскликнулъ Кушнаревъ, растерянно заглядывая въ кошеву, стоявшую на полозьяхъ.

— Вотъ тебѣ на—сгинулъ! глупо пробормоталъ Глѣбовъ, озираясь во всѣ стороны.

— Батюшка, Семенъ Петровичъ, намъ надо назадъ ѣхать: они, видно, на заворотѣ изъ кошевы выпали, догадался Кривой Воронъ.

— Да, да, назадъ... Скорѣй, скорѣй! засуетился Кушнаревъ.—О, Господи, сбѣжитъ онъ, сбѣжитъ!.. Что я буду тогда дѣлать?

— Далеко не убѣжитъ — изловимъ, успокоительно вымолвилъ Кривой Воронъ, поворачивая тройку.—Гайда за мной! крикнулъ онъ Глѣбову, пуская лошадей полною рысью.

„Боже мой, меня преслѣдуютъ постоянныя неудачи", съ болѣзненной тревогой думалъ Семенъ Петровичъ, пристально всматриваясь впередъ. „Сколько уже разъ я считалъ себя достигающимъ цѣли и всегда встрѣчалъ какое-нибудь неожиданное препятствіе... Все складывается противъ меня, рѣшительно все!.. Видно, Господу не угодно, чтобы я выполнилъ свою завѣтную мечту—отыскать прахъ обожаемаго отца и съ честью похоронить его въ фамильномъ склепѣ... Почему, почему же?.. Я ропщу... Смѣю ли я роптать, смѣю ли сѣтовать на Бога!.. Все въ Его святой волѣ... Господи, помоги же! Господи, поспѣши же на помощь!" горячо прошепталъ молодой человѣкъ, охваченный порывомъ религіознаго экстаза.

— Батюшка, Семенъ Петровичъ, вонъ Расторгуевъ на встрѣчу идетъ, ткнулъ Кривой Воронъ рукавицей по направленію едва замѣтной фигуры какого-то человѣка, тяжело шагавшаго по дорогѣ.

Кушнаревъ встрепенулся:

— А ты почемъ знаешь, что это Расторгуевъ?

— По малахаю и дахѣ узналъ, лаконически отвѣтилъ Кривой Воронъ, подгоняя лошадей.

— Гдѣ же Ползуновъ?

— А вотъ сію минутку узнаемъ... Эй, вы, милыя, выручайте!

Тройка быстро скрадывала разстояніе, отдѣлявшее ее отъ пѣшехода. Вскорѣ Кушнаревъ убѣдился, что зоркоглазый Кривой Воронъ былъ правъ, признавъ въ пѣшеходѣ Расторгуева. Не болѣе, какъ черезъ три минуты, кошева остановилась.

— Гдѣ Ползуновъ? въ одинъ голосъ спросили Кушнаревъ и Кривой Воронъ приблизившагося ямщика, бывшаго въ какомъ-то возбужденіи.

— Убѣжалъ въ лѣсъ!.. Натерпѣлся я страху вдосталь, началъ разсказывать Расторгуевъ, жестикулируя руками.—Опрокинулись этта мы прямо головами въ сугробъ: насилу высвободился... Протеръ я свои глаза и вижу: приподнимается изъ снѣгу Ползуновъ, словно мертвецъ изъ могилы – глаза вытаращенные, волосы дыбомъ стоятъ... Взглянулъ этта онъ на меня да какъ завопитъ нечеловѣческимъ голосомъ: „уйди отъ меня, нечистый, уйди!..“ Я даже присѣлъ отъ страха... Опосля онъ повернулся и прямехонько въ лѣсъ шарахнулъ. Бѣжать за нимъ я побоялся — одно слово разбойникъ... Видѣлъ я только, какъ онъ то утопалъ въ снѣгу по самый поясъ, то выкарабкивался, то падалъ, то опять поднимался, уходя все дальше и дальше въ чащу...

— Убѣжалъ, убѣжалъ! со стономъ воскликнулъ Кушнаревъ, хватаясь за голову.

— Не извольте убиваться, батюшка Семенъ Петровичъ, успокоительно проговорилъ Кривой Воронъ. — Я уже вамъ сказалъ, что злодѣй далеко не убѣжитъ — изловимъ его, такъ оно и будетъ! съ увѣренностью кончилъ онъ.

— Да какъ же мы его изловимъ? гдѣ розыщемъ? съ мучительной тревогой прошепталъ Кушнаревъ.

— Изловить его очень просто: пойдемъ по слѣдамъ

и изловимъ... Вѣрно мое слово!.. Не сумлевайтесь батюшка Семенъ Петровичъ... Сегодня же злодѣй будетъ опять въ нашихъ рукахъ.

— Дай-то, Господи! воскликнулъ молодой человѣкъ, успокоенный рѣшительнымъ тономъ Кривого Ворона.

X.

Расторгуевъ усѣлся въ свою кошеву и тройки тронулись дальше. Вскорѣ они достигли злополучнаго крутого заворота дороги, гдѣ такъ неожиданно опрокинулась одна изъ кошевокъ. Остановивъ лошадей, Кривой Воронъ началъ развивать свой планъ преслѣдованія, скрывшагося въ лѣсу, разбойника.

— Съ тройками останутся Глѣбовъ и Расторгуевъ, а мы, я да ваша милость, отправимся по слѣдамъ. Дахи надо оставить здѣсь, потому что жарко въ нихъ будетъ при ходьбѣ по лѣсу. Пойдемъ въ однихъ полушубкахъ. Писталетъ свой незабудьте прихватить — можетъ понадобится... А я топоръ за кушакъ заткну — неровенъ часъ какого нибудь непутящаго медвѣдя изъ берлоги поднимемъ, такъ было бы чѣмъ съ Потапычемъ раздѣлаться... Я пойду впереди, а вы — слѣдомъ...

— Отлично! энергично одобрилъ Кушнаревъ незамысловатый планъ браваго ямщика, торопливо снимая свою роскошную даху и передавая ее подошедшему Глѣбову. Молодой человѣкъ остался въ легкомъ щегольскомъ полушубкѣ и въ высокихъ медвѣжьихъ сапогахъ. За шелковымъ кушакомъ торчалъ у него превосходный револьверъ, только что вытащенный изъ бокового кармана дахи.

— Пойдемте съ Богомъ, промолвилъ Кривой Воронъ и набожно трижды перекрестился.

Семенъ Петровичъ, снявъ соболью шапку, послѣдовалъ христіанскому примѣру своего спутника.

— Какъ бы не увязнуть вамъ въ снѣгу безъ лыжъ! Въ лѣсу, вѣдь, не умятая цѣлина идетъ, счелъ нужнымъ

предостеречь преслѣдователей Расторгуевъ, молча слѣдившій до сихъ поръ за приготовленіями въ рискованное путешествіе по дѣвственной чащѣ.

— Раньше насъ увязнетъ Ползуновъ, резонно замѣтилъ Кривой Воронъ, — а дальше его мы, вѣдь, не пойдемъ.

— А долго ли ждать васъ здѣсь? поинтересовался Глѣбовъ, любившій полежать на теплой печи.

Кривой Воронъ, дойдя до лѣсной опушки, остановился и почесалъ въ затылкѣ, будучи не въ силахъ разрѣшить неожиданный и мудреный, по его мнѣнію, вопросъ.

— Какъ прикажете, батюшка Семенъ Петровичъ? обратился онъ къ Кушнареву и затѣмъ добавилъ: — мнѣ думается —одному Богу извѣстно, когда сюда вернемся... Можетъ быть черезъ часъ, можетъ черезъ пять, а можетъ и заночевать въ лѣсу придется. Вѣдь мы не знаемъ, какъ далеко зашелъ Ползуновъ...

— А ѣсть-то что будешь, если надолго уйдешь? съ невольной усмѣшкой спросилъ Расторгуевъ. — Также и то надо подумать, что мы съ лошадьми замерзнемъ здѣсь, если до завтра ждать придется...

— Относительно ѣды не безпокойся, отпарировалъ Кривой Воронъ первый ударъ, —я прихватилъ съ собой краюху хлѣба, если его милость не побрезгуетъ, а вотъ что касается послѣдняго твоего слова, такъ пущай батюшка Семенъ Петровичъ разрѣшитъ.

— Я право и самъ не знаю, смущенно проговорилъ Кушнаревъ, но, немного подумавъ, рѣшительно добавилъ:—а, впрочемъ, самое лучшее установить на этомъ мѣстѣ непрерывное дежурство троекъ. Ты, Расторгуевъ, жди здѣсь насъ до полудня, а ты, Глѣбовъ, поѣзжай на станцію и попроси смотрителя высылать сюда очередныя тройки, пока мы не вернемся, черезъ каждые четыре часа. Такъ, я думаю, хорошо будетъ?

— Расчудесно! обрадовался Кривой Воронъ простому разрѣшенію мудренаго вопроса.

— Очень хорошо будетъ,—согласились другіе два ямщика.

— Помните, молодцы, всѣмъ награда будетъ, когда дѣло свое кончу, внушительно продолжалъ молодой человѣкъ.—Никого изъ васъ не забуду.

— Рады стараться, батюшка Семенъ Петровичъ! единодушно крикнули ямщики, низко кланяясь.

— Ну, молодецъ, обратился Кушнаревъ къ своему спутнику, — шагай съ Богомъ, а я за тобой. Время дорого!

Кривой Воронъ не заставилъ ждать. Быстро разыскавъ слѣды Ползунова, онъ смѣло погрузился въ рыхлый снѣгъ свыше колѣнъ и быстро нырнулъ подъ пушистую сѣнь таинственнаго лѣса. Кушнаревъ утопая въ сугробахъ, шелъ слѣдомъ съ отчаянною энергіею человѣка, рѣшившагося на все, ради достиженія намѣченной цѣли. Проникнутый одною жгучею мыслью, во чтобы то ни стало, поймать бѣглеца, онъ упорно и стойко подвигался впередъ, съ трудомъ переставляя ноги, глубоко уходившія въ толстую снѣжную пелену. Переходъ съ дороги въ чащу оказался чрезвычайно тяжелымъ. Снѣгу въ этомъ мѣстѣ было особенно много. Каждый шагъ путники брали положительно съ бою, прилагая невѣроятныя усилія, чтобы подвинуться впередъ на какой нибудь аршинъ. Они боролись со снѣжными сугробами, словно утопавшіе въ вязкомъ болотѣ. Они старались преодолѣть препятствія то отважными прыжками, то ползкомъ, то совершенно распластавшись по зыбучей почвѣ ослѣпительной бѣлизны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они погружались въ снѣгъ буквально по горло, но тѣмъ не менѣе неустрашимо подвигались дальше и дальше, высвобождаясь изъ холодныхъ объятій грозно наступавшей смерти при помощи низко опустившихся вѣтвей лѣсныхъ великановъ. Цѣпко ухватившись за эти вѣтви обѣими руками, они, послѣ отчаянныхъ усилій, выволакивали свои погрузившіяся туловища на свободу и затѣмъ уже на мускулахъ дѣлали слѣдующій шагъ, ощупывая ногами болѣе или менѣе надежную опору...

По мѣрѣ углубленія въ лѣсъ, снѣгу становилось меньше и меньше, благодаря едва проницаемому своду,

свитому искустною природою изъ могучихъ древесныхъ вѣтвей. Идти стало значительно легче и безопаснѣе. Путники шли молча, какъ бы подавленные, царствовавшими въ чащѣ, полумракомъ и невозмутимою, угнетающею тишиною. Дѣйствительно, въ лѣсу господствовало поразительное безмолвіе. Гигантскія деревья, съ низко опущенными подъ тяжестью недавно выпавшаго снѣга вѣтвями, застыли, казалось, въ какой-то сказочной дремотѣ; ихъ мохнатыя вершины замерли на голубомъ фонѣ едва просвѣчивавшагося неба. Яркіе солнечные лучи затеривались гдѣ-то въ пространствѣ и только изрѣдка пробивались въ чащу, причудливо освѣщая толстые стволы лѣсныхъ великановъ... Съ каждымъ шагомъ дѣвственный боръ становился гуще, темнѣе и мрачнѣе. Деревья тѣснились больше и больше, словно старались преградить отважнымъ путникамъ дорогу въ таинственныя нѣдры необъятной гущи. Пышныя вершины, фантастически увѣшанныя роскошными, изумительно изящными снѣжными кружевами, образовали сплошной сводъ и совершинно затмили чудное дневное свѣтило...

Преслѣдователи пробирались среди дѣвственнаго зимняго лѣса съ величайшимъ трудомъ, чутко вслушиваясь въ окружающую ихъ и подавляющую тишину.

Кривой Воронъ упорно шелъ по яснымъ, глубокимъ слѣдамъ бѣглеца, повидимому метавшагося по чащѣ съ порывами паническаго ужаса и безумнаго отчаянія. То тамъ, то здѣсь попадались клочья изорванной дахи, печально повисшіе на острыхъ сукахъ. Нѣсколько далѣе, Кривой Воронъ поднялъ утерянную рукавицу, а пройдя еще версту приблизительно Кушнаревъ замѣтилъ въ сторонѣ, на снѣгу, какой-то темный предметъ, оказавшійся малахаемъ, какъ будто сорваннымъ съ головы бѣглеца одною изъ гибкихъ вѣтвей. Всѣ эти вещественные слѣды Ползунова чрезвычайно ободряли преслѣдователей и возбуждали въ нихъ еще бо́льшую энергію и бо́льшее желаніе нагнать разбойника. Они подвигались впередъ съ нервною настойчивостью, не чувствуя пока

особенной усталости. Несмотря на сильный морозъ, имъ было жарко отъ трудной ходьбы по глубокому снѣгу. Со лба катились крупныя капли пота и постепенно намерзали, въ видѣ сосулекъ, на усахъ и бородѣ... Но вотъ, съ теченіемъ времени, преслѣдователи начали изнемогать и ощущать потребность хотя въ краткомъ отдыхѣ. Эта потребность особенно стала проявляться въ болѣе рѣзкой формѣ въ тѣ минуты, когда путникамъ приходилось пробираться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь едва пролазную заросль. Съ величайшимъ трудомъ раздвигали они ослабѣвшими руками сплетшіяся вѣтви и чуть ли не ползкомъ выбивались на сравнительный просторъ, гдѣ можно было выпрямить, нывшія отъ усталости, спины. Обледенѣлыя вѣтви рѣзали рукавицы, больно хлестали по лицу и обсыпали сверху совершенно сухимъ снѣгомъ. Менѣе привычный Кушнаревъ началъ постепенно чувствовать непреодолимую потребность сдѣлать хотя короткій привалъ, о чемъ при случаѣ и высказался товарищу. Кривой Воронъ охотно согласился на передышку и зоркимъ глазомъ тотчасъ же выбралъ для того подходящее мѣсто подъ широковѣтвистой, столѣтней сосной. Чтобы не закоченѣть вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ усиленнаго движенія къ полному покою, опытный ямщикъ не замедлилъ развести подъ сосной яркій костеръ, фантастически освѣтившій таинственную лѣсную глушь...

XI.

Становой, узнавъ отъ возвратившагося Глѣбова о бѣгствѣ Ползунова, поднялъ на станціи невообразимую кутерьму. Несмотря на крупное подношеніе, найденное имъ въ дорожномъ погребцѣ щедраго коммерсанта, онъ разразился по адресу послѣдняго цѣлымъ потокомъ энергичныхъ и рѣзкихъ сѣтованій, рвалъ волосы на своей головѣ, теребилъ длинные усы и безтолково metался по просторной комнатѣ для проѣзжающихъ. Онъ упрекалъ

Кушнарева чуть ли не въ государственномъ преступленіи и пособничествѣ, совершенно забывъ въ гнѣвѣ, что захватъ шайки разбойниковъ свершился благодаря только неустрашимости этого молодого человѣка, вдругъ превратившагося, въ глазахъ взбѣсившагося Ивана Сидоровича въ „молокососа, волтеріанца, соціалиста и нигилиста".

Достаточно зло изругавъ за-очно Кушнарева, становой не оставилъ въ покоѣ и другихъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ побѣгу Ползунова. Прежде всего онъ удостовѣрился — на сколько крѣпко сидятъ зубы въ челюстяхъ злополучнаго Глѣбова, затѣмъ набросился на казаковъ, увлекшихся, какъ нарочно, въ ямщицкой хлесткой игрой въ носки. Раздѣлавъ подъ орѣхъ подчиненныхъ за то, что тѣ „не успѣли" заковать Ползунова въ кандалы, становой, охваченный неудержимымъ порывомъ бѣшенства, началъ колотить остальныхъ трехъ разбойниковъ, ежесекундно приговаривая съ пѣной у рта:

— Попробуйте-ка и вы у меня убѣжать! попробуйте, попробуйте!..

Вдосталь натѣшившись надъ закованными арестантами, онъ обратилъ свой безсмысленный гнѣвъ на всѣхъ ямщиковъ, визгливо выкрикивая по ихъ адресу самую площадную ругань. Накричавшись до хрипоты, онъ обрушился въ результатѣ на растерявшагося станціоннаго смотрителя и сталъ съ остервенѣніемъ упрекать его за то, что тотъ назначилъ въ конвой разбойнику Ползунову „какихъ-то идіотовъ и ротозѣевъ".

Наконецъ, становой вспомнилъ о своей персонѣ и вдругъ неистово завопилъ на всю станцію:

— Подъ судъ меня теперь, подъ судъ! Всю службу потерялъ изъ-за одного негодяя! На поселеніе сошлютъ!.. Всего лишатъ!..

Успокоивъ свою душу и сердце этимъ дикимъ воплемъ, Иванъ Сидоровичъ счелъ возможнымъ затихнуть и заняться серьезнымъ обдумываніемъ печальнаго случая. Временное умопомраченіе исчезло. Онъ началъ разсуждать и скоро увидѣлъ, что „дѣло" совсѣмъ не такъ

дурно, какъ казалось съ перваго раза, въ пылу начальственнаго негодованія. Напротивъ, оно было „совсѣмъ хорошо“, такъ какъ, по здравому разсужденію становаго, являлась возможность начать обильный ловъ рыбки въ мутной водѣ.

„Лишь бы ввести въ расходъ этого подлеца“, мелькнуло въ прояснившемся умѣ Ивана Сидоровича, а тамъ навѣрно польется въ мой карманъ золотой дождь изъ кошелька провинившагося купчика... Обдеру его какъ липку!..

Отъ этой пріятной мысли становой пришелъ въ благодушное настроеніе духа и уже спокойнымъ тономъ приказалъ казакамъ готовиться въ дорогу для запоздалаго подъема мертвыхъ тѣлъ. Одновременно онъ распорядился выслать для поимки бѣглеца всѣхъ свободныхъ ямщиковъ, поставивъ во главѣ ихъ одного, наиболѣе смѣтливаго и расторопнаго, казака. Вся эта ватага преслѣдователей выѣхала со станціи на двухъ подводахъ и вскачь понеслась къ сосновому бору по указанію сильно избитаго Глѣбова.

Спустя около получаса обѣ кошевы остановились возлѣ тройки дежурившаго и сильно скучавшаго Расторгуева. Руководитель облавы, казакъ Носковъ, тотчасъ же обратился къ послѣднему съ необходимыми, по его мнѣнію, разспросами:

— Когда бѣжалъ Ползуновъ и въ какую сторону? Куда направились баринъ Кушнаревъ и Кривой Воронъ? Что они задумали дѣлать?

Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія и ознакомившись со слѣдами какъ бѣглеца, такъ и преслѣдователей, Носковъ рѣшилъ со свойственною русскому человѣку быстрой смекалкой:

— Въ лѣсъ намъ не зачѣмъ идтить: Ползунова уже гонятъ тамъ по слѣдамъ двое. Мы же раздѣлимся: одна кошева пущай идетъ въ объѣздъ лѣса слѣва, а я, на другой, поѣду справа, по проселку. Разбойникъ навѣрно изъ чащи на дорогу выйдетъ, если въ лѣсу не успѣютъ

захватить его. Такимъ манеромъ устроимъ знатную облаву на хищнаго звѣря!..

Преслѣдователи раздѣлились, оставивъ Расторгуева съ тройкой на прежнемъ мѣстѣ, какъ распорядился Кушнаревъ. Было уже около полудня.

Носковъ съ двумя ямщиками поворотилъ обратно и вскорѣ свернулъ въ узкій проселокъ, затѣйливо извивавшійся между вѣковыми соснами, среди которыхъ изрѣдка попадались приземистыя, чрезвычайно толстыя ветлы. Снѣгу на дорогѣ было много, вслѣдствіе чего пришлось ѣхать шагомъ, что отчасти соотвѣтствовало намѣреніямъ Носкова—подвигаться впередъ съ оглядкою и съ должнымъ вниманіемъ.

— Тише ѣдешь — дальше будешь... Поспѣшишь — людей насмѣшишь, не безъ юмора успокаивалъ бравый казакъ своихъ товарищей, нѣсколько волновавшихся по случаю неожиданныхъ препятствій въ видѣ снѣжныхъ сугробовъ. — Куда дѣться ему теперь?.. Со всѣхъ сторонъ облапили его. Или въ наши руки попадетъ, или въ лѣсу сгибнетъ отъ мороза, либо медвѣдя, либо съ голоду помретъ... Повѣрьте моему слову—не сдобровать ему!.. Глядите только въ оба и на дорогу посматривайте—нѣтъ ли слѣдовъ какихъ.

Ямщики, слѣдуя совѣту Носкова, зорко смотрѣли впередъ и внимательно оглядывали опушки темнаго лѣса. Прошло около двухъ часовъ. Солнце уже начало прятаться за мохнатыя вершины величественныхъ деревьевъ. Сосновый боръ постепенно погружался въ таинственный полумракъ и словно засыпалъ подъ ласкающими лучами заходящаго дневнаго свѣтила. Тройка съ подвязанными колокольцами бодро шагала по довольно глубокому, рыхлому, недавно выпавшему снѣгу. Кругомъ царствовало подавляющее безмолвіе, нарушаемое только легкимъ скрипомъ полозьевъ, да фырканьемъ лошадей. Преслѣдователи ѣхали молча, чутко прислушиваясь и стараясь уловить какой либо подозрительный крикъ, шумъ или шорохъ. Вотъ перебѣжала черезъ дорогу

бѣлка, преслѣдуемая хищнымъ соболемъ, и, вспрыгнувъ на первое же дерево, мгновенно спряталась въ его иглистой вершинѣ. Соболь съ голодною настойчивостью пустился по слѣдамъ проворной добычи, тщетно пытавшейся избѣгнуть острыхъ зубовъ и когтей хищнаго врага. Вскорѣ послышался въ чащѣ отчаянный пискъ пойманной бѣлки, и опять лѣсъ погрузился въ сказочную дремоту и тишину... Но вдругъ морозный воздухъ огласился какимъ-то дикимъ воплемъ, полнымъ неотразимаго ужаса и безъисходнаго отчаянія. Преслѣдователи оторопѣли отъ этого неожиданнаго, мучительнаго крика и съ жгучимъ любопытствомъ устремили свои взоры въ ту сторону, откуда донесся вопль, вырвавшійся изъ груди невѣдомаго страдальца; но впереди виднѣлась лишь извилистая лента терявшейся вдали дороги.

— Подгони лошадей, приказалъ Носковъ ямщику, правившему тройкой.

— Кто-то завопилъ тамъ, добавилъ казакъ, указывая рукой на лѣвую опушку таинственнаго лѣса.

— Вѣрно твое слово, согласился ямщикъ, подбирая вожжи и пуская лошадей рысью.

— Не медвѣдь ли кого облапилъ? высказалъ свое предположеніе другой ямщикъ, продолжая зорко глядѣть по указанному направленію.

— Можетъ и медвѣдь, а можетъ и что другое случилось, замѣтилъ Носковъ, приподнимаясь на ноги и заглядывая впередъ черезъ лошадиныя головы. — Эге-ге! гляньте-ка: кто тамъ у ветлы копошится! вдругъ крикнулъ онъ съ радостнымъ оживленіемъ.—Самъ Ползуновъ, кажись?..

И впрямь онъ, въ одинъ голосъ подтвердили ямщики.

Тройка въ это время подскакала къ указанной Носковымъ ветлѣ, и преслѣдователи съ невольнымъ ужасомъ увидѣли Ползунова, судорожно бившагося въ предсмертной агоніи на длинномъ кушакѣ, переброшенномъ черезъ толстую вѣтвь гигантскаго вѣкового дерева.

XII.

Носковъ, нисколько не растерявшись, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ остановившейся кошевы и мигомъ обрѣзалъ ножомъ роковой кушакъ. Тѣло Ползунова мягко упало въ рыхлый снѣгъ. Съ необыкновеннымъ проворствомъ казакъ распустилъ убійственную петлю и сталъ приводить самоубійцу въ чувство, растирая ему снѣгомъ грудь, шею и лицо.

— А вона и баринъ съ Кривымъ Ворономъ идутъ! радостно указалъ одинъ изъ ямщиковъ въ чащу, изъ которой, дѣйствительно, только что вынырнули на просторъ Кушнаревъ и его неразлучный вѣрный спутникъ.

— Наконецъ-то догнали его! съ удовлетвореннымъ чувствомъ воскликнулъ Семенъ Петровичъ, быстро подходя къ безчувственному Ползунову.—А вы какъ сюда попали? обратился онъ къ Носкову съ товарищами.

— И мы за нимъ также гнались, категорично разъяснилъ казакъ понятное недоумѣніе молодого человѣка.— Приходитъ, приходитъ въ себя... сейчасъ вздохнулъ! добавилъ онъ живо, продолжая растирать самоубійцу.

— Ишь онъ какой! пробормоталъ Кривой Воронъ, поглядывая на Ползунова.—Увидѣлъ, что не уйтить отъ насъ — сейчасъ и въ петлю полѣзъ, чтобъ живымъ въ руки не отдаться... Совсѣмъ, видно, съ ума, бѣдняга, спятилъ...

— Со страху онъ повѣсился, резонно замѣтилъ Носковъ. — Страхъ его одолѣлъ... Слыхалъ ты, какъ онъ передъ тѣмъ страшно завопилъ?

— Какъ не слыхать — слышалъ, отвѣтилъ Кривой Воронъ.—Закричалъ такъ, ажно мураши по всему тѣлу забѣгали...

— Охъ, охъ, моченьки нѣтъ... Страшно, страшно! вдругъ захрипѣлъ пришедшій въ себя Ползуновъ. —Вотъ онъ стоитъ!.. Тутотка стоитъ!.. Ой, ой, батюшки, родимые, помогите, спасите меня отъ него!

Послѣднія слова Ползуновъ проговорилъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, преисполненнымъ невыразимаго ужаса. Помутившіеся глаза его были безумно устремлены на рядомъ стоявшее дуплистое дерево.

— Ишь, замололъ опять свое, съ искреннимъ сожалѣніемъ сказалъ Кривой Воронъ.

— Совсѣмъ одурѣлъ, горемычный, замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ казака Носкова, обращаясь къ Кушнареву, стоявшему въ сторонѣ отъ общей группы и наблюдавшему съ угрюмымъ безмолвіемъ за безумнымъ бредомъ разбойника. Вдругъ молодого человѣка осѣнила внезапная мысль, и онъ проговорилъ дрогнувшимъ тономъ:

— Осмотрите, молодцы, это дупло... Мнѣ кажется, что Ползуновъ попалъ сюда не спроста...

Кривой Воронъ тотчасъ же догадался, на что именно намѣкалъ Кушнаревъ, и, нисколько не мѣшкая, полѣзъ въ широкое дупло вѣковой ветлы. Перегнувшись черезъ край дупла, смѣлый ямщикъ началъ шарить въ немъ руками. Спустя минуту онъ подался всѣмъ туловищемъ назадъ и, не покидая дупла, глухо проговорилъ:

— Вы не ошиблись, батюшка Семенъ Петровичъ— тутъ лежатъ чьи-то кости...

Кушнаревъ стремительно приблизился къ дереву.

— Доставай ихъ! порывисто приказалъ онъ. —Доставай все, что тамъ найдешь... Скорѣй, скорѣй!.. понукалъ молодой человѣкъ, охваченный жгучимъ нетерпѣніемъ.

Кривой Воронъ опять перегнулся черезъ край дупла и, немного пошаривъ, началъ выбрасывать на снѣгъ отдѣльныя кости человѣческаго скелета. Кушнаревъ съ неизъяснимымъ волненіемъ собиралъ кости въ одну кучу. Онъ былъ убѣжденъ, что онѣ принадлежали никому другому, какъ его убитому отцу. Онъ живо представилъ себѣ, что какая-то непреодолимая, невѣдомая сила привлекла Ползунова именно къ тому дереву, въ которомъ разбойникъ схоронилъ свою жертву пять лѣтъ

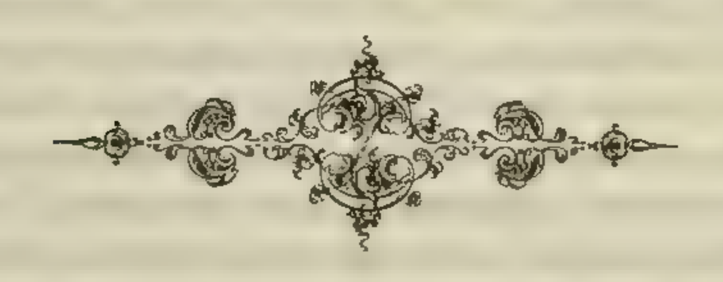
тому назадъ. Для молодого человѣка это было ясно какъ солнечный день, и онъ съ полною увѣренностью ждалъ скораго подтвержденія своего вдохновеннаго предположенія.

Дѣйствительно, Кривой Воронъ, продолжая шарить въ дуплѣ, вскорѣ выбросилъ на снѣгъ истлѣвшіе остатки какой-то одежды и, наконецъ, кожанную дорожную сумку. Въ послѣдней Кушнаревъ тотчасъ же призналъ сумку своего отца. Нетерпѣливо вскрывъ ея, сильно заржавѣвшій, замочекъ, онъ досталъ пожелтѣвшіе клочья подорожной на имя купца первой гильдіи Петра Савича Кушнарева. Теперь уже не могло быть никакихъ сомнѣній, что, наконецъ-то, удалось разыскать трупъ, спрятанный злодѣемъ пять лѣтъ тому назадъ. Семенъ Петровичъ былъ несказанно радъ печальной находкѣ. Онъ ощущалъ полное душевное удовлетвореніе, такъ какъ его сыновняя миссія неожиданно достигла самаго блестящаго результата, въ которомъ виднѣлся перстъ Божій.

Щедро наградивъ рѣшительно всѣхъ, начиная съ притихнувшаго станового и кончая послѣднимъ ямщикомъ, молодой Кушнаревъ отвезъ отцовскій прахъ домой и торжественно похоронилъ его въ фамильномъ склепѣ.

Пойманные разбойники, оказавшіеся бѣглыми каторжниками, были преданы военному суду, который приговорилъ ихъ, за цѣлый рядъ всевозможныхъ злодѣйствъ, къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Что касается Ползунова онъ избѣгъ какъ суда, такъ и позорной казни, потому что вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ сумасшедшаго. До послѣдней минуты своей жизни онъ постоянно галлюцинировалъ и считалъ себя окруженнымъ своими жертвами, неустанно терзавшими его. Тщетно метался онъ въ нестерпимыхъ душевныхъ мукахъ по комнатѣ, закрывалъ глаза, зарывался головою

въ подушки, закутывался въ одѣяло—ужасныя видѣнія продолжали витать въ его воспаленномъ мозгу, не давая даже минутнаго покоя. Подъ гнетомъ страшныхъ галлюцинацій, Ползуновъ неоднократно покушался на самоубійство, но всегда безуспѣшно, благодаря зоркости и вниманію госпитальной прислуги. Онъ умеръ въ періодъ поразительнаго прилива бѣшенства, крѣпко перетянутый длинными рукавами смирительной рубахи.

Панорама Океана.

(Очерки изъ жизни военныхъ моряковъ).

I.

Гимнъ океану.

Какъ чуденъ и прекрасенъ безпредѣльный океанъ, широко раскинувшійся по меридіану и параллели, между разнообразными берегами не менѣе разнообразныхъ материковъ! Какъ прекрасенъ и великолѣпенъ онъ не только въ часы величаваго спокойствія, но и въ минуты своего грознаго, потрясающаго душу гнѣва. Океанъ, подобно гигантскому хамелеону, отливается, въ различные моменты своей кипучей жизни, всѣми цвѣтами и оттѣнками. То онъ блещетъ поэтическою лазурью, отражая въ себѣ, точно въ волшебномъ, грандіознѣйшемъ зеркалѣ, ясное, глубокое небо; то темнѣетъ и переходитъ въ таинственную синеву, полную очарованія; то совершенно чернѣетъ, то отливается свинцовымъ блескомъ, то желтѣетъ подобно зрѣлой нивѣ, то наконецъ, разомъ сѣдѣетъ пѣной, рветъ и мечетъ, вздымая цѣлые холмы озвѣрѣлыхъ валовъ. Океанъ одновременно возбуждаетъ къ себѣ самыя разнообразныя чувства и ощущенія: удивленіе и любовь, изу-

мленіе и необъяснимый страхъ, опасеніе чего-то неожиданнаго и, наконецъ, кипучую восторженность, охватывающую всего человѣка. Онъ то нѣжитъ, то угрожаетъ; то ласкаетъ, то сурово гнѣвается; то чаруетъ, то пугаетъ; то нѣжно улыбается, то плачетъ и стонетъ, надрывая душу и наполняя сердце неизъяснимымъ трепетомъ. При видѣ безбрежнаго океана, этого чуднаго вмѣстилища всего непостижимаго и поразительнаго, душа заполняется идеей о безконечности, мозгъ пронизывается мыслью о Высшемъ Существѣ, создавшемъ міръ во всемъ его дивномъ величіи и разнообразіи. Въ каждой каплѣ волны, бьющей въ бортъ корабля или въ коралловый рифъ, въ каждомъ атомѣ окружающаго воздуха, пресыщеннаго водяными испареніями, въ каждомъ лучѣ едва мерцающей на величественномъ небосклонѣ звѣзды чувствуется присутствіе Великаго Творца. Океанъ поражаетъ своей необъятной силой и дивной красотой, удивляетъ вѣчнымъ движеніемъ и кипучею жизнью, преисполненною мощной энергіей. Онъ всегда привлекалъ къ себѣ и привлекаетъ до сихъ поръ взоры человѣчества, стремившагося и неустанно стремящагося изслѣдовать въ мельчайшихъ подробностяхъ глубокія, таинственныя воды, въ которыхъ сосредоточены неистощимыя богатства, волшебное великолѣпіе, сказочная мощь и цѣлый міръ поразительныхъ явленій. Но человѣчество, гордое своимъ умомъ, граничащимъ съ геніальностью, тщетно пытается проникнуть многовѣковыя тайны океана, тщетно стремится ознакомиться съ его неизмѣримыми безднами, въ которыхъ могутъ безслѣдно исчезнуть высочайшія горы земного шара. Насколько загадочна до сихъ поръ разнообразная жизнь океановъ, настолько еще недоступны пока для тщательнаго анализа многія явленія, ими порождаемыя. Изученіе океана представляетъ почти непреодолимыя трудности. Тѣмъ не менѣе многіе мыслители и ученые всѣхъ вѣковъ успѣли чуть-чуть приподнять уголокъ таинственной завѣсы, ревниво скрывающей отъ людскихъ взоровъ прекраснѣйшее, по своему величію, созданіе

Премудраго Творца міра. Постепенно человѣчество успѣло вникнуть въ частицу жизненной энергіи необъятныхъ водныхъ пучинъ и съ удивленіемъ познало сравнительное ничтожество животной и растительной жизни суши. Люди узнали, что въ нѣдрахъ океана, а также на его поверхности неустанно трудятся, движутся, ведутъ безконечную борьбу за существованіе неисчислимыя миріады разнообразныхъ животныхъ, процвѣтающихъ подъ мощнымъ покровомъ освѣжающихъ, спокойныхъ водъ. Первымъ раскрылъ глаза человѣчеству великій ученый Дарвинъ, справедливо доказывавшій, что лѣса океановъ оживлены несравненно больше, чѣмъ лѣса материковъ. То-же подтвердилъ другой глубокій знатокъ водныхъ пространствъ, Шлейденъ, который, сравнивая океанъ и сушу, причислилъ первый къ міру плодородія, а послѣднюю—къ міру безплодія!.. По мнѣнію великаго Франклина, въ каждой каплѣ океана естествоиспытатель можетъ найти интересный предметъ для изслѣдованія и обогащенія своихъ знаній, а философъ—побужденіе къ размышленіямъ...

Дѣйствительно, какъ ничтожны тучи мошекъ и саранчи въ сравненіи съ миріадами какихъ-либо моллюсокъ, иногда покрывающихъ сплошь поверхность океана на тысячу миль въ длину и ширину, или съ несмѣтными массами полиповъ, могущихъ воздвигнуть изъ своихъ микроскопическихъ тѣлецъ цѣлые материки съ бездонной глубины!! Какъ жалки созданія материковъ, въ большинствѣ случаевъ прозябающія на тѣсномъ пространствѣ, сравнительно съ дѣтищемъ океановъ, свободно разгуливающимъ по необъятному простору и проплывающимъ безъ устали тысячи миль!! Представители материковой фауны не только миніатюрны, въ сравненіи съ подобными же представителями океана, но также далеко не обладаютъ свойственными послѣднимъ качествами: подвижностью, мощью, смѣлостью и жизненной энергіей. Даже хищники морей не имѣютъ достойныхъ соперниковъ среди хищныхъ звѣрей суши. Могутъ-ли, напримѣръ,

сравниться страшные тигры или львы съ грозными косатками, кровожадными акулами и другими морскими хищниками, шныряющими по безпредѣльнымъ океанамъ въ поискахъ за добычей, съ поразительною быстротою и неутомимостью? А съ чѣмъ сравнима также изумительная, созидательная сила микроскопическихъ полиповъ, неутомимо воздвигающихъ изъ нѣдръ океановъ грандіозныя, волшебныя сооруженія, съ которыми не могутъ совладать даже могучія гнѣвныя волны, разрушающія въ прахъ крѣпчайшія каменныя породы суши и массивныя постройки геніальныхъ людей?.. Словомъ, въ океанѣ все величественно и мощно. Онъ представляетъ дѣятельному изслѣдователю необъятное поприще для изученія природы, возбуждаетъ въ пытливомъ человѣкѣ тысячи разнообразныхъ идей и представленій...

II.

«Всѣхъ на верхъ—съ якоря сниматься!».

Ясный, теплый, осенній день — одинъ изъ лучшихъ дней такъ называемаго „бабьяго лѣта". Блестящее полуденное солнце какъ-бы купаетъ въ своихъ яркихъ лучахъ изящный крейсеръ „Казбекъ", одиноко стоящій на большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Высокія, стройныя мачты крейсера, съ математически выправленными реями, съ тончайшей паутиной туго обтянутыхъ снастей и съ новенькими, тщательно закрѣпленными парусами, ласкаютъ взоры немногихъ завзятыхъ моряковъ, прибывшихъ на проводы товарищей въ дальнее, заграничное плаваніе.

Всѣ эти могикане-моряки съ нескрываемымъ восхищеніемъ оглядываютъ образцово-вооруженный крейсеръ и съ грустью сравниваютъ его со своими судами, „современными" броненосцами, напоминающими собой запаянныя коробки съ сардинками и превращающимися, иногда, въ ужасные общіе гробы... Морскіе волки явно

завидують товарищу — командиру крейсера, а тотъ въ свою очередь, принимая гостей, какъ-бы говоритъ имъ всею своею красивою внѣшностью: „поглядите, поглядите, какимъ чуднымъ кораблемъ командую я! Полюбуйтесь имъ!“

И всѣ глядятъ, и всѣ невольно любуются, жадно оглядывая крейсеръ „Казбекъ“ отъ ватерлиніи до клотиковъ, эффектно сверкающихъ на солнцѣ густою позолотою. Всюду безукоризненный порядокъ и сказочная чистота. Просторная верхняя палуба щеголяетъ своею бѣлизною. На славу вычищенная мѣдь горитъ, какъ полированное золото. Артистически сложенныя снасти подвѣшены вокругъ мачтъ изящными бухтами, крѣпко стянутыми въ плотную массу широкими, выкрашенными бѣлой масляной краской, поясами, именуемыми на жаргонѣ моряковъ „сезнями“...

Но вотъ загрохоталъ барабанъ „на молитву“. Одновременно подъ клотикомъ гротъ-брамъ-стеньги, скромно развернулся молитвенный флагъ, бѣлый съ краснымъ крестомъ посрединѣ. Всѣ спустились въ жилую палубу, на одномъ концѣ которой красовался уже изящный иконостасъ сборной церкви. Видный іеромонахъ съ роскошной шевелюрой, замѣтивъ командира крейсера, занявшаго свое обычное мѣсто, впереди всѣхъ, тотчасъ же приступилъ къ напутственному молебну. Звучный баритонъ отца Авеля отчетливо доносился до послѣднихъ рядовъ всей команды, собравшейся въ жилой палубѣ при первомъ грохотѣ барабана. Небольшой хоръ пѣвчихъ, составленный изъ лучшихъ голосовъ экипажа, придавалъ церковной службѣ полное благолѣпіе. И всѣ невольно отдались религіозному чувству. Всѣ молились съ небывалою страстностью и горячо просили у Бога благополучнаго плаванія. Изъ большинства сердецъ, особенно настроенныхъ, лилась искренняя молитва странниковъ, передъ которыми лежалъ длинный и опасный путь по капризнымъ водамъ океановъ и морей. Всѣ сердца бились однимъ желаніемъ — счастливо вернуться на родину,

въ любящія объятья родныхъ и близкихъ. На многихъ глазахъ блестѣли слезы. Нѣкоторыхъ щемила неотвязчивая мысль о томъ, что эта торжественная молитва, можетъ быть, послѣдняя на родинѣ.

По окончаніи молебна всѣ собрались въ просторной каютъ-компаніи на прощальный обѣдъ, шумный и нервный, съ безчисленными тостами, съ добрыми пожеланіями и напутствіями. Многимъ хотѣлось плакать, но всѣ крѣпились, тая горькіе слезы въ тайникахъ своего существа, потрясеннаго предстоящей разлукой. Даже слабыя женщины, матери, жены, сестры и невѣсты уходящихъ въ плаваніе моряковъ, берегли свои слезы до послѣдняго момента...

И этотъ моментъ, наконецъ, наступилъ. На верхней палубѣ раздались бойкіе боцманскіе свистки, и до каютъ-компаніи донесся зычный крикъ, единодушно вырвавшійся изъ широкихъ унтеръ-офицерскихъ грудей:

— Пошелъ всѣ наверхъ, съ якоря сниматься!

Всѣ стали прощаться съ лихорадочною торопливостью, цѣловались обнимались и плакали. Много слезъ было пролито въ теченіи тяжелой послѣдней минуты. Много сердецъ сжималось отъ невыразимаго горя. Матери, жены, сестры и невѣсты словно не могли оторваться отъ близкихъ людей, въ ушахъ которыхъ продолжало еще звенѣть энергичное приказаніе:

— Пошелъ всѣ наверхъ, съ якоря сниматься!

Медлить больше было нельзя. Во избѣжаніе служебнаго разноса, офицеры крейсера стремглавъ бросились на верхнюю палубу, чтобы своевременно занять свой постъ по росписанію. Провожающіе, скрѣпя сердце, торопливо перешли на ожидавшій ихъ пароходъ и стали слѣдить отуманенными, слезливыми глазами за быстрымъ подъемомъ якоря „Казбека".

Спустя минуту, крейсеръ тронулся съ мѣста и, забуравивъ могучимъ винтомъ, величественно направился въ море. Сотни матросовъ разбѣжались по командѣ, по вантамъ и, словно мухи, усѣяли ихъ вплоть до марсовъ.

Раздалось единошное прощальное „ура“. Всѣ замахали фуражками и платками. Съ провожающаго парохода доносились послѣднія привѣтствія и пожеланія.

— Начать салютъ!—послышалась отчетливая команда старшаго офицера, совершенно забывшаго въ служебномъ рвеніи о молодой женѣ, посылавшей крейсеру воздушные поцѣлуи. Эта красивая женщина была, повидимому, убита горемъ, но въ то-же время внимательно прислушивалась къ успокоительной рѣчи своего кавалера, изящнаго лейтенанта, задавшагося, какъ будто, похвальною цѣлью утѣшить соблазнительную соломенную вдовушку...

Громко и мѣрно начали раздаваться прощальные выстрѣлы, какъ послѣдній привѣтъ родной землѣ и всѣмъ близкимъ сердцу. Послѣ отвѣтнаго салюта съ крѣпости, крейсеръ „Казбекъ“ далъ полный ходъ и началъ быстро удаляться отъ Кронштадта, ставшаго вдругъ милымъ и дорогимъ. Весь экипажъ крейсера продолжалъ толпиться на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ верхней палубы, съ цѣлью взглянуть въ послѣдній, можетъ быть, разъ на родную землю. Сердца сжимались отъ невольной, неотразимой тоски. Слезы блестѣли почти на всѣхъ рѣсницахъ...

Но вотъ Кронштадтъ скрылся въ туманной мглѣ, и всѣ молча, грустные, начали расходиться по каютамъ, шепча про себя:

— Прощай родина! Прощайте, дорогіе сердцу!... Одинъ Богъ знаетъ, увидимся-ли?..

Въ этомъ жгучемъ вопросѣ заключалось все: и желаніе, и сомнѣніе, и мольба, и надежда...

III.

Преддверіе океана.

Сентябрь мѣсяцъ на исходѣ. Крейсеръ „Казбекъ“ уже благополучно проскользнулъ вдоль непривѣтливаго

Финскаго залива, блестяще выдержалъ жестокій двухдневный штормъ въ бурномъ Балтійскомъ морѣ, прошелъ при благопріятныхъ условіяхъ Большой Бельтъ, Категатъ, Скагерракъ, миновалъ суровое Нѣмецкое море и, наконецъ, въ ночь на 1-е октября, вошелъ, черезъ проливъ Па-де-Кале, въ преддверіе океана—Ла-Маншъ. Несмотря на позднее время, многіе офицеры крейсера еще бодрствовали, любопытствуя взглянуть на берега двухъ могущественныхъ государствъ Европы, раздѣленныхъ только узкою полосою воды. Къ сожалѣнію, съ приближеніемъ къ Па-де-Кале, ясное небо заволокло тучами, луна скрылась и наступила такая темень, что только мысленно можно было представить себѣ: справа—гордый Дувръ, а слѣва—не менѣе гордый Кале, мѣста которыхъ обозначались сильнымъ заревомъ—отраженнымъ свѣтомъ городскихъ фонарей. Казалось, крейсеръ шелъ между двумя грозными стражами—соперниками, ревниво наблюдающими, даже ночью, за узкимъ проливомъ и ежеминутно готовыми вступить въ единоборство за морскую гегемонію. Стражи эти, подобно сказочнымъ огнедышащимъ драконамъ, какъ бы слѣдили за крейсеромъ, широко раскрывъ свои ужасныя пасти. Вскорѣ они остались позади, и „Казбекъ" вошелъ въ Ла-Маншъ, переполненный множествомъ всевозможныхъ судовъ паровыхъ и парусныхъ, военныхъ и коммерческихъ, пересѣкавшихъ преддверіе океана по всѣмъ направленіямъ. Отличительные огни — бѣлые, зеленые и красные, мелькали со всѣхъ сторонъ и строго опредѣляли дѣйствительные курсы встрѣчныхъ кораблей и пароходовъ, разнообразныхъ величинъ и типовъ. Нѣкоторыя суда проходили бортъ о бортъ съ крейсеромъ, гордо рѣзавшимъ острымъ, какъ ножъ, форштевнемъ темныя воды канала. Даже среди ночнаго мрака можно было различить конструкцію и вооруженіе встрѣчныхъ или перегоняющихъ судовъ. Вотъ мелькнулъ мимо громадный, океанскій, пассажирскій пароходъ, похожій на плавучій дворецъ, ярко освѣщенный электричествомъ. Почти слѣдомъ за нимъ быстро

проскользнулъ стройный коммерческій клиперъ, нагруженный какими-нибудь цѣнными товарами. Далѣе виднѣется темный, громадный силуэтъ тяжелаго трехмачтоваго барка, бѣлые паруса котораго отчетливо выдѣляются на черномъ фонѣ облачнаго неба. Десятки неуклюжихъ, до нельзя грязныхъ угольщиковъ пыхтятъ то справа, то слѣва, то спереди, то сзади. Пузатые голландскіе боты лѣниво ползутъ среди всей этой суголоки, нисколько не опасаясь попасть подъ всесокрушающіе тараны военныхъ кораблей, а также подъ столь-же грозные форштевни громадныхъ, желѣзныхъ, коммерческихъ пароходовъ. Сотни рыболовныхъ судовъ шныряютъ безъ страха по всѣмъ направленіямъ, ловко лавируя среди колоссальныхъ представителей современнаго судостроенія. И вся эта масса разнообразныхъ плавучихъ міровъ, перегоняя другъ друга, встрѣчаясь и пересѣкая взаимно дорогу, движется въ поразительно стройномъ порядкѣ, безъ всякой суматохи, шума и криковъ, точно фантастическія чудныя тѣни. Каждое судно, управляемое опытной рукой и вѣрнымъ глазомъ, въ точности знаетъ, куда ему поворотить въ тотъ или другой моментъ и по какую сторону пройти...

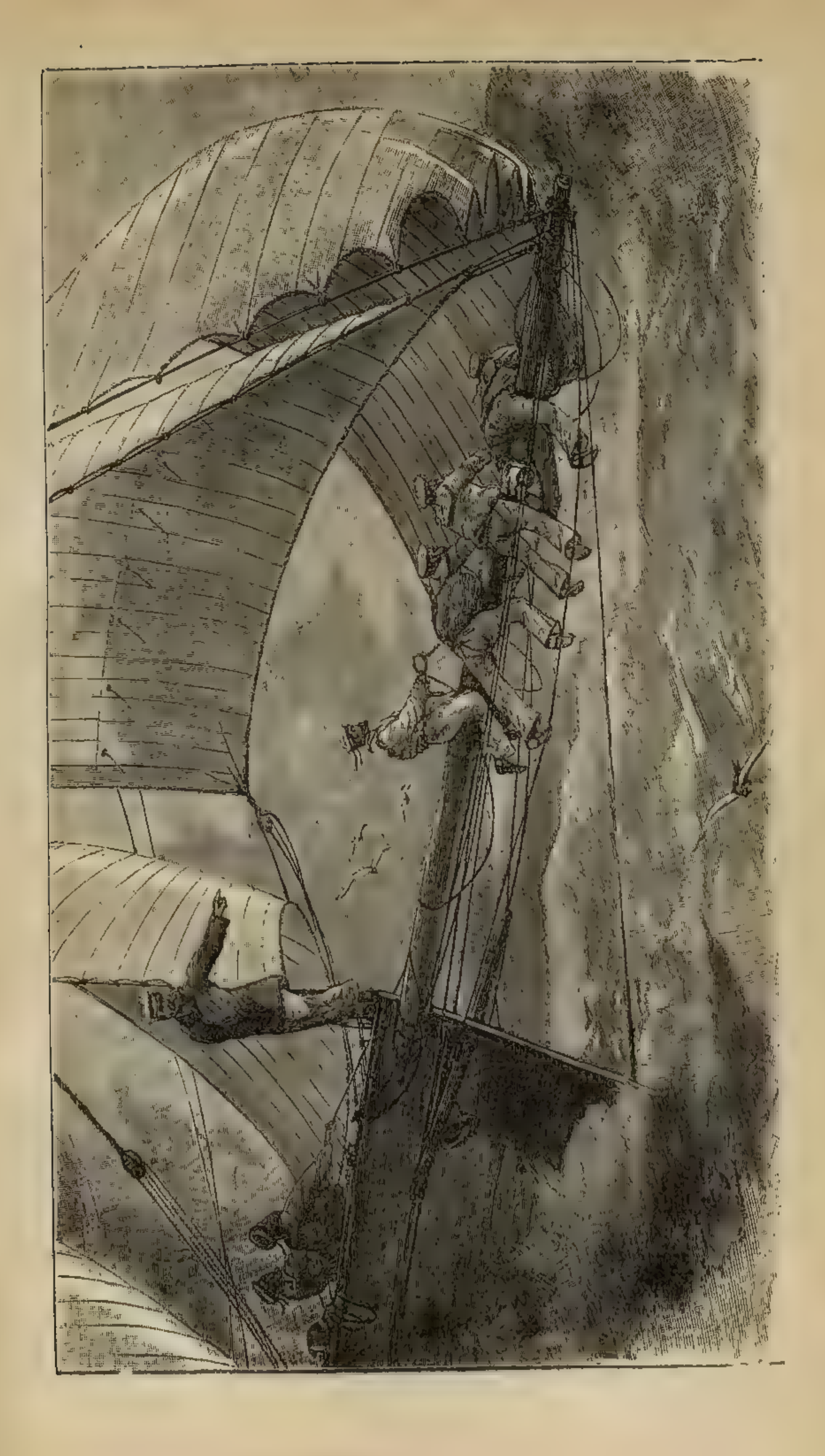
Съ разсвѣтомъ крейсеръ „Казбекъ" вошелъ на плимутскій рейдъ и, послѣ обычныхъ салютовъ, всталъ на якорь среди сотни купеческихъ судовъ, выжидавшихъ въ Плимутѣ хорошей погоды для выхода изъ канала въ океанъ.

Плимутъ, англійскій военный портъ, расположенный на южномъ берегу Корнваллиса, при устьѣ рѣки Плимъ, принадлежитъ къ числу величайшихъ морскихъ арсеналовъ міра. Дома его раскинутые по берегу небольшой, почти совершенно открытой бухты, защищенной отъ господствующихъ вѣтровъ и океанскаго волненія величественнымъ волноломомъ, совершенно сливаются съ знаменитымъ Девэнпортомъ, извѣстнымъ своими замѣчательными доками и верфями. Два города сливаются въ одинъ, преисполненный кипучей дѣятельности, военно-

морской, торговой и фабричной. Плимутскій заливъ представляетъ замѣчательный рейдъ, на которомъ могутъ свободно расположиться на якорѣ флоты всего свѣта. Самый городъ неказистъ; неправильно построенный, древній, съ узкими улицами, онъ, въ общей сложности, производитъ непріятное впечатлѣніе, какъ и всѣ фабричные и промышленные англійскіе города...

Запасшись въ Плимутѣ углемъ и провизіей, крейсеръ „Казбекъ", спустя недѣлю, вышелъ по направленію къ Атлантическому океану. Черезъ полтора часа онъ миновалъ знаменитый Эддинстонскій маякъ, воздвигнутый геніемъ и настойчивостью человѣческаго ума на подводной скалѣ, поднимающейся съ морского дна, съ глубины шестисотъ футовъ. Исторія постройки этого замѣчательнаго сооруженія заслуживаетъ вниманія. Первый разъ маякъ былъ выстроенъ въ 1696 году, но простоялъ только до 1703 года, когда страшная буря сбросила башню въ море, а грозныя волны смыли ее до основанія. Англичане не были обезкуражены этимъ стихійнымъ бѣдствіемъ и уже въ 1708 г. воздвигли на прежнемъ мѣстѣ новый маякъ, значительно крѣпче прежняго. Къ сожалѣнію, и этотъ маякъ недолго красовался на удивленіе моряковъ всего міра: въ 1755 году онъ былъ до тла истребленъ пожаромъ, случившимся отъ неизвѣстной причины. Неутомимые, энергичные англичане не упали духомъ и при новомъ бѣдствіи, уничтожившемъ геніальное сооруженіе. Двукратная неудача не смутила ихъ, и чрезъ четыре года на прежнемъ мѣстѣ уже красовался новый маякъ, еще лучше и крѣпче предыдущихъ, выстроенный инженеромъ Смитономъ въ видѣ башни, вышиною въ 130 футовъ и въ 23 фута въ поперечникѣ. Свѣтящійся приборъ расположенъ на высотѣ 143 футовъ надъ уровнемъ моря во время высокихъ приливовъ...

И стоитъ теперь этотъ удивительный маякъ, гордый и несокрушимый, словно надсмѣхается надъ тщетными усиліями природы—сбросить башню въ море. А усилія эти страшны и поразительны! У подножія маяка не-

умолчно шумитъ грозный буруиъ. Въ сильные непогоды прибой волнъ бываетъ здѣсь до того великъ, что гребни ихъ поднимаются выше башни на тридцать футовъ. Эти величественные взбросы воды, обдающіе Эддинстонскій маякъ съ вершины до оснаванія, представляютъ картину, изумительную по грандіозности, мощности и эффекту. Сила удара волнъ въ этомъ случаѣ поразительна и равномѣрна давленію нѣсколькихъ десятковъ пудовъ на каждый квадратный футъ. Столбъ воды, объемомъ отъ семидесяти до ста тысячъ кубическихъ футовъ и вѣсомъ болѣе двухсотъ тысячъ пудовъ, обрушивается въ бури на маякъ почти ежеминутно; но геніальное сооруженіе стоитъ твердо и несокрушимо, подобно гигантской скалѣ, и стоитъ уже почти полтора столѣтія. Глядя на Эддинстонскую башню, невольно удивляешься баснословной крѣпости ея постройки, удивляешься съ гордымъ сознаніемъ, что для геніальнаго человѣка нѣтъ ничего невозможнаго, что изобрѣтательный человѣческій умъ можетъ вступить въ борьбу даже со стихійными силами всемогущей природы.

IV.

Первая буря.

Ноябрь мѣсяцъ, бурный, суровый и холодный. Атлантическій океанъ непокоенъ. Громадныя, пѣнистыя волны вздымаются подобно высокимъ холмамъ и съ шумомъ бѣгутъ, подъ напоромъ свѣжаго юго-западнаго вѣтра, куда-то вдаль, къ невидимымъ берегамъ европейскаго материка. Среди гребней волнъ, почти надъ самою поверхностью океана, легко скользятъ по воздуху, едва шевеля длинными, красивыми, изящно изогнутыми крыльями, величественные альбатросы, граціозные фрегаты, крикливыя чайки и быстрыя морскія ласточки, юрко высматривающіе вкусную добычу. Представители морскаго, пернатаго царства, поощряемые голодомъ, не обращаютъ

пока вниманія на непогоду, постепенно крѣпчающую. Надъ сѣдыми валами происходитъ какое-то смѣшное соревнованіе въ хищничествѣ и прожорливости, въ жадности и дерзости. Съ рѣзкими криками морскія птицы отнимаютъ добычу одна у другой, вырывая ее изъ самыхъ клювовъ. Между ними идетъ неустанная борьба изъ-за лакомаго куска, пока послѣдній не скроется въ чьемъ-либо горлѣ, болѣе проворномъ и широкомъ... Но вотъ среди пернатаго, вздорнаго царства зародилось вдругъ какое-то безпокойство. Легкокрылыя морскія ласточки встрепенулись первыми и молніей унеслись въ пасмурную даль. За ними плавно потянулись фрегаты, глупыши и чайки. Величественные альбатросы поднялись къ облачному небу, гдѣ зарѣяли, какъ будто въ нерѣшительности, куда направить свой могучій полетъ. Ихъ безобразныя головы съ длинными, кривыми клювами, медленно покачивались изъ стороны въ сторону, точно птицы высматривали съ высоты уютное убѣжище отъ надвигавшейся непогоды. Наконецъ альбатросы рѣшились и грузно полетѣли на востокъ, къ отдаленному берегу...

Океанъ опустѣлъ, но не надолго. Вскорѣ показался на горизонтѣ стройный рангоутъ военнаго судна, которое, словно окрыленное, неслось подъ всѣми парусами, плавно покачиваясь на крупныхъ, пѣнистыхъ волнахъ. Въ щегольскомъ, изящномъ суднѣ не трудно узнать крейсеръ „Казбекъ“, идущій изъ Плимута на острова Зеленаго мыса. Крейсеръ легко скользитъ по угрюмому океану, накренившись подъ давленіемъ вѣтра на правый бокъ. Верхняя его палуба какъ на ладони: прибранная, чистая и совершенно сухая. Ни одна еще брызга морской воды не смочила блестящихъ, точно отполированныхъ, досокъ, пригнанныхъ одна къ другой съ художественною аккуратностью. Крейсеръ словно смѣется надъ тщетными усиліями грозныхъ волнъ перехлестнуть черезъ высокій бортъ. Онъ точно утка, съ поразительною для своей величины легкостью, то взлетаетъ къ

небесамъ, то стремительно бѣжитъ въ разверзающіяся передъ нимъ водяныя пропасти...

Спокойная, ровная качка не нарушаетъ пока дѣловаго дня военнаго корабля. Всѣ незанятые вахтенной службой матросы распредѣлены по разнообразнымъ судовымъ работамъ. Кто скоблитъ блокъ, мурлыча себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, кто плететъ матъ (коврикъ), кто починяетъ парусъ. Многіе заняты безконечной чисткой всевозможныхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, доводя ихъ до поразительнаго блеска отполированнаго золота и серебра. Нѣкоторые плотничаютъ и даже столярничаютъ, починяя судовую мебель. Строевые спеціалисты, комендоры и минеры, любовно приводятъ въ порядокъ артиллерійское и минное вооруженіе. Машинная команда копошится въ своемъ подводномъ царствѣ, стараясь отполировать грандіозныя части отдыхающей машины...

Пробило пять склянокъ (10½ часовъ утра). Звуки большаго судоваго колокола почти слились съ свисткомъ вахтеннаго боцмана, громко повторившаго приказаніе вахтеннаго начальника:

— Кончить всѣ работы! Пробу, вино достать!

Почти моментально явился на верхней палубѣ кокъ (поваръ) въ безукоризненно чистомъ передникѣ и съ полотенцемъ черезъ плечо. Въ рукахъ онъ держалъ выполированный подносъ съ миской пробныхъ матросскихъ щей. Вахтенный боцманъ внимательно оглядѣлъ кока съ ногъ до головы и обратно, предусмотрительно смахнулъ съ подноса какую-то приставшую пылинку, заглянулъ для чего-то въ миску и затѣмъ, убѣдившись въ полной исправности всего, торжественно зашагалъ къ мостику, на которомъ виднѣлась группа изъ командира, старшаго офицера, вахтеннаго начальника и штурмана. Кокъ послѣдовалъ за боцманомъ, стараясь попасть ему въ ногу и въ то же время не расплескать щей...

Послѣ церемоніальнаго представленія пробы, черезъ вахтеннаго начальника и старшаго офицера, командиру, послѣдній опытнымъ взоромъ осмотрѣлъ пасмурный го-

ризонтъ и съ свойственною ему рѣзкостью въ тонѣ спросилъ, полуобернувшись къ штурману.

— Какъ барометръ?

— Падаетъ, 29,6"—лаконически отвѣтилъ штурманъ, прикладывая руку къ козырьку сильно измятой порыжѣвшей фуражки.

— Петръ Степановичъ, — обратился командиръ къ старшему офицеру, почтительно ожидавшему приказанія, — возьмите до обѣда четвертый рифъ.

— Есть! -- пробормоталъ старшій офицеръ и тотчасъ же властно приказалъ вахтенному начальнику:

— Свистать всѣхъ на верхъ, четвертый рифъ брать!

— Унтеръ-офицеры къ люкамъ! Свистать всѣхъ на верхъ, четвертый рифъ брать! — зычно скомандовалъ вахтенный начальникъ.

Прошло всего нѣсколько секундъ, какъ раздались лихіе свистки унтеръ-офицеровъ, почти слившіеся съ ихъ энергичными, единодушными криками:

— Пошелъ всѣ на верхъ, четвертый рифъ брать!

Сотни ногъ бѣгло затопотали по палубамъ и многочисленнымъ трапамъ. Вся команда быстро выбѣжала на верхнюю палубу, точно выброшенная снизу какою-то волшебною силою.

Начался авралъ (общая работа) — борьба людей съ бѣшенымъ натискомъ быстро приближавшагося шторма. Смѣло и отважно работали матросы, вися на нокахъ (оконечностяхъ рей) надъ разбушевавшимся океаномъ. Волны вздымались подобно громаднымъ горамъ, играя крейсеромъ, точно мячикомъ. Вѣтеръ началъ задувать страшными порывами. Низкія, темныя тучи неслись съ ужасающею быстротою и, казалось, хотѣли придавить своею громадою ничтожный плавучій мірокъ.

Скоро справились матросы со своею опасною работою и, не обращая вниманія на бурю, весело собрались вокругъ большаго жбана съ водкой, нетерпѣливо ожидая обычнаго призыва „къ вину и обѣду". Вотъ послышалась соотвѣтствующая команда:

— Свистать къ вину и обѣдать!

Боцмана и унтеръ-офицеры, стоявшіе уже вокругъ жбана, встрепенулись, приложили дудки къ губамъ и молодецки засвистали, стараясь перещеголять одинъ другаго соловьиными трелями и рулядами.

У жбана появился толстый, сановитый баталеръ со списками въ рукахъ.

— Абрамовъ, Абросимовъ, Абукинъ! — началъ онъ выкликать по алфавиту важнымъ баритономъ, дѣлая въ спискахъ какія-то отмѣтки.

Матросы весело откликались на зовъ, подходили чинно къ жбану, зачерпывали мѣдной чаркой положенную порцію водки и медленно опрокидывали ее въ широко раскрытыя горла.

Между тѣмъ артельщики уже разостлали на верхней палубѣ брезенты (парусинные коврики), принесли баки съ горячими щами, сухари, соль и все это аккуратно разложили на подстилкахъ, чтобы не запачкать палубы...

Погода быстро свѣжѣетъ. Низко упавшій барометръ не предвѣщаетъ ничего добраго. Въ воздухѣ чувствуется какая-то угроза. Океанъ чернѣетъ и покрывается зловѣщей сѣдиной. Волны движутся уже не съ прежнимъ величавымъ спокойствіемъ, а съ поразительною, нервною стремительностью. Онѣ точно оживились и превратились въ грозную, стихійную армію, идущую на приступъ. Водяныя громады вздуваются подобно горамъ и силятся поглотить въ своей клокочущей пучинѣ ничтожный плавучій мірокъ, преисполненный несокрушимой отвагой. Гордый крейсеръ „Казбекъ“ стойко выдерживаетъ чудовищный натискъ разъяренныхъ волнъ. Онъ кажется непобѣдимымъ. Словно одухотворенный, онъ рвется впередъ и смѣло разсѣкаетъ острымъ форштевнемъ вспѣненную поверхность океана. Подъ его носомъ кипятъ буруны и слышатся мощные удары водяныхъ холмовъ, порывающихся сокрушить въ дребезги чудное созданіе человѣческаго генія. Тщетныя, напрасныя усилія! Крейсеръ держится превосходно, легко вздымаясь на волны

изъ постоянно разверзающихся передъ нимъ пропастей. Рѣдко-рѣдко коварный валъ уловитъ удачный моментъ и вскинетъ на бакъ (носовую часть верхней палубы) свой сѣдой гребень. Въ эти моменты крейсеръ точно негодуетъ, сердито встряхивается, содрагаясь во всѣхъ своихъ частяхъ, и мощно ударяетъ стальною грудью о водяную громаду, стараясь отбросить ее вспять. Онъ бѣжитъ впередъ съ неудержимою силою. Жестокій вѣтеръ зловѣще гудитъ въ его туго натянутыхъ снастяхъ и неистово клонитъ его на одинъ бокъ, силясь опрокинуть. Зарифленные паруса надуты безъ морщинки. Крѣпкая парусина не поддается напору вѣтра и только неустанно трепещетъ у самыхъ шкаторинъ (веревочныхъ рамокъ).

Жестокіе порывы вѣтра все учащаются, но крейсеръ выдерживаетъ ихъ съ прежнею непоколебимостью и только больше кренится въ противоположную сторону. Но вотъ налетѣлъ особенно могучій шквалъ и положилъ крейсеръ совсѣмъ на бокъ. Раздался звукъ, похожій на ружейный залпъ. Командиръ стремительно выскочилъ изъ своей каюты и въ одно мгновеніе ока очутился на мостикѣ, на который вдругъ обрушился громадный сѣдой валъ.

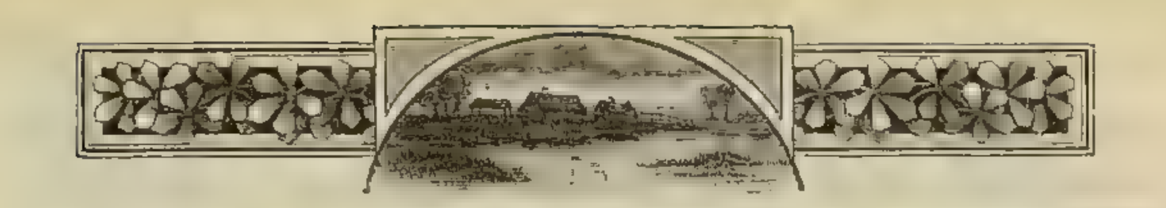
— Бизанъ вырвало! — доложилъ ему вахтенный начальникъ нѣсколько тревожнымъ голосомъ.

Но командиръ и безъ доклада отлично видѣлъ, что случилось: крейсеръ увалило подъ вѣтеръ и поставило почти поперегъ волненія. Наступилъ критическій моментъ смертельной опасности, но командиръ не растерялся. Раздался его громкій, протяжный голосъ, преисполненный самоувѣренности и желѣзной воли. Одна команда слѣдовала за другой съ энергичною, строгою послѣдовательностью. Звучный командирскій баритонъ отчетливо слышался среди рева и стона непогоды, подобно призывному кличу къ борьбѣ со стихіей. Сотни людей выбѣжали на верхнюю палубу и съ поразительнымъ хладнокровіемъ приступили къ выполненію прика-

заній любимаго командира, воодушевлявшаго всѣхъ своимъ побѣднымъ, словно торжествующимъ, голосомъ. Работа закипѣла. Вырванный парусъ замѣнили новымъ. Повинуясь сильной, несокрушимой волѣ командира, крейсеръ началъ подниматься, привелъ къ вѣтру и сталъ опять гордо рѣзать форштевнемъ яростно набѣгавшія волны. Опасность миновала, и командиръ, отдавъ послѣднія приказанія, спокойно вернулся въ свою каюту, точно ничего не случилось, точно онъ не висѣлъ со всѣмъ экипажемъ, ввѣреннымъ его искусству и опытности, на волоскѣ отъ смерти.

Грозный шквалъ пронесся и загудѣлъ въ отдаленіи. Вѣтеръ началъ стихать. Океанъ продолжалъ еще кипѣть, но замѣтно успокаивался: онъ словно сознавалъ себя побѣжденнымъ. Мрачныя тучи унеслись за горизонтъ. Выглянуло яркое солнце и обдало все окружающее радостнымъ, привѣтливымъ, оживляющимъ свѣтомъ.

Старый боцманъ.

Смотритель маяка.

I.

Почти въ ста верстахъ отъ материка, поднимается съ сорока саженной глубины Финскаго залива громадный, сплошной камень, изборожденный трещинами и гладко отполированный неутомимыми, прибойными волнами. Камень, извѣстный среди мѣстныхъ морскихъ промышленниковъ подъ характернымъ названіемъ „Могила лайбъ", тянется по меридіану, съ сѣвера на югъ, саженъ на двѣсти, постепенно съуживаясь и заканчиваясь острымъ, далеко выдающимся въ море, мысомъ, любимымъ мѣстопребываніемъ безчисленныхъ морскихъ птицъ. Непосредственно къ мысу примыкаетъ длинная, каменистая гряда, собственно „Могила лайбъ", страшная для проходящихъ судовъ, сбившихся въ непогоду съ пути. Гранитныя глыбы, самаго разнообразнаго вида и величины, разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ на большомъ пространствѣ. Зловѣще выглядывая изъ воды, онѣ даже въ штиль, при зеркальномъ состояніи залива, производятъ на проходящихъ моряковъ непріятное, угнетающее впечатлѣніе, напоминая своими контурами какіе то безобразные надгробные памятники разбившихся здѣсь судовъ. Въ без-

вѣтріе, эти каменныя громады словно дремлютъ, эффектно отражаясь въ морской глади; но въ бурю онѣ просыпаются, оживаютъ и мечутъ вокругъ себя смерть и разрушеніе. Неминуемая гибель ждетъ каждое судно, особенно парусное, неосторожно приблизившееся къ страшной „Могилѣ лайбъ“. Въ непогоду, здѣсь—кромѣшный адъ, не поддающійся точному описанію. Море кипитъ и бурлитъ среди камней, словно разъяренный, могучій водопадъ. Грозный ревъ сѣдыхъ, пѣнистыхъ волнъ слышенъ издалека, и невольный, неотразимый страхъ наполняетъ сердца отважныхъ моряковъ, случайно очутившихся въ такое время вблизи опаснаго мыса. Зловѣщій шумъ безпощадныхъ буруновъ отчетливо доносится до ихъ чуткаго, настороженнаго уха, не смотря на ужасный вой и стонъ непогоды. Съ громовыми раскатами разсыпаются волны среди каменныхъ громадъ, тщетно силясь смыть ихъ или разбить въ щебень. Во время бури, обыкновенно, надъ грядой и мысомъ виситъ непроницаемая завѣса водяной пыли и брызгъ. Днемъ, при солнечномъ освѣщеніи, эта завѣса волшебно отражаетъ въ себѣ всѣ цвѣта радуги, трепещетъ и переливается неуловимыми оттѣнками и свѣтовыми эффектами. Въ ней чудится какая то таинственная, стихійная жизнь, ужасная и губительная для человѣческаго существованія. Въ каждомъ атомѣ водяной, соленой пыли ощущается неотразимая, безпощадная смерть. Въ каждой брызгѣ разбившейся волны воображеніе рисуетъ подавляющія картины многочисленныхъ крушеній кораблей, выброшенныхъ бурей на страшный, каменистый рифъ...

Въ темныя ночи, „Могила лайбъ“ погружается въ непроглядный мракъ. Взоръ уже не можетъ слѣдить за бѣшенымъ натискомъ могучихъ волнъ, за безумными порывами разъяреннаго моря. Зрѣніе бездѣйствуетъ, но за то вдвойнѣ работаютъ нервы и слухъ. Неумолчный ревъ буруновъ и ужасающій грохотъ невидимыхъ валовъ доносятся до уха, какъ то, особенно отчетливо и рѣзко. Во всѣ непогоды слышатся плачъ и стенанія погибшихъ

нѣкогда моряковъ, лишенныхъ христіанскаго погребенія. Напряженныя нервы и фантастически настроенное воображеніе словно ощущаютъ во мракѣ безпокойное, мятежное рѣяніе душъ утонувшихъ. Въ стихійномъ хаосѣ, неуловимомъ для взора, вслѣдствіе непроницаемой тьмы, возбужденный мозгъ ищетъ и находитъ, улавливаетъ и, какъ будто, дѣйствительно ловитъ нѣчто сверхъестественное и таинственное, какую то безтѣлесную жизнь, недоступную для яснаго распознаванія...

„Могила лайбъ" пользуется среди мѣстныхъ каботажниковъ и въ особенности среди смѣлыхъ контрабандистовъ печальною извѣстностью. Многіе изъ нихъ могли бы разсказать ужасающія подробности страшной гибели родныхъ, друзей или товарищей, нашедшихъ преждевременную смерть на всесокрушающемъ каменистомъ рифѣ. Одновременно, лишь немногіе, изъ числа побывавшихъ на камняхъ „Могилы лайбъ", могутъ похвастаться чудеснымъ избавленіемъ отъ жестокой, смертельной опасности, благодаря только удивительному мужеству и самоотверженію смотрителя маяка, хорошо извѣстнаго среди островныхъ жителей подъ характернымъ прозвищемъ „Старый боцманъ"...

Для предупрежденія проходящихъ моряковъ о грозной каменной грядѣ, на самомъ возвышенномъ пунктѣ скалистаго острова воздвигнута стройная богиня съ маячнымъ огнемъ на высотѣ выше ста футъ надъ горизонтомъ. У подножія башни прилѣпился небольшой домъ казарменной архитектуры, тщательно выбѣленный известью, съ цѣлью сдѣлать маячное сооруженіе болѣе видимымъ съ моря. Ярко-красная четырехъскатная крыша еще рѣзче выдѣляетъ домъ на сѣромъ фонѣ скалы, совершенно лишенной какой либо природной растительности. Ни деревца вокругъ, ни травки, ни клочка хотя бы захудалой зелени. Мертвенною безжизненностью вѣетъ отъ каждой пяди мрачнаго острова, на всемъ его протяженіи, какъ по меридіану, такъ и по параллели. Скала, отполированная волнами, напоминаетъ оголенный черепъ

столѣтняго старца. Она опускается въ море, почти всюду, совершенно отвѣсно, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной половины острова природа образовала узкое гальковое прибрежье съ миніатюрными, бухточками, достаточно безопасными убѣжищами для мелкихъ каботажныхъ судовъ.

Въ одной изъ бухточекъ, вблизи маяка, качается на якорѣ небольшой парусный ботъ, благопріобрѣтенная собственность „Стараго боцмана", а у самаго берега привязаны двѣ шлюпки финки, приспособленныя для рыбной ловли и тюленьяго промысла. Изъ бухты къ маячному дому ведетъ искусственная тропа, высѣченная зигзагомъ на гладкой поверхности скалы. Нѣсколько въ сторонѣ отъ тропы, внѣ сферы морского прибоя, виднѣется глубокая впадина, на половину заполненная дождевой водой. Впадина эта, также сдѣланная человѣческими руками, тщательно ограждена жердями и прикрыта отъ солнечныхъ лучей тонкими досками. Немного повыше этого единственнаго хранилища прѣсной воды на всемъ островѣ, возлѣ самаго дома, тянутся вдоль южной его стѣны двѣ насыпныя грядки съ густыми всходами разнообразныхъ овощей, среди которыхъ рѣзко выдѣляются роскошные темно-красные цвѣты махроваго мака, видимо всхоленные чьею-то заботливою, любящею рукою...

Грядки эти изъ лучшаго просѣяннаго чернозема имѣютъ свою простую, но трогательную, исторію...

II.

Еще два года тому назадъ, на голомъ островѣ не было ни травки, ни горсти земли, о чемъ особенно горевала младшая дочь смотрителя Рощина, бѣлокурая, миловидная, цвѣтущая здоровьемъ и удивительно веселая Настенька—общая любимица не только родной семьи, но даже одинокаго представителя маячной прислуги — мрачнаго, угрюмаго, вѣчно молчаливаго финна Хесто, постоянно уединявшагося на вершинѣ маяка.

Тридцатилѣтній Хесто былъ типичнымъ представителемъ своей бѣдной, суровой и дикой родины. Неладно скроенный, но плотно сшитый, грузный и аляповатый, медленный въ движеніяхъ и тяжелый на подъемъ, всегда спокойный и несообщительный, Хесто упорно таился отъ людей и любилъ прятаться въ свою скорлупу. Въ теченіи двухъ-лѣтняго его пребыванія на маякѣ, никто изъ маячныхъ отшельниковъ не слыхалъ отъ него ни одного слова. Угрюмый финнъ дѣлалъ свое дѣло безмолвно, но съ образцовою аккуратностью, не требуя понужденій, напоминаній или указаній. Всегда во-время онъ чистилъ маячный фонарь, въ опредѣленный часъ зажигалъ и тушилъ его, приводилъ въ порядокъ внутреннія помѣщенія башни, прибирался возлѣ дома, копошился на ботѣ или шлюпкахъ. Правда, работа не особенно спорилась въ сильныхъ, мускулистыхъ рукахъ Хесто, но за то выполнялась имъ толково, разумно и крѣпко. Широкоплечій и приземистый, онъ не боялся физическаго труда и работалъ съ ранняго утра и до глубокой ночи, какъ то умѣючи, находя себѣ дѣло даже на голомъ островѣ. Онъ сложилъ, напримѣръ, изъ камней небольшую удобную пристань для финокъ, выбилъ въ крѣпкомъ гранитѣ необходимыя тропинки, значительно расширилъ водохранилище, построилъ прочный сарайчикъ для храненія добытыхъ тюленьихъ шкуръ и сала и наконецъ смастерилъ разные рыболовные снаряды. Онъ же починилъ ботъ и шлюпки, положилъ заплаты на довольно старые паруса и привелъ въ порядокъ всю ихъ оснастку...

Когда было нужно—Хесто безъ понужденія и напоминанія отправлялся на рыбную ловлю и разнообразилъ незатѣйливый смотрительскій столъ вкусной свѣжиной. Каждую осень, онъ отдавался рыбному промыслу съ исключительной энергіей, съ цѣлью сдѣлать на зиму достаточный запасъ соленой и сушеной рыбы, въ добавокъ къ казенной солонинѣ и кислой капустѣ. Въ зимнее время, Хесто промышлялъ тюленей, при чемъ нерѣдко

уходилъ съ острова по льду за десятки верстъ и возвращался иногда черезъ недѣлю, обремененный богатой добычей... Словомъ, Хесто былъ неутомимъ, не боялся опасностей и лишеній, отличался желѣзнымъ здоровьемъ, поразительнымъ терпѣніемъ и рѣдкимъ мужествомъ...

При всѣхъ этихъ качествахъ, маячные отшельники глядѣли на угрюмаго, вѣчно хмураго финна съ какимъ то предубѣжденіемъ и даже опаской. Хесто, въ свою очередь, относился ко всѣмъ съ явною подозрительностью и недовѣрчивостью. Только съ одной Настенькой онъ держалъ себя, какъ будто, нѣсколько дружелюбнѣе, хотя ничѣмъ не выказывалъ ей своего особеннаго расположенія. При случайныхъ, рѣдкихъ, впрочемъ, встрѣчахъ съ дѣвушкой, онъ былъ съ нею только болѣе сообщителенъ, становился менѣе угрюмъ и мрачень, и даже отвѣчалъ на ея бойкую, веселую болтовню какимъ то односложнымъ, неопредѣленнымъ молчаніемъ, Изрѣдка, некрасивое, широкое и скуластое лицо Хесто озарялось страннымъ, внутреннимъ свѣтомъ, а выразительные, прекрасные глаза его сосредоточивались на дѣвушкѣ съ тайнымъ обожаніемъ. Въ эти минуты онъ глядѣлъ упорно и молча, пока Настенька не исчезала изъ виду.

Послѣ такихъ встрѣчъ, Хесто почти постоянно впадалъ въ какой то удивительный полугипнозъ, забирался на самую вершину башни, усаживался на скамью и недвижно просиживалъ на одномъ мѣстѣ цѣлыми часами, о чемъ то думая и вперивъ взоръ въ далекій горизонтъ. Иногда онъ начиналъ пѣть, уныло и однообразно, словно жалуясь на свою злосчастную судьбу. Въ этихъ пѣсняхъ, не лишенныхъ оригинальной мелодіи, какъ бы изливались чувства, скрытыя подъ мрачною, угрюмою внѣшностью суроваго финна...

Дни проходили за днями съ однообразною послѣдовательностью и, наконецъ, въ жизни Настеньки наступилъ знаменательный день—ей минуло шестнадцать лѣтъ. Уже за мѣсяцъ до этого дня, „Старый боцманъ“

началъ подумывать объ особенномъ, исключительномъ подаркѣ обожаемой „дочуркѣ“, какъ, обыкновенно, называлъ онъ свою „ненаглядную Настюшу“. Долго ломалъ онъ свою сѣдую голову, пока наблюдательный Хесто, неожиданно сбросивъ съ себя, на время, упорную молчаливость, не надоумилъ его исполнить давнишнее желаніе дѣвушки—взростить на голой скалѣ „хотя одну травку“ или, какъ выразился финнъ, плохо знавшій по-русски, „камень дѣлай пукетъ одна“...

„Старый боцманъ“ чрезвычайно обрадовался мысли своего угрюмаго помощника, хотя предложенная послѣднимъ задача была не изъ легкихъ, такъ какъ за землей надо было ѣхать чуть ли не на материкъ и совершить, такимъ образомъ, въ довольно бурное время года, рискованное морское путешествіе на крохотномъ парусномъ ботѣ. Это, однако, не отклонило „Стараго боцмана“ отъ выполненія счастливой мысли хмураго финна. Обладая упрямымъ, непреклоннымъ, настойчивымъ характеромъ, онъ рѣшилъ выполнить задуманное предпріятіе во что бы то ни стало и при томъ секретно отъ „дочурки“. Желая скрыть истинную цѣль своей продолжительной отлучки съ острова, „Старый боцманъ“ заявилъ всѣмъ домашнимъ, что ѣдетъ навѣстить старшую дочь, бывшую замужемъ за смотрителемъ ближайшаго маяка. Онъ обманулъ даже жену, простую, добрую, сердечную женщину, съ которой прожилъ счастливо на голой скалѣ почти тридцать лѣтъ. Онъ не проговорился и сыну, двадцатилѣтнему здоровому парню, своему помощнику, по присмотру за маякомъ. Онъ справедливо опасался, чтобы кто-нибудь не выдалъ Настенькѣ секрета задуманнаго сюрприза ко дню ея рожденія. Онъ посвятилъ „въ тайну“ только одного Хесто, съ которымъ и отправился въ дальнее плаваніе на утлой ладьѣ... Отважные мореплаватели, вытерпѣвъ въ морѣ бури и непогоды, возвратились на островъ черезъ десять дней съ полнымъ грузомъ превосходнаго просѣяннаго чернозема, добытаго съ большимъ трудомъ, за хорошіе деньги, въ одной

частной оранжереѣ. Вмѣстѣ съ землей, „Старый боцманъ" привезъ кое-какіе сѣмена, а Хесто догадался купить уже выращенные цвѣты махроваго мака и бережно доставилъ ихъ на маякъ въ крѣпкомъ, собственноручно сколоченномъ, ящикѣ... Съ большими предосторожностями, въ ночное время, смотритель и Хесто перенесли землю къ дому на своихъ плечахъ и къ утру соорудили двѣ аккуратныя грядки, среди которыхъ угрюмый финнъ заботливо разсадилъ, привезенный имъ, макъ...

Трудно описать радость Настеньки, когда, проснувшись, она увидѣла подъ окномъ первые въ жизни цвѣты, о которыхъ не имѣла рѣшительно никакого понятія и представленія.

— Это мы съ Хесто!—съ нѣкоторою гордостью пояснилъ „Старый боцманъ", только что явившійся къ „дочуркѣ" съ поздравленіемъ.

Дѣвушка, не слушая отца, съ безумнымъ восторгомъ выбѣжала изъ дому и съ какимъ то наивнымъ трогательнымъ умиленіемъ прильнула къ махровымъ лепесткамъ мака...

— Это мы съ Хесто! — повторилъ старикъ Рощинъ съ прежнимъ гордымъ самодовольствомъ. „Гляди, жена, что мы сдѣлали"!... А гдѣ сынокъ запропастился?... Пускай и онъ поглядитъ на нашу работу... Милой дочуркѣ подарокъ!...

И „Старый боцманъ" съ неизъяснимою лаской погладилъ склоненную голову взволнованной дѣвушки, продолжавшей любоваться невиданными цвѣтами. Настенька немного пришла въ себя отъ этого нѣжнаго прикосновенія родной руки и, бросившись на шею отцу, неожиданно покрыла его обвѣтрившееся, морщинистое лицо горячими поцѣлуями.

„Старый боцманъ" едва не расплакался отъ счастья, что успѣлъ такъ угодить обожаемой „дочуркѣ"; а угрюмый Хесто, глядя на дѣвушку, вдругъ широко осклабился и что-то промычалъ, очень, противъ обыкновенія, длинное.

Когда же Настенька подошла къ финну съ сердечною благодарностью за цвѣты и, въ пылу восторга, положила свою руку на его засаленное плечо, то Хесто окончательно растаялъ и началъ болтать на коверканномъ русскомъ языкѣ невообразимую чепуху, разомъ высыпавъ изъ своей плохой памяти весь скопленный запасъ заученныхъ словъ. Послѣдніе посыпались у него, словно изъ прорвавшагося мѣшка горохъ:

— Чудна̀ мака, красна̀ крови... зема̀ль, ого-го далекій... Ботъ, ботъ!.. Ходи на городъ и привози сюды оба-два... Ого-го, спи̇на, спи̇на!.. Шабашъ!.. Славно!.. Шибко бѣгнула... Ого-го, рада есть? Славу Бога, славу Бога!.. Сама вижу: чудна̀ мака!.. Перва сорта!.. Ловиза купи есть, сорокъ пенни плати... Твоя друка есть! — энергично закончилъ финнъ свой безпорядочный монологъ и сильно хлопнулъ себя въ грудь кулакомъ.

— Ну, Хесто, милый человѣкъ, довольно, ласково остановилъ „Старый боцманъ“ потокъ удивительныхъ русскихъ словъ. „Пойдемъ-ка, выпьемъ лучше на радостяхъ.

— Выпьемъ, охотно согласился финнъ и, принявъ опять обычный равнодушно-спокойный видъ, послѣдовалъ тяжелой, неуклюжей походкой за смотрителемъ, въ домъ...

Съ этого знаменательнаго дня Хесто сдѣлался своимъ человѣкомъ, членомъ одной семьи. Ему отвели мѣсто за общимъ столомъ. Онъ пересталъ хорониться въ маячной башнѣ и очень охотно просиживалъ свободные часы въ кругу дружной, смотрительской семьи, внимательно прислушиваясь къ едва понятному говору, но никогда не вступая въ трудную бесѣду на малознакомомъ, чужомъ языкѣ. Вся его рѣчь ограничивалась, по прежнему несложными словами и, въ исключительныхъ случаяхъ, самыми короткими, благодушно исковерканными, фразами, въ которыя нерѣдко попадали, для большей, какъ ему казалось, ясности, разныя финскія слова и выраженія.

Въ присутствіи Настеньки, Хесто сосредоточивалъ все свое вниманіе только на ней одной. Онъ глядѣлъ ей въ ротъ, когда она съ трудомъ пережевывала жесткую солонину, слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, ловилъ каждое, сказанное ею, слово. Въ его взорѣ, упорно направленномъ на дѣвушку, не трудно было прочитать какое то идольское обожаніе и безграничную преданность. При этомъ все душевное состояніе Настеньки отражалось, словно въ волшебномъ зеркалѣ, въ его собственной душѣ.

Настенька была весела, и Хесто глядѣлъ не такъ угрюмо и становился, какъ будто, словоохотливѣе. Дѣвушка начинала скучать—Хесто хмурился, словно сычъ, и уходилъ въ свою башню, откуда появлялся вновь не скоро. Настенька чѣмъ нибудь недовольна — Хесто силился отгадать причину этого недовольства и, если это удавалось, старался отстранить ее по силѣ возможности. Онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не замѣчалъ, что лицо дѣвушки опять повеселѣло и просвѣтлѣло, а въ затуманенныхъ глазахъ вновь появлялся огонекъ радостнаго оживленія...

Хесто положительно жилъ жизнью Настеньки. Онъ ощущалъ какую то неотразимую потребность быть возлѣ нея и дышать однимъ съ нею воздухомъ. Съ собачьей преданностью старался онъ оградить дѣвушку отъ всего, что могло доставить ей хотя-бы слабое неудовольствіе или, вообще, разстроить ея хорошее, веселое расположеніе духа. Въ этомъ отношеніи Хесто доходилъ иногда просто до глупости. Такъ напримѣръ, однажды, онъ ныряль цѣлый день на двухъ-аршинной глубинѣ, чтобы отыскать какой-то острый предметъ, камень или стекло, слегка поранившій, во время купанья, ногу Настеньки. Онъ, конечно, ничего не находилъ, несмотря на продолжительную, чисто каторжную, водолазную работу; но не угомонялся до тѣхъ поръ, пока не подыскалъ болѣе удобнаго мѣста для купанья, хотя оно было значительно дальше прежняго. Настенька, разумѣется, отказалась

ходить такъ далеко изъ-за какой-то царапины, чѣмъ несказано огорчила преданнаго Хесто, который послѣ этого забился въ маячную башню на цѣлыхъ двое сутокъ и явился опять въ смотрительскій домъ только послѣ настойчиваго зова самой дѣвушки, старавшейся загладить свою непреднамѣренную обиду.

III.

Прошло два года послѣ знаменательнаго дня, только что описаннаго. Эти два года протекли съ тою-же послѣдовательностью, какъ и всѣ предыдущіе, съ тою-же безцвѣтностью и безъ новыхъ впечатлѣній, такъ-же спокойно, ровно, тускло и монотонно. Однообразное, грустное прозябаніе на голой скалѣ никого не смущало, такъ какъ съ нимъ уже освоились всѣ маячные отшельники, проведшіе на островѣ безвыѣздно десятки лѣтъ. Всѣ чувствовали себя отлично. Только Настенька стала послѣднее время съ чего-то скучать, задумываться и сосредоточиваться на какихъ-то тайныхъ грезахъ; а вмѣстѣ съ нею и Хесто впалъ опять въ прежнее угрюмое, мрачное настроеніе, началъ уединяться и прятаться отъ людей, сдѣлался суровымъ молчальникомъ и пересталъ ходить въ смотрительскій домъ.

„Старый боцманъ" недоумѣвалъ, что вдругъ приключилось съ обожаемой „дочуркой", а также терялся въ догадкахъ, почему Хесто сразу возвратился къ прежнему образу жизни и такъ рѣзко порвалъ завязавшіяся дружескія отношенія. Желая разрѣшить свое недоумѣніе, „Старый боцманъ" обратился однажды съ ласковыми распросами къ дочери, но та только вспыхнула до кончиковъ ушей и, не промолвивъ ни слова, убѣжала изъ дому на самую „Могилу лайбъ". Всегда настойчивый въ своей цѣли, Рощинъ, при случаѣ, еще разъ началъ допытывать „дочурку" съ трогательною нѣжностью и только довелъ ее этимъ почти до истерическихъ слезъ. Настенька, ежесекундно всхлипывая, начала умолять отца

не безпоиться и не тревожить себя пустыми догадками, при чемъ рѣшительно заявила:

— Оставь-же меня въ покоѣ!.. Я совершенно здорова... Все пустяки и глупости однѣ!.. Вотъ погоди, скоро я перестану хандрить и опять сдѣлаюсь по прежнему веселой... Правда, папочка!...

И Настенька, вспорхнувъ съ мѣста, словно птичка, опять убѣжала на свое излюбленное мѣсто — къ „Могилѣ лайбъ".

„Старый боцманъ" покачалъ сѣдой головой съ глубокимъ сомнѣньемъ и грустью, тоскливо поглядѣлъ въ слѣдъ „милой дочурки" и, когда та скрылась за отвѣснымъ берегомъ, рѣшительно зашагалъ къ маячной башнѣ, охваченный внезапною мыслью потолковать откровенно съ Хесто.

„Авось, Хесто что нибудь да знаетъ", мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ засталъ угрюмаго финна на самой вершинѣ башни. Хесто недвижно сидѣлъ у южной ея стороны и съ сосредоточеннымъ, упорнымъ вниманіемъ смотрѣлъ по направленію „Могилы лайбъ", гдѣ, среди каменныхъ глыбъ, едва виднѣлась стройная, граціозная фигура Настеньки, одѣтой въ свѣтлое, ситцевое платье. Хесто, услышавъ тяжелые шаги „Стараго боцмана" по крутымъ, каменнымъ ступенямъ башни, не шелохнулся съ мѣста, но только отвелъ глаза на западъ, точно его заинтересовало, показавшееся на горизонтѣ, большое парусное судно, неожиданно заштилѣвшее въ виду маяка.

— Здравствуй, Хесто", ласково проговорилъ смотритель, присаживаясь рядомъ съ финномъ. Тотъ промычалъ сквозь зубы какое то неопредѣленное, не то русское, не то финское, привѣтствіе и молча подался вправо, какъ бы не желая стѣснять своего начальника.

— „Кажется, баркъ тамъ штилюетъ"? началъ издалека „Старый боцманъ", хотя до барка ему не было рѣшительно никакого дѣла.

Хесто не спѣша вытащилъ изо рта коротенькую

трубку-носогрѣйку, ловко сплюнулъ и вновь вложилъ трубку на старое мѣсто, не вымолвивъ ни слова. Повидимому, онъ не желалъ тратить словъ попусту и только въ лѣвомъ, слегка прищуренномъ глазѣ мелькнуло мимическое выраженіе: „что, молъ, спрашиваешь?.. Вѣдь отлично самъ видишь, что баркъ штилюетъ, а не лайба какая“...

— „Славная погодка сегодня стоитъ“, продолжалъ „Старый боцманъ“ свой тонкій дипломатическій разговоръ и съ напускнымъ наслажденіемъ вдохнулъ полною грудью влажный, прохладный морской воздухъ.

Хесто молча переложилъ трубку въ другой уголъ рта, при чемъ немилосердно растянулъ послѣдній чуть-ли не до уха.

— А вѣдь можетъ здоровый вѣтеръ задуть? попробовалъ смотритель еще разъ завязать разговоръ съ угрюмымъ финномъ.

Хесто опять сплюнулъ, медленно, оглядѣлъ горизонтъ и неопредѣленно мотнулъ головой, настолько неопредѣленно, что люди съ разными темпераментами могли бы сдѣлать изъ этой странной пантомимы совершенно противуположные выводы.

Такъ напримѣръ, субъектъ скорый на рѣшеніе, понялъ бы, что „здоровый вѣтеръ непремѣнно задуетъ“; собесѣдникъ съ неустойчивымъ характеромъ осторожно подумалъ-бы: „вѣтеръ можетъ задуть, а можетъ и не задуть“, и, наконецъ, скептикъ положительно сталъ бы отрицать: „и съ чего здоровому вѣтру вдругъ задуть?.. Причинъ никакихъ нѣтъ... Глупости — не задуетъ“!..

Мимическій разговоръ мрачнаго финна не удовлетворилъ „Стараго боцмана“ и онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку выжать изъ своего подчиненнаго хотя одно путное слово и поставить его въ основаніе дальнѣйшей бесѣды, задуманной для разъясненія гнетущихъ недоразумѣній и сомнѣній. Вспомнивъ слабость финна къ хорошей русской водкѣ, смотритель неожиданно брякнулъ:

— Пойдемъ-ка, Хесто, выпьемъ по рюмочкѣ передъ обѣдомъ.

Хесто подозрительно скосился на „Стараго боцмана" и вытащилъ изо рта трубку, точно собираясь что-то сказать. На его широкомъ, всегда равнодушномъ, лицѣ промелькнуло едва уловимое выраженіе предстоящаго сладостнаго ощущенія. Это выраженіе промелькнуло словно молнія, и вновь мускулы лица Хесто приняли прежнее суровое положеніе, а трубка опять заняла свое мѣсто въ лѣвомъ углу рта. Было ясно, что упрямый финнъ не вымолвитъ ни слова даже ради вкусной русской водки. Это неожиданное обстоятельство окончательно сбило съ толку „Стараго боцмана".

„Ну, дѣло совсѣмъ плохо", подумалъ онъ съ досадой. „Теперь ничего изъ этой упрямой башки не вышибешь: уперся, словно быкъ, и ни слова... Эхъ, плохо дѣло, а все таки еще попробую"...

И старикъ рѣшительно заговорилъ укоризненнымъ тономъ:

— Эхъ, Хесто, Хесто, странный ты, погляжу, человѣкъ!.. Еще недавно былъ ты нашимъ другомъ: самъ ты объ этомъ говорилъ и мнѣ, и дочуркѣ... Помнишь, вѣдь?.. А теперь, что сдѣлалось съ тобой!?.. Опять прячешься, таишься отъ всѣхъ, изъ башни тебя не вызовешь. Ходишь хмурый, да угрюмый, слово не вымолвишь; глядишь на всѣхъ насъ голоднымъ волкомъ... Неладно дѣлаешь, Хесто, право, неладно!.. А также къ слову сказать: не знаешь ли, почему дочурка также хмурится и скучаетъ?.. Можетъ быть, тебѣ кое что и извѣстно?.. Ты, вѣдь, тутъ цѣлыми днями сидишь. Островъ весь отсюда, какъ на ладони: тебѣ, вѣдь, все видно... Можетъ быть, что и примѣтилъ?.. Скажи мнѣ, милый человѣкъ, какъ другу, успокой меня, старика...

Послѣднія слова „Старый боцманъ" проговорилъ дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались сдерживаемыя слезы.

Хесто окончательно насупился и сталъ мрачнѣе ночи.

Вся его коренастая фигура какъ то съежилась и сгорбилась. Отведя глаза совсѣмъ въ сторону, къ финляндскому берегу, едва виднѣвшемуся узкой полоской на ясномъ горизонтѣ, финнъ продолжалъ сурово отмалчиваться и только сталъ сильнѣе сосать свою, давно потухшую, носогрѣйку.

— Не другъ ты мнѣ,—съ горестнымъ упрекомъ прошепталъ „Старый боцманъ", приподнимаясь со скамьи.

— Моя друка есть!—съ неожиданнымъ порывомъ промычалъ Хесто, не шелохнувшись, а затѣмъ добавилъ равнодушно-недовольнымъ тономъ:

— А дальше моя не понимайтъ.

— Какъ не понимаешь!?—несказанно удивился смотритель, хлопнувъ широкими, закорузлыми ладонями по собственнымъ колѣнамъ...—Раньше все понималъ, а теперь и понимать пересталъ...

— Моя не понимайтъ!—сурово повторилъ Хесто и, медленно поднявшись съ своего излюбленнаго мѣста, вошелъ во внутрь башни и сталъ копошиться у ярко вычищеннаго и уже приготовленнаго къ вечеру фонаря.

„Старый боцманъ" увидѣлъ, что всѣ его дальнѣйшія попытки завести съ Хесто дружескій, откровенный разговоръ не будутъ имѣть никакого успѣха. Убѣдившись въ этомъ, онъ грустно поникъ головой и тяжелою поступью спустился въ домъ, гдѣ расторопная, хозяйственная Ирина Кузьминишна, жена смотрителя, уже поджидала всѣхъ съ незатѣйливымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ неизбѣжной солонины, свѣжей рыбы, кислой капусты и небольшого количества кое какихъ овощей „съ собственнаго огорода".

IV.

— Что, Хесто спустится къ обѣду или опять свой черствый сухарь на верху будетъ жевать?—поинтересовалась Ирина Кузьминишна, подвижная, хорошо сохранившаяся старушка, ласково встрѣчая мужа.

— Не придетъ,—лаконически отвѣтилъ „Старый боцманъ, недовольно выправляя лѣвой рукой, изъ за воротника шведской куртки, свою сѣдую, рѣдкую бороду, подбритую спереди, на подбородкѣ, какъ у финновъ, на которыхъ смотритель очень смахивалъ, благодаря щетинѣ, плохо выбритыхъ усовъ.

— Все еще хмурится? — продолжала съ любопытствомъ выспрашивать смотрительша, устанавливая на столѣ дымящуюся глиняную миску съ кислыми щами и тарелку съ огромнымъ кускомъ, превосходно сваренной, солонины.

— Хмурится,—словно эхо вымолвилъ „Старый боцманъ", тяжело опускаясь на свое мѣсто — неуклюжій древній диванъ краснаго дерева съ кожаннымъ, сильно потертымъ и продавленнымъ, сидѣньемъ.

— А дочурка гдѣ?—спросилъ онъ въ свою очередь, приглаживая ладонями скудные остатки своихъ сѣдыхъ, длинныхъ волосъ.

— Я уже послала за нею Петю: сейчасъ придетъ, вѣрно... Да вонъ, уже идутъ! — съ радостнымъ оживленіемъ добавила старушка, выглянувъ въ окно.

Дѣйствительно, спустя минуту, дверь распахнулась и въ комнату вбѣжала съ напускнымъ оживленіемъ, слегка раскраснѣвшаяся отъ быстраго движенія, Настенька, преслѣдуемая здоровымъ, крѣпкимъ, мускулистымъ молодымъ человѣкомъ, еще безбородымъ, но съ лицомъ мужественнымъ, энергичнымъ и сильно загорѣвшимъ отъ постояннаго пребыванія на солнцепекѣ.

Поздоровавшись съ матерью, дѣвушка усѣлась рядомъ съ отцомъ и крѣпко поцѣловала въ его щетинистую щеку. „Старый боцманъ" взглянулъ на дочурку, изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, внимательнымъ, любящимъ взоромъ и, глубоко вздохнувъ, молча началъ ѣсть уже налитые щи, подавленный угнетающею, тяжелою мыслью:

„Что съ дочуркой творится?.. Блѣдная стала, худѣетъ... мало ѣстъ... Глаза потускнѣли... скучная и

вялая стала... Насквозь ее вижу, а она, голубка, надуть меня хочетъ: веселье и оживленіе на себя напускаетъ... Хорошо вижу, что все, напускное и что внутри у ней кошки скребутъ... Какія это такія кошки?.. — вотъ что знать хочется... Жизнь, кажись-бы, отдалъ, если бы кто ея душевную тайну разгадалъ... Господи, Боже мой, Господи, Боже мой, вразуми, укрѣпи и поспѣши!..“

Настенька, наскоро пообѣдавъ, чмокнула опять въ щеку отца и начала куда-то собираться.

— Ты куда опять, дочурка? — ласково спросилъ „Старый боцманъ“, оглядывая испытующимъ взоромъ блѣдное, худое, но все еще чрезвычайно миловидное, лицо своей ненаглядной, обожаемой Настюши.

— Пойду, папочка, на мысъ: посижу и на море погляжу... Ахъ, какъ тамъ хорошо, папочка! — тихо проговорила дѣвушка и торопливо вышла изъ комнаты, точно желая скрыться поскорѣй отъ слишкомъ наблюдательныхъ глазъ.

— Сыночекъ, ступай съ ней, да развлеки ее, — приказалъ смотритель, обратившись къ сыну, аппетитно еще справлявшемуся съ большимъ кускомъ солонины.

Молодой человѣкъ безпрекословно поднялся со стула и вышелъ изъ комнаты вслѣдъ за сестрой.

— Я нарочно посылаю его, чтобъ съ тобой перетолковать, — объяснилъ смотритель свое странное приказаніе. Затѣмъ, послѣ минутнаго раздумья, проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Что сдѣлалось съ нашей дочуркой, жена, что съ нею приключилось? Замѣчаешь, какъ она, голубка, груститъ и тоскуетъ, словно червь какой ее гложетъ?..

— Все вижу, Яковъ Семенычъ, все подмѣтила, да сама теряюсь: съ чего все это? — съ недоумѣніемъ развела руками Ирина Кузьминишна, печально склонивъ на бокъ голову.

— А ты не распрашивала ее, не допытывалась?

— Допытывалась, Яковъ Семенычъ, да только пуще тѣмъ растроила ее... Случилось это подъ первый Спасъ.

Заправила я передъ образами лампадку, помолилась Богу и стала спать укладываться. Раздѣваюсь понемногу, не тороплюсь, Настюшу поджидаю. Ужъ сдѣлалось совсѣмъ темно, а ее все нѣтъ, да нѣтъ. Ну, думаю, куда же она запропастилась? Всѣ уже спятъ, а ее нѣтъ... Начало у меня сердце щемить... Одѣлась я опять и пошла на поиски... Прежде всего заглянула въ твою комнатку: вы спите себѣ оба, какъ младенцы... Обошла я потомъ весь домъ: побывала въ столовой, на кухнѣ, въ кладовой—нѣтъ Настюши нигдѣ... Ну, думаю, вѣрно она на мысу засидѣлась? Рѣшила туда идти. Только что вышла я изъ дому, а въ это время грянулъ громъ, и дождь пошилъ, какъ изъ ведра... Идти по скользкому камню, въ темнотѣ, стало боязно: не забыла, вѣдь, я, какъ три года тому назадъ, едва ногу не сломала, идучи въ дождь къ колодцу, за водой... А тогда, вѣдь, день былъ и все подъ ногами разглядѣть можно было... Ну, вотъ, стало мнѣ страшно на мысъ идти—я и сѣла на крыльцѣ. Просидѣла недолго, съ полчаса, гляжу Настюша идетъ, мокрая вся, хоть выжми. Я такъ и ахнула: „гдѣ ты, молъ, голубка моя, пропадала въ такую погоду?...—На мысу была,—отвѣчаетъ, „и на море глядѣла — плещетъ оно, мамочка, такъ, что сердце трепетало“... И далось, вѣдь, ей это море!.. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ все на море глядитъ, да любуется имъ... А что въ немъ, прости Господи?.. Только шумитъ, да воетъ, да корабли топитъ...

— Къ дѣлу, жена, къ дѣлу скорѣй,—досадливо перебилъ смотритель словоохотливую старушку. О морѣ потомъ, а теперь о дочуркѣ разсказывай... Ну, что же, прибѣжала она мокрая, а когда же ты стала допытывать ее?..

— Сейчасъ же и стала допытывать, какъ въ комнату вошли... Нѣтъ, впрочемъ, не такъ дѣло было, — начала припоминать Ирина Кузьминишна,—совсѣмъ не такъ. Прежде всего я дала Настюшѣ сухое бѣлье и въ кровать положила, а она, голубка, глядитъ на образа такъ грустно-грустно и что-то шепчетъ... Ну, думаю, Богу

молится... Я подождала немного... Вдругъ она спрашиваетъ: „скажи, мамочка, всѣ ли люди такъ живутъ, какъ мы живемъ“?.. Услышавъ это, я такъ и обомлѣла: съ чего это, думаю, явилась у ней въ головѣ такая мысль?.. А Настюша опять: „какъ бы мнѣ хотѣлось, мамочка, поступить въ какой-нибудь монастырь, о которыхъ я прочла въ книжкахъ, что привезъ отецъ“... Меня отъ такихъ словъ въ дрожь ударило.—Съ чего это,—спрашиваю, „тебѣ въ монастырь захотѣлось“?... Молчитъ... Я и давай допытываться: съ чего, да съ чего?.. А она, голубка моя, слушала, слушала, да какъ вдругъ зальется горючими слезами... Уткнулась это въ подушку лицомъ и плачетъ, плачетъ безъ конца... Я и такъ, и сякъ: ничего не помогаетъ... Плачетъ себѣ и жалостливо все проситъ: „мамочка, не допрашивайте, мамочка, оставьте меня“... Я и оставила ее на Божье попеченіе. Поплакала она крохотку еще, да потомъ понемногу успокоилась и заснула... Съ того дня я и не допрашивала больше, да и допрашивать не стану!.. Что ее, бѣдняжку, тревожить и растравливать...

— И не надо, Господь съ нею,—согласился „Старый боцманъ“ съ глубокимъ вздохомъ и тоскливо поникъ сѣдой головой.

— А жалко мнѣ дочурку, ахъ, какъ жалко,—тихо заговорилъ онъ послѣ короткаго раздумья... Таетъ, вѣдь, она съ каждымъ днемъ!.. Еще годъ тому назадъ была она кровь съ молокомъ, а теперь взгляни хорошенько: на кого похожа? Краше, кажись, въ гробъ кладутъ...

— Ну, ужъ ты, Яковъ Семенычъ, завираться сталъ,—энергично запротестовала Ирина Кузьминишна испуганнымъ голосомъ. Совсѣмъ Настюша не такъ худа, какъ кажется... Правда, она за послѣднее время похудѣла немного и поблѣднѣла, но это пройдетъ: Богъ дастъ—поправится.

— Дай Господи!—набожно прошепталъ смотритель и трижды перекрестился, глядя умиленнымъ взоромъ на висѣвшій въ углу образъ Спасителя.

V.

Настенька была ветхозавѣтнымъ Веніаминомъ въ смотрительской семьѣ — двѣнадцатый и послѣдній ребенокъ здоровой и крѣпкой Ирины Кузьминишны. Съ перваго же дня рожденія, она сдѣлалась общей любимицей. Всѣ холили и лелѣяли прехорошенькую дѣвочку, съ бѣлокурыми кудрями и веселенькими, голубыми глазками, появившуюся на свѣтъ Божій совершенно неожиданно, послѣ семилѣтняго бездѣтства Ирины Кузьминишны. „Старый боцманъ", которому минуло тогда уже пятьдесятъ лѣтъ, не чаялъ души въ своей ненаглядной, обожаемой дочуркѣ, родившейся, какъ бы, въ утѣшеніе маячнымъ отшельникамъ, испытавшимъ, за свое двадцатилѣтнее, непрерывное пребываніе на голой скалѣ, не мало физическихъ лишеній, а главное — моральныхъ мукъ и тяжкихъ ударовъ безпощадной судьбы...

Рощинъ прибылъ на маякъ еще молодымъ человѣкомъ (ему было всего тридцать лѣтъ) съ семнадцатилѣтней красивой женой, согласившейся, ради горячей любви къ Якову Семеновичу, отрѣшиться отъ всего міра, прекраснаго и веселаго, и сдѣлаться съ юнаго возраста добровольной отшельницей. Изъ простой, но честной, семьи, Ирина Кузьминишна, правда, не испытала въ жизни особенныхъ радостей, вслѣдствіи бѣдности своихъ родителей, но тѣмъ не менѣе съ ея стороны было громаднымъ самопожертвованіемъ—переселиться изъ города на крохотный, скалистый, безлюдный островъ и промѣнять городское оживленіе на однообразное, крайне монотонное, прозябаніе, полное всевозможныхъ лишеній, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ. Впрочемъ, она не сознавала своей жертвы. Напротивъ, она ѣхала на голую скалу съ тихою радостью, проникнутая увѣренностью, что „съ милымъ будетъ рай и въ шалашѣ". Эта увѣренность не обманула Ирину Кузьминишну. Она очень скоро свыклась со своимъ орлинымъ гнѣздомъ и совер-

шенно забыла, что есть въ мірѣ иная жизнь и другая обстановка, а также иныя радости и какія-либо удовольствія...

Рощинъ пріѣхалъ на маякъ прямо съ палубы военнаго корабля, на которомъ съ честью прослужилъ десять лѣтъ, и благодаря своей смѣтливости, расторопности, бравости, находчивости и знанію морского практическаго дѣла, достигъ почетнаго, отвѣтственнаго званія боцмана. Много испытавъ въ теченіи продолжительныхъ вояжей на кораблѣ вокругъ свѣта, Рощинъ, наконецъ, усталъ и пожелалъ промѣнять безпокойную, тяжелую и опасную службу въ морѣ на какую-нибудь береговую обязанность, сколько-нибудь обезпечивающую „семью" въ матеріальномъ отношеніи. Именно „семью", такъ какъ Яковъ Семеновичъ страстно возжелалъ обзавестись хорошей, любящей женой и горячо сталъ мечтать о тихихъ, благотворныхъ, радостяхъ семейной жизни. Счастливыя обстоятельства помогли бравому боцману достигнуть, взлелѣянной имъ, сладостной мечты. Благодаря хлопотамъ судового командира, чрезвычайно полюбившаго Рощина за его служебные и нравственныя качества, онъ очень скоро получилъ мѣсто смотрителя маяка на „Могилѣ лайбъ". Съ Ириной Кузьминишной онъ былъ уже знакомъ, и дѣло съ свадьбой обладилось въ нѣсколько дней...

Поселившись на голомъ, безлюдномъ островѣ, Яковъ Семеновичъ сосредоточилъ всѣ свои чувства на обожаемой женѣ, въ которой не чаялъ души. Дни шли за днями незамѣтно и быстро. Черезъ годъ, у нихъ родилась дочь, названная въ честь матери Ириной. Первый ребенокъ привелъ молодыхъ супруговъ въ неописуемый восторгъ. Жизнь ихъ стала разнообразнѣе. Появилась новая, радостная цѣль—взростить дочь на голой скалѣ, вспоить ее, послѣ материнскаго молока, дождевой водой и вскормить солониной, кислой капустой, рыбой и лишь изрѣдка мясомъ. Жизненная задача родителей была не изъ легкихъ, но они не унывали, разсчитывая на Божью помощь и горячо уповая на Его милосердіе...

Первой заботой религіозныхъ маячныхъ отшельниковъ было, конечно, крещеніе ребенка. Вслѣдствіе полной изолированности острова, Яковъ Семеновичъ не могъ надѣяться на присылку, когда либо, священнослужителя, а потому, не долго раздумывая, выбралъ хорошій денекъ, посадилъ на небольшую финку (тогда еще бота у смотрителя не было) жену съ малюткой, поставилъ паруса, усѣлся на руль и понесся съ легкимъ попутнымъ вѣтромъ къ финлядскому берегу. Послѣ десяти-часоваго, благополучнаго плаванія, Рощинъ добрался до ближайшаго города, гдѣ была православная церковь, и окрестилъ ребенка. Выполнивъ религіозную, жгучую потребность, онъ дождался опять благопріятной погоды и, спустя недѣлю, возвратился на островъ и вновь вступилъ въ свои несложныя обязанности смотрителя маяка... Подобныя рискованныя морскія поѣздки на утлой ладьѣ повторялись потомъ неоднократно: то нужно было окрестить слѣдующихъ дѣтей, то являлась неотложная надобность свезти, внезапно заболѣвшаго, ребенка къ доктору, то нависала горестная потребность доставить умершаго малютку въ городъ, для христіанскаго погребенія на православномъ кладбищѣ...

Дальнѣйшія морскія путешествія Рощинъ совершалъ, обыкновенно, одинъ, оставляя жену на островѣ съ остальными дѣтьми, нуждавшимися въ неуклонномъ, постоянномъ присмотрѣ, такъ какъ, рѣзвясь на скалѣ, они весьма легко могли свалиться съ крутого, скользкаго берега въ море и утонуть...

Прошло тринадцать лѣтъ, въ теченіи которыхъ смотрительская семья увеличилась еще пятью членами, не считая первенца Ирины, а также пяти малютокъ, не вынесшихъ суровой обстановки орлинаго гнѣзда и умершихъ отъ неизвѣстныхъ болѣзней, безъ докторской помощи, въ самомъ юномъ возрастѣ, отъ года до трехъ лѣтъ. Эти страшныя потери ложились тяжелымъ камнемъ на сердца маячныхъ отшельниковъ, но тѣмъ не менѣе они никогда не роптали и покорно подчинялись

волѣ Божіей. Въ тягостные дни своего прозябанія на голой скалѣ, они всегда находили утѣшеніе и успокоеніе въ горячей молитвѣ. Они никогда не забывали Бога и съ святымъ усердіемъ сѣяли въ сердцахъ своихъ дѣтей, пяти здоровыхъ мальчиковъ и не менѣе здоровой Ирины, благодатныя сѣмена искренней вѣры...

Когда мальчики подросли, Рощинъ свезъ ихъ въ мореходную школу, съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ бравыхъ моряковъ, тѣмъ болѣе, что тѣ чувствовали большое призваніе къ морю, которое полюбили съ дѣтскою горячностью и страстностью. Въ утѣшеніе матери, Яковъ Семеновичъ оставилъ Ирину и пятилѣтняго бойкаго Петю, изъ котораго смотритель задумалъ подготовить себѣ: прежде—хорошаго помощника, а затѣмъ и опытнаго преемника...

Прошло еще пять лѣтъ и за хозяйственную, скромную, добрую Ирину посватался смотритель сосѣдняго маяка, человѣкъ уже не молодой, но очень хорошій, непьющій и сердечный. Какъ ни жаль было Иринѣ Кузьминишнѣ растаться съ любимой дочкой, она взглянула на предстоявшее замужество послѣдней разумными, материнскими глазами и съ радостью благословила ее на новую жизнь. „Старый боцманъ", въ свою очередь, (Рощинъ уже пріобрѣлъ въ то время это характерное прозвище) былъ чрезвычайно доволенъ, что ему удалось, наконецъ, хорошо пристроить первое чадо и поставить его въ собственную житейскую колею...

Спустя два года послѣ свадьбы Ирины, справленной въ ближайшемъ городѣ, Господь послалъ маячнымъ отшельникамъ послѣднее неожиданное утѣшеніе —Настеньку. Въ это время, три старшихъ ихъ сына, Яша, Сеня и Коля, уже плавали на коммерческихъ корабляхъ въ должности штурманскихъ помощниковъ, а четвертый сынъ, Леша, еще теръ морскую лямку въ званіи юнги, подъ теплымъ покровительствомъ девятнадцатилѣтняго брата Яши...

Рожденіе Настеньки было отпраздновано на „Могилѣ

лайбъ" чрезвычайно торжественнымъ образомъ. Съ ранняго утра, „Старый боцманъ", вспомнивъ былое, разцвѣтилъ кое-какими флагами, сшитыми изъ ветхихъ женииныхъ платьевъ, всю свою флотилію: парусный ботъ, только что пріобрѣтенный, по случаю, съ одного коммерческаго судна, и двѣ казенныя финки. Въ полдень, послѣ молебна, прочитаннаго смотрителемъ по купленнымъ давно церковнымъ книгамъ, Яковъ Семеновичъ произвелъ безсчетный салютъ изъ стараго охотничьяго ружья, при чемъ, второпяхъ, опалилъ себѣ бороду и усы, которые еще тогда носилъ. Эта неожиданная аварія волосяной растительности нисколько не омрачила знаменательнаго и радостнаго дня. Напротивъ, всѣ отнеслись къ такому казусу, въ томъ числѣ и самъ потерпѣвшій, съ добродушнымъ юморомъ и веселымъ смѣхомъ.

Торжество закончилось „параднымъ обѣдомъ, лично состряпаннымъ смотрителемъ, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія Ирины Кузьминишны. Къ обѣду получили приглашеніе двое представителей маячной прислуги, дряхлый, донельзя грязный, финнъ Леко (Хесто тогда еще не было на островѣ) и не менѣе грязный отставной матросъ Архиповъ, вѣчно думавшій только объ одномъ: какъ бы раздобыть гдѣ нибудь водку, ромъ или даже хоть хмѣльное, скверное финское пиво — калья. Вслѣдствіе подобнаго неотразимаго стремленія къ крѣпкимъ напиткамъ, вообще, Архиповъ отнесся къ смотрительскому приглашенію къ „парадному" обѣду съ особенною благосклонностью и первымъ явился „въ столовую", когда еще Яковъ Семеновичъ не успѣлъ закончить необходимыхъ приготовленій къ пріему „гостей" и усиленно хлопоталъ что то на кухнѣ, грохоча на весь домъ кастрюлями, сковородами, кочергой, ухватомъ и горшками.

Архиповъ, одѣтый, по случаю торжественнаго дня, въ свое „первосрочное" обмундированіе, состоявшее изъ потертой, но сравнительно, чистой фланелевой рубахи

и тщательно заплатанныхъ суконныхъ брюкъ, выпущенныхъ поверхъ совершенно рыжихъ, сморщенныхъ отъ морской воды, сапогъ, — войдя въ пустую столовую, чинно вытянулся у дверей и сталъ терпѣливо поджидать гостепріимнаго хозяина-начальника. Онъ стоялъ „смирно“, и только одни его проницательные, зоркіе глаза шныряли по накрытому столу и по всѣмъ закоулкамъ комнаты въ тщетныхъ поискахъ хорошо знакомыхъ графинчиковъ съ домашними настойками. Эти графинчики появлялись во всѣ торжественные дни, и смотритель собственноручно наливалъ изъ нихъ „по рюмочкѣ“ своимъ подчиненнымъ, чѣмъ тѣ чрезвычайно дорожили и ждали этой почетной, вкусной „рюмочки“ съ большимъ нетерпѣніемъ...

Архиповъ простоялъ въ одиночествѣ довольно долго. Ему уже надоѣло искать глазами завѣтные графинчики, куда-то припрятанные осмотрительнымъ „Старымъ боцманомъ“, какъ наружная дверь отчаянно заскрипѣла на своихъ ржавыхъ петляхъ и „въ столовую“ ввалилась неуклюжая, сгорбленная фигура Леко. Лохматый финнъ, несмотря на торжествованный день, былъ въ грязной, засаленной, парусинной рубахѣ, въ громадныхъ, длинныхъ сапогахъ съ широчайшими голенищами. Въ грязныхъ, заскорузлыхъ рукахъ, Леко держалъ неизмѣнную зюйдъвестку, съ которой не раставался, кажется, и тогда даже, когда ложился спать, тѣмъ болѣе, что онъ спалъ не раздѣваясь, находя излишнею и обременительною всю процедуру какъ раздѣванья, такъ и одѣванья...

Архиповъ, чувствуя себя въ гостяхъ, неловко раскланялся съ вошедшимъ Леко и протянулъ ему свою мозолистую ладонь, хотя разстался съ нимъ всего часъ тому назадъ. Онъ хорошо помнилъ, что такъ дѣлали „господа“ въ городахъ и на судахъ. Старый финнъ, повидимому, забылъ объ этомъ свѣтскомъ приличіи и, не обративъ никакого вниманія на поклонъ товарища и протянутую имъ руку, хладнокровно и хмуро прошелъ къ самому столу и занялъ, какъ ему казалось, предназначенное ему

мѣсто. Архиповъ немного обидѣлся за такое пренебреженье со стороны Леко и хотѣлъ было, довольно энергично и хлестко, высказать невѣжливому финну свою обиду, какъ изъ кухни показалась торжественная кулинарная процессія, при видѣ которой старый морякъ, почти мгновенно, перешелъ отъ гнѣва въ самое благодушнѣйшее настроеніе духа.

Впереди шелъ, въ новенькомъ мундирѣ, увѣшанномъ медалями, „Старый боцманъ“, держа въ правой рукѣ росписной подносъ съ графинчиками и рюмками, а въ лѣвой—круглое блюдо съ громаднымъ кускомъ неизбѣжной солонины, гарнированной вареньмъ картофелемъ, случайно раздобытымъ съ одной, проходившей поблизости острова, лайбы. Слѣдомъ за смотрителемъ, важно выступалъ двѣнадцатилѣтній Петя, неся большую сковородку съ жареной рыбой, распространявшей вокругъ сильный запахъ пригорѣвшаго масла, пріятно защекотавшаго ноздри проголодавшагося Архипова. За Петей бѣжала, облизываясь, кошка, но до этой „твари“ Архипову не было никакого дѣла и все его вниманіе оказалось, въ результатѣ, сосредоточеннымъ на графинчикахъ съ настойками, звенѣвшихъ и дребезжавшихъ на подносѣ удивительно мелодично и соблазнительно, по крайней мѣрѣ для слуха бывалаго моряка.

VI.

„Старый боцманъ“, поставивъ на столъ подносъ и блюдо, слегка покосился на Леко, занявшаго хозяйское, предсѣдательское мѣсто, и затѣмъ перевелъ глаза на Архипова, продолжавшаго стоять „смирно“ у косяка дверей.

— Ну, Архиповъ, полно тебѣ тамъ топорщиться, съ ласковой усмѣшкой проговорилъ смотритель. Садись вотъ сюда и будь гостемъ.

И Яковъ Семеновичъ хлопнулъ ладонью по вдавлен-

ному жесткому сидѣнью старомоднаго, неуклюжаго кресла.

— А я сяду здѣсь, продолжалъ онъ добродушно, усаживаясь на стулѣ, предназначенномъ для Леко.

Архиповъ осторожно занялъ указанное ему мѣсто и съ благоговѣйнымъ вниманіемъ началъ слѣдить, какъ смотритель разливалъ по рюмкамъ березовую настойку, почки для которой были припасены еще весной прошлаго года, во время случайной поѣздки на материкъ.

— Ну, товарищи, выпьемъ-ка за здоровье и счастье новорожденной! торжественно провозгласилъ Яковъ Семеновичъ, придвигая къ гостямъ подносъ съ налитыми рюмками.

— Ура!! гаркнулъ на весь домъ Архиповъ, внезапно охваченный восторженнымъ убѣжденіемъ, что именно теперь наступила пора кричать „ура въ честь новорожденной.

„Старый боцманъ“ невольно усмѣхнулся при этомъ преждевременномъ восторгѣ подчиненнаго, а мрачный Леко усиленно засопѣлъ и взглянулъ на товарища съ такимъ убійственнымъ презрѣніемъ, что тотъ поспѣшилъ смолкнуть и залить горло забористой настойкой.

Помимо этого „инцидента“ парадный обѣдъ прошелъ вполнѣ благополучно. Архиповъ преимущественно пилъ, что щедро наливалъ ему радостный смотритель; а угрюмый молчаливый финнъ ѣлъ и пилъ съ одинаковымъ усердіемъ, убирая за обѣ щеки большіе куски солонины, картофель, рыбу и охотно запивая все это превкусной „руска вудка“.

Въ концѣ обѣда, „Старый боцманъ“ предложилъ крикнуть въ честь новорожденной „ура“, и всѣ крикнули довольно единодушно, даже Леко, достаточно промочившій себѣ горло для этого торжественнаго момента...

„Гости“ оставили гостепріимный домъ смотрителя сильно навеселѣ и, дружно обнявшись, возвратились въ маячную башню, гдѣ незамедлили излить свое отличное

настроеніе духа безконечнымъ дуетомъ, при чемъ Архиповъ пѣлъ по русски ухарскія матросскія пѣсни, а Леко тянулъ хриплымъ голосомъ монотонныя финскія мелодіи. Такой своеобразный комическій дуетъ тянулся до солнечнаго заката, когда одинъ изъ пѣвцовъ долженъ былъ заняться своимъ прямымъ дѣломъ, о чемъ своевременно напомнилъ бдительный смотритель маяка...

Спустя мѣсяцъ, „Старый боцманъ" окрестилъ Настеньку въ той-же самой церкви, гдѣ совершено было это таинство надъ всѣми другими питомцами орлинаго гнѣзда...

Настенька росла подъ неусыпнымъ, любящимъ надзоромъ Ирины Кузьминишны. Якова Семеновича и даже Пети, сильно привязавшагося къ малюткѣ-сестренкѣ. Съ нее не спускали глазъ; надъ нею не могли надышаться. Ее лелѣяли съ безграничнымъ чувствомъ какого-то восторженнаго обожанія. Она сдѣлалась счастливымъ баловнемъ всей семьи. Даже отсутствующіе братья горячо полюбили, заочно, свою младшую сестру и съ каждой оказіей присылали ей кое какія игрушки и подарки...

Прошли года, и Настенька вступила въ возрастъ, когда надо было подумать о кое какой наукѣ: ей минуло семь лѣтъ. Она была веселой, бойкой, разбитной дѣвочкой, которая и на голой скалѣ находила себѣ множество развлеченій, начиная съ собиранія по прибрежью разнообразныхъ ракушекъ и гладкихъ разноцвѣтныхъ камушковъ и кончая катаньемъ на шлюпкахъ, съ возмужалымъ уже братомъ Петей, рыбной ловлей и крайне интереснымъ добываніемъ морской водоросли. Постепенно, она свыклась и сжилась съ окружающимъ моремъ настолько, что безъ страха и трепета носилась подъ парусами по бурнымъ волнамъ въ довольно свѣжую погоду, пріобрѣтая навыкъ въ управленіи рулемъ и шкотами. Настенька выказала къ наукѣ большія способности. Въ самое короткое время она выучилась читать, писать, познакомилась съ началомъ ариѳметики, словомъ, одолѣла все,

что только зналъ ея старый отецъ, любовно занявшійся образованіемъ своей обожаемой дочурки. Уже черезъ годъ изсякъ весь источникъ знаній „Стараго боцмана" и, поневолѣ, пришлось считать „курсъ наукъ" законченнымъ; но Настеньки показалось недостаточнымъ перечитывать церковныя книги, единственныя печатныя произведенія на всемъ островѣ, и она стала настойчиво просить „другихъ книжекъ". Исполняя желаніе своей любимицы, „Старый боцманъ", при первомъ же посѣщеніи ближайшаго города, привезъ оттуда цѣлую кипу сказокъ дешеваго московскаго изданія. Настенька набросилась на эти полуграмотныя сказки съ поразительною жадностью, читала и перечитывала ихъ съ утра до вечера. Съ сказкой подъ мышкой, уходила она на южный мысъ острова и, сидя въ виду мрачной „Могилы лайбъ", углублялась въ міръ волшебства и фантазіи. Съ сильнымъ воображеніемъ, впечатлительная по натурѣ, Настенька воспринимала всѣ сказочныя чудеса особенно живо. Сказочная жизнь занимала ее и развлекала, заслоняя собой жизнь настоящую, реальную, которою наивная дѣвушка пока не интересовалась; а предусмотрительный отецъ старался даже отстранить отъ Настеньки рѣшительно все, что могло бы натолкнуть ее на мысль объ иной жизни, кромѣ той, которою она жила на своей родной скалѣ. „Старый боцманъ" справедливо опасался, что знакомство съ иною жизнью „потянетъ дочурку съ голаго острова", а это не входило въ его виды, такъ какъ онъ не предполагалъ покинуть маякъ до конца своихъ дней, а отпустить любимицу на материкъ казалось ему превыше его душевныхъ силъ. Отцовскій эгоизмъ совершенно поглотилъ въ „Старомъ боцманѣ" всѣ остальныя чувства и заставилъ Якова Семеновича идти даже противъ могущественной природы...

Годы шли. Настенька продолжала расти и развиваться физически, постепенно становясь красивой, здоровой, чрезвычайно симпатичной дѣвушкой. Въ умственномъ отношеніи она находилась въ нѣкоторомъ, весьма

понятномъ, застоѣ. Не лишенная пытливости и наблюдательности, она, впрочемъ, старалась разгадать, что творится вокругъ нея, за горизонтомъ ея родного острова, но задача эта совершенно была не подъ силу наивной дѣвушкѣ. Нерѣдко, Настенька просиживала цѣлыми днями на берегу моря, упорно глядѣла вдаль, слѣдила за полетомъ птицъ, движеніемъ облаковъ и неустаннымъ бѣгомъ безчисленной рати волнъ; прислушивалась къ неумолчному шуму прибоя, къ реву буруновъ, къ ласковому шепоту вѣтерка и къ зловѣщему вою штормовыхъ вихрей. Если на горизонтѣ показывался парусъ или пароходный дымъ, Настенька слѣдила за этими таинственными признаками иной жизни со жгучимъ вниманіемъ, пока парусъ и дымъ не исчезали за горизонтомъ. И этимъ ограничивалась ея разгадка тайны загоризонтной жизни...

Такъ время шло, пока Настенькѣ не минуло семнадцать лѣтъ и физическая природа не стала предъявлять къ ней свои неуклонныя права. Приближался опасный моментъ, о которомъ и не подозрѣвалъ „Старый боцманъ“, смотрѣвшій на вещи слишкомъ съ узкой, эгоистической точки зрѣнія, хотя въ основѣ этого страннаго эгоизма не было ничего злого и безпощаднаго, а лишь лежала безграничная, всепоглощающая любовь къ дочуркѣ. Эгоизмъ и любовь-чувства, повидимому, несовмѣстимыя, но, между тѣмъ, то и другое отлично уживались въ безхитростномъ, простомъ сердцѣ „Стараго боцмана“, наивно воображавшаго, что родительскія ласки и любовь вполнѣ достаточны для дочурки и могутъ замѣнить ей все остальное...

VII.

Настенька, выйдя изъ дому, въ глубокомъ раздумьи побрела къ своему излюбленному мѣсту — на далеко выдающійся въ море южный мысъ, къ которому примыкалъ, страшный для мореходовъ, каменистый рифъ. Она

шла, понуря голову, легко и привычно скользя по гладкой, почти полированной, поверхности скалистаго острова. Легкій, прохладный вѣтерокъ шаловливо игралъ ея пышными бѣлокурыми волосами, эффектно окаймлявшими, какъ бы ореоломъ, миловидное, но грустное и похудѣвшее, личико дѣвушки. Солнце, уже склонявшееся къ западу, бросало съ яснаго, безоблачнаго неба снопы яркихъ, косыхъ лучей и обдавало Настеньку тепломъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ, мягко ложившимся на стройной фигурѣ дѣвушки, одѣтой въ темносѣрое, ситцевое платье домашняго покроя и шитья. Вообще, костюмъ маячной отшельницы отличался полною незатѣйливостью и отчасти даже безвкусіемъ, вполнѣ понятнымъ при отсутствіи на голомъ островѣ модныхъ журналовъ и кокетливыхъ, живыхъ манекеновъ. Настенька ходила, обыкновенно, въ теплое время года съ непокрытой головкой и только въ жаркіе дни защищалась отъ жгучихъ солнечныхъ лучей простой, соломенной шляпой съ широчайшими полями. Шляпа эта отлично замѣняла зонтикъ, о которомъ дѣвушка неимѣла рѣшительно никакого представленія. Какъ наконецъ, можетъ быть, не досадно нѣкоторымъ сентиментальнымъ читателямъ, симпатичная маячная отшельница не носила перчатокъ и даже частенько ходила безъ сапогъ, не опасаясь испортить свои маленькія ножки о каменистую почву.

Вообще, Настенька, не смотря на свой деревенскій, простой костюмъ, могла бы болѣе понравиться знатокамъ классической красоты. Въ лучистыхъ, голубыхъ глазахъ Настеньки отражалось само небо, ясное, чистое и таинственное. Чуть-чуть вздернутый, но красивый, носъ придавалъ ея чрезвычайно миловидному лицу, съ соблазнительными ямочками на щекахъ, шаловливое, задорное выраженіе. Когда она смѣялась, съ неотразимою заразительностью и веселостью, что было недавно очень часто, въ глазахъ ея искрились и сверкали радостные огоньки, словно отраженныя звѣздочки; а между раскрытыхъ сочныхъ губокъ сверкали два ровныхъ ряда

бѣлыхъ, здоровыхъ зубовъ, еще неознакомившихся, къ своему благополучію, съ косметиками химическихъ лабораторій...

Настенька, пробираясь къ мысу, замѣтила брата Петю, слѣдовавшаго сзади, не ранѣе, какъ стала спускаться съ крутого берега на длинную косу. Она чрезвычайно любила брата и находила большое удовольствіе дѣлить съ нимъ досуги своего времени, но въ настоящую минуту ей хотѣлось быть одной и безъ свидѣтелей отдаться своимъ думамъ и мечтамъ. Желая отдѣлаться отъ непрошеннаго провожатаго, Настенька пріостановилась и, когда братъ приблизился, обратилась къ нему съ ласковымъ упрекомъ:

— Зачѣмъ ты слѣдишь за мной?

— Меня отецъ послалъ... — началъ было оправдываться Петя, но Настенька съ нервнымъ капризомъ перебила его:

— Ахъ, какъ это, наконецъ, невыносимо! Всѣ безпокоятся обо мнѣ, всѣ глядятъ на меня не то съ тревожною грустью, не то съ обидною подозрительностью... И съ чего все это?..

— Ты стала съ недавнихъ поръ какая то странная... Отецъ боится за твое здоровье... Онъ отлично видитъ, что ты страдаешь душевно, изныаешь... И я подмѣчаю, что въ тебѣ творится нѣчто неладное, — началъ распространяться Петя съ порывомъ сердечнаго чувства.

— Все вы видите, все вы подмѣчаете! — досадливо воскликнула Настенька, спрыгивая, легкой козочкой, съ обрыва на узкое побережье, вдоль котораго таинственно рокоталъ неугомонный прибой. Скачекъ былъ довольно смѣлый и рискованный, но дѣвушка сдѣлала его съ привычною рѣшимостью и увѣренностью, не лишенными природной, естественной граціи.

Выполнивъ свой обычный акробатическій номеръ, Настенька задорно вскинула голову и съ ласковою властностью крикнула снизу:

— Отправляйся, Петя, лучше домой: ты здѣсь лишній!..

Слышишь, Петя, я тебѣ говорю это совсѣмъ серьезно... Ну, поворачивайся и ступай!..

Петя, хорошо зная характеръ сестры, не сталъ противорѣчить и, молча повернувшись, побрелъ вялымъ шагомъ къ маяку, на вершинѣ котораго замѣтилъ сгорбленную фигуру Хесто, недвижно глядѣвшаго куда-то вдаль.

„Словно сычъ сидитъ цѣлыми днями на одномъ мѣстѣ“, подумалъ Петя, всматриваясь въ финна. „И что онъ все глядитъ, да высматриваетъ?.. Дай-ка и я погляжу вмѣстѣ съ нимъ“, неожиданно рѣшилъ онъ въ умѣ. „Домой идти теперь неладно: отецъ, пожалуй, разсердится, что сестру одну оставилъ... Да, да, погляжу... хоть на тотъ баркъ, что съ утра штилюетъ въ виду острова“...

„А не долго ему еще штилевать“, раздумывалъ Петя, шагая къ маяку. „Кажись, скоро задуетъ... Вонъ ужъ легкіе порывчики пошли, да и зыбь не даромъ валитъ, не спроста... Въ воздухѣ чѣмъ-то пахнетъ: не то грозой, не то шкваломъ“, окончательно рѣшилъ онъ и сильно потянулъ носомъ влажную струю налетѣвшаго легкаго порывчика...

Между тѣмъ, Настенька пробралась почти къ самой „Могилѣ лайбъ“ и взобралась на громадный камень, неуклюже лежавшій на оконечности мыса. У ногъ ея глухо шумѣла прибойная волна, окаймляя прибрежье пѣнистой, грязно-бѣлой лентой. Море, казалось, дышало, словно оживленное волшебной силой. Крупная зыбь то вздымалась, то опускалась, живо напоминая мощное движеніе груди спящаго сказочнаго гиганта. Едва замѣтная рябь слегка морщинила зеркальную поверхность зыби и пробѣгала дальше въ видѣ темныхъ полосъ и пятенъ. На каменистомъ рифѣ появились зловѣщіе всплески, рѣзко обозначавшіе невидимыя подводныя скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода крутилась и вспѣнивалась, но еще слегка, словно съ нерѣшительностью. До берега доносились съ рифа, какъ будто, тяжкіе вздохи, подав-

ленные стоны и сдержанный, но гнѣвный уже, рокотъ... Стаи чаекъ въ страшномъ смятеніи носились надъ самою поверхностью слегка потемнѣвшаго моря, оглашая воздухъ пронзительными криками, изрѣдка переходившими въ какой то жалобный плачъ и тревожныя стенанія, хватавшія за сердце и душу...

Настенька крѣпко сжавъ руки, чутко прислушивалась къ таинственнымъ звукамъ, словно пробудившагося, моря. Ея грустный взоръ съ невѣдомой душевной мукой скользилъ по зловѣщему абрису „Могилы лайбъ". Въ глазахъ дѣвушки виднѣлась затаенная печаль, точно она скорбѣла за моряковъ, страдальчески погибшихъ среди безпощадныхъ буруновъ. Въ ея напряженномъ воображеніи рисовались былыя страшныя картины крушеній, случавшихся вблизи скалистаго острова. Ей опять припомнились, чуть ли не въ тысячный разъ, мельчайшія детали гибели судовъ на „Могилѣ лайбъ", а ихъ погибло не мало въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ сознательной жизни Настеньки на родной скалѣ. Среди надводныхъ и подводныхъ камней рифа разбились въ щепы, за этотъ періодъ, не менѣе двадцати каботажниковъ, суда, преимущественно, мелкія, старыя и дурно управляемыя въ критическіе моменты. На каждомъ суднѣ было всего по три матроса, рѣдко пять, но никогда болѣе. Ихъ шкипера, обладавшіе проблематическими знаніями морского дѣла, плавали почти наугадъ, на глазокъ, довѣряя больше своему острому зрѣнію, чѣмъ наукѣ кораблевожденія, своему чутью и, наконецъ, почти животному инстинкту, нежели разнымъ лоцманскимъ замѣткамъ и указаніямъ. Плавая въ благопріятную погоду въ виду береговъ, хорошо знакомыхъ и ясно различаемыхъ на чистомъ горизонтѣ, подобные примитивные мореходы совершали, нерѣдко длинные морскіе переходы безъ всякихъ аварій. Благодаря Божьей помощи и могущественному заступничеству покровителя моряковъ св. Николая Чудотворца, они часто избѣгали большихъ опасностей, въ которыя попадали вслѣд-

ствіи своего невѣжества. Но всему есть мѣра, даже Божьей помощи, въ особенности, когда этою помощью слишкомъ злоупотребляютъ, забывая мудрую пословицу: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Въ этомъ отношеніи много грѣшатъ наши каботажники, чрезмѣрно разсчитывающіе на выносливость традиціонной русской тройки: авось, небось и какъ-нибудь. Частенько эта крѣпкая тройка, дѣйствительно, лихо „вывозитъ", но бываютъ случаи, когда она далеко не оправдываетъ надеждъ, на нее возлагаемыхъ. Въ эти исключительные случаи и свершаются тѣ ужасныя катастрофы, тѣ поразительныя морскія драмы, при одномъ воспоминаніи о которыхъ, кровь застываетъ въ жилахъ и волосы становятся дыбомъ. Пока погода благопріятствуетъ, все идетъ отлично. Современные аргонавты дѣлаютъ рискованныя плаванія съ выдающимся успѣхомъ, который ошибочно ставится имъ въ какую то заслугу, хотя вся ихъ заслуга ограничивается въ упованіи на Бога и надеждѣ на покровительство св. Николая Чудотворца.

И такъ, при благопріятныхъ условіяхъ погоды, каботажники благодушествуютъ, но какъ только обстоятельства плаванія складываются иначе—они быстро теряются и съ удивительнымъ фанатизмомъ отдаются волѣ Божьей, не прилагая съ своей стороны особенныхъ энергичныхъ усилій къ сохраненію судна и, вмѣстѣ съ нимъ своей жизни.

Настенька отлично помнила, какъ погибали каботажники на злополучной „Могилѣ лайбъ", проникнутые полнымъ сознаніемъ безпомощности и безнадежности на спасеніе, хотя послѣднее, иногда, было вполнѣ возможно при извѣстной отвагѣ, смѣлости и рѣшимости. Погибавшіе моряки съ непростительнымъ фатализмомъ отдавались на произволъ бури и волнъ, теряя необходимое мужество въ наиболѣе критическія минуты своей жизни, преисполненной случайностями, опасностями и лишеніями.

Настенька не разъ слышала безсвязные разсказы объ

обстоятельствахъ нѣкоторыхъ крушеній на „Могилѣ лайбъ“ и всегда приходила въ неотразимый ужасъ отъ всѣхъ деталей страшной гибели людей почти на ея глазахъ. Случайно спасенные самоотверженнымъ „Старымъ боцманомъ“ описывали свои недавнія физическія страданія и душевныя муки иногда съ значительными преувеличеніями, трудно, впрочемъ, уловимыми. Настенька и не улавливала этихъ, вполнѣ естественныхъ, преувеличеній. Она безусловно вѣрила въ каждое слово несчастныхъ, только что избѣжавшихъ ужасной смерти, и съ сердечнымъ трепетомъ старалась вникнуть въ общій смыслъ ихъ возможныхъ страданій, что было, нерѣдко, чрезвычайно трудно. Спасенные, въ большинствѣ случаевъ мѣстные уроженцы или контрабандисты - финны, объяснялись по русски съ трудомъ и часто дополняли картину своихъ бѣдствій лишь энергичными жестами и выразительной мимикой. Иногда они вставляли въ свою безтолковую, исковерканную рѣчь родныя фразы и слова, чѣмъ значительно затемняли подробности гибели судна, къ большому сожалѣнію Настеньки, любившей, вообще, страшные разсказы и всевозможные ужасы.

VIII.

Солнце уже начало прятаться за горизонтъ, а Настенька все еще сидѣла на своемъ камнѣ и упорно глядѣла вдаль. Ея вниманіе было сосредоточено на большомъ трехмачтовомъ баркѣ, лавировавшемъ въ виду острова. Медленно колыхаясь на крупной зыби, баркъ, пользуясь легкими порывами вѣтра, то приближался къ маяку, то, сдѣлавъ ловкій поворотъ, уходилъ почти на самый горизонтъ. Баркъ, какъ будто, что то выжидалъ, стараясь не выйти изъ виду скалистаго острова. Его маневрированія были подозрительны и странны, особенно на взглядъ „Стараго боцмана“, только что поднявшагося, по приглашенію сына, на вершину маяка.

— Н-да, не спроста онъ тутъ съ утра вертится,—

проворчалъ Яковъ Семеновичъ, не спуская глазъ съ барка.—Правда твоя, сынокъ.

— Мы съ Хесто слѣдимъ за нимъ уже часа два, пожалуй,—съ легкимъ возбужденіемъ продолжалъ свой докладъ Петя,—и онъ за это время все толчется на одномъ мѣстѣ. Утромъ онъ, правда, штилевалъ, а теперь Слава Богу, начало задувать: могъ бы кажись тронуться дальше...

— А не хочетъ,—закончилъ „Старый боцманъ" докладъ сына и хитро подмигнулъ ему лѣвымъ глазомъ: знаю молъ, почему онъ не хочетъ.

Петя вопросительно взглянулъ на отца.

— А ты сынокъ развѣ не догадываешься?—усмѣхнулся Яковъ Семеновичъ.

— Нѣтъ.

— Поломай-ка голову, да подумай хорошенько.

— Я думалъ уже объ этомъ часа два, да ничего толковаго не придумалъ... Тогда я и пошелъ за тобой.

— Ну, а ты, Хесто, что думаешь объ этомъ баркѣ? Зачѣмъ онъ тутъ вертится?—обратился „Старый боцманъ" къ финну—помощнику, упорно смотрѣвшему совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ лавировалъ загадочный корабль безъ флага. Онъ не спускалъ глазъ съ „Могилы лайбъ".

— Моя не знайтъ,—угрюмо отвѣтилъ Хесто, продолжая глядѣть на камень, гдѣ едва виднѣлась, нѣсколько сгорбленная фигура Настеньки.

— Да ты не туда смотришь,—съ ласковою шутливостью проворчалъ „Старый боцманъ".

— Моя смотритъ, куда хочетъ,—съ сердцемъ пробурчалъ Хесто, переходя на другую сторону маячнаго фонаря.

— Все прячется и сторонится,—замѣтилъ Петя, кивнувъ головой по направленію скрывшагося Хесто.— Я съ нимъ тутъ два часа выстоялъ и слова не могъ добиться отъ него: молчитъ себѣ и только трубку свою сосетъ.

— А Господь съ нимъ! — добродушно вымолвилъ смотритель и затѣмъ спросилъ слегка интригующимъ тономъ:

— Такъ ты, сынокъ, и не догадываешься, съ какой стати баркъ вертится въ виду нашего маяка?

— Право, не догадываюсь,—улыбнулся Петя, снѣдаемый любопытствомъ.

„Старый боцманъ“ усмѣхнулся. Онъ, видимо, заигрывалъ съ сыномъ и ребячески радовался, что заинтересовалъ его.

Петя, прождавъ съ минуту, желаемаго разъясненія, наконецъ не выдержалъ.

— Ну, отецъ, полно томить! — нетерпѣливо воскликнулъ онъ.—Страсть какъ хочется узнать...

— На всякое хотѣнье есть, сынокъ, терпѣнье,—добродушно перебилъ Яковъ Семеновичъ, но затѣмъ, перемѣнивъ шутливый тонъ на дѣловой, серьезно заговорилъ:

— Думается мнѣ, сынокъ, вотъ что: нѣтъ ли на баркѣ заграничнаго спирту или иного какого нибудь товара, который ему желательно сбыть безпошлинно нашимъ контрабандистамъ?.. Вотъ онъ и поджидаетъ здѣсь этихъ молодчиковъ... Можетъ быть, такъ между ними сговорено? Не разъ это случалось и раньше... Пользуясь тихой погодой, выползутъ, бывало, контрабандисты изъ своихъ гнѣздъ и принимаютъ въ открытомъ морѣ спиртъ на свои лайбы, благо нѣтъ поблизости таможеннаго крейсера... Знаешь вѣдь эти продѣлки хорошо...

— Знаю, это вѣрно,—подтвердилъ Петя,—да только возлѣ нашего острова этого не случалось... Контрабандисты обдѣлываютъ свои дѣла поближе къ шхерамъ...

— Когда ближе, а когда и дальше: не все въ одномъ мѣстѣ... Будутъ въ одномъ мѣстѣ работать—и въ лапы таможеннымъ крейсерамъ попадутъ,—резонно замѣтилъ „Старый боцманъ“.

— А можетъ быть баркъ и съ другою цѣлью тутъ

торчитъ,—продолжалъ онъ высказывать свои предположенія.—Представь себѣ, что шкиперу хочется получить за свое старое суденышко хорошую страховую премію... Ну, вотъ, онъ и вертится тутъ, выжидая удобное времячко... Поблизости есть очень подходящее мѣсто, чтобы разбиться по желанію и безъ риску для подлой жизни шкипера-плута... Ты вѣдь, это мѣсто знаешь?.. Помнишь, какъ ловко разбился на немъ, два года тому назадъ, англійскій коммерческій пароходъ?

— Помню хорошо этотъ случай, а также помню и другой случай, когда англійскій-же баркъ на желаемое мѣсто не успѣлъ выброситься, а его выкинуло неожиданно налетѣвшимъ шкваломъ, прямо на каменья, лежавшіе въ пяти миляхъ въ сторонѣ...

— И намѣренная аварія кончилась гибелью почти всей команды!—съ негодованіемъ добавилъ „Старый боцманъ", гнѣвно сверкнувъ изъ подъ нависшихъ бровей разгорѣвшимися глазами.—Этого безумнаго крушенія я никогда не забуду!.. Подлое корыстолюбіе одного негодяя стоило жизни десятку несчастнымъ горемыкамъ, единственнымъ, можетъ быть, кормильцамъ своей семьи...

„Старый боцманъ" смолкъ и, угрюмо насупившись, началъ опять слѣдить за лавировавшимъ парусными баркомъ, освѣщеннымъ красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца. Мрачно промолчавъ съ минуту, Яковъ Семеновичъ вдругъ гнѣвно ударилъ ладонью правой руки по поручню маяка и воскликнулъ сильно возбужденнымъ тономъ, какъ-бы продолжая нить своихъ думъ:

— Изъ всего экипажа избѣгли тогда ужасной смерти только двое: негодяй шкиперъ и его помощникъ штурманъ—такой же плутъ... И они погибли бы на своей шлюпченкѣ, если бы я не подвернулся тогда со своимъ ботомъ... Не могу простить себѣ, что я спасъ подлую жизнь двумъ убійцамъ и пріютилъ ихъ временно на маякѣ, пока не удалось доставить на материкъ!.. Съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ; но я отлично по-

мню рыжебородую, красную харю англичанина-шкипера и пьяную, всю въ веснушкахъ, рожу его достойнаго помощника!.. Стоятъ передо мною точно живые.

— Стоитъ ли вспоминать о нихъ,—промолвилъ пренебрежительно Петя, оглядывая юго-западную сторону потемнѣвшаго горизонта.

— И не стоитъ, а помню: изъ памяти ничѣмъ ихъ не вышибешь, разъ они въ ней крѣпко засѣли,—пробурчалъ „Старый боцманъ".

— Гляди-ка, отецъ, какая туча отъ юго-запада надвигается,—указалъ Петя на отдаленный край неба.

— Вижу, вижу, сынокъ: скоро заревѣтъ, кажись, знатный штормина... Не даромъ, вѣдь, въ воздухѣ такая духота стояла, да и зыбь тоже вдругъ повалила не спроста: всегда, вѣдь, она впереди вѣтра идетъ.

— Не пора ли, отецъ, фонарь зажигать?.. Ишь, какъ стало разомъ темнѣть, хотя солнышко еще и не зашло совсѣмъ.

— Пора, пора, сынокъ,—засуетился „Старый боцманъ."—Эй, Хесто, Хесто,—крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ,—зажигай маякъ, живо!..

Но исправный финнъ не нуждался въ этомъ напоминаніи: онъ уже методически копошился съ лампами, симметрично разставленными передъ чечевицеподобнымъ отражательнымъ стекломъ.

IX.

Ожидаемый шквалъ налетѣлъ отъ юго-запада съ поразительною стремительностью. Едва успѣли зажечь маякъ, какъ все окружающее, въ томъ числѣ и баркъ, скрылось въ непроглядной тьмѣ. Черная туча заволокла весь небосклонъ и низко нависла надъ посѣдѣвшимъ моремъ, словно желая придавить своею ужасною массою пѣнистые гребни волнъ. Воздухъ заполнился какимъ то сатанинскимъ хаосомъ. Свирѣпый вихрь несъ передъ собой сплошную пелену брызгъ и пѣны. Съ ди-

кимъ ревомъ, съ грохотомъ и зловѣщимъ шипѣніемъ налетѣлъ онъ на скалистый островъ, точно думая смести своимъ мощнымъ дыханіемъ всѣ человѣческія сооруженія, воздвигнутыя съ величайшимъ трудомъ на голомъ камнѣ. Напоръ вихря былъ ужасенъ по своей силѣ. Маячная башня, какъ-будто бы, дрогнула и покачнулась, съ испугомъ раскрывъ свой, ярко-горящій, единственный глазъ, едва пронизывавшій непроглядную тьму. Толстыя, крѣпкія стекла фонаря тревожно задребезжали, какъ будто готовыя разсыпаться въ мельчайшія куски. Одна изъ башенныхъ дверей распахнулась и, сорванная съ петель, упала съ грохотомъ на желѣзную крышу смотрительскаго дома, страшно перепугавъ задремавшую было Ирину Кузьминишну.

Старушка вскочила съ кровати, точно ужаленная, и почти съ юношескою быстротою подбѣжала къ окну.

— О, Господи, что тамъ случилось?—прошептала она трепетнымъ голосомъ, осѣняя себя крестомъ и тревожно всматриваясь сквозь стекло по направленію яркаго снопа маячнаго огня. Въ этотъ моментъ вихрь налетѣлъ съ новой, еще большей силой и яростно загромыхалъ желѣзными листами крыши. Что-то съ трескомъ сорвалось и со звономъ упало возлѣ самаго дома, ударившись въ крыльцо.—Съ нами крестная сила!—отшатнулась Ирина Кузьминишна отъ окна, но, справившись со страхомъ, она торопливо засеменила къ выходной двери, любопытствуя узнать причину адскаго шума.

Въ это время вошли въ комнату: Яковъ Семеновичъ и Петя.

— Ну, ужъ и штормина же дуетъ, — проворчалъ „Старый боцманъ“, отряхиваясь точно утка, вышедшая изъ воды.

— Что такое тамъ упало? быстро спросила старушка, со страхомъ прислушиваясь къ вою непогоды.

- Въ башнѣ дверь съ петель сорвало, а затѣмъ одну раму вышибло вѣтромъ, -кратко объяснилъ Яковъ Семеновичъ, стаскивая съ себя мокрую шведскую куртку.

— Развѣ дождь пошелъ?—поинтересовалась Ирина Кузьминишна, помогая мужу разоблачаться.

— Дождя еще нѣтъ, но онъ скоро вѣрно хлынетъ, а теперь съ моря несетъ вихремъ брызги и пѣну: зги не видно, —началъ было разсказывать смотритель, но, осмотрѣвшись вокругъ, онъ разомъ перемѣнилъ разговоръ и обратился къ женѣ съ тревожнымъ вопросомъ:

— А дочурка гдѣ!?... Развѣ она до сихъ поръ не возвращалась съ мыса?..

— Нѣтъ еще,—виноватымъ тономъ отвѣтила Ирина Кузьминишна, чувствуя, что оплошала, забывъ о Настенькѣ.

— Ахъ ты рохля, рохля! — разсердился „Старый боцманъ“, первый разъ въ теченіи долгой супружеской жизни.—Ну, можно ли такъ дѣлать?.. На мысу теперь цѣлый адъ, а мы тутъ тары-бары разводимъ!.. Вѣдь съ дочуркой можетъ что нибудь приключиться?.. Пойдемъ, сынокъ, скорѣй на мысъ!..

И смотритель съ военною быстротою напялилъ опять на себя шведскую куртку, только что бережно развѣшенную на протянутой веревкѣ.

— Ну, идемъ, идемъ живо!—торопилъ онъ сына, накидывая на ходу дождевикъ и завязывая подъ подбородкомъ ремешки зюйдъ-вестки.

Когда „Старый боцманъ“ вышелъ съ сыномъ изъ дому, непогода повидимому, разыгралась уже во всю. Вѣтеръ налеталъ страшными порывами, со стономъ крутился вокругъ маячныхъ построекъ, рвалъ съ крыши прочно прикрѣпленные, желѣзные листы, грохоталъ рамами и съ дьявольскимъ гудѣніемъ проносился дальше, какъ-бы ища новые предметы для разрушенія... Море грозно ревѣло, словно оживленное природой чудище. Невидимыя во мракѣ, волны съ зловѣщимъ шумомъ неслись въ атаку на скалистый, крутой берегъ острова и перекидывались черезъ него могучими всплесками. Разсвирѣпѣвшее море, какъ будто, жаждало поглотить въ своей пучинѣ этотъ, сравнительно крохотный, камень,

выдвинутый съ глубокаго дна созидающей рукой природы. Волны хлестали въ отвѣсную скалу съ поразительною мощью, точно желая превратить ее въ щебень, раздробить въ песокъ... Казалось, тысячи фантастическихъ, сказочно могучихъ чудовищъ, окружили ничтожный островокъ и съ сатанинскимъ хохотомъ силились сбросить его въ бушующее море. Тысячи другихъ чудовищъ, какъ будто, дробили островокъ всеразрушающими, тяжеловѣсными молотами. Слышались удары, подобные залпамъ многочисленныхъ орудій. Раздавались громовые раскаты и какое то таинственное громыханье, словно сотни трескучихъ телѣгъ неслись вскачь по булыжной мостовой. Откуда доносились эти чудовищные звуки, съ моря или съ неба? трудно было различить. Въ воздухѣ господствовалъ первобытный, стихійный хаосъ. Брызги, клочья пѣны, и крупныя капли приближавшагося ливня застилали все сплошной, непроницаемой пеленой, среди которой маячный огонь представлялся отдаленной, едва мерцающей, звѣздочкой, чуть видимой только съ близкаго разстоянія...

„Старый боцманъ" и Петя, взявшись за руки, подвигались по скользкой скалѣ съ величайшимъ трудомъ, беря каждый шагъ положительно съ бою. Несмотря на привычныя ноги, они ежеминутно спотыкались, съ опасностью соскользнуть съ обрывистаго берега въ бушующее море. Изъ чувства самосохраненія, они пробирались къ мысу съ большою осторожностью, внимательно нащупывая ногами каждую опасную выпуклость или выбоину, каждый изломъ камня или трещину. Они шли среди непроглядной тьмы, совершенно ощупью, наклонившись всѣмъ туловищемъ впередъ, чтобы легче выдержать яростный напоръ, все свирѣпѣвшаго, шторма. Оба хранили молчаніе, страшась высказать одинъ другому, мучившія ихъ догадки и предположенія по поводу страннаго, непонятнаго отсутствія Настеньки изъ дому, въ такую адскую погоду. Обоихъ терзало жестокое безпокойство, но они таили свои душевныя

муки въ глубинѣ встревоженныхъ сердецъ. Они, взаимно, не желали выказать свое малодушіе и не хотѣли разбередить другъ друга всевозможными сомнѣніями.

Особенно тревожился за свою обожаемую „дочурку" Яковъ Семеновичъ. Ему чудились разные ужасы, болѣе или менѣе правдоподобные и разъяснявшіе: почему Настенька не ушла во время съ мыса, почему осталась она въ такую бурю вблизи „Могилы лайбъ", гдѣ даже и при слабѣйшемъ, сравнительно, вѣтрѣ бывало всегда жутко, скверно и даже опасно. Эта опасность усугублялась при юго-западныхъ вѣтрахъ, при которыхъ постоянно замѣчалось большое возвышеніе воды. Послѣдняя поднималась иногда, при такихъ вѣтрахъ, такъ высоко, что яростные буруны ходили, обыкновенно, черезъ весь мысъ и изъ всей каменистой гряды оставались видимыми лишь нѣкоторыя, болѣе крупные, камни...

Все это было отлично извѣстно „Старому боцману", справедливо трепетавшему за легкомысленную Настеньку. Еще на маякѣ онъ узналъ отъ сына, что „дочурка" пожелала опять уединиться на своемъ обычномъ наблюдательномъ пунктѣ и довольно рѣшительно отказалась отъ дружескихъ услугъ брата. Тогда было еще совсѣмъ тихо, и Яковъ Семеновичъ отнесся къ этому обстоятельству поверхностно и снисходительно, не найдя въ такомъ уединеніи ничего страннаго и необычнаго. Онъ уже достаточно привыкъ за послѣднее время къ подобнымъ капризамъ „дочурки", но никакъ не могъ еще смотрѣть на нихъ безъ нѣкоторой подозрительности, такъ какъ онѣ стали выходить изъ границъ семейнаго благополучія. Настенька, напримѣръ, грустила и таяла, какъ бы угнетенная и подавленная тайными думами, проникнуть которыя „Старому боцману" не удалось, несмотря на сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки. Онъ лишь догадывался, зорко наблюдая взаимныя отношенія Настеньки и Хесто, что между ними творится что-то странное. Угрюмый финнъ, видимо, безгранично привязался къ дѣвушкѣ, а та, какъ будто, сторонилась

его и избѣгала. Послѣ трогательной исторіи съ грядками и махровымъ макомъ, какъ замѣтилъ Яковъ Семеновичъ, между молодыми людьми завязались дружескія отношенія, не выходившія, однако, изъ области выразительной мимики. Хесто очень плохо объяснялся по-русски, а Настенька знала по-фински лишь нѣсколько словъ. Это неотвратимое обстоятельство не позволяло имъ обмѣниваться мыслями и принуждало ограничиваться лишь рѣдкими, короткими фразами объ обыденныхъ предметахъ. Угрюмый финнъ порывался иногда, какъ будто-бы, высказаться, но у него не хватало на то нужнаго запаса русскихъ словъ. Кромѣ того, ему не удавалось оставаться наединѣ съ дѣвушкой, всегда старавшейся, въ послѣднее время, изолироваться отъ остальныхъ маячныхъ отшельниковъ. Несмотря на свою грубую, первобытную натуру, Хесто избѣгалъ быть навязчивымъ и никогда не нарушалъ уединенія Настеньки. Она уходила изъ дому на мысъ—онъ поднимался на вершину башни. Она возвращалась домой—онъ прятался въ свою коморку и угрюмо ложился на свою убогую, но опрятную, кровать. На вершинѣ башни Хесто только наблюдалъ, не спуская влюбленныхъ, горящихъ глазъ, съ едва видимой фигуры дѣвушки; а въ коморкѣ онъ отдавался несбыточнымъ мечтамъ и сладостнымъ грёзамъ...

Настенька очень скоро инстинктивно почувствовала, что творится въ душѣ и сердцѣ угрюмаго финна, не умѣвшаго скрывать своей, быстро разгоравшейся любви къ дѣвушкѣ. Она начала подмѣчать, что каждое ласковое ея слово, каждая улыбка производили на Хесто неотразимое и поразительное впечатлѣніе, подливали въ огонь масло. Первое время это чрезвычайно забавляло Настеньку, по натурѣ легкомысленную и черезчуръ шаловливую. Игра съ огнемъ показалась ей привлекательной. Ей нравилось превращать мрачнаго финна въ веселаго, хотя безтолковаго, болтуна. Она находила особенное удовольствіе слѣдить за каждымъ его душевнымъ порывомъ, вызваннымъ ея улыбкой или ласковымъ сло-

вомъ. Она рѣшительно не сознавала послѣдствій своей шаловливости. Она и не подозрѣвала вначалѣ, какую страшную бурю поднимала въ сердцѣ Хесто своимъ опаснымъ кокетствомъ—природнымъ качествомъ каждой миловидной женщины, будь она аристократка, мѣщанка или крестьянка. Настенька, играя съ огнемъ, была увѣрена, что никогда не полюбитъ некрасиваго, слишкомъ угрюмаго и мрачнаго финна, что ея чувства къ нему не выйдутъ изъ предѣловъ благодарной дружбы. Такъ ей казалось... Прошло больше года послѣ памятнаго дня появленія на голой скалѣ первыхъ цвѣтовъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, Настенька почувствовала какое то непонятное влеченіе къ Хесто, странное, желаніе быть поближе къ нему. Этотъ внезапный переворотъ въ чувствахъ испугалъ дѣвушку. Она инстинктивно ужаснулась послѣдствій и стала уединяться, терзаться, томиться, начала задумываться и таять...

X.

От маяка до мыса было не болѣе ста саженъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, это короткое разстояніе всѣ проходили, несмотря на разныя препятствія, въ пять минутъ. Въ бурю-же, Яковъ Семеновичъ и Петя брели цѣлый часъ и едва, наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, достигли обрыва, отъ котораго выдавался въ море каменистый мысъ, а далѣе—страшная „Могила лайбъ". Предстояло спуститься по изломамъ скалы покрайней мѣрѣ на сажень, что было довольно рискованно, вслѣдствіе едва проницаемой тьмы. Прежде чѣмъ начать этотъ опасный спускъ по скользкому камню, „Старый боцманъ" старался чутьемъ выяснить настоящее положеніе дѣла. Вѣтеръ продолжалъ налетать съ прежними ужасающими порывами, неся передъ собой тучи брызгъ и пѣны. До слуха доносился адскій ревъ буруновъ, разыгравшихся во всю среди камней „Могилы лайбъ". Внизу, у подножія обрыва, слышались зловѣщіе всплески воды

и какое-то яростное, подавлявшее душу, клокотанье. Къ этимъ грознымъ звукамъ „Старый боцманъ“ прислушивался особенно внимательно. Вставъ на колѣни и свѣсившись надъ обрывомъ, онъ съ невольнымъ трепетомъ силился разгадать, что творится на узкомъ прибрежьѣ и низменномъ мысу. Сердце его ныло и болѣзненно сжималось. Неотразимый страхъ за обожаемую „дочурку“ быстро разростался и захватилъ, наконецъ, все существо смотрителя, успѣвшаго кое-что разглядѣть своими рысьими, зоркими глазами.

— Вода подступаетъ къ обрыву!—съ невыразимымъ ужасомъ прохрипѣлъ вдругъ „Старый боцманъ“ задрожавъ всѣмъ тѣломъ. — Скорѣй, скорѣй, внизъ!.. Туда! Туда!—И онъ съ безумною рѣшимостью соскользнулъ съ обрыва, рискуя переломать себѣ руки и ноги.

Петя, не раздумывая, бросился вслѣдъ, за отцомъ, стараясь только уберечь голову отъ острыхъ выступовъ скалы. Онъ съѣхалъ по изломамъ обрыва на спинѣ, не жалѣя крѣпкаго, кожаннаго дождевика и не менѣе крѣпкихъ парусинныхъ штановъ.

Оба упали прямо въ воду, уже покрывшую узкое побережье, бывшее подъ вѣтромъ, то есть подъ нѣкоторымъ закрытіемъ отъ шторма. Вслѣдствіи этого, вода заливала побережье съ какимъ-то зловѣщимъ спокойствіемъ и, какъ будто, съ сдерживаемымъ яростнымъ клокотаніемъ. Въ ея настойчивыхъ всплескахъ слышалась безпощадная угроза, Прибойная волна пожирала берегъ съ неутомимымъ аппетитомъ, поднимаясь, постепенно, все выше и выше.

„Старый боцманъ“ сильно исцарапанный и разбитый, вскочилъ на ноги первымъ, охваченный мужественнымъ, страстнымъ порывомъ бѣжать на поиски обожаемой „дочурки“. Вода едва покрыла его ступни и лишь отдѣльные всплески мочили икры, словно силясь забраться за широкія голенищи высокихъ сапогъ.

— Скорѣй, скорѣй!—энергично понукалъ сына Яковъ

Семеновичъ, смѣло шагая по прибрежью, сплошь залитому водой.

Петя не нуждался въ этомъ непроизвольномъ понуканіи. Онъ рвался впередъ со свойственной ему отвагой, стараясь въ то-же время охранить старика-отца отъ всевозможныхъ опасныхъ случайностей. Невыразимо безпокоясь за сестру, онъ, почти больше отца, былъ проникнутъ жгучею мыслью объ ея спасеніи, если только это спасеніе еще возможно. Петя отлично сознавалъ, что случилось что-то невѣроятное, изъ ряду вонъ выходящее. Сестра не вернулась съ мыса, не вернулась или добровольно, или вслѣдствіе неотвратимыхъ обстоятельствъ. Можетъ быть, подавленная душевной тоской, она рѣшилась на медленное самоубійство, покорно отдавшись свирѣпой стихіи; а возможно и то, что, увлекшись поразительной красотой моря, она не замѣтила предвѣстниковъ жестокаго шторма и не успѣла уйти съ мыса до наступленія опасности... Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, Настенька была на своемъ излюбленномъ камнѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Петя, шлепая въ водѣ своими непромокаемыми охотничьими сапогами...

Прижимаясь къ крутому берегу, отецъ и сынъ подвигались впередъ довольно быстро, стараясь ощупью добраться до мыса, бывшаго на вѣтрѣ. За темнотой они его не видѣли, но за то слышали ужасающій ревъ буруновъ и потрясающіе всплески расходившихся волнъ. Съ каждымъ шагомъ, эти всплески доносились все отчетливѣе и яснѣе, подавляя душу и сердце маячныхъ отшельниковъ. Особенно болѣзненно отдавались они въ сердцѣ „Стараго боцмана“: онъ хорошо разгадывалъ ихъ таинственное значеніе, вникалъ въ смыслъ ихъ неумолчной угрозы. Онъ, не видя еще мыса, отлично воображалъ, что творится тамъ, какой адъ внесъ туда жестокій юго-западный штормъ. Онъ съ невыразимымъ ужасомъ спѣшилъ къ „Могилѣ лайбъ“, зная, что малѣйшее промедленіе можетъ имѣть гибельныя послѣдствія рѣшительно для всѣхъ.

Дѣйствительно, съ каждой истекшей минутой опасность замѣтно росла. Вода продолжала постепенно, но неуклонно, возвышаться. Маячные отшельники уже шли въ ней почти по колѣно. Пока они были за вѣтромъ, скрываясь отъ шторма высокимъ, отвѣснымъ берегомъ, опасность не казалась слишкомъ страшной; но какъ только они вышли на просторъ—вполнѣ раскрылся весь ужасъ ихъ положенія. Разъяренныя, громадныя волны налетали на прибрежье съ такою мощью, что еще одинъ шагъ—и оба героя были-бы разбиты въ дребезги о скалистый обрывъ. Они невольно отступили передъ жестокимъ напоромъ яростной бури и скрылись опять за каменнымъ щитомъ, недоумѣвая, что дѣлать. Пробираться дальше—было безуміемъ; остаться въ безопасномъ, сравнительно, мѣстѣ или вернуться домой безъ Настеньки—казалось отцу и брату позорнымъ малодушіемъ. Рѣшиться на первое, было равносильно вѣрной гибели, такъ какъ смертельная опасность представлялась слишкомъ очевидной. Отдаться малодушію—не все ли равно, что погибнуть душевно и всю жизнь терзаться о неподанной помощи дорогому существу. Вотъ дилемма, передъ которой остановились въ моральномъ изнеможеніи отважные маячные отшельники. Что дѣлать, что предпринять, на что рѣшиться? Отвѣтовъ на эти жгучіе вопросы не было, да и не могло быть. Никто не былъ въ силахъ разрѣшить ихъ, такъ какъ они были неразрѣшимы... Никто, кромѣ Бога!..

Время, между тѣмъ, шло, а буря не унималась, но, какъ будто, еще ожесточалась и свирѣпѣла. Вода медленно, но постоянно, возвышалась; а маячные отшельники продолжали недвижно стоять на прежнемъ мѣстѣ, храня гробовое молчаніе и не рѣшаясь отказаться отъ безумной мысли пробраться на мысъ, чтобы во-очію убѣдиться въ участи Настеньки. Объ ея спасеніи они уже не думали, такъ какъ оно было невозможно въ такую бурю, когда навѣрное, при такомъ подъемѣ воды, на мысу клокотали всеразрушающіе буруны. Одинъ все-

могущій Богъ могъ отклонить ужасную смерть парившую какъ казалось, надъ головой опрометчивой отшельницы... О, Боже мой, что съ ней, гдѣ она?

— Настенька!.. Настенька!—съ порывомъ невыразимаго отчаянія сталъ вдругъ звать Яковъ Семеновичъ, стараясь перекричать вой непогоды.

— Настенька!—безумно вторилъ Петя во всю молодую грудь.

Эти отчаянные вопли затеривались въ хаосѣ шторма; буруны поглощали ихъ своимъ яростнымъ ревомъ; мощный вихрь безслѣдно развѣивалъ ихъ по бушующему морю.

— Господи, хоть бы увидѣть что!—горячо и молитвенно воскликнулъ „Старый боцманъ", простирая къ мрачному, невидимому небу дрожащія руки.

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ, и Богъ словно внялъ этой трогательной мольбѣ обезумѣвшаго отца. Небеса вдругъ, какъ будто, мгновенно разверзлись, и яркая многоязычная молнія озарила „Могилу лайбъ". Вслѣдъ затѣмъ загрохоталъ оглушающій ударъ грома. Разразилась гроза съ ливнемъ, поглотившимъ часть штормовой силы... Спустя полъ-минуты, засверкала новая молнія съ одновременнымъ громовымъ ударомъ потрясшимъ, казалось, весь скалистый островъ...

При первой молніи „Старый боцманъ" успѣлъ отчетливо разглядѣть, какъ громадныя волны хлестали черезъ весь мысъ, совершенно скрытый подъ водой. Изъ всей каменистой гряды виднѣлись сверхъ воды лишь два или три камня, надъ которыми кипѣли яростные буруны... Нѣсколько въ сторонѣ, молнія освѣтила черный остовъ большого купеческаго корабля съ разорванными парусами и съ снесеннымъ верхнимъ рангоутомъ... При слѣдующей молніи, неизвѣстный корабль уже трепеталъ въ предсмертной агоніи на страшной „Могилѣ лайбъ", заливаемый волнами... Вотъ все, что успѣлъ разглядѣть „Старый боцманъ"... Настеньки на мысу не было, да она и не могла быть на немъ въ такую непогоду!.. Это было слишкомъ очевиднымъ... Гдѣ-жъ она!?.

Ливень прошелъ очень скоро. Гроза миновала, и вновь штормъ заревѣлъ съ прежней силой. Наступила та-же непроницаемая тьма. Все окружающее скрылось опять въ прежнемъ стихiйномъ хаосѣ... Вода продолжала прибывать и стала подступать къ поясу маячныхъ отшельниковъ. Дальнѣйшее пребыванiе на прибрежьѣ грозило неотвратимою гибелью...

— Отецъ, пойдемъ отсюда, — глухо прохрипѣлъ Петя.

— Не пойду, останусь здѣсь!—съ упрямымъ отчаянiемъ пробормоталъ старикъ, не двигаясь съ мѣста.

— Намъ нечего здѣсь дѣлать, отецъ,—началъ уговаривать Петя.—Если Настенька не ушла во время съ мыса—она уже погибла... Ее уже нѣтъ въ живыхъ... Мы не можемъ возвратить ее къ жизни... Пойдемъ отсюда!—И Петя взялъ отца за руку.

— Оставь меня, а ты ступай домой!—властно крикнулъ „Старый боцманъ", вырывая свою руку. — Слышишь, сейчасъ же ступай домой, а я не пойду, не пойду!—упрямо твердилъ онъ.—Утону здѣсь, а безъ дочурки не пойду!—вдругъ зарыдалъ Яковъ Семеновичъ, качнувшись всѣмъ тѣломъ назадъ.

Петя едва успѣлъ поддержать отца, неожиданно охваченнаго моральнымъ и физическимъ изнеможенiемъ. Съ величайшимъ трудомъ онъ прислонилъ его къ отвѣсному берегу, не зная, что дѣлать дальше...

— Настася домой пошелъ,—раздался вдругъ въ темнотѣ чей то голосъ.

— Какъ что!?. Кто это говоритъ!?—очнулся „Старый боцманъ" отъ наплыва радостной надежды.

· Хесто это!—разглядѣлъ въ темнотѣ Петя коренастую фигуру финна, стоявшаго въ водѣ почти рядомъ. Какъ онъ приблизился—никто не замѣтилъ и не разслышалъ.

— Настася домой пошелъ,—пробурчалъ флегматически Хесто вторично, неуклюже переминаясь въ водѣ съ ноги на ногу.

— Какъ домой!?.. Что ты говоришь, голубчикъ!?.. Развѣ дочурка дома!? О, Господи, благодарю Тебя!.. Какъ дочурка домой попала!?.. Не вѣрится просто!.. Чудо, чудо!.. Господи, благодарю!.. — съ восторженнымъ возбужденіемъ, несвязно бормоталъ Яковъ Семеновичъ, наклонившись къ самому лицу финна.

— Слава Тебѣ, Боже мой, слава Тебѣ!—воскликнулъ Петя съ неизъяснимымъ радостнымъ порывомъ и тотчасъ же заторопилъ:

— Живо, отецъ, домой, живо!.. Опасно здѣсь стоять!.. Нечего теперь тутъ ждать.

— Худо здѣсь, — флегматично подтвердилъ Хесто, продолжая переминаться, но не выказывая особеннаго желанія выбраться на возвышенный берегъ.

— Домой, домой скорѣй, да, домой скорѣй! —засуетился „Старый боцманъ“ и бодро тронулся въ обратный путь, не обращая вниманія на то, что всплески волнъ уже лизали изрѣдка его грудь и плечи. Вода же поднялась почти до пояса.

— Разсказывай, Хесто, разсказывай голубчикъ: какимъ образомъ дочурка дома очутилась? Какимъ чудомъ отъ смерти избавилась?—разспрашивалъ на ходу смотритель, охваченный радостнымъ счастливымъ нетерпѣніемъ.

— Настася скажетъ, — тѣмъ же флегматическимъ тономъ пробурчалъ Хесто и началъ карабкаться по изломамъ скалы на островъ.

XI.

Маячные отшельники выбрались на возвышенный берегъ какъ разъ во время. Штормъ неожиданно перешелъ отъ юго-запада къ юго-востоку и съ прежней силой повелъ атаку на островъ съ другой стороны. Волны забурлили и закипѣли въ томъ мѣстѣ, гдѣ только что стояли маячные отшельники. Съ перемѣной направленія вѣтра, погода значительно прояснилась: уже можно

было отличить небо отъ моря. Сплошная, черная масса облаковъ, какъ будто, немного разрѣдилась, просвѣтлѣла и не такъ низко висѣла надъ моремъ. Первобытный хаосъ исчезъ, и міръ сталъ походить на созданіе Божіе во второй день своего сотворенія...

Маячные отшельники возвращались домой съ попутнымъ вѣтромъ и съ облегченнымъ сердцемъ. Тяжелаго камня на груди какъ не бывало! Подталкиваемые штормомъ, они не шли, но скользили по мокрой поверхности скалистаго острова, словно на лыжахъ: иногда на подошвахъ сапогъ, но чаще на спинѣ, что было гораздо безопаснѣе. При содѣйствіи вѣтра, они достигли дома въ нѣсколько минутъ. Едва успѣлъ „Старый боцманъ" испробовать въ послѣдній разъ крѣпость своихъ брюкъ, какъ былъ подхваченъ и поставленъ на ноги Ириной Кузьминишной и Настенькой, стремительно сбѣжавшими съ крыльца.

— Папочка, папочка, милый, хорошій мой! — радостно зашептала Настенька, крѣпко обхватывая отца руками и еще крѣпче прильнувъ къ его мокрому лицу.

— Дочурка... дочурка, голубка моя... сокровище мое...—радостно лепеталъ Яковъ Семеновичъ и вдругъ расплакался, точно младенецъ.

— Что съ тобой, папочка, милый мой? — встревожилась Настенька.

— Что съ тобой, Яковъ Семенычъ—какъ эхо спросила перепуганная Ирина Кузьминишна.

— Ничего, ничего... Отъ радости, милыя, плачу, отъ радости... Дочурка моя изъ мертвыхъ воскресла!.. Дай, я тебя, голубку мою, разцѣлую!..

И смотритель съ неизъяснимою нѣжностью и горячностью сталъ покрывать поцѣлуями лицо и голову Настеньки. Любящій эгоизмъ отца проявился въ данную минуту съ особенной силой. Забывъ всѣхъ окружающихъ, Яковъ Семеновичъ не выпускалъ изъ своихъ объятій „дочурку" и не обращалъ вниманія на то, что и Петя все порывался обнять сестру, которую

недавно считалъ погибшею на мысу. „Старый боцманъ", милуя и лаская Настеньку, весь отдался восторженной радости свиданія. Онъ видѣлъ передъ собой только одну „дочурку" и, почти безумно, жалъ ее въ своихъ мокрыхъ объятьяхъ. Въ этотъ моментъ, онъ совершенно даже забылъ о страшной картинѣ крушенія неизвѣстнаго корабля, точно онъ ничего не видѣлъ. Въ его памяти не сохранились также недавнія мучительныя впечатлѣнія: они были безслѣдно поглощены счастливымъ, чудеснымъ избавленіемъ „дочурки" отъ смертельной опасности... Но какъ она избѣгла ужасной опасности?—этотъ первый вопросъ, вдругъ сложившійся въ возбужденномъ мозгу Якова Семеновича, требовалъ немедленнаго разрѣшенія. „Старый боцманъ" даже поразился, что онъ до сихъ поръ не спросилъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ, не поинтересовался вникнуть въ подробности воскрешенія „дочурки" изъ мертвыхъ...

— Какъ ты, Настенька, домой попала? — предупредилъ отца Петя, успѣвшій поцѣловать сестру въ шею.

— Меня Хесто спасъ! —съ какою-то торжественностью объявила дѣвушка и съ благодарнымъ порывомъ протянула финну руку.

— Нѣтъ Хесто!.. Богъ, Богъ!.. — замоталъ головой финнъ съ радостнымъ, счастливымъ оживленіемъ.

— Безъ Бога, разумѣется, не обошлось, — благоговѣйно вмѣшалась Ирина Кузьминишна, —а все-таки и ты не мало сдѣлалъ...

— Спасибо, милый человѣкъ, спасибо тебѣ!.. Удружилъ!.. Въ вѣкъ не забуду! —съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ Яковъ Семеновичъ, привлекая къ себѣ Хесто и крѣпко обнимая его.

— Что же мы тутъ на вѣтру стоимъ?—вдругъ спохватилась Ирина Кузьминишна.—Пойдемте скорѣй въ комнаты... Вѣдь моимъ голубчикамъ надо переодѣться...

— И ты, Хесто, ступай съ нами въ комнаты, —ласково пригласила Настенька.—Разскажешь все, какъ дѣло было...

— Настася скажетъ, а моя языка глупа есть,—пробормоталъ Хесто съ безконечно счастливымъ выраженіемъ лица.

„Старый боцманъ“ поспѣшилъ вмѣшаться:

— Вѣрно твое слово: дочурка поразскажетъ намъ, а мы съ тобой выпьемъ на радостяхъ по рюмочкѣ, да согрѣемся немного... Ну, идемъ-же, милый человѣкъ... Сынокъ, возьми-ка его подъ руки, чтобы опять онъ въ свою башню не улизнулъ.

— Но Хесто и не думалъ улизнуть, какъ бывало. Напротивъ, его тянуло въ смотрительскій домъ, подъ одну крышу съ Настенькой, не съ прежней Настенькой, суровой и тоскливой, а, какъ будто, обновленной, ласковой и привѣтливой. Хесто шелъ въ смотрительскій домъ, какъ бы, съ освѣженнымъ сердцемъ и съ облегченной душой, весь проникнутый горячимъ, преданнымъ чувствомъ, весь охваченный надеждами, казавшимися до сихъ поръ несбыточными и призрачными. Все теперь, повидимому, улыбалось ему...

— А тамъ, на „Могилѣ лайбъ“ баркъ тотъ разбился,—вспомнилъ вдругъ Яковъ Семеновичъ, обернувшись на крыльцѣ къ Хесто.

— Видалъ,—лаконически заявилъ финнъ съ прежней флегматичностью, точно разговоръ завязался о разбившейся яичной скорлупѣ, а не о гибели корабля съ двумя десятками матросовъ, по крайней мѣрѣ.

— Опять крушеніе!—съ ужасомъ воскликнула Настенька, невольно закрывая лицо руками. Господи, помоги несчастнымъ!..

— И Господь въ такую погоду не поможетъ,—печально проговорилъ смотритель, входя въ комнату.

— На „Могилѣ лайбъ“ цѣлый адъ,—добавилъ Петя.

И разговоръ о разбившемся баркѣ прекратился. Всѣ, болѣе или менѣе, уже освоились съ подобными крушеніями, слишкомъ обыденными въ жизни маячныхъ отшельниковъ. Послѣдніе отлично понимали безнадежное положеніе барка на страшной „Могилѣ лайбъ“ и не

желали растравлять себя безцѣльными разсужденіями и догадками о предсмертныхъ часахъ несчастныхъ моряковъ, погибавшихъ среди непрогляднаго ночного мрака. Всѣ, кромѣ того, знали, что ужасный вопросъ объ окончательной участи разбившагося судна можно было рѣшить не ранѣе разсвѣта, а экипажа его — только съ прекращеніемъ шторма; и потому ни у кого не явилась мысль, можетъ быть, вполнѣ естественная для празднаго любопытства городскихъ жителей,—попытать немедленно взглянуть на агонію погибающихъ людей и корабля...

Благодаря изумительному проворству Ирины Кузьминишны, безъ устали хлопотавшей, въ радостномъ возбужденіи, вокругъ измокшихъ и донельзя уставшихъ представителей мужского маячнаго населенія, спустя уже полчаса всѣ сидѣли вокругъ обѣденнаго стола въ чистомъ бѣльѣ и сухомъ платьѣ. Добрая, благодарная и внимательная старушка заставила даже упрямаго Хесто переодѣться съ головы до ногъ во „второсрочное обмундированіе" Якова Семеновича, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ предметовъ изъ гардероба Пети, особенно ухаживавшаго за спасителемъ обожаемой сестры. Вообще, Хесто сдѣлался центромъ общаго вниманія всей смотрительской семьи, что, повидимому, подымало его до седьмого неба. На широкомъ, скулистомъ лицѣ финна играла счастливая улыбка. Симпатичные глаза его горѣли какимъ то внутреннимъ, безконечно радостнымъ, огнемъ, особенно, когда онъ глядѣлъ на повеселѣвшую и оживленную Настеньку. Мрачный, угрюмый финнъ превратился, словно по мановенію волшебнаго жезла, въ веселаго, необычно болтливаго, парня съ лихорадочно-возбужденными жестами и выразительной мимикой.

Старый боцманъ посадилъ Хесто рядомъ съ собой имѣя по другую руку „дочурку". Ирина Кузьминишна съ Петей усѣлись напротивъ, возлѣ кипѣвшаго самовара, быстро вздутаго расторопной хозяйкой. Весь столъ, накрытый, по случаю исключительнаго торже-

ства, чистой скатертью, былъ уставленъ тарелками и блюдами съ разною снѣдью, начиная съ неизмѣнной холодной солонины и кислой капусты, и кончая всевозможной рыбой, приготовленной въ свѣжемъ, соленомъ или вяленомъ видѣ. Передъ носомъ Хесто стоялъ большой подносъ съ цѣлой батареей завѣтныхъ графинчиковъ съ домашними настойками. Всѣ графинчики, повидимому, были отданы благодарнымъ смотрителемъ въ безотчетное распоряженіе финна, удивительно преобразившагося, благодаря не только душевной радости, но и опрятной, чистой одеждѣ. Хесто былъ положительно неузнаваемъ во второсрочномъ обмундированіи „Стараго боцмана". Онъ глядѣлъ такимъ молодцомъ, что даже малонаблюдательная Ирина Кузьминишна нашла въ немъ удивительную перемѣну къ лучшему.

„Ишь какъ прифрантился", добродушно думала старушка, посматривая на Хесто и совершенно упуская изъ памяти, что она сама принимала наиболѣе горячее участіе въ томъ, чтобы „прифрантить упрямаго финна.

Настенька, въ свою очередь, взглядывала на Хесто какъ бы съ пріятнымъ недоумѣніемъ. Она никогда раньше не видѣла его въ такомъ симпатичномъ благообразіи и находила, что финнъ далеко не такъ некрасивъ, какъ казался прежде въ своей, донельзя засаленной и загрязненной одеждѣ. Особенно не красило его вѣчно угрюмое, мрачное настроеніе духа. Теперь же, когда Хесто просвѣтлѣлъ, онъ сталъ положительно привлекателенъ, благодаря выразительнымъ, безусловно красивымъ, глазамъ, озарявшимъ его широкое лицо какимъ-то неизъяснимымъ заревомъ...

XII.

— Ну, дочурка, разсказывай намъ, какъ дѣло было! — благодушно вымолвилъ Яковъ Семеновичъ, какъ только выпилъ съ Хесто по рюмочкѣ согрѣвающей настойки.

— Сначала пускай Хесто разскажетъ, какъ онъ съ

башни все увидѣлъ, да разглядѣлъ,—вмѣшалась Ирина Кузьминишна, познакомившаяся уже, повидимому, съ нѣкоторыми обстоятельствами спасенія Настеньки.

— Ну, милый другъ, начинай свою исторію,—ласково обратился смотритель къ Хесто и затѣмъ добавилъ, хитро подмигнувъ, по привычкѣ, лѣвымъ глазомъ:

— А чтобы все шло, какъ по маслу, смочи горло настоичкой.— И Яковъ Семеновичъ проворно налилъ щедрой рукой двѣ объемистыя рюмки березовой настойки: одну, на всякій случай, для себя.

— Ну, чокнемся, милый человѣкъ.

Хесто замоталъ головой и что то проворчалъ, какъ бы конфузясь.

— Да ты, милый другъ, головой не мотай и не ворчи тамъ, а пей себѣ, когда начальство приказываетъ пить. Нечего кобяниться! — съ шутливою строгостью проговорилъ Старый боцманъ и опять подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

Хесто не сталъ больше „кобяниться" и, съ несвойственною ему живостью, ловко опрокинулъ въ горло вкусную, забористую настойку. Затѣмъ потянулся за любимой соленой салакой, собственноручно приготовленной по національному рецепту.

— Ну, вотъ и отлично: выпилъ закусилъ, а теперь разсказывай,—продолжалъ приставать Яковъ Семеновичъ.

Хесто опять замоталъ головой, стереотипно повторяя свою недавнюю фразу:

— Настася скажетъ. Моя языка глупа есть.

— Нѣтъ, нѣтъ, Хесто, ты раньше разскажи все,—настойчиво вмѣшалась Настенька.—Разскажи такъ, какъ мамѣ разсказывалъ: не бойся, все поймутъ... Ты очень хорошо разсказывалъ!—съ поощрительною ласковостью добавила дѣвушка.

Хесто еще больше просіялъ и какъ то радостно крякнулъ.

— Лампа на маяка зажгла,—началъ онъ свой „раз-

сказъ“ безъ дальнѣйшаго упорства.—Вѣтра шумѣло очень.. Моя погляди Могила лайба: худо есть... Сонца нѣту... Мой пошелъ туда шибко-шибко: Настася видалъ.. Оба-два разъ упала моя есть... Морда расшиби и нога... Ничаво!.. Шибко-шибко моя бѣжала... Еще оба-два разъ упала есть... Опять друга морда расшиби и рука... Ничаво!.. Скоро моя пригалъ на мысу... Вода много есть.. Настася камéнъ сиди и кричи... Вода кругъ камéнъ... Моя шибко-шибко перёдъ... Одна разъ вода ходи на голова... Моя плавай есть и опять на мысу шибко передъ... Камéнъ ходи друга раза вода ходи на голова... Ничаво!.. Опять мало-мало плавай есть и Настася охабка бери... Шибко-шибко назадъ бѣги есть!.. Моя кончилъ!...

И Хесто вытеръ рукавомъ сильно вспотѣвшій лобъ: такъ, повидимому, тяжело ему было разсказывать по-русски о своемъ недавнемъ самоотверженномъ геройствѣ.

– Богатырь же ты, я вижу, Хесто! — съ неудержимымъ восторгомъ воскликнулъ „Старый боцманъ“.— Ишь ты какой!.. Плавай, плавай и ничаво!.. Ахъ, ты, милый человѣкъ!.. Выпьемъ же за это еще по рюмочкѣ!.

И Яковъ Семеновичъ отъ всей переполненной души здòрово хлопнулъ финна по широкому плечу.

— Ужъ и не говори, какой онъ молодецъ!—съ умиленіемъ добавила Ирина Кузьминишна и собственноручно налила одну рюмку настойки, приговаривая:

— Пей же, голубчикъ, Хесто, пей на здоровье... А тебѣ, Яковъ Семенычъ, не дамъ больше, —съ ласковою предусмотрительностью обратилась она къ мужу.—Съ тебя и двухъ рюмокъ довольно, а то осовѣешь, пожалуй...

— Не бойся, не осовѣю, — добродушно усмѣхнулся Старый боцманъ.—Наливай, жена, безъ страху... Одному, вѣдь, Хесто скучно будетъ пить...

Противъ такого аргумента старушка ничего не могла возразить и покорно стала наполнять вторую рюмку, стараясь, впрочемъ не долить ее до верху.

— Лей, лей, не жалѣй,—разсмѣялся Яковъ Семеновичъ, замѣтивъ хитрую уловку жены.

Ирина Кузьминишна сконфузилась и хлестнула настойку изъ графинчика такъ неосторожно, что она пошла черезъ край рюмки.

— Расщедрилась съ радости... Ай, да женушка!... Спасибо!.. Ну, Хесто, выпьемъ теперь за то, что ты такой молодецъ!

— И впрямь, молодецъ! — изумился, въ свою очередь, Петя, слушавшій отрывистый разсказъ финна съ напряженнымъ вниманіемъ.—И вѣдь какъ его Господь Богъ сохранилъ!... Молодчага!.. Плавай, плавай и ничаго!—весело повторилъ онъ отцовскія слова и затѣмъ съ неудержимымъ смѣхомъ добавилъ:

— Друга морда разбилъ и тоже ничаво!.. Ишь ты, двѣ морды у Хесто оказались.

Всѣ невольно расхохотались по поводу этой шутки; даже Хесто неожиданно разразился здоровымъ откровеннымъ смѣхомъ...

Вдругъ налетѣлъ жестокій порывъ вѣтра и неистово потрясъ всѣмъ домомъ, точно силясь сбросить его со скалы въ море. Всѣ пугливо вздрогнули, притихли и сдѣлались серьезными. Ирина Кузьминишна и Настенька набожно перекрестились и, почти въ одинъ голосъ, прошептали:

— Господи, помоги несчастнымъ!

— И Господь не въ силахъ помочь имъ, — безнадежно проговорилъ Яковъ Семеновичъ, хмурясь и насупливаясь.

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе. Всѣ, словно, перенеслись мыслями на страшную „Могилу лайбъ“ и старались вообразить предсмертную агонію невѣдомыхъ страдальцевъ.

— Полно, однако, куксится,—нарушилъ, наконецъ. тягостное безмолвіе смотритель и затѣмъ обратился къ Настенькѣ, сидѣвшей съ низко опущенной головой: — Ну, дочурка, теперь твой чередъ разсказывать... На-

чинай... мы слушаемъ... А потомъ и на отдыхъ пора... Завтра, съ разсвѣтомъ, можетъ быть, работа будетъ,— добавилъ онъ загадочно, но всѣ отлично поняли, на какую, именно работу намекалъ „Старый боцманъ“.

Настенька не заставила упрашивать себя и, ободрившись, начала живо разсказывать о своемъ недавнемъ приключеніи:

— Я сидѣла, по обыкновенію, на самомъ крайнемъ камнѣ. Люблю я этотъ камень: такой плоскій и высокій; сидѣть на немъ очень удобно, а видно съ него рѣшительно все отлично. Сидѣла я и глазъ не спускала съ большого корабля, который то подходилъ къ острову, то опять удалялся такъ далеко, что виднѣлись одни только паруса. Очень интересно было глядѣть на этотъ корабль; онъ напоминалъ мнѣ какую то громадную волшебную птицу съ распущенными крыльями, гордо плавающую по морю. Мнѣ все чудилось, что эта сказочная птица сейчасъ-сейчасъ подплыветъ ко мнѣ совсѣмъ близко, подхватитъ меня и унесетъ въ заоблачныя страны...

— Къ молодому королевскому принцу Мармеладу Мармеладовичу,—шутливо вставилъ Яковъ Семеновичъ, подмигивая опять лѣвымъ глазомъ.

Настенька сконфузилась и вспыхнула, будто уличенная въ какихъ то преступныхъ мечтахъ.

— Совсѣмъ не то, папочка,—прошептала она, опустивъ глаза.— Не мѣшай мнѣ разсказывать, а то собьюсь и не съумѣю кончить свой разсказъ... И такъ, я засмотрѣлась на корабль и совсѣмъ не замѣтила, какъ вода прибыла уже настолько, что покрыла почти весь мысъ... Я хотѣла было соскочить съ камня, чтобы бѣжать домой, но мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ страшно, такъ страшно, что и разсказать не могу. Мнѣ показалось, что воды на мысу такъ много, что я непремѣнно утону, какъ только слезу съ камня... Между тѣмъ солнце уже зашло и начало темнѣть... Мнѣ сдѣлалось еще страшнѣе. Волны заходили по мысу съ какимъ то страшнымъ шипѣньемъ, точно тысячи змѣй разомъ выползли

изъ моря... А какъ зажгли маякъ — меня охватилъ такой страхъ, что я начала громко кричать о помощи: мнѣ показалось, что я брошена на произволъ моря... Вдругъ налетѣлъ ужасный вихрь и все скрылось въ какомъ то непроглядномъ мракѣ... Я вцѣпилась въ камень, чтобы вѣтеръ не снесъ меня въ воду... Волны зашумѣли вокругъ и начали сильно хлестать въ камень... Я не переставала кричать, кричала до того, что горло заболѣло... Вдругъ на секунду прояснило, и я увидѣла бѣгущаго ко мнѣ Хесто...

Жестокій порывъ шторма неожиданно прервалъ Настеньку. Загрохоталъ сорванный съ крыши желѣзный листъ. Зазвенѣли разбившіяся стекла. Что то тяжелое ударило въ ближайшую стѣну дома, точно тараномъ.

— Погляди, Хесто, что тамъ такое, да кстати взгляни: хорошо ли горитъ маякъ?—приказалъ смотритель озабоченнымъ голосомъ.

Финнъ безпрекословно поднялся и вышелъ изъ комнаты.

— Ну, дочурка, продолжай,—проговорилъ смотритель, чутко прислушиваясь къ реву непогоды и пытливо поглядывая сквозь мокрыя стекла, сильно дребезжавшихъ оконъ.

— Я ужъ кончила, папочка, — едва слышно прошептала Настенька, пугливо озираясь и постоянно вздрагивая.

— Какъ кончила? — удивился Яковъ Семеновичъ. — Ты не кончила, а только что дошла до самаго интереснаго мѣста... И такъ, ты увидѣла бѣгущаго къ тебѣ Хесто, — напомнилъ онъ.

— Вѣдь Хесто въ свою очередь, уже разсказалъ, какъ онъ меня спасъ... Мнѣ кажется, и разсказывать больше нечего, да и не хочется разсказывать... Мнѣ страшно за тѣхъ несчастныхъ, что гибнутъ теперь на Могилѣ лайбъ... Ахъ, какъ бы я желала помочь имъ! — съ мучительной тоской воскликнула Настенька, закрывъ дрожащими руками поблѣднѣвшее личико.

— Ишь, дочурка, что ты выдумала!—съ ласковымъ

укоромъ покачалъ головой Яковъ Семеновичъ.—Да развѣ можетъ слабый человѣкъ думать о томъ, что даже уже внѣ силъ небесныхъ?.. Отъ барка теперь остались, навѣрное, только щепки, а отъ экипажа — искалѣченные, трупы...

— Это ужасно, ужасно! — съ прежней тоской застонала Настенька и неожиданно разрыдалась, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Всѣ начали ее успокоивать, но тщетно: дѣвушка продолжала рыдать почти истерично, откинувшись въ изнеможеніи на спинку кресла. Ирина Кузьминишна растерянно засуетилась, не зная, чѣмъ помочь своей ненаглядной Настенькѣ. Петя побѣжалъ за водой. Яковъ Семеновичъ со слезами на глазахъ горячо цѣловалъ „дочурку“ въ лобъ, любовно гладилъ ее по головѣ и съ неизъяснимою нѣжностью приговаривалъ:

— Да перестань, дочурка, перестань, глупенькая... Не мучь своего стараго отца, не терзай его... Полно плакать, голубка моя!.. Слезами ничего не поможешь... Помолись лучше Богу, да и отдохни: вѣдь, ты измучилась вся, измучилась... Перестань-же плакать, перестань, дурашка ты этакая...

Попивъ немного холодной воды, Настенька чуть успокоилась и, поддерживаемая всѣми, тихо побрела въ свою комнату, слегка всхлипывая.

— Уложи дочурку спать и дѣло въ шляпѣ, — посовѣтовалъ Яковъ Семеновичъ женѣ.

Ирина Кузьминишна захлопотала и заметалась по комнаткѣ, желая, какъ можно скорѣй, исполнить добрый совѣтъ мужа.

— А вы ступайте въ столовую: я безъ васъ тутъ справлюсь, — прошептала она спустя минуту, ласково выпроваживая мужчинъ.

Тѣ вышли и застали въ столовой, только что возвратившагося съ маяка, Хесто.

— Ну, что тамъ такое?—живо спросилъ Яковъ Семеновичъ.

— Теменъ пагодъ. Худо есть, — лаконически доложилъ финнъ, поглядывая во всѣ стороны исподлобья, какъ бы высматривая: куда дѣвалась Настенька?

— Дочурка спать легла—устала очень, — объяснилъ Старый боцманъ неожиданное исчезновеніе дѣвушки и затѣмъ добавилъ:

— И ты, Хесто, спать ступай: пора уже... Да выпей еще рюмочку на дорогу, — остановилъ онъ финна, уже повернувшагося къ выходу.

— Хватитъ, — буркнулъ Хесто, не оборачиваясь, и скрылся за дверью.

Въ это время вошла въ столовую, на цыпочкахъ, Ирина Кузьминишна и тихо сказала:

— Настюша, кажется, уснула... Слава Богу!.. Измаялась за день, бѣдная.

— Господь съ ней, пускай себѣ почиваетъ на здоровье, — промолвилъ въ полъ голоса Яковъ Семеновичъ и затѣмъ обратился къ смотрительшѣ:

— А ты, все таки, доскажи намъ всю сегодняшнюю исторію: дочурка, вѣдь, не кончила... Она, небось, тебѣ разсказывала поподробнѣй... Какъ, напримѣръ, они съ мыса ушли и съ нами не повстрѣчались?

— Да вѣдь, темно было тогда: зги не было видно... Вотъ вы, вѣроятно, и разошлись... Рядышкомъ, можетъ быть, проходили, да другъ друга не разглядѣли, — резонно замѣтила Ирина Кузьминишна.

— Это правда, — согласился Яковъ Семеновичъ и облегченно вздохнулъ, точно женинъ отвѣтъ избавилъ его отъ какого-то тайнаго сомнѣнія, лежавшаго на груди тяжелымъ камнемъ.

— Они вернулись очень скоро послѣ вашего ухода на поиски за Настюшей, — продолжала разсказывать смотрительша. — Я ужасно обрадовалась, а потомъ начала о васъ безпокоиться... Наконецъ не выдержала и попросила Хесто идти опять къ мысу и сообщить вамъ, что Настюша нашлась... И хорошо сдѣлала!.. А то вы оба до сихъ поръ, пожалуй, искали-бы ее тамъ...

— Да я-бы ни за что оттуда не ушелъ; не возвратился-бы домой безъ дочурки; утонулъ-бы тамъ, а не ушелъ, — съ упрямою рѣшимостью проворчалъ Старый боцманъ.

XIII.

Настенька не могла уснуть до разсвѣта. Всю ночь она пролежала съ закрытыми глазами, но не спала, а съ неизъяснимой душевной тоской думала о несчастныхъ морякахъ, выброшенныхъ штормомъ на страшную „Могилу лайбъ“. Въ ея напряженномъ воображеніи рисовались ужасающія картины мучительной борьбы людей съ безпощадною смертью. Она мысленно слѣдила за ихъ предсмертной агоніей—тупой и безъ искры надежды на возможное спасеніе. Передъ ея сомкнутыми глазами мерещились блѣдныя, скованныя ужасомъ, лица, стиснутые зубы, стоящіе дыбомъ волосы. Ей казалось, что со всѣхъ угловъ комнаты на нее устремлены пронзительные взоры погибающихъ, горящіе безумной жаждой жизни и безпредѣльнымъ ужасомъ надвигающейся смерти. Отовсюду къ ней протягивались изнемогающія, трепещущія руки... Въ дикомъ воѣ непогоды ей слышались крики и стоны гибнувшихъ, заживо спускавшихся въ бушующую, холодную могилу... Съ нервною дрожью во всемъ тѣлѣ, Настенька прислушивалась къ этимъ воображаемымъ страдальческимъ воплямъ, охваченная какимъ то необъятнымъ ужасомъ. Изъ ея закрытыхъ глазъ ручьемъ текли горячія, ѣдкія слезы. Она не вытирала ихъ, предоставляя имъ полную свободу обильно смачивать щеки, шею, плечи и подушку. Да она и не была въ силахъ вытереть ихъ, не могла поднять къ лицу онѣмѣвшихъ, словно скованныхъ, рукъ. Она лежала, будто парализованная, лишенная возможности пошевельнуться. Тѣло ея точно умерло. Работали только расшатанные нервы и болѣзненно возбужденный мозгъ... Настенька беззвучно плакала и молилась; молилась безъ словъ, мысленно, воображеніемъ, вознося трогательныя мольбы

къ Тому, Кто одинъ только могъ простереть надъ страдальцами мощную, спасительпую длань...

Настенька уснула на короткое время только передъ самымъ разсвѣтомъ, уснула какъ то незамѣтно для себя, сильно утомленная физически и душевно; но едва только восточная окраина прояснившагося неба зардѣлась первыми проблесками утренней зари—она внезапно проснулась, словно пронизанная электрической искрой. Безшумно поднявшись съ постели, она съ лихорадочною поспѣшностью одѣлась, стараясь не разбудить, крѣпко спавшую въ той же комнатѣ, мать... Затѣмъ, она осторожно вышла изъ дому и рѣшительными, смѣлыми шагами направилась къ маяку: ей страшно захотѣлось взглянуть съ вершины башни на „Могилу лайбъ", а также на ея жертву—баркъ... Небо было почти безоблачно. Вѣтеръ значительно стихъ, но море продолжало кипѣть по прежнему, не желая, какъ будто, угомониться послѣ недавняго дикаго гнѣва. Восходящее солнце эффектно освѣщало косматыя, пѣнистыя волны, набѣгавшія на скалистый островъ съ угрожающимъ рокотомъ. Со стороны „Могилы лайбъ" доносился оглушающій ревъ буруновъ... Поднявшись на маякъ, Настенька застала тамъ Хесто, который сосредоточенно разглядывалъ что-то съ помощью старой, подзорной, казенной трубы. Заслышавъ раздавшіеся сзади, легкія шаги дѣвушки, финнъ невольно вздрогнулъ и едва не выронилъ изъ рукъ трубу. Неожиданный приходъ Настеньки произвелъ на него ошеломляющее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно радостное впечатлѣніе. Его вдругъ охватила какая то сладостная истома, точно онъ былъ внезапно погруженъ въ нирвану.

— Что ты тамъ видишь? — со жгучимъ любопытствомъ спросила Настенька, приблизившись къ Хесто, какъ-бы закоченѣвшему въ прежней наблюдательной позѣ.

— Гляди, — лаконически прошепталъ сдавленнымъ голосомъ финнъ, подавая дѣвушкѣ подзорную трубу и не спуская съ нея пламенныхъ, восторженныхъ глазъ.

Этотъ горячій взоръ нѣсколько смутилъ Настеньку, но она быстро оправилась и, принявъ трубу, начала наводить ее привычнымъ жестомъ на „Могилу лайбъ“... Очень скоро дѣвушка разсмотрѣла большое судно поваленное на бокъ. Громадное волненіе ходило черезъ искалѣченный корпусъ, постепенно разрушая послѣдній и нещадно колотя его о каменистый рифъ. Вокругъ плавали обломки шлюпокъ, рѣшетчатые люки, какія-то доски и бочки. У подвѣтреннаго борта бились о кузовъ корабля двѣ сломанныя мачты, запутавшіяся въ вантахъ. Одна мачта задняя, еще стояла на своемъ мѣстѣ, безобразно склонившись надъ кипящими бурунами въ видѣ перекосившагося креста. Волны громоздились вокругъ уцѣлѣвшей мачты съ какимъ-то бѣшенымъ озлобленіемъ, словно силясь сломить ее и сбросить въ море. Иногда, печальный обломокъ совершенно исчезалъ въ массѣ блестящихъ брызгъ, при чемъ вся кормовая часть барка судорожно содрогалась и неистово колотилась о каменья...

Настенька съ трепетнымъ вниманіемъ осмотрѣла полуразвалившійся корпусъ корабля... Ни одного живого существа! Безпощадная волна, повидимому, давно уже смыла всѣхъ людей за бортъ и размозжила ихъ безжизненныя, измученныя тѣла объ острыя скалы „Могилы лайбъ“... Настенька съ ужасомъ отвела глазъ отъ окуляра трубы и тотчасъ же ея грустный взоръ встрѣтился съ упорно направленнымъ на нее пламеннымъ взглядомъ Хесто. Она невольно вздрогнула и опять прильнула къ трубѣ, тихо проговоривъ:

— Всѣ погибли; никого не видно!..

— Гляди мачта -одна человѣка есть тамъ.

Эти неожиданныя слова Хесто произвели на дѣвушку потрясающее впечатлѣніе. Съ сжатымъ сердцемъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и стѣсненною грудью начала она разглядывать уцѣлѣвшую мачту, начиная отъ палубы и кончая свернутымъ на сторону марсомъ, подъ которымъ неистово раскачивалась на топенантахъ един-

ственная рея, дѣлавшая мачту схожею съ намогильнымъ крестомъ. На площадкѣ марса, нѣсколько наклоненной къ маяку, Настенька ясно разсмотрѣла неподвижную фигуру человѣка. Человѣкъ этотъ или держался за площадку руками или былъ къ ней привязанъ. Что представлялось болѣе вѣроятнымъ —трудно было рѣшить съ такого далекаго разстоянія...

Видъ одного страдальца, еще пощаженнаго свирѣпыми бурунами, напомнилъ Настенькѣ ужасныя ночныя видѣнія и галлюцинаціи. Ей стало невыразимо жалко этого невѣдомаго моряка, теряющаго, можетъ быть, послѣднія силы въ неравной борьбѣ съ бѣшенной, безпощадной стихіей. Неужели и онъ погибнетъ, какъ всѣ его несчастные товарищи? Неужели можно допустить эту гибель и не протянуть руки помощи человѣку, питающему, можетъ быть, при взглядѣ на островъ, жгучую надежду на возможное спасеніе? Эти мучительные вопросы молніей пронизывали возбужденный мозгъ Настеньки и она внезапно выпрямившись, чуть не крикнула, быстро обратившись къ Хесто:

— Мы должны спасти его!

И топнула при этомъ ногой съ капризной энергіей.

Хесто сомнительно покачалъ головой.

— Трудно дѣло.

— Слышишь, Хесто,—выразительно заговорила Настенька, крѣпко сжавъ въ своей нѣжной рукѣ грубую, мозолистую, грязную ручищу финна, — ты долженъ спасти его, если любишь меня... Ты долженъ это сдѣлать ради меня... Ты не мужчина, а баба, если не попробуешь спасти его...

— Моя попробуй мало-мало погоди есть, — рѣшительно сказалъ Хесто, задѣтый за живое.

— Съ тобой, вѣроятно, поѣдетъ отецъ или братъ,— предположила Настенька.—Я сейчасъ скажу имъ.—И она двинулась къ винтовой лѣстницѣ, чтобы спуститься внизъ.

— Это худо есть... Моя пошелъ лайба одна чело-

вѣка... Оба-два худо есть... Моя знайтъ—съ неожиданнымъ оживленіемъ проговорилъ финнъ.

— Ты хочешь ѣхать на баркъ одинъ?—удивилась дѣвушка остановившись.

Хесто энергично кивнулъ головой, воскликнувъ съ небывалымъ одушевленіемъ:

— Настася хочетъ—моя дѣлаетъ!.. Шабашъ!..

— О чемъ вы тутъ спорите?—раздался добродушный голосъ Якова Семеновича, незамѣтно поднявшагося на вершину маяка.

— Тамъ на баркѣ, есть одинъ несчастный, и Хесто хочетъ спасти его, — съ нервнымъ трепетомъ проговорила Настенька.

— Въ такую-то погоду!?... — изумился „Старый боцманъ". —Ишь, что выдумалъ!

— Настася хочетъ —моя дѣлаетъ! Шабашъ!—упрямо повторилъ Хесто.

— Дай-ка мнѣ трубу—я погляжу. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ можно попытать спасти кого нибудь,—раздумчиво прошепталъ смотритель и сталъ внимательно разглядывать положеніе разбившагося барка.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ оторвался отъ трубы и началъ громко разсуждать, не обращаясь ни къ кому въ особенности:

— Н-да, попытать можно... Если со сноровкой спуститься по вѣтру на финкѣ въ буруны, можно скрыться за поваленный баркъ, какъ за стѣной... Снять съ марса человѣка не трудно: онъ вѣдь совсѣмъ надъ водой повисъ... А затѣмъ, надо спуститься по волнѣ къ подвѣтренному берегу острова: тамъ теперь довольно тихо... Только не слѣдуетъ перегружать финку. Надо пытать одному...

— Хесто и хочетъ одинъ добраться до барка,—перебила Настенька, слушавшая отцовскія разсужденія съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

— Пускай попробуетъ, а не удастся ему—я съ сынкомъ попытаю счастье... Вѣдь не погибать-же горемыкѣ,

какъ собакѣ!—съ самоотверженнымъ мужествомъ воскликнулъ Яковъ Семеновичъ. — Ну, милый человѣкъ, благословляю тебя... Съ Богомъ! — обратился онъ къ финну, сосредоточенно глядѣвшему на море.

— Настася хочетъ — моя дѣлаетъ!.. Шабашъ!—съ упрямой энергіей еще разъ повторилъ Хесто и началъ спускаться съ маяка.

— А мы здѣсь постоимъ, да поглядимъ, — едва слышно прошептала Настенька, прижимаясь къ отцу съ необъяснимой тревогой въ сердцѣ.

— Поглядимъ, дочурка, поглядимъ... Авось, Господь ему поможетъ свершить душеспасительное дѣло... Слава Богу, что начинаетъ стихать, и море не такое сѣдое, какъ было... Да и на „Могилѣ лайбъ“ потише стало: не попрежнему бурлитъ и кипитъ... Все въ руку, чтобы снять горемыку съ барка, если Господу будетъ угодно,— добавилъ „Старый боцманъ“, качнувъ головой и поднявъ къ небу молитвенные глаза.

Настенька набожно перекрестилась и съ напряженнымъ вниманіемъ начала слѣдить за Хесто, который уже неуклюже пробирался отъ маяка къ бухточкѣ, гдѣ колыхались у пристани двѣ небольшіе финки и парусный ботъ.

XIV.

Не торопясь и съ сосредоточеннымъ спокойствіемъ спустился Хесто къ бухточкѣ, подтянулъ одну изъ финокъ поменьше, къ самой пристани и сталъ вытаскивать изъ нея все, по его мнѣнію, лишнее: мачту съ парусами, небольшой четырехъ-лапый якорь, рыболовные принадлежности и даже руль. Онъ оставилъ въ шлюпкѣ только двѣ пары веселъ и лейку. Затѣмъ, съ тою-же поразительною методичностью, онъ досталъ изъ другой финки двѣ бухточки тонкихъ, но крѣпкихъ веревокъ и, накинувъ ихъ на лѣвое плечо, поплелся переваливаясь къ шлюпкѣ, на которой намѣревался свершить отчаянный подвигъ. Безъ всякой суетливости уложилъ онъ

принесенныя веревки, отвязалъ финку, разобралъ весла и началъ не торопясь, выгребать къ выходу изъ бухты, гдѣ на просторѣ, бѣжали къ острову крутыя, высокія волны, сердито завернувъ впередъ шумящіе, пѣнистые гребни. Хесто гребъ, не спуская глазъ съ вершины маяка, словно ловя издали участливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ ласковый взоръ Настеньки... Вотъ онъ вышелъ изъ тихаго пристаница, и финка бѣшено запрыгала среди прибрежной толчеи, готовая ежесекундно опрокинуться вверхъ килемъ...

— Да сохранитъ его Богъ!.. Да окажетъ ему свое святое покровительство Николай Чудотворецъ! —набожно прошепталъ „Старый боцманъ", перекрестившись.

„Господи, помоги ему!.. Господи, сохрани его"! мысленно молилась, въ свою очередь, Настенька, слѣдя за финкой съ мучительной тревогой. Она невольно ужасалась. Ей казалось, что она послала Хесто на вѣрную гибель и ея, болѣзненно сжатое сердце наполнялось невыразимой тоской и раскаяніемъ. Она сожалѣла уже что не отклонила Хесто отъ безумнаго намѣренія пробраться на страшную „Могилу лайбъ"; напротивъ поощряла его къ этому всѣми средствами, бывшими въ ея распоряженіи... Нѣсколько разъ Настенька порывалась вернуть Хесто, махнуть ему, крикнуть; но при взглядѣ на поваленный на бокъ баркъ, руки ея нѣмѣли, призывной крикъ застрѣвалъ въ ея судорожно сжатомъ горлѣ, а побѣлѣвшіе губы только шептали съ трогательной, мольбой:

— Господи, помоги ему!.. Господи, сохрани его!

И затѣмъ мысленно добавляла съ порывомъ нахлынувшей надежды:

„Можетъ быть, ему удастся спасти этого страдальца и вернуться невредимымъ"?..

— А ловко же Хесто управляется!.. Ловко!—съ неудержимымъ восторгомъ воскликнулъ Яковъ Семеновичъ, слѣдя опытнымъ глазомъ за финкой, благополучно выбравшейся изъ опасной толчеи.

Дѣйствительно, Хесто управлялъ своей скорлупой замѣчательно смѣло и хладнокровно, какъ истый питомецъ моря, какъ бравый морякъ, знакомый съ бурями и коварной стихіей. Финка прыгала съ волны на волну, словно одушевленное существо. Повинуясь мускулистымъ рукамъ Хесто, она то исчезала въ разверзающихся водяныхъ пропастяхъ, то стремительно взлетала на пѣнистыя вершины, неуклонно выбираясь на вѣтеръ, все ближе и ближе къ разбившемуся барку. Тщетно бѣшенныя, свирѣпыя волны силились поглотить вертлявую финку, тщетно лезли на нее со всѣхъ сторонъ, точно разъяренныя морскія чудовища. Хесто съ рѣдкимъ искусствомъ и съ поразительнымъ самообладаніемъ увертывался отъ этихъ чудовищъ, отважно приближаясь къ грознымъ, всеразрушающимъ бурунамъ „Могилы лайбъ".

— Какъ-то онъ тамъ справится? — сомнительно покачалъ головой Яковъ Семеновичъ.

Настенька глубоко вздохнула и съ невольнымъ трепетомъ взглянула по направленію барка, гдѣ море продолжало кипѣть словно въ адскомъ, гигантскомъ котлѣ.

— Куда это Хесто въ такую непогоду поѣхалъ?— послышался встревоженный голосъ Ирины Кузьминишны.

— И ты, женушка, сюда приплелась? — удивился Яковъ Семеновичъ.—И тебѣ вѣрно не спится сегодня?..

— Какой тутъ сонъ, когда рядомъ люди гибнутъ... Да и Настюша меня напугала ужасно: просыпаюсь, а ее нѣтъ въ кровати... Весь домъ обѣгала, искавши ее, а потомъ догадалась на маякъ взлесть... Такъ куда же Хесто въ такую непогоду поѣхалъ? повторила старушка свой вопросъ, сильно волнуясь.

Смотритель вкратцѣ разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—ужаснулась Ирина Кузьминишна и начала быстро креститься, не имѣя силъ вымолвить больше ни слова.

Вскорѣ поднялся на маякъ и Петя. Такимъ образомъ, на вершинѣ башни собралось все наличное ма-

ячное населеніе, съ цѣлью прослѣдить одинъ изъ актовъ морской драмы. Всѣ почти съ одинаковымъ напряженнымъ вниманіемъ не спускали глазъ съ финки, неистово нырявшей среди сѣдыхъ волнъ... Вотъ шлюпка выбралась на одну линію съ баркомъ и начала медленно спускаться по вѣтру кормой къ „Могилѣ лайбъ“. Управляемая смѣлой, ловкой, сильной рукой, она подвигалась впередъ, не становясь поперекъ волненія. Ея слегка приподнятый носъ, былъ постоянно направленъ противъ вѣтра. Хесто то табанилъ, осторожно подаваясь къ бурунамъ, то усиленно гребъ, чтобы встрѣтить форштевнемъ наиболѣе крупную волну и во время взлетѣть на ея пѣнистую вершину. Этимъ ловкимъ маневромъ Хесто не позволялъ волнѣ поставить финку въ опасное положеніе, поперекъ вѣтра, и затѣмъ моментально опрокинуть ее, какъ это, обыкновенно, бываетъ при дурномъ управленіи шлюпкой. Прошло не менѣе часа, когда финка приблизилась къ первой линіи буруновъ и остановилась, колыхаясь на одномъ мѣстѣ.

„Старый боцманъ“ тотчасъ же догадался о дальнѣйшемъ намѣреніи отважнаго финна, и не замедлилъ подѣлиться съ остальными, своими дѣльными соображеніями:

— Выжидаетъ девятый валъ и хочетъ перемахнуть съ нимъ черезъ каменья... Маневръ рискованный, но возможный... Эти финны постоянно такимъ манеромъ выбрасываются на навѣтренный берегъ: не разъ самъ видѣлъ. Отчаянный народъ!..

— И всегда удается имъ это благополучно? — съ нервною дрожью во всемъ тѣлѣ тихо спросила Настенька, прижимаясь къ отцу.

— Нѣтъ, не всегда,—съ невольнымъ вздохомъ прошепталъ Яковъ Семеновичъ.—Разъ, въ моемъ присутствіи, одинъ изъ такихъ смѣльчаковъ какъ-то сплоховалъ, и я не успѣлъ глазомъ моргнуть, какъ громадная волна залила его, опрокинула и завертѣла среди острыхъ камней... Смѣльчака нашли только спустя недѣлю въ

такомъ искалѣченномъ видѣ, что человѣческаго образа нельзя было разглядѣть...

— Полно, Яковъ Семеновичъ, страсти разсказывать,—перебила смотрителя Ирина Кузьминишна недовольнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, встревоженнымъ тономъ.— Гляди-ка, какъ ты нашу Настюшку напугалъ...

„Старый боцманъ“ пристально посмотрѣлъ въ блѣдное, испуганное лицо „дочурки“ и нѣжно погладилъ ее по пушистымъ волосамъ, словно малаго ребенка.

— Не тревожься, голубка моя, не волнуйся... Лучше молись и, можетъ быть, Богъ поможетъ Хесто исполнить христіанскій долгъ... Все теперь отъ Бога!—воскликнулъ онъ какимъ-то надорваннымъ голосомъ, устремивъ на „Могилу лайбъ“ безпокойный, тревожный взглядъ... Эта тревога была понятна... На „Могилѣ лайбъ“ творилось нѣчто невообразимое и поразительное. Финка, подхваченная „девятымъ валомъ“, съ головокружительной быстротой неслась черезъ каменную гряду и... вдругъ скрылась среди пѣны и брызгъ. Всѣ похолодѣли отъ ужаса... Невольный отчаянный крикъ вырвался изъ стѣсненной груди Настеньки... Нѣсколько мгновеній нельзя было разсмотрѣть рѣшительно ничего, кромѣ адскаго кипѣнія буруновъ... Но вотъ изъ пѣны вынырнуло что-то черное и быстро понеслось къ барку, подталкиваемое волнами и вѣтромъ...

Смотритель съ лихорадочною дрожью навелъ трубу на эту черную точку, едва видимую среди стихійнаго хаоса.

— Слава Богу, спасенъ! — прошепталъ онъ спустя секунду съ облегченнымъ вздохомъ.

Чувство живѣйшей радости охватило Настеньку.

— Дай и мнѣ взглянуть! — воскликнула она, задыхаясь, и нетерпѣливымъ движеніемъ завладѣла подзорной трубой. То, что она увидѣла, наполнило ея сердце неудержимымъ восторгомъ... Хесто, повидимому, совершенно невредимый, сидѣлъ въ финкѣ, наполовину залитой водой, и усиленно гребъ по направленію къ барку,

ловко лавируя среди грозныхъ камней „Могилы лайбъ". Изрѣдка, онъ переставалъ гресть и начиналъ отливать изъ финки воду, придерживая весла под мышками и готовый каждую секунду пустить ихъ въ дѣло. Страшно было глядѣть, какъ неистово прыгала и крутилась въ бурунахъ небольшая шлюпка, постоянно заливаемая волнами, кипѣвшими вокругъ точно въ водоворотѣ. Несмотря на стихнувшій вѣтеръ, цѣлый адъ царилъ на „Могилѣ лайбъ"... Тѣмъ не менѣе, финка, повинуясь каждому взмаху веселъ, неуклонно приближалась къ выброшенному на каменистый рифъ судну. Вотъ она прошла благополучно подъ самымъ бушпритомъ послѣдняго, едва не повиснувъ на всевозможныхъ снастяхъ и обрывкахъ парусовъ... Спустя нѣсколько секундъ, всѣ увидѣли, какъ Хесто уже выгребалъ къ подвѣтренному борту барка. Прошло еще нѣкоторое время, и финка начала колыхаться подъ уцѣлѣвшей бизань-мачтой, подбрасываемая иногда волной чуть-ли не до марса, на которомъ виднѣлся еще единственный живой свидѣтель свершившейся катастрофы... Вотъ Хесто взмахнулъ рукой и ловко забросилъ на марсъ конецъ захваченной веревки, воспользовавшись моментомъ, когда финку вновь поддало волной вверхъ. Такимъ образомъ, смышленный финнъ быстро устроилъ сообщеніе между шлюпкой и послѣднимъ убѣжищемъ невѣдомаго страдальца. Можно было ясно разсмотрѣть въ трубу, какъ тотъ вдругъ закопошился и началъ, какъ будто, привязывать брошенную веревку къ марсу. Черезъ минуту, кто-то соскользнулъ по веревкѣ внизъ, и, затѣмъ финка, уже съ двумя человѣками, стала быстро удаляться отъ барка, стараясь скрыться за подвѣтренный берегъ острова. Это было уже, сравнительно, не трудно... Едва шлюпка миновала послѣдніе буруны и вошла въ болѣе спокойную воду, на баркъ налетѣла огромная волна и срѣзала бизань-мачту у самой палубы, словно топоромъ... Море точно выжидало, когда Хесто свершитъ свой человѣколюбивый подвигъ!..

XV.

Спасеннаго встрѣтила на берегу вся смотрительская семья, торопливо спустившаяся съ маяка, какъ только финка благополучно миновала наиболѣе опасныя мѣста „Могилы лайбъ“. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, одѣтый не въ грубое матросское платье, а въ драповый пиджакъ хорошаго покроя. На его ногахъ красовались невиданные ботинки съ узкими носками и съ вычурными накладками изъ лакированной кожи, сильно, правда, потрескавшейся отъ соленой воды. Вообще весь костюмъ неизвѣстнаго отличался нѣкоторою щеголеватостью и вкусомъ, несмотря даже на то, что отдѣльныя части этого костюма были сильно попорчены, разорваны и вымазаны смолой. Все это отлично разсмотрѣли маячные отшельники еще издали, когда финка была по крайней мѣрѣ въ десяти саженяхъ отъ берега. Настенька, кромѣ того, успѣла разглядѣть красивое, хотя сильно истомленное и блѣдное, лицо, обрамленное рѣдкой русой бородкой. Спасенный сидѣлъ на кормѣ, держась обѣими руками за борта шлюпки и, какъ бы боясь свалиться въ воду. Опытный глазъ „Стараго боцмана“ тотчасъ-же подмѣтилъ въ незнакомцѣ нѣкоторыя характерныя особенности.

— По всему видно, что не изъ команды погибшаго барка, а такъ, какой нибудь, случайный пассажиръ, — высказалъ онъ свое предположеніе.

Ирина Кузьминишна заспорила:

— Какой пассажиръ?.. Это навѣрное самъ шкиперъ или хозяинъ груза...

— Шкиперъ, — протянулъ насмѣшливо Яковъ Семеновичъ... — Ишь, что выдумала!.. Ты, видно, не видала еще шкиперовъ, да еще англійскихъ... Развѣ такіе молокососы бываютъ шкиперами?.. Я въ его годы матросомъ служилъ...

— Можетъ быть, это одинъ изъ помощниковъ? —

предположилъ въ свою очередь Петя, съ особеннымъ любопытствомъ разглядывая неизвѣстнаго молодого человѣка.

— Я сказалъ, пассажиръ: это вѣрно... По всему облику вижу, что пассажиръ, а не морская крыса,—безаппеляціоннымъ тономъ проворчалъ смотритель.

Настенька не вмѣшивалась въ споръ, но съ непонятнымъ сердечнымъ волненіемъ всматривалась въ симпатичнаго незнакомца, съ трудомъ вылезавшаго изъ финки на скалистый берегъ. Подсаживаемый сзади сосредоточенно-угрюмымъ Хесто, незнакомецъ, вымокшій до послѣдней нитки, выползъ на скользкій камень, точно черепаха, и хотѣлъ было ползти выше на четверинкахъ, чтобы не скатиться опять въ море; но проворный Петя услужливо подхватилъ его подъ руку и, поставивъ на ноги, помогъ ему взобраться на возвышенную часть острова.

— Видно не привыкъ по такимъ скаламъ ходить,— сдѣлалъ вслухъ смотритель довольно насмѣшливое замѣчаніе, будучи увѣреннымъ, что незнакомецъ, повидимому, иностранецъ, не пойметъ его; но каково-же было общее удивленіе, когда „иностранецъ“ заговорилъ вдругъ на чисто русскомъ языкѣ:

— Правда ваша, что не привыкъ, но я во всякомъ случаѣ благодарю Бога и этого браваго молодца (молодой человѣкъ указалъ на Хесто, вылезавшаго также на берегъ), что стою на этой голой скалѣ, а не жду смертнаго часа на томъ проклятомъ кораблѣ...

— Такъ вы русскій!? — почти въ одинъ голосъ воскликнули всѣ маячные отшельники, крайне удивленные неожиданнымъ открытіемъ.

— Да, русскій, случайно попавшій на какой то разбойничій англійскій корабль, — подтвердилъ незнакомецъ и затѣмъ обратился къ Якову Семеновичу:

— А вы, вѣроятно, смотритель здѣшняго маяка?.. Вамъ, вѣроятно, я отчасти обязанъ тѣмъ, что живъ теперь, а не ловлю на днѣ раковъ, подобно экипажу разбойничьяго корабля?

— Да, я здѣшній смотритель, а это моя жена, дочурка и сынъ, — отрекомендовалъ Старый боцманъ всю свою семью.—Ну, пойдемте скорѣй въ домъ! — продолжалъ онъ съ грубоватымъ радушіемъ. — Надо, вѣдь, переодѣться вамъ, отдохнуть, а жена накормитъ тѣмъ, что Богъ самимъ послалъ... Мы, вѣдь, тутъ сидимъ на солонинкѣ, рыбѣ и кислой капустѣ...

— Я страшно голоденъ, — откровенно признался молодой человѣкъ, — и буду несказанно благодаренъ вамъ даже за черствый сухарь. Я, вообще, неизбалованъ ни судьбой, ни людьми, ни пищей,—добавилъ онъ нѣсколько грустнымъ тономъ, сильно подѣйствовавшимъ на нервную Настеньку.

„Боже мой, такой молодой и уже несчастный", подумала она съ невольнымъ вздохомъ и еще внимательнѣе начала разглядывать истомленное, симпатичное лицо спасеннаго, совершенно не замѣчая ревниваго взгляда Хесто, не спускавшаго глазъ съ дѣвушки.

Незнакомецъ, какъ ни былъ разстроенъ всѣмъ случившимся, успѣлъ поймать пристальный взоръ Настеньки и, въ свою очередь, оглядѣлъ ее не то съ удивленіемъ, не то съ восторгомъ. Онъ, повидимому, не ожидалъ увидѣть на голой скалѣ что либо подобное и былъ пріятно изумленъ идиллической красотой дѣвушки... Глаза молодыхъ людей встрѣтились и слились въ одинъ неуловимый лучъ, слились на одно мгновеніе; но и въ этотъ ничтожный промежутокъ времени что-то невѣдомое успѣло пронестись молніей изъ глазъ незнакомца и глубоко засѣсть въ груди Настеньки. Она чуть не задохнулась отъ внезапнаго прилива какого-то сладостнаго чувства. Сердце ея затрепетало, словно пойманная птичка. Все ея существо заполнилось какимъ то чуднымъ разсвѣтомъ, неожиданно наступившимъ послѣ продолжительной душевной тьмы. Въ ней затеплился таинственный огонекъ неотразимаго сердечнаго сполоха, моментально поглотившій недавнее физическое влеченіе къ грубому, мрачному Хесто. Ея возбужденному вооб-

раженію представилось, что самъ Богъ ниспослалъ ей того, кого такъ жаждало ея сердце, жаждало инстинктивно и безсознательно...

Съ такимъ благоговѣйнымъ чувствомъ шла Настенька за незнакомцемъ, гадая: кто онъ, откуда и какимъ образомъ попалъ на этотъ „разбойничій", по его словамъ, корабль? Почему именно разбойничій? Эти мысли чрезвычайно заинтересовали дѣвушку, но она не рѣшалась выяснить ихъ разспросами, предоставивъ это отцу, который, еще не доходя до дому, началъ задавать обстоятельные, чисто слѣдовательскіе, вопросы:

— Какъ васъ звать-то?

— По фамиліи, Вольскій; по имени и отечеству, Николай Александровичъ, — обстоятельно отвѣтилъ молодой человѣкъ, нисколько не смущенный нѣсколько грубоватымъ тономъ смотрителя.

— Откуда вы шли?

— Изъ Кардифа... Это въ Англіи, — пояснилъ Вольскій, замѣтивъ на лицѣ Якова Семеновича нѣкоторое недоумѣніе.

— Былъ какой нибудь грузъ?

— Былъ грузъ для виду: немного угля...

— То есть какъ это для виду? — удивился смотритель.

— Чтобы получить побольше страховой преміи, если судно разобьется...

— Такъ значитъ, это крушеніе было преднамѣренное?—догадался Старый боцманъ и похолодѣлъ отъ одной мысли о подобной гнусности.

— Вполнѣ преднамѣренное, но только не съ тѣми результатами, какіе имѣлъ въ виду нашъ шкиперъ-плутъ, этотъ свирѣпый варваръ въ шкурѣ цивилизованнаго англичанина, этотъ гнусный разбойникъ и висѣльникъ, — неожиданно разгорячился Вольскій, засверкавъ расширенными глазами.

— Покойничекъ, видно, вамъ очень насолилъ, что вы его такъ аттестуете, — усмѣхнулся смотритель, подмигнувъ по привычкѣ лѣвымъ глазомъ.

— И не говорите!.. Ужасно насолилъ!—воскликнулъ негодующимъ тономъ Вольскій, сжавъ кулаки.—О, еслибы онъ попался теперь въ мои руки: я-бы, кажется, удушилъ его! — добавилъ онъ съ нескрываемою ненавистью.

— Едва ли онъ попадется?—опять усмѣхнулся Старый боцманъ, дѣлая довольно прозрачный намекъ на гибель шкипера.

— Туда ему висѣльнику и дорога! — озлобленно продолжалъ молодой человѣкъ.—Такъ ему и надо!.. Онъ получилъ должное возмездіе за свои злодѣянія, но жаль только, что вмѣстѣ съ нимъ погибли четырнадцать человѣкъ, ни въ чемъ неповинныхъ и даже не знавшихъ о гнусныхъ замыслахъ злодѣя-шкипера... Ихъ зналъ только его первый помощникъ—штурманъ, да я случайно узналъ о нихъ за нѣсколько минутъ до крушенія... Два разбойника, увлекшись руганью, не замѣтили, что я стою поблизости и все отлично слышу...

— О чемъ же они ругались? — заинтересовался смотритель, входя въ домъ и приглашая Вольскаго жестомъ въ свою комнату.

— Шкиперъ, видите-ли, бранилъ, на чемъ свѣтъ стоитъ штурмана за то, что тотъ сбился, будто-бы, съ курса и ведетъ корабль не на ту банку, на которой онъ желалъ благополучно разбить его, съ цѣлью получить хорошую страховую премію за судно и грузъ; а пьяный штурманъ свирѣпо огрызался и доказывалъ, что онъ ничего не можетъ подѣлать противъ шторма и неожиданной мглы,—живо объяснилъ Вольскій, видимо сильно взволновавшійся отъ однихъ воспоминаній о совершившейся катастрофѣ.

— Вотъ такъ негодяи! — гнѣвно воскликнулъ смотритель, сердито топнувъ ногой.

— Боже мой, какіе гнусные негодяи! — добавилъ въ свою очередь Петя.

Ирина Кузьминишна и Настенька слушали разговоръ мужчинъ съ невольнымъ ужасомъ и сердечнымъ трепе-

томъ, любопытствуя узнать всѣ подробности крушенія. Нѣсколько разъ онѣ порывались обратиться къ Вольскому съ дополнительными распросами, но ихъ удерживало слишкомъ большое уваженіе къ главѣ семьи, не терпѣвшему вообще, когда въ „серьезную бесѣду“ вмѣшивались „бабы“, какъ Яковъ Семеновичъ обзывалъ въ сердитую минуту, впрочемъ, очень рѣдкую, жену и дочурку.

Поэтому, обѣ только внимательно слушали, затаивъ дыханіе, и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали обстоятельнаго развитія всѣхъ страшныхъ деталей, сопровождавшихъ ужасную гибель всего экипажа, за исключеніемъ чудесно спасеннаго Вольскаго. Когда молодой человѣкъ скрылся въ комнатѣ Якова Семеновича, то Ирина Кузьминишна съ Настенькой чуть не расплакались, что имъ не удастся услышать дальнѣйшую бесѣду мужчинъ, но вышедшій изъ комнаты Петя успокоилъ ихъ сообщеніемъ, что Вольскій, едва раздѣвшись, повалился на кровать и почти моментально уснулъ, словно мертвый, отказавшись отъ ѣды, несмотря на сильный голодъ.

При этомъ Петя добавилъ:

— И не мудрено!.. Вѣдь онъ цѣлую ночь не спалъ и держался за марсъ: измучился адски, бѣдняга...

XVI.

Занявшись Вольскимъ всѣ забыли о Хесто, только что свершившимъ, во имя любви къ Настенькѣ, небывалый подвигъ самоотверженія. Впечатлительный финнъ поспѣшилъ забраться въ башню, гдѣ отдался самымъ мрачнымъ думамъ. Отъ его зоркихъ, наблюдательныхъ глазъ не скрылось ничего. Онъ отлично подмѣтилъ, что спасенный имъ молодой человѣкъ произвелъ на Настеньку сильное впечатлѣніе, что дѣвушка, съ перваго же момента, заинтересовалась этимъ „господиномъ“ и въ ея душѣ произошло какое-то странное смятеніе. Хесто

успѣлъ даже уловить молнію взглядовъ Настеньки и Вольскаго. Эта молнія ударила его прямо въ сердце и нанесла невидимую, но страшно мучительную, рану. Сердце словно облилось горячею кровью и закипѣло какимъ то неотразимымъ злобнымъ чувствомъ. Все его существо наполнилось тяжелымъ предчувствіемъ какой то бѣды, вдругъ нависшей надъ головой. Тайный внутренній голосъ подсказывалъ Хесто, что онъ спасъ отъ явной смерти опаснаго соперника, что теперь, поневолѣ, онъ долженъ отойти на задній планъ и уступить первое мѣсто молодому, красивому незнакомцу. Какая нибудь борьба за преобладаніе Настенькой казалась ему немыслимой и дикой. Здравый смыслъ сидѣлъ въ головѣ Хесто еще довольно крѣпко, и онъ ясно сознавалъ все громадное преимущество, бывшее на сторонѣ Вольскаго. Это былъ, вѣдь, не простой, бѣдный финнъ, плохо объяснявшійся на родномъ языкѣ дѣвушки, а землякъ послѣдней; это былъ не ничтожный деревенскій парень, а „господинъ"; не грубый тавастъ, вскормленный среди дебрей и скалъ, ничего не видѣвшій и не знавшій, а ловкій, повидимому, городской житель, могущій поразсказать кое что весьма, вѣроятно, интересное и веселое.

Сознаніе такого неотвратимаго преимущества наполняло сердце Хесто неудержимою завистью, смѣшанною съ невольнымъ чувствомъ ненависти. Въ его раздраженномъ мозгу начало постепенно складываться странное убѣжденіе, что спасенный имъ человѣкъ—его ужаснѣйшій врагъ, ниспосланный откуда-то на островъ злымъ великаномъ—іотуномъ *), пожелавшимъ сокрушить даже призрачные надежды, тайно взлелѣянныя въ теченіи долгихъ годовъ.

„И зачѣмъ я спасъ его, зачѣмъ не утопилъ"!? злобно думалъ Хесто, скрежеща зубами отъ безсильной ярости; но спустя нѣсколько минутъ, послѣ нѣкотораго просвѣтлѣнія, въ головѣ его начинали копошиться иныя

*) Іотунъ — одинъ изъ представителей финской миѳологіи.

мысли, хотя не столь злобныя, но за то болѣе безотрадныя и угнетающія:

„Такъ суждено... такъ должно быть... И захотѣлъ бы другое сдѣлать, да не могъ-бы... Все тамъ заранѣе указано, что съ каждымъ человѣкомъ должно въ жизни случиться... Тамъ книга такая есть и въ ней для каждаго человѣка особая страница“... И Хесто мрачно взглянулъ на ясное небо, словно желая разглядѣть удивительную книгу судьбы и прочесть въ ней „свои“ строки... Вообще, Хесто былъ истый фаталистъ; онъ горячо вѣрилъ въ роковое предопредѣленіе, искренно думалъ, что чему быть, тому не миновать; но тѣмъ не менѣе природное упрямство призывало его къ борьбѣ противъ козней великана-іотуна, легендарнаго злодѣя мрачной финской миѳологіи. Вновь накипало у него въ груди, опять лезли въ голову злые мысли:

„Зачѣмъ не утопилъ его?.. Для чего я спасъ его на собственную бѣду?.. Кто другой, какъ не самъ іотунъ натолкнулъ меня на такую глупость“...

И Хесто съ прежнею яростью заскрежеталъ зубами, словно желая ими измолоть въ порошокъ и „іотуна“ и ненавистнаго „незнакомца-врага“; но, вспомнивъ нѣкоторыя обстоятельства спасенія несчастнаго, финнъ сталъ опять отходить и смиряться. Злоба уже не душила его, и только въ самомъ отдаленномъ уголкѣ нывшаго сердца продолжало таиться неотразимое, въ высшей степени недоброжелательное чувство къ Вольскому.

„Настася хотѣла этого, и я сдѣлалъ, потому что долженъ былъ это сдѣлать“, думалъ Хесто уже не столь мрачно.

Въ его памяти воскресъ чудный образъ дѣвушки, когда та начала умолять спасти погибающаго. Какъ Настенька сжала въ своей рукѣ грубую, мозолистую руку Хесто и какъ пристально взглянула ему въ лицо своими лучистыми, ясными глазами!.. Возможно-ли забыть это? Вспомнивъ объ этомъ, Хесто даже весь задрожалъ отъ восторга. Вся грудь его заныла невѣдомымъ

чувствомъ. Глаза увлажнились слезою радости... Но прошло немного времени, и чудное видѣніе исчезло, а съ нею потухла и свѣтлая надежда, едва мелькнувшая въ одинокой, грустной жизни Хесто. Въ его возбужденномъ воображеніи вновь возсталъ величавый и страшный іотунъ, а рядомъ съ нимъ, спасенный незнакомецъ, такой молодой и красивый, что можно было залюбоваться.

„Это все чары злого іотуна", начала давить финна прежняя мысль, „Это все онъ!.. Настася, орудіе іотуна... Великанъ говорилъ языкомъ дѣвушки и нарочно все такъ устроилъ"... У, проклятый!..

Новая буря поднялась въ уязвленной душѣ Хесто. Духъ его содрогнулся, а сердце грустно и страстно заныло отъ безумной печали. Чувство неотразимой ненависти къ незнакомцу снова запылало въ груди его... Одновременно, его всего обдало жгучимъ огнемъ мучительной любви къ Настенькѣ, какъ бы разроставшимся съ каждымъ приливомъ печали и ненависти...

Ужасная борьба разнородныхъ чувствъ, кипѣвшихъ въ смятенномъ сердцѣ Хесто, очень скоро довела его до полнаго душевнаго и физическаго изнеможенія. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ, забытымъ и несчастнымъ. Изъ его помутившихся глазъ потекли безмолвныя слезы, первыя въ жизни. Слезы эти смягчили его озлобленное сердце и воскресили въ немъ вѣру въ роковую судьбу.

„Настася, Настася", жалобно и уныло шепталъ про себя Хесто, безнадежно качая головой.

— Хесто, Хесто! — раздался вдругъ снизу звонкій голосъ Настеньки, словно отвѣтный крикъ на мучительныя стенанія финна.

Хесто вскочилъ съ кровати, на которой лежалъ въ горестномъ полузабытьи, словно пронизанный электрической искрой, и, съ несвойственнымъ ему проворствомъ, сбѣжалъ по крутымъ ступенямъ внизъ, гдѣ поджидали его Настенька и Петя.

— Ты что-же, опять спрятался въ свою гадкую башню? — встрѣтила дѣвушка финна съ шутливымъ

капризомъ и затѣмъ добавила, ласково протягивая руку: — Я пришла поблагодарить тебя, ты хорошо знаешь за что... Спасибо, Хесто, большое спасибо!.. Ты мой другъ теперь на всю жизнь!..

— И мой также! — съ искреннимъ воодушевленіемъ воскликнулъ Петя, пожимая, въ свою очередь, мозолистую руку финна.

Тотъ едва не обезумѣлъ отъ восторга. Быстрый, неожиданный переходъ отъ безъисходной печали къ большой радости произвелъ на него одуряющее впечатлѣніе. Еще недавно онъ жаловался на судьбу и одиночество, а теперь оказалось, что эти жалобы были совершенно напрасны и преждевременны. У него явились самые дорогіе друзья на всю жизнь. Мечты его начали осуществляться и при томъ въ такой моментъ, когда онъ меньше всего разсчитывалъ на это. Донельзя растроганный, Хесто не находилъ подходящихъ русскихъ словъ для выраженія своихъ чувствъ и, пожимая дружескія руки, только лепеталъ дрожащимъ голосомъ:

— Твоя друка тоже, твоя тоже...

— Ну, пойдемъ теперь, дружище, къ намъ: отецъ и мать ждутъ тебя съ чаемъ, — подхватилъ Петя финна подъ руку.

Такимъ образомъ, Хесто былъ опять водворенъ въ смотрительскую семью и сдѣлался свидѣтелемъ дальнѣйшихъ событій, что чрезвычайно радовало его, такъ какъ онъ могъ теперь наблюдать, а не терзаться, заглазно, ревнивыми подозрѣніями, не имѣющими, можетъ быть, никакого основанія. Хесто особенно охотно воспользовался широкимъ гостепріимствомъ смотрительской семьи въ данную минуту, когда семья эта неожиданно увеличилась новымъ временнымъ членомъ, за которымъ, по мнѣнію подозрительнаго финна, не мѣшало присмотрѣть, во избѣжаніе какихъ либо, печальныхъ для Настеньки, послѣдствій... Хесто рѣшилъ быть на сторожѣ и тайно охранять дорогую дѣвушку отъ козней того-же безпощаднаго великана-іотуна, пожелавшаго погубить ее, какъ казалось суевѣрному, невѣжественному финну.

XVII

Вольскій проснулся только къ обѣду. Этого момента съ нетерпѣніемъ ждали всѣ маячные отшельники, охваченные жгучимъ любопытствомъ послушать разсказъ спасеннаго о крушеніи англійскаго „разбойничьяго" барка. Даже „Старый боцманъ", всегда выдержанный и спокойный, горѣлъ неудержимымъ желаніемъ кое-что развѣдать о погибшемъ суднѣ. Особенно заинтересовалъ его эпитетъ „разбойничій", которымъ Вольскій наградилъ неизвѣстный корабль. Ради скорѣйшаго разъясненія этого страннаго эпитета, Яковъ Семеновичъ даже нѣсколько пренебрегъ обязанностями радушнаго, гостепріимнаго хозяина и, не давъ Вольскому вдосталь насытиться послѣ продолжительной голодовки, обратился къ нему съ любопытнымъ вопросомъ, уже давно вертѣвшагося на языкѣ смотрителя:

— Позвольте васъ спросить: почему вы назвали погибшій баркъ „разбойничьимъ?

— О, это длинная исторія! — живо воскликнулъ Николай Александровичъ, съ трудомъ проглатывая плохо разжеванный кусокъ жесткой солонины.

— И, вѣроятно, очень интересная?— вмѣшалась въ разговоръ Ирина Кузьминишна, незамѣтно подкладывая случайному гостю на тарелку новую порцію солонины.

— Для кого интересная, а для меня крайне печальная,— поморщился Вольскій, но, взглянувъ на внимательно слушавшую Настеньку, добавилъ послѣ короткой паузы какимъ то особеннымъ тономъ, въ которомъ слышался едва уловимый намекъ, инстинктивно принятый дѣвушкой на свой счетъ:

— Печальная, впрочемъ, только въ первой своей половинѣ... Счастливая судьба сгладила многое, бросивъ меня на вашъ гостепріимный островъ...

— И судьба ничего бы не сдѣлала безъ содѣйствія этого молодца и безъ Божьей помощи,— внушительно

проговорилъ Яковъ Семеновичъ, указывая рукой на Хесто, сидѣвшаго въ сосредоточенномъ безмолвіи на другомъ концѣ стола.

— Да, это несомнѣнно такъ! — поспѣшно согласился Вольскій къ большому удовольствію Настеньки.— Въ моемъ чудномъ спасеніи видѣнъ всемогущій перстъ Божій, направившій вашего помощника къ погибающему барку... Жаль, что онъ, кажется, не понимаетъ по-русски...

— Хесто отлично понимаетъ все, но плохо только объясняется по русски, — перебилъ Вольскаго Петя и съ веселой улыбкой взглянулъ на угрюмаго финна.

— Вотъ какъ? — крайне удивился Николай Александровичъ и затѣмъ спросилъ съ ласковымъ укоромъ:

— Отчего же Хесто ни слова не отвѣчалъ мнѣ, когда я нѣсколько разъ, и на шлюпкѣ, и здѣсь, благодарилъ его за спасеніе?

Хесто мрачно насупился, подозрительно поглядывая, исподлобья, на молодого человѣка, въ которомъ продолжалъ видѣть орудіе злого великана-іотуна.

— Онъ у насъ нелюдимый и молчаливый, но превосходный малый, — аттестовалъ своего помощника „Старый боцманъ".

— А къ чужимъ относится крайне подозрительно, чуть ли не враждебно, — шепнулъ на ухо Вольскому Петя. — Приручить его очень трудно, — добавилъ онъ.

Николай Александровичъ пристально взглянулъ въ нахмуренное, некрасивое лицо финна и затѣмъ перевелъ глаза на Настеньку, точно задавая ей безмолвный вопросъ: — неужели, и ты неуспѣла приручить этого дикаря?

Этотъ новый взглядъ произвелъ на дѣвушку чарующее впечатлѣніе. Она вспыхнула и потупилась, охваченная непонятнымъ, но сладостнымъ, смятеніемъ, не укрывшимся отъ ревнивой наблюдательности Хесто.

— У, проклятое отродье іотуна! — прошепталъ про себя финнъ съ затаенною ненавистью и даже слегка скрипнулъ зубами отъ злости.

— Такъ почему же вы назвали погибшій баркъ „разбойничьимъ?" повторилъ свой вопросъ Яковъ Семеновичъ. — Мы съ удовольствіемъ послушаемъ вашу исторію, если вамъ охотно разсказать ее намъ. Мы, маячные отшельники, чрезвычайно любимъ разные разсказы, оживляющіе хоть немного нашу монотонную, чисто монашескую, жизнь.

Вольскій не заставилъ себя упрашивать и безъ всякихъ предисловій началъ разсказыватъ слегка возбужденнымъ тономъ:

— Не стану объяснять пока вамъ, какъ и зачѣмъ я попалъ въ Англію. Скажу только, что очутился тамъ случайно и при томъ безъ необходимыхъ средствъ, чтобы вернуться въ Россію... А на родину попасть очень хотѣлось, хотѣлось просто подышать сладкимъ дымомъ отечества, которое я покинулъ пять лѣтъ тому назадъ, увлекшись вольною, казалось, жизнью моряка и призрачными прелестями морского путешествія. Съ этою цѣлью я поступилъ юнгой на отличный парусный корабль „Церера" и совершилъ, подъ голландскимъ флагомъ, продолжительное плаваніе въ Америку и Австралію... Наконецъ, я попалъ въ Англію и пожелалъ возвратиться домой. Денегъ на дорогу у меня не было и потому я рѣшилъ поступить матросомъ на какое нибудь судно, идущее въ Кронштадтъ или Петербургъ. Я хотѣлъ совершить это послѣднее плаваніе на пароходѣ, такъ какъ парусныя суда надоѣли мнѣ — хуже горькой рѣдьки. Гдѣ искать такой пароходъ? Конечно въ Лондонѣ или Плимутѣ, и я очутился въ послѣднемъ. Началъ я бродить по разнымъ конторамъ, заглядывалъ въ подозрительные кабачки, гдѣ часто вербуютъ команду на коммерческія суда, и на третій день, возвращаясь поздно вечеромъ домой, неожиданно подвергся нападенію спеціальныхъ вербовщиковъ, доставляющихъ, обыкновенно, матросовъ на такіе корабли, служить на которыхъ никто не желаетъ, вслѣдствіе разныхъ, весьма вѣскихъ, обстоятельствъ. Эти вербовщики, самые отъяв-

ленные негодяи, зарабатываютъ своимъ гнуснымъ ремесломъ большія деньги. Они набираютъ экипажъ, обыкновенно, наканунѣ ухода судна въ море, иногда даже за нѣсколько часовъ до съемки съ якоря, при чемъ хватаютъ на берегу каждаго неосторожнаго прохожаго, но только не англичанина, у котораго всюду найдутся горячіе защитники и покровители въ видѣ тысячи консуловъ, разбросанныхъ по самымъ глухимъ уголкамъ всего земного шара. А связываться съ англійскими консулами опасно: это отлично знаетъ каждый шкиперъ, у котораго носъ въ пушку... И такъ я попалъ въ цѣпкія лапы вербовщиковъ негодяевъ. Я не успѣлъ крикнуть, не успѣлъ выхватить изъ кармана револьвера, съ которымъ не разставался, хорошо зная гнусные порядки англійскаго порта, какъ былъ крѣпко связанъ по рукамъ и по ногамъ. На мою голову набросили толстый, грязный мѣшокъ, заглушавшій мои отчаянные вопли. Затѣмъ меня подняли, куда то понесли и, спустя четверть часа, бросили на дно шлюпки такъ грубо, что я едва не поломалъ реберъ. Вскорѣ я почувствовалъ, что лежу не одинъ. Вокругъ меня глухо стонали, охали и ругались, вѣроятно, такіе же глупцы, какъ и я, угодившіе въ руки вербовщиковъ. Это меня нѣсколько успокоило. При чужомъ несчастіи, свое горе показалось мнѣ не столь тяжкимъ и безъисходнымъ... Черезъ короткое время, шлюпка съ цивилизованными рабами отвалила и закачалась по рейду... Уже поздно ночью насъ доставили на англійскій корабль „Кляйдъ“ и связанными бросили въ трюмъ какъ какихъ нибудь животныхъ... Съ разсвѣтомъ насъ развязали и вывели на верхнюю палубу. Корабль уже былъ въ открытомъ морѣ. Берегъ едва видиѣлся, и разсчитывать на спасеніе мы не могли, а потому сочли болѣе благоразумнымъ покориться злосчастной судьбѣ. Насъ было пять человѣкъ всѣхъ національностей: я, одинъ французъ, нѣмецъ, итальянецъ и наконецъ негръ. Вскорѣ предсталъ передъ нами, свирѣпаго вида, рыжебородый шкиперъ съ револьве-

ромъ въ рукѣ (а у насъ все отобрали, даже перочинные ножи) и началъ требовать отъ насъ безусловной покорности и полнаго повиновенія, угрожая, въ противномъ случаѣ, всякими корабельными казнями, начиная съ темнаго карцера и кончая линьками и даже ужаснымъ килеваніемъ. Съ этими казнями я познакомлю васъ нѣсколько дальше..

— Знаю я ихъ отлично, — усмѣхнулся „Старый боцманъ" и лукаво подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.—Линьки даже самъ въ свое время пробовалъ, а объ килеваньи слыхивалъ... Линьки-то дѣло пустое...

— Не могу съ вами согласиться, —заспорилъ Вольскій съ нервною горячностью. — Надо знать, какіе линьки!.. У васъ, вѣроятно, употреблялись простые, то есть веревки съ мизинецъ толщиной и съ узелкомъ на концѣ?

Старый боцманъ молча кивнулъ головой.

— Ну, вотъ то-то и есть, а на Кляйдѣ я лично, разъ познакомился съ такимъ линькомъ, что во всю жизнь его не забуду... За какой-то пустякъ шкиперъ приказалъ своему помощнику дать мнѣ всего только два удара, и до сихъ поръ еще не зажила моя спина, хотя со дня наказанія прошло двѣ недѣли... Представьте себѣ трехъ-хвостную плеть съ острыми, желѣзными крючками на концахъ...

— Какой-же это линекъ? — съ апломбомъ знатока перебилъ „Старый боцманъ".—По нашему это кошка... Въ былое время и на военныхъ судахъ употреблялась... Конечно, это давно было: лѣтъ сорокъ тому назадъ.

— Ахъ, Боже мой, какіе ужасы!—воскликнула Ирина Кузьминишна, всплеснувъ руками. - А что-же такое „килеванье"?—съ любопытствомъ спросила она, взглянувъ на дочь. Настенька сидѣла какая-то грустная и съ глубокимъ сожалѣніемъ глядѣла, не отрываясь, на Вольскаго, словно болѣя сердцемъ и душой за полученные имъ удары страшной кошкой. Дѣвушка не замѣчала, что ея пристальный, ласкающій взглядъ рѣзалъ Хесто, точно

тупымъ ножемъ, и разворачивалъ всѣ его внутренности. Сумрачное, хмурое лицо финна выражало нестерпимыя душевныя муки. Выразительные глаза его горѣли зловѣщимъ огнемъ, которымъ, казалось, онъ хотѣлъ испепелить ненавистнаго соперника. Онъ не спускалъ съ Вольскаго своего суроваго взора и не слушалъ подробныхъ разъясненій смотрителя о килеваньи, даваемыхъ съ толкомъ и съ большимъ апломбомъ:

— Килеванье заключается въ слѣдующей варварской операціи. Провинившагося матроса привязываютъ къ веревкѣ продернутой однимъ концомъ подъ киль. На этотъ конецъ ставятъ нѣсколько человѣкъ, которые, по командѣ, начинаютъ выбирать веревку на палубу и, такимъ образомъ, протаскиваютъ наказуемаго подъ килемъ разъ, а иногда даже и два раза. Впрочемъ, два раза рѣдко протаскиваютъ, потому что такая операція можетъ окончиться смертью. Уже и послѣ одного раза, провинившагося вытаскиваютъ на палубу истерзаннымъ о подводную часть корабля и почти задушеннымъ отъ минутнаго пребыванія подъ водой.

— Боже мой, какіе ужасы! — опять воскликнула Ирина Кузьминишна.—Неужели до сихъ поръ они повторяются?

— На военныхъ корабляхъ подобное наказаніе практиковалось лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, а на коммерческихъ, подобныхъ барку „Кляйдъ", оно, навѣрное, примѣняется и теперь, — отвѣтилъ Яковъ Семеновичъ. — Не правда-ли?.. Вамъ это лучше знать, — обратился онъ къ Вольскому.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ тотъ.—Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ килевали на Кляйдѣ провинившагося негра... Возмутительное было килеванье!.. Издѣваясь надъ несчастной жертвой, рыжебородый шкиперъ приказалъ протащить ее три раза...

— Ну, и что-же!?—почти въ одинъ голосъ, съ ужасомъ, воскликнули всѣ, за исключеніемъ Хесто, продолжавшаго хранить мрачное молчаніе.

— Негра вытащили обезображеннымъ и мертвымъ,— глухо прошепталъ Вольскій. — Шкиперъ не смутился этимъ и хладнокровно приказалъ выбросить трупъ страдальца за бортъ... Концы въ воду, и дѣло въ шляпѣ!

— И неужели такія преступленія остаются безнаказанными?—почти простонала Настенька, возмущенная до глубины души.

— Да, человѣческое правосудіе часто дремлетъ, — грустно промолвилъ Вольскій и затѣмъ едва слышно добавилъ послѣ краткой паузы:

— Но Божья кара всегда нагрянетъ въ свое время...

— Вы правы, — согласился смотритель какимъ-то торжественнымъ тономъ.

Всѣ смолкли. Въ комнатѣ воцарилось благоговѣйное молчаніе, точно каждый изъ присутствовавшихъ раздумывалъ о неотразимости и справедливости божескаго возмездія. Чья-то невѣдомая, благостная рука коснулась всѣхъ сердецъ и заставила послѣднія наполниться умилительнымъ чувствомъ къ Небесному Судьѣ. Даже Хесто, какъ будто, поддался общему впечатлѣнію. Лицо его немного просвѣтлѣло. Онъ началъ глядѣть на Вольскаго не столь мрачно и далеко не съ прежнею ненавистью. Въ немъ стало пробуждаться сомнѣніе: дѣйствительно-ли повиненъ великанъ-іотунъ въ появленіи молодого человѣка на островѣ? Вѣдь орудіемъ своихъ козней и замысловъ іотунъ избираетъ людей злыхъ, а между тѣмъ спасенный отъ гибели далеко не злой, даже скорѣе добрый, потому что только добрый могъ такъ искренно возмущаться жестокостями, совершенными надъ несчастнымъ негромъ...

XVIII.

Всѣ просидѣли въ раздумьи довольно долго, пока Яковъ Семеновичъ не нарушилъ благоговѣйнаго безмолвія тихимъ обращеніемъ къ Вольскому:

— Однако, кончайте вашъ разсказъ... Весьма интересно слушать васъ.

— На чемъ я остановился? — встрепенулся молодой человѣкъ.

Смотритель напомнилъ:

— Васъ вывели на палубу и рыжебородый шкиперъ началъ стращать всякими казнями...

— Стращалъ онъ насъ очень долго, все время угрожая револьверомъ и обѣщая размозжить имъ головы непокорнымъ, — продолжалъ Вольскій, постепенно возбуждаясь. — Мы слушали шкипера молча, хорошо сознавая, что всякое противорѣчіе только усугубитъ нашу бѣду. Наконецъ, онъ немного угомонился и неожиданно предложилъ намъ, сравнительно мягкимъ тономъ, подписать заготовленные имъ контракты о добровольномъ, будто-бы, поступленіи въ составъ экипажа „Кляйда" за извѣстное, крайне ничтожное, вознагражденіе. Мы подписались, понимая, что никакой протестъ не поможетъ, и превратились съ этого момента въ закабаленныхъ рабовъ на цѣлый годъ... Такимъ образомъ, мы формально были зачислены въ экипажъ барка, безъ малѣйшей надежды скоро избавиться отъ ужасной кабалы. Намъ выдали по парусинной матросской парѣ, въ которую я поспѣшилъ переодѣться, чтобы сохранить свои франтовскіе ботинки и новый пиджакъ, — горько усмѣхнулся молодой человѣкъ и затѣмъ продолжалъ послѣ короткаго перерыва:

— Да и смѣшонъ я былъ въ своемъ костюмѣ среди остальныхъ оборванцевъ-матросовъ, насквозь пропитанныхъ смолой, саломъ и всякою гадостью!.. Пока не переодѣлся, я сдѣлался какимъ то шутомъ всего экипажа. Меня вертѣли, оглядывали и даже обнюхивали съ наглыми ужимками, съ дикимъ хохотомъ и идіотскимъ бѣснованьемъ. Надо мною издѣвались и глумились съ безпощаднымъ злорадствомъ, называли съ напускною почтительностью сэромъ, синьоромъ, гидальго, барономъ, княземъ, при чемъ, почти каждый, силился продѣлать надо мной какую либо пакость... Одинъ, напримѣръ, вымазалъ мнѣ носъ смолой и съ наглымъ смѣхомъ заявилъ,

что всѣ русскіе князья ходятъ съ грязными носами. Другой негодяй сунулъ въ ротъ кусокъ сала, увѣряя товарищей, съ идіотскимъ хохотомъ, что это мнѣ очень нравится, потому что, молъ, всѣ русскіе ѣдятъ сальныя свѣчи... Я не выдержалъ подобнаго оскорбленія и ударилъ негодяя по уху такъ ловко, что тотъ слетѣлъ съ ногъ и довольно больно ударился головой о бортъ. Этотъ неожиданный ударъ оказался всѣмъ очень по вкусу, за исключеніемъ, конечно, побитаго, который, поднявшись, полезъ въ драку... За меня заступились, и не допустили негодяя до кулачной расправы... Этимъ дѣло не кончилось. Шкиперъ какъ то узналъ о случившемся и нашелъ вполнѣ справедливымъ, съ своей точки зрѣнія, наказать меня за драку двумя ударами линька или кошки, по вашему... Слѣды этихъ жестокихъ ударовъ не зажили у меня до сихъ поръ... Такимъ образомъ шкиперъ-разбойникъ началъ свирѣпствовать съ перваго же дня моего пребыванія на баркѣ. Пока мы дошли до Кардифа, онъ подвергъ страшнымъ истязаніямъ за непослушаніе двухъ матросовъ, а трехъ другихъ продержалъ въ темномъ карцерѣ на одной солонинѣ цѣлыхъ пять сутокъ... Эти несчастные едва не умерли отъ невыразимыхъ мученій. Изобрѣтательный палачъ-шкиперъ приказалъ выдавать имъ въ пищу только одну сухую солонину и при этомъ, ни одной капли прѣсной воды. Они едва не сошли съ ума отъ нестерпимой жажды!.. Въ Кардифѣ мы приняли наскоро всего четверть груза угля и вышли опять въ море, куда именно, никому не было извѣстно, за исключеніемъ шкипера и его помощника штурмана...

— Отчего вы не сбѣжали въ Кардифѣ? — съ досадой спросилъ Яковъ Семеновичъ.

— Да это было положительно невозможно! — воскликнулъ Вольскій. — Сообразительный шкиперъ распорядился такъ, что никто изъ недовольныхъ Кляйдомъ не могъ попасть на берегъ. Болѣе отчаянныхъ онъ запряталъ, на время пребыванія въ портѣ, въ карцера, а

отъ остальныхъ отобралъ всю обувь и, кромѣ того, учредилъ надъ ними строгій надзоръ со стороны преданныхъ ему негодяевъ... И такъ, мы вышли изъ Кардифа, не зная куда. Жизнь наша на баркѣ была отвратительная. Держали насъ впроголодь; кормили тухлой солониной и червивыми галетами... Шкиперъ продолжалъ свирѣпствовать, стараясь, повидимому, нагнать страху на весь экипажъ. Онъ постоянно выдумывалъ все новыя и новыя истязанія, находя въ этомъ особенное наслажденіе: то ставилъ голыми ногами, часовъ на десять, на выблинки *), предварительно подвѣсивъ на плечи наказуемаго по двѣ пудовыхъ балластины; то сѣкъ линьками, смоченными въ разсолѣ; то подвѣшивалъ подъ мышки на штагахъ **), въ пяти саженяхъ отъ палубы; и, наконецъ, рѣшился даже на безпощадное килеванье... Я объ этомъ уже разсказалъ... Теперь вамъ понятно, почему я назвалъ „Кляйдъ" разбойничьимъ кораблемъ, которымъ командовалъ свирѣпый атаманъ-шкиперъ... Названіе вполнѣ подходящее!.. Мыкая такую каторжную жизнь, мы добрались, черезъ десять дней, благодаря попутнымъ вѣтрамъ, до Финскаго залива. Тутъ я замѣтилъ, что шкиперъ задумалъ что-то неладное. Онъ все шептался со штурманомъ, сдѣлался безпокойнымъ и даже забылъ объ истязаніяхъ команды... Особенно онъ сталъ, какъ бы, не свой съ того дня, какъ мы пришли на видъ вашего маяка... Долго мы лавировали туда-сюда, пока не долавировались до шторма. Штормъ налетѣлъ на баркъ совершенно неожиданно, когда мы были поблизости вашего острова, и въ одно мгновеніе снесъ всѣ верхніе паруса и верхній рангоутъ. Все окружающее скрылось непроглядною пасмурностью, а, спустя два часа, баркъ неожиданно выбросило на каменья. Положеніе наше было безнадежное: это сознавали рѣшительно

*) Выблинки — тонкія веревки поперекъ вантъ; служатъ для всхода команды на марсъ и выше.

**) Штаги — толстыя смоленыя веревки или проволочные тросы, держащіе мачты спереди, чтобы онѣ не опрокинулись назадъ.

всѣ. Шкиперъ и штурманъ совершенно растерялись и вскорѣ, послѣ своей отчаянной ругани, куда-то исчезли: можетъ быть, ихъ смыло волнами съ мостика, а, можетъ быть, ихъ выбросили за бортъ озвѣрѣлые матросы, начавшіе безчинствовать на баркѣ съ перваго-же удара о каменья. Этотъ ударъ, словно, развязалъ имъ руки; съ этимъ ударомъ мгновенно исчезъ невыразимый страхъ передъ свирѣпымъ шкиперомъ, который разомъ потерялъ все свое разбойничье обаянье... Обезумѣвшіе негодяи разбили винную каюту и, овладѣвъ ромомъ, скоро напились до безчувствія... Когда корабль повалило на бокъ и начало ужасно бить о каменья, многіе полезли на марсы, въ надеждѣ найти тамъ спасеніе отъ громадныхъ волнъ, перекатывавшихся черезъ все судно съ ужаснымъ шумомъ. Эти волны смыли съ верхней палубы рѣшительно все: мостики, шлюпки, запасный рангоутъ и даже рубки. Корабль било о каменья съ такою силою, что я ежесекундно ожидалъ, что онъ разсыпется въ щепы... Желая умереть христіаниномъ, я переодѣлся во все чистое и новое: вотъ почему я оказался въ своемъ костюмѣ, а не въ матросскихъ грязныхъ лохмотьяхъ... Затѣмъ, я самъ полезъ на бизань мачту... Въ это время баркъ трещалъ по всѣмъ швамъ; палуба его разсѣлась; всѣ переборки разошлись... Весь трюмъ и палубы были залиты водой... Я добрался до марса съ величайшимъ трудомъ и крѣпко привязалъ себя, чтобы не быть смытымъ за бортъ... Волны постоянно ходили черезъ голову... Я нѣсколько разъ едва не захлебнулся... Смерть, казалось, была неотвратима. Бизань мачта качалась и грозила повалиться. Марсъ трещалъ и каждую минуту готовъ былъ сорваться съ топа мачты... Я находился въ полусознательномъ состояніи и никакъ не могъ сообразить, что творится вокругъ меня... Я провелъ ужасную ночь, полную невыразимыхъ мукъ, какъ душевныхъ, такъ и физическихъ... Спасеніе представлялось мнѣ невозможнымъ и немыслимымъ... Я готовился къ смерти, и мои отуманенныя мысли возносились къ Богу съ горя-

чею мольбою послать смерть скорую и не мучительную... И вдругъ, о, счастье, явился нежданный спаситель!.. Я не знаю, какъ его отблагодарить!?.. Если-бы у меня было большое богатство, я отдалъ-бы герою Хесто всѣ свои деньги!..

— Не нада деньга! Моя ходи лайба, деньга нѣтъ!.. Настася хочетъ, моя ходи!.. Шабашъ! — возмущеннымъ голосомъ заговорилъ вдругъ Хесто, сердито, но не злобно, поглядывая на пораженнаго Вольскаго, благодарно взглянувшаго на дѣвушку.

— Хесто не корыстолюбивъ... Онъ бравый молодецъ! — вмѣшался Яковъ Семеновичъ, желавшій успокоить расходившагося финна.

— Вы нашего Хесто не знаете: славный онъ, — похвалила, въ свою очередь, Ирина Кузьминишна.

— Да, хорошій онъ, — едва слышно подтвердила Настенька.

Петя хотѣлъ было также сказать по адресу финна-друга какой то комплиментъ, какъ вдругъ Вольскій протянулъ Хесто черезъ столъ руку и проговорилъ взволнованнымъ, искреннимъ голосомъ:

— Хесто, дай пожать твою честную, хорошую руку!.. Ты спасъ мнѣ жизнь: она принадлежитъ тебѣ!.. Можетъ быть, когда нибудь сквитаемся... Будемъ друзьями!..

Хесто растаялъ и, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ, сжалъ протянутую руку. Здравый смыслъ подсказалъ ему во-время, что пожать эту руку слѣдуетъ, хотя бы въ угоду Настеньки, которая всѣмъ своимъ существомъ, лицомъ и глазами, такъ и молила: „пожми, Хесто, ему руку, пожми!"

Да и остальные молча выражали то-же самое, потому что не желали ссоры, едва не разгорѣвшейся изъ за пустяка между спасеннымъ и спасителемъ.

Такимъ образомъ, Хесто, неожиданно для себя, перешелъ съ боевого положенія на мирное и, временно, забылъ не только о злыхъ козняхъ великана-іотуна, но даже и о своей жгучей ревности. Его жизненный горизонтъ, какъ будто бы, немного посвѣтлѣлъ...

XIX.

Къ вечеру того-же дня погода совсѣмъ стихла. Вѣтеръ перешелъ къ сѣверу и задулъ въ видѣ легкаго бриза. Море успокоилось. Особенно тихо стало по южную сторону острова, совершенно скрытую отъ вѣтра. „Могила лайбъ" также затихла. Буруны перестали бушевать и ревѣть. Вмѣсто грозныхъ, клокочущихъ водяныхъ громадъ, еще недавно царившихъ на каменистомъ рифѣ и вокругъ мыса, среди камней лѣниво ползла истомленная, какъ будто, прибойная волна и, почти безшумно, лизала подножія сѣдыхъ скалъ. Съ коварной лаской надвигалась она на оголившееся прибрежье и съ нѣжнымъ рокотомъ разсыпалась среди отполированной гальки, выбрасывая съ морского дна ракушки и водоросли. Въ зеркальной поверхности прибойной волны отражалось величественное, спокойное, ясное небо. Чудная синева небеснаго свода поглотила зелень морской воды, и все море сверкало неуловимыми, волшебно-прекрасными переливами и оттѣнками. Заходящее солнце, съ царственною щедростью, обдавало все окружающее жизнерадостнымъ, животворнымъ свѣтомъ... Вся природа точно обновилась и оживилась. Ничто въ ней не говорило и не напоминало о недавней страшной бурѣ и недавнемъ стихійномъ хаосѣ. Минувшаго, какъ будто, не бывало. Природа улыбалась, словно она не принимала рѣшительно никакого участія во вчерашнемъ разгромѣ вѣтра и моря. Она глядѣла такъ привѣтливо, такъ нѣжно и, какъ будто, сама удивлялась тому, что свершилось, благодаря ея бѣшеному, внезапному гнѣву...

Минувшаго, какъ будто, не бывало... Только печальный остовъ разбившагося барка безмолвно напоминалъ объ ужасныхъ жертвахъ, принесенныхъ стихійному Молоху. Его громадный черный кузовъ безобразно возвышался среди камней и казался издали какимъ то чудовищнымъ намогильнымъ памятникомъ. Затихшія волны

едва плескались вокругъ поваленнаго на бокъ гиганта, точно зализывая его израненные, расщепленные борта...

На возвышенномъ берегу собрались всѣ маячные отшельники и съ щемящимъ любопытствомъ разглядывали останки разбившагося судна. Послѣ долгихъ разсужденій на тему о безусловной гибели всего экипажа, Яковъ Семеновичъ предложилъ, ради успокоенія совѣсти, съѣздить на баркъ и убѣдиться, что дѣйствительно нѣтъ никого въ живыхъ.

— Уже поздновато,—замѣтилъ Вольскій.—Не лучше-ли отложить эту поѣздку до завтра?

Старый боцманъ раскипятился со свойственнымъ ему добродушіемъ:

— Бога вы, батенька мой, не боитесь!.. Да развѣ можно такое дѣло откладывать? Вѣдь мы не за ромомъ собираемся, а жизнь человѣческую спасать... Раньше ѣхать было опасно, а теперь стихло уже настолько, что мы можемъ мигомъ слетать туда и обратно... Мы возьмемъ большую финку и поѣдемъ вчетверомъ... Бабы останутся, а мы отправимся... Согласны? — обратился онъ къ Вольскому.

— Разумѣется! — воскликнулъ тотъ и затѣмъ добавилъ съ природнымъ достоинствомъ:

— Съ моей стороны было бы подло отказаться ѣхать съ вами...

— Ну, вотъ и отлично, — обрадовался смотритель и немедля властно распорядился:

— Сынокъ, возьми Хесто и приготовьте большую финку, а я сбѣгаю домой, переодѣться по походному... И вамъ бы, Николай Александровичъ, не мѣшало сдѣлать то-же самое: въ моемъ гардеробѣ все для васъ найдется.

— Съ удовольствіемъ, — проговорилъ Вольскій и пошелъ за смотрителемъ.

— Папочка, — тихо остановила Настенька отца.

— Что скажешь, дочурка?—спросилъ тотъ ласково.

— Возьми и меня съ собой, — шепнула дѣвушка, ласкаясь, словно кошечка.

Яковъ Семеновичъ удивленно взглянулъ на дочь:

— Съ чего это ты вздумала?

— Хочется прогуляться по морю: надоѣло сидѣть все на островѣ.

Отвѣтъ этотъ, вполнѣ логичный и убѣдительный, произвелъ на „Стараго боцмана" развеселяющее впечатлѣніе.

— Поѣдемъ, дочурка, если тебѣ такая охота, — разсмѣялся онъ, но затѣмъ счелъ нужнымъ попугать Настеньку:

— Только смотри, на баркѣ покойники есть.

— Покойниковъ нечего бояться,—просто промолвила дѣвушка.

— Правда твоя, дочурка, — усмѣхнулся Яковъ Семеновичъ и затѣмъ нравоучительно добавилъ:

— Кто покойниковъ не боится, тотъ смерти не страшится...

Смотритель и Вольскій переодѣлись „по походному" чрезвычайно быстро. Костюмъ ихъ, состоявшій изъ парусинныхъ рубахъ и брюкъ, былъ отлично приспособленъ для лазанья по всѣмъ помѣщеніямъ разбившагося судна. Яковъ Семеновичъ хорошо зналъ, что предстоитъ дѣлать на баркѣ и потому одѣлся такъ, чтобы ничто не стѣсняло его движеній. Для предохраненія ногъ отъ разныхъ гвоздей и желѣза, выскочившихъ изъ своихъ мѣстъ при крушеніи, а также отъ расщепленныхъ досокъ и выпятившихся переборокъ, всѣ одѣли длинные сапоги, сшитые на островѣ самимъ „Старымъ боцманомъ" изъ прочной, но мягкой, тюленьей кожи. Даже Настенька спрятала, на всякій случай, свои маленькія ножки въ грубые сапоги брата, а сверхъ платья накинула также, въ видѣ чехла, такую-же парусинную рубаху. Она была очень мила въ этомъ „походномъ" нарядѣ, что не замедлилъ примѣтить Вольскій, все время любовавшійся дѣвушкой съ искреннимъ восторгомъ, едва сдерживаемымъ. Онъ, какъ-бы, наивно удивлялся, какъ могъ взрости такой чудный цвѣтокъ на голой скалѣ,

брошенный среди безграничнаго морского простора. Первое время онъ даже не вѣрилъ своимъ глазамъ и старался разглядѣть Настеньку повнимательнѣе, надѣясь найти въ ней какіе либо внѣшніе недостатки, но напрасно. Все въ дѣвушкѣ было такъ гармонично, все представляло такое удивительное сочетаніе естественной, простой красоты, что нельзя было придраться рѣшительно ни къ чему. Во всѣхъ ея движеніяхъ замѣчалась природная грація, которую не могло скрыть даже широкое, плохо сшитое, платье мѣщанскаго покроя. Въ ея выразительныхъ, красивыхъ, ясныхъ глазахъ отражалась чистая душа и не менѣе чистая совѣсть. Эти глаза произвели на Вольскаго чарующее впечатлѣніе. Онъ не могъ наглядѣться ими, хотя смотрѣлъ въ нихъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ и временемъ, съ перваго же момента своего появленія на островѣ. Настенька, въ свою очередь, почти не спускала взора съ молодого человѣка, слушая его разсказъ о пребываніи на „разбойничьемъ" кораблѣ. Она видимо болѣла душой за Вольскаго, вытерпѣвшаго столько физическихъ и душевныхъ мукъ. Она искренно жалѣла его и, какъ бы, переживала всѣ его недавнія страданія. Ея отзывчивое, доброе сердце ныло и, одновременно, заполнялось неотразимой симпатіей къ незнакомцу, спасенному по ея волѣ, внушенной, какъ ей казалось, самимъ Богомъ. Въ этомъ спасеніи она видѣла что-то сказочное и въ ея воображеніи, воспитанномъ на чудесныхъ, волшебныхъ повѣствованіяхъ, Вольскій представлялся ей чуть ли не сказочнымъ принцемъ, достигшимъ острова при помощи какой нибудь доброй феи, послѣ многихъ козней злой волшебницы. Дѣвушкѣ казалось, что спасенный молодой человѣкъ долженъ непремѣнно съиграть въ ея жизни какую нибудь исключительную роль, и она наивно ждала, когда начнется осуществленіе ея тайныхъ думъ и мыслей. Она ждала начала „волшебнаго дѣйствія" съ минуты на минуту, но цѣлый день прошелъ, къ ея великому огорченію, безъ всякаго поползновенія Вольскаго начать свою

роль сказочнаго принца. Молодой человѣкъ такъ увлекся разсказомъ о своемъ пребываніи на „Кляйдѣ“, желая удовлетворить любопытство маячныхъ отшельниковъ, что не имѣлъ времени перемолвиться съ Настенькой даже словомъ. Первое врёмя онъ точно игнорировалъ ее, избѣгалъ заводить съ нею какой либо разговоръ и ограничивался лишь выразительнымъ обмѣномъ взоровъ. Взоры эти вначалѣ достаточно спокойные, очень скоро разгорѣлись особеннымъ внутреннимъ огнемъ, отражавшимъ въ себѣ душевную и сердечную работу. Настенька и Вольскій ощущали какое то странное взаимное притяженіе, точно въ нихъ вложены были сильные магниты съ разными полюсами. Молодое неотразимое тянулось къ молодому, свѣжее къ свѣжему, чистое къ чистому, тянулось безсознательно и непроизвольно. Естественная, простая красота Настеньки, очевидно, произвела на Вольскаго сильное впечатлѣніе. Онъ до сихъ поръ не встрѣчалъ ничего подобнаго, хотя успѣлъ объѣздить полъ міра. Ему, правда, попадалось на глаза не мало красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, но у всѣхъ ихъ красота была, какъ будто, поддѣльная, прикрашенная костюмами и всевозможными кокетливыми аксессуарами женскаго туалета, красота слишкомъ сознательная, надменная, гордая или глупая, красота исключительно физическая, безъ всякой душевной подкладки и внутренняго освѣщенія. Онъ видѣлъ и встрѣчалъ не женщинъ красавицъ, а изящныя, нарядныя, живыя куклы съ чисто механическими, строго разсчитанными движеніями. Онъ видѣлъ не художественныя произведенія высоко-геніальнѣйшей природы, а грубую ихъ поддѣлку... И вдругъ, на голой скалѣ онъ впервые узрѣлъ положительно чудный цвѣтокъ природы съ незапятнанными лепестками, свѣжій и благоухающій душевной чистотой... Это была удивительная игра судьбы!.. Еще болѣе удивительной показалась Вольскому эта судьба, когда онъ неожиданно услышалъ изъ устъ внезапно разсердившагося Хесто, что въ его чудесномъ спасеніи принимала тайное, но

горячее, участіе Настенька, такъ скромно сидѣвшая въ кругу маячныхъ отшельниковъ. Это невольное признаніе финна раскрыло Вольскому глаза, и онъ сталъ искать случая принести дѣвушкѣ свою горячую благодарность не только взоромъ, но и словами. Благодарить ее при другихъ ему не хотѣлось: онъ боялся сконфузить ее. Онъ отлично подмѣтилъ, какъ сильно смутилась Настенька отъ неожиданныхъ словъ Хесто и какимъ яркимъ, стыдливымъ румянцемъ запылало ея изящное личико. Сердце во̀ время подсказало молодому человѣку, что лучше немного обождать съ благодарностью и высказать ее при болѣе удобномъ случаѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей. Онъ, какъ-бы, созналь необходимость щадить скромность Настеньки и оградить ея душу отъ посторонняго, хотя бы и родственнаго, вторженія и вмѣшательства. Своимъ неиспорченнымъ чутьемъ онъ понялъ объ ея желаніи сохранить „тайну" хотя-бы въ фиктивной неприкосновенности и не дать кому либо изъ близкихъ людей поводъ дѣлать изъ этой „тайны" какіе нибудь выводы.

XX.

Хесто нисколько не удивился, увидя Настеньку въ ея походномъ нарядѣ: онъ уже достаточно свыкся съ подобнымъ маскарадомъ, не удивился онъ также и тому, что дѣвушка рѣшилась отправиться со всѣми на баркъ. Онъ хорошо помнилъ, что она всегда любила принимать дѣятельное участіе во всѣхъ морскихъ поѣздкахъ, и экскурсіяхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ острова. По распоряженію стараго боцмана, мужчины сѣли въ весла, а Настенька заняла мѣсто на рулѣ. Подъ ея ловкимъ, привычнымъ управленіемъ, финка вышла изъ бухточки за три часа до солнечнаго захода и быстро заскользила по спокойной поверхности утихнувшаго моря, слегка покачиваясь отъ усиленной гребли. Мужчины работали

веслами молча. Въ первой банкѣ *) сидѣли Яковъ Семеновичъ и Вольскій, а ближе къ носу — Хесто съ Петей. Всѣ торопились добраться до разбившагося барка, чтобы успѣть до темноты осмотрѣть его и возвратиться на островъ. Благодаря дружной, усиленной греблѣ, финка уже спустя четверть часа подошла къ „Могилѣ лайбъ." „Дальнѣйшій путь лежалъ среди массы надводныхъ и подводныхъ камней, требовавшихъ большой опытности и сноровки со стороны рулеваго. Въ виду этого, „Старый боцманъ" счелъ необходимымъ сѣсть на руль самъ, а Настеньку посадилъ въ свое весло, рядомъ съ Вольскимъ. Эта смѣна была столь естественна въ глазахъ всѣхъ, что никто не обратилъ на нее никакого вниманія. Даже ревнивый Хесто отнесся, повидимому хладнокровно къ близкому, случайному сосѣдству молодыхъ людей.

Настенька владѣла весломъ не хуже остальныхъ гребцовъ. Она гребла, соблюдая опредѣленный и необходимый для дружной гребли тактъ, присматриваясь къ Вольскому, къ загребному. Финка продолжала нестись съ прежней быстротой. Мимо ея бортовъ мелькали надводныя и подводныя камни, среди которыхъ „Старый боцманъ" лавировалъ съ изумительнымъ искусствомъ. Вытянувшись на кормѣ во весь свой богатырскій ростъ, Яковъ Семеновичъ зорко глядѣлъ черезъ головы гребцовъ, чтобы не выскочить съ ходу на какую нибудь острую скалу, коварно спрятавшуюся подъ водой. Довѣряя опытному рулевому, всѣ налегали на весла съ прежней энергіей, нисколько не опасаясь проломить у финки дно или бортъ. Между тѣмъ это было вполнѣ возможно при массѣ, всюду разбросанныхъ, камней. Весь путь былъ положительно загроможденъ ими, и Вольскій съ невольнымъ удивленіемъ соображалъ, во время гребли, какъ могъ Хесто выйти изъ этого страшнаго ада живымъ, въ памятный ему штормъ; какъ могъ отважный финнъ благополучно достигнуть разбившагося барка и спасти

*) Банка — скамья въ шлюпкѣ.

его. Это казалось теперь невѣроятнымъ, но между тѣмъ это невѣроятное уже свершилось, благодаря Божьему соизволенію. Милосердный перстъ Божій, несомнѣнно, указалъ Хесто безопасную дорогу среди ужасныхъ буруновъ, а могущественная длань Всевышняго охранила его отъ явной гибели, чтобы спасти, затѣмъ, при содѣйствіи героя, другую жизнь....

Такъ думалъ Вольскій и, почти одинаково съ нимъ, думала Настенька, глядѣвшая на окружающія опасности съ невольнымъ трепетомъ. Оба, съ благодарнымъ чувствомъ, вспоминали о Хесто, работавшемъ весломъ съ сосредоточенною угрюмостью, будто сосланный на галеры каторжникъ. Финнъ сидѣлъ сгорбившись и глядѣлъ куда-то въ сторону. Его, какъ будто, ничто не интересовало въ данную минуту: ни окружающіе камни, среди которыхъ еще недавно висѣла на волоскѣ его жизнь; ни печальный остовъ барка, показывавшійся то справа, то слѣва, сообразно лавировкѣ шлюпки по рифу; ни даже Настенька съ Вольскимъ, сидѣвшіе такъ близко, что лѣвый локоть первой постоянно касался, при заносѣ веселъ, правой руки послѣдняго. Такое случайное соприкосновеніе молодыхъ людей наполняло ихъ сердца сладостнымъ трепетомъ. Они еще не перемолвились ни словомъ, но имъ казалось, что они знаютъ другъ друга очень давно. Нѣсколько минутъ близкаго сосѣдства въ общей работѣ сроднила ихъ гораздо больше, чѣмъ другихъ—долгіе годы совмѣстной жизни. Глядя въ разныя стороны, оба осязали духомъ и нервами взаимное тяготѣніе и, какъ бы, проникали въ глубокіе тайники чужого, но уже дорогого, сердца. Настенькѣ представлялось, что сосѣдъ ея, будто, вписалъ уже себя въ число маячныхъ отшельниковъ, а Вольскому казалось, что онъ никогда не покинетъ острова, его пріютившаго... Оба мечтали о чемъ то призрачномъ и еще неопредѣленномъ...

— Шабашъ! неожиданно прервала ихъ мечты громкая, энергичная команда Стараго боцмана.

Всѣ дружно подняли изъ воды весла и сложили ихъ

въ шлюпку. Финка, направленная ловкою рукою, остановилась вплотную къ подвѣтренному борту барка... Всѣ молча вылѣзли на выпяченную палубу съ черными отверстіями, смытыхъ волнами, люковъ. Изъ середины палубы безобразно торчали расщепленные обломки мачтъ. Самыя мачты, повиснувъ на вантахъ и штогахъ, недвижно лежали въ водѣ, упершись топами въ морское дно. Разорванные паруса, спутавшіяся снасти и всевозможные обломки загромождали подвѣтренную сторону палубы и, въ особенности, переднюю часть корабля. Всюду господствовалъ невообразимый безпорядокъ, полный хаосъ ужаснаго разрушенія. Штормъ и буруны сдѣлали свое страшное дѣло и превратили гордый трехъмачтовый баркъ въ печальный остовъ, производившій своимъ видомъ крайне тяжелое, угнетающее впечатлѣніе...

Маячные отшельники вошли на палубу со щемящимъ сердцемъ. Имъ казалось, что они сейчасъ-же наткнутся на трупы погибшихъ моряковъ, замершихъ въ мучительной, предсмертной агоніи. Этого, впрочемъ, не случилось. Самый внимательный осмотръ верхней палубы и полуразрушенныхъ рубокъ, бывшихъ помѣщеній шкипера и команды, не далъ никакого указанія на недавнюю ужасную борьбу слабыхъ, изможденныхъ людей съ разсвирѣпѣвшей, грозной стихіей. Волны смыли въ море все, что можно было смыть, слизали всѣ кровавые слѣды, прибрали и тщательно скрыли мертвыхъ свидѣтелей своего недавняго бѣшенства.

— На палубѣ чисто, пробормоталъ Старый боцманъ, заглядывая въ послѣдній уголокъ, подъ полубакъ. „Надо спуститься внизъ, да поглядѣть: нѣтъ ли чего тамъ?.. Дочурка", обратился онъ къ Настенькѣ, грустно остановившейся у разрушеннаго борта, „пригляди-ка за финкой, чтобы ее какъ нибудь не оторвало, а мы отправимся по трюмамъ шарить... Сынокъ, Хесто! айда!.. Николай Александровичъ, указывайте намъ дорогу: вамъ она лучше извѣстна"...

Вольскій не замедлилъ отозваться на громкій при-

зывъ смотрителя и торопливо двинулся къ широкому, сильно покосившемуся, трапу. Всѣ, за исключеніемъ Настеньки, молча пошли слѣдомъ.

— „Этимъ трапомъ мы спустимся къ провизіоннымъ каютамъ“, объяснилъ Вольскій на ходу, „а оттуда есть проходъ во всѣ трюмы“.

Спускъ по сломанному трапу былъ очень затруднителенъ, но наши молодцы миновали всѣ препятствія, какъ настоящіе акробаты, и вскорѣ оказались въ полутемномъ помѣщеніи, заваленномъ какими-то обломками, развороченными переборками, разбитыми бочками и сломанными ящиками. Идти далѣе безъ огня не было никакой возможности, и предусмотрительный Яковъ Семеновичъ поспѣшилъ зажечь принесенныя съ собой свѣчи, которыя и роздалъ, по одной, всѣмъ.

Карабкаясь черезъ обломки, Вольскій едва протискался въ корридоръ, на половину залитый водою. Пришлось вернуться.

— Далѣе идти нельзя—воды тамъ по горло будетъ, заявилъ онъ.

— Нельзя, такъ ведите въ другое мѣсто: напримѣръ, къ винному погребу — тамъ навѣрное найдемъ кое-что любопытное,—предположилъ смотритель.

— Винный погребъ здѣсь,—указалъ Вольскій на полураскрытую, сорванную съ петель, дверь.

Старый боцманъ просунуль въ щель руку съ зажженной свѣчой и освѣтилъ небольшую каюту съ нагроможденными, въ одномъ углу, боченками. Нѣсколько боченковъ валялись на полу съ выбитыми днами. Всмотрѣвшись повнимательнѣе, Яковъ Семеновичъ разглядѣлъ недвижно лежащаго человѣка, скорчившагося возлѣ разбитаго боченка. Голова и половина туловища этого человѣка были покрыты водой. Было ясно, что неизвѣстный матросъ опился ромомъ и, не успѣвъ выйти съ товарищами на верхнюю палубу, утонулъ здѣсь-же, залитый сверху волнами. Несчастный избралъ смерть болѣе быструю и легкую. Отуманенный винными парами, онъ,

вѣроятно, и не замѣтилъ своего ужаснаго перехода отъ жизни къ смерти. Товарищи-же его, болѣе трезвые, выползли, вѣроятно, на верхнюю палубу и были всѣ до единаго смыты за бортъ. Кто изъ нихъ избралъ лучшую смерть—трудно судить. Этого не могъ даже рѣшить, видавшій всякіе виды, „Старый боцманъ", съ омерзеніемъ отошедшій отъ страшной каюты.

— Тамъ одинъ лежитъ, — глухо пробормоталъ онъ, придвигаясь къ трапу.

Остальные охваченные любопытствомъ, поспѣшили, въ свою очередь, заглянуть въ винный погребъ.

— Тпфу, мерзость какая, — невольно отплюнулся Петя.

— Это, кажется, французъ Симонъ лежитъ—у него такое платье было, сообразилъ для чего-то Вольскій.

— Много-много тама рома есть!—прищелкнулъ языкомъ Хесто, хорошо уже познавшій вкусъ крѣпкихъ напитковъ: не даромъ-же угощалъ его такъ щедро Старый боцманъ въ послѣднее время.

— Папочка, сюда, сюда скорѣй! — послышался вдругъ сверху задыхающійся голосъ Настеньки.

Всѣ невольно вздрогнули и бросились къ выходу изъ кубрика. Яковъ Семеновичъ, несмотря на свои преклонные годы, съ проворствомъ юноши выбѣжалъ по трапу на верхнюю палубу. Онъ чуялъ, что тамъ что-то случилось, изъ ряду вонъ выходящее ..

XXI.

Оставшись одна, Настенька, съ осмотрительностью опытнаго матроса, привязала финку покрѣпче къ какому-то рыму, а сама пошла со скуки бродить по верхней палубѣ. Съ женскимъ любопытствомъ, стала она, какъ-бы, провѣрять недавній поверхностный осмотръ судна и заглядывать въ самые укромные, малодоступные уголки. Она обратила особенное вниманіе на мѣста палубы, загроможденныя обломками, снастями и разорванными

парусами. Она начала проникать въ каждую щель, предварительно расширивъ ее, по возможности руками, просовывать голову въ каждое отверстіе. Настенька, не желая быть празднымъ зрителемъ на погибшемъ суднѣ, работала съ энергіей, достойной добраго молодца, не опасаясь испортить свои нѣжныя руки и лицо о грубую парусину, объ острые обломки и торчащіе гвозди. Она протискивалась всюду, куда только могло пролезть ея миніатюрное, сравнительно, тѣло. Чтобы проложить себѣ дорогу, она работала не только руками, но и ногами, благо онѣ были обуты въ крѣпкіе мужскіе сапоги. Ея напряженное зрѣніе проникало въ самые темные уголки, скрытые подъ обломками. Она не только всматривалась въ неясные предметы, привлекавшіе ея вниманіе или любопытство, но даже чутко прислушивалась, стараясь уловить ухомъ какой либо подозрительный шумъ, шорохъ, чей-либо стонъ или вздохъ. Ей казалось, что гдѣ нибудь, подъ обломками, непремѣнно лежитъ безпомощно, въ предсмертной агоніи, кто нибудь изъ экипажа, придавленный и пришибленный упавшими за бортъ мачтами. Возбужденное воображеніе рисовало ей ужасныя муки несчастныхъ, лежащихъ, можетъ быть, поблизости и не могущихъ не только пошевелиться, но даже подать слабый голосъ, чтобы направить неожиданныхъ спасителей къ себѣ и указать имъ свое страдальческое ложе. Съ нервнымъ напряженіемъ, Настенька разглядывала каждую мелочь, каждый, повидимому, ничтожный предметъ... Вотъ ея зоркіе глаза усмотрѣли что-то черное, продолговатое прижатое снастями къ палубѣ. Она протянула руку, ощупала и съ трудомъ вытащила пустую, плотно закупоренную, бутылку. Дѣвушка съ любопытствомъ начала разглядывать бутылку на свѣтъ и увидѣла въ ней какую то сложенную бумагу. Она вспомнила разсказы отца объ обычаѣ моряковъ, погибающихъ въ морѣ.

— Это, навѣрное, кто нибудь хотѣлъ выбросить за бортъ и не успѣлъ... Въ этой бутылкѣ находится извѣ-

щеніе о крушеніи барка и какія нибудь послѣднія распоряженія одного изъ экипажа,—догадалась Настенька, пряча интересную находку въ карманъ платья.

Найденная бутылка заставила дѣвушку продолжать свои поиски еще съ большей энергіей и съ большимъ вниманіемъ... Вдругъ до ея напряженнаго уха долетѣлъ не то страдальческій вздохъ, не то заглушенный стонъ... Настенька закаменѣла и обратилась вся вслухъ. Наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ, она начала вслушиваться, силясь уловить таинственные, неопредѣленные звуки, доносившіяся откуда-то чрезвычайно слабо, точно легкое дуновеніе вѣтерка. Звуки неслись, какъ будто, издалека или-же заглушались какою нибудь преградою... Кто-то, словно, стеналъ, но гдѣ именно—трудно было сообразить. Вслѣдствіе неизвѣстныхъ акустическихъ условій, сдавленное стенаніе слышалось то подъ палубой, то гдѣ-то за бортомъ, то въ грудѣ обломковъ.

Настенька начала осторожно, безшумно приближаться къ тому мѣсту, откуда, по ея предположенію, едва доносились глухіе стоны или вздохи. Нѣсколько разъ она останавливалась, нагибалась и прикладывала ухо къ палубѣ—ей казалось, что неизвѣстный страдалецъ стенаетъ подъ ея ногами; но таинственные звуки тотчасъ-же замирали, какъ только дѣвушка склонялась къ грязнымъ доскамъ... Привлеченная постепенно, тѣми-же звуками, къ грудѣ обломковъ, Настенькѣ уже почудилось, что кто-то стонетъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ за бортомъ. Она поспѣшно влезла на фальшбортъ и, свѣсившись черезъ него, начала пытливо всматриваться въ воду, но тамъ ничего не было видно; а между тѣмъ стоны стали доноситься яснѣе... Настенька съ недоумѣніемъ спустилась на палубу... Послѣ сосредоточеннаго, напряженнаго раздумья, ей неожиданно вздумалось приложить ухо къ самому фальшборту: въ этотъ моментъ она отчетливо различила чей-то страдальческій крикъ, полный невыразимой мольбы... И все смолкло!.. какъ будто силы окончательно оставили

несчастнаго, и онъ умеръ, или впалъ въ безсознательное состоянiе...

Настенька, наконецъ, догадалась. Она вспомнила, по разсказамъ отца, что на всѣхъ большихъ корабляхъ устраиваютъ въ борту особые, открытые сверху, ящики, такъ называемые, коечныя сѣтки, въ которыхъ, обыкновенно, команда прячетъ на день свои постели, плотно свернутыя на подобiе муравьиныхъ яицъ. Вспомнивъ объ этомъ, дѣвушка, почти моментально, влезла опять на фальшбортъ и начала раздвигать руками нагроможденныя снасти, съ цѣлью заглянуть въ коечныя сѣтки, откуда, по ея твердому теперь убѣжденiю, неслись таинственные звуки. Послѣ десятиминутныхъ усилiй и энергичной, нервной работы, Настенькѣ удалось расширить отверстiе, достаточное для того, чтобы просунуть голову и плечи. Склонившись затѣмъ въ отверстiе, она разглядѣла въ полутемнотѣ чье-то окравовленное лицо съ лихорадочно блестѣвшими глазами, широко раскрытыми и страшно выпученными не то съ ужасомъ, не то съ мольбою...

Нервы Настеньки не выдержали этого страшнаго зрѣлища. Почти однимъ прыжкомъ очутилась она у трапа, по которому недавно спустились въ кубрикъ мужчины, и начала звать отца задыхающимся отъ волненiя голосомъ.

— Что, что такое случилось?—спросилъ съ нескрываемой тревогой смотритель, выскочившiй на верхнюю палубу чуть ли не съ быстротою выпущеннаго изъ пушки ядра. За нимъ, слѣдомъ, выбѣжали и остальные. Даже Хесто, забывъ на время свою неуклюжесть и природную вялость, выбѣжалъ по трапу съ удивительнымъ проворствомъ: такъ сильно встревожилъ его неожиданный призывъ Настеньки.

— Что такое случилось?—повторилъ свой вопросъ Старый боцманъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ, увидя свою возлюбленную дочурку въ полномъ здравiи.

— Тамъ, тамъ лежитъ одинъ несчастный, —быстро

отвѣтила та и, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, потащила изумленнаго отца за руку къ фальшборту.

— Здѣсь, — лаконически указала она на коечныя сѣтки.

— Если здѣсь, такъ примемся, молодчики, за работу,—моментально рѣшилъ Яковъ Семеновичъ, не любившій въ критическія минуты тратить даромъ слова.

Всѣ принялись „за работу" съ похвальнымъ усердіемъ и чрезвычайно скоро очистили, общими усиліями, коечныя сѣтки отъ обломковъ, парусовъ и снастей.

Придавленный человѣкъ, освобожденный отъ лежавшей на немъ тяжести, застоналъ во всю облегченную грудь, точно обрадовался, что онъ можетъ теперь свободно выражать свои нестерпимыя страданія.

— Ну, полно, Джонъ, ныть. Ты, вѣдь, не женщина, — тихо проговорилъ по-англійски Вольскій, узнавшій въ несчастномъ кока барка „Кляйдъ", удивительнаго пьяницу, плута и главнаго наушника корабельнаго царька, шкипера Уайта.

— Развѣ тебѣ не стыдно, Джонъ, ныть при лэди?— продолжалъ урезонивать Вольскій товарища, подымая его за плечи.

Джонъ сразу притихъ, точно дѣйствительно ему сдѣлалось стыдно Настеньки, съ глубокимъ сожалѣніемъ слѣдившей за тѣмъ, какъ мужчины вытаскивали несчастнаго изъ коечныхъ сѣтокъ...

Благодаря образцовой распорядительности и сообразительности Стараго боцмана, — Джона осторожно спустили въ шлюпку и очень удобно, покойно уложили на койкахъ, взятыхъ съ „Кляйда".

Солнце къ этому времени уже начало скрываться за горизонтомъ и надо было спѣшить возвратиться на островъ.

— Пора отваливать... Садитесь живѣй въ финку!— властно приказалъ Старый боцманъ своей сборной командѣ.

— А гдѣ-же Хесто? — спросилъ онъ, спустившись въ шлюпку за Настенькой и Вольскимъ.

Всѣ осмотрѣлись. Финна не было видно: онъ, незамѣтно, куда-то скрылся.

— Да куда онъ запропастился?—началъ кипятиться смотритель.—Гдѣ онъ замѣшкался?

— Идетъ онъ и боченокъ какой-то несетъ, — успокоилъ Якова Семеновича Вольскій.

— Какой боченокъ? Съ чѣмъ?

— Кажется, съ ромомъ,—продолжалъ докладывать молодой человѣкъ, заглядывая черезъ бортъ барка на верхнюю палубу.

— Молодчина, догадался, — похвалилъ смотритель, невольно щелкнувъ языкомъ. Ромъ былъ его любимымъ напиткомъ, но пилъ онъ всегда въ мѣру и толкомъ.

Вскорѣ изъ за фальшборта показалась сосредоточенная, но довольная, физіономія Хесто; а, спустя минуту, онъ уже спускалъ въ шлюпку, на концѣ какой-то снасти, уемистый, крѣпкій боченокъ, спускалъ увѣренно и смѣло, точно зналъ, какой пріятный сюрпризъ онъ дѣлаетъ своему начальнику.

— Откуда взялъ? — лаконически спросилъ Старый боцманъ, широко улыбаясь и бережно укладывая боченокъ въ кормѣ.

— Тама много-много рома есть;—усмѣхнулся Хесто, облизываясь.

— Гдѣ это?.. Ужъ не тамъ-ли, гдѣ мертвый лежитъ? — удивился смотритель.

— Тама, — кивнулъ головою финнъ, хладнокровно усаживаясь въ весло.

— И мертваго не испугался?—толкнулъ Петя дружески въ бокъ Хесто.

Тотъ опять усмѣхнулся и быстро проговорилъ:

— Мертва палуба тащи, а потома рома бери... Много-много тама рома есть.

— Ишь ты, все успѣлъ продѣлать, какъ дѣло до рома дошло,—разсмѣялся Петя.

— Отваливай! — скомандовалъ Старый боцманъ и затѣмъ добавилъ уже не тѣмъ командирскимъ тономъ:

— Завтра опять на баркъ пріѣдемъ: сгрузимъ все, что можно будетъ сгрузить... И мертваго на берегъ доставимъ, чтобы похоронить по христіански...

— Ахъ, да, папочка, я бутылку нашла,—вспомнила вдругъ Настенька, не переставая гресть.

— Какую бутылку, дочурка?.. Мало-ли тамъ, на баркѣ бутылокъ валяется... Ишь, невидаль какая!— усмѣхнулся Яковъ Семеновичъ.

Дѣвушка коротко и толково разсказала о своей находкѣ.

— Это дѣло другое, дочурка,—серьезно проговорилъ смотритель, разглядывая врученную ему бутылку.

— Любопытно узнать, что въ ней,—молвилъ Вольскій.

— На маякъ пріѣдемъ раскупоримъ ее и узнаемъ... Конечно, при вашемъ содѣйствіи, такъ какъ я ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, не маракую,— сознался Яковъ Семеновичъ...

Финка пристала къ маячной пристани, когда было уже совсѣмъ темно. На пристани поджидала Ирина Кузьминишна, своевременно справившая, за отсутствіемъ мужа, всѣ обязанности смотрителя маяка. Послѣдній горѣлъ уже такъ-же ярко, какъ и во всѣ предыдущіе дни, бросая снопы ослѣпительнаго свѣта за десятокъ миль отъ острова. Все было въ полной исправности, и расторопная старушка явилась на пристань какъ бы съ рапортомъ.

— У мыса выбросило на берегъ чей-то трупъ, ходила туда, чтобы на васъ поближе посмотрѣть, и видѣла, — доложила Ирина Кузьминишна довольно спокойно.

— Завтра приберемъ его,—хладнокровно проворчалъ Яковъ Семеновичъ, — а теперь, женка, принимай еще гостя: съ барка привезли англичанина...

— Неужели тоже мертваго?

— Не мертваго, а полумертваго... Бѣдняга едва дышетъ... Ну, молодцы, беритесь, кто за ноги, кто за плечи, да только, смотрите, несите осторожнѣе, въ ногу идите,

чтобы его не растрясти... Помоги, Господи! — молитвенно закончилъ свою рѣчь смотритель, приподымая раненаго за ноги.

Джона донесли до дому вполнѣ благополучно и бережно уложили въ просторной кухнѣ, на мягкой, импровизированной изъ досокъ кровати, при чемъ Ирина Кузьминишна отдала въ распоряженіе раненаго свою перину и часть подушекъ, а Петя снабдилъ его необходимымъ чистымъ бѣльемъ.

Общими усиліями мужчинъ, Джонъ былъ приведенъ въ благообразный видъ: его обмыли, перевязали ему раны и, насколько возможно, облегчили его тяжкія страданія. Ромъ при этомъ облегченіи оказалъ существенную пользу. Старый пьяница положительно ожилъ послѣ добраго стакана крѣпкаго напитка и пересталъ стонать и охать.

Мужчины, выполнивъ свое человѣколюбивое дѣло, передали раненаго на руки добровольнымъ сестрамъ милосердія, Иринѣ Кузьминишнѣ и Настенькѣ, которыя рѣшили ухаживать за нимъ по очереди, непрерывно день и ночь. Состояніе здоровья Джона того требовало...

XXII.

Вслѣдствіе поздняго времени, Яковъ Семеновичъ отложилъ раскупорку таинственной бутылки до утра. Онъ приступилъ къ этой операціи чрезвычайно торжественно, при полномъ сборѣ всѣхъ маячныхъ отшельниковъ, коренныхъ и случайныхъ, за исключеніемъ Джона, продолжавшаго залѣчивать свои раны единственнымъ лѣкарствомъ, бывшимъ на маякѣ, ромомъ.

При всеобщемъ безмолвіи, Старый боцманъ долго возился съ туго забитой пробкой, ковыряя ее сломаннымъ, согнутымъ пробочникомъ, но наконецъ, догадался и передалъ бутылку Хесто съ лаконическимъ приказаніемъ:

— Ступай на крыльцо и разбей ее, а бумажку принеси сюда.

Хесто исполнилъ это приказаніе довольно быстро и съ безусловною точностью.

— Передай бумажку вотъ ему, — указалъ смотритель на Вольскаго, — а вы переведите намъ, что тамъ написано, — обратился онъ къ молодому человѣку.

Вольскій, не торопясь, развернулъ листъ сложенной почтовой бумаги и, вдругъ, на его красивомъ лицѣ выразилось полное изумленіе.

— Да, вѣдь, здѣсь написано по русски! — воскликнулъ онъ, разводя руками.

— Тѣмъ лучше: читайте скорѣй, — живо проговорилъ Яковъ Семеновичъ, крайне заинтересованный неожиданнымъ открытіемъ.

Общее вниманіе было доведено до высшаго напряженія. Даже на невозмутимомъ лицѣ Хесто отразилось нѣкоторое любопытство.

— Да читайте-же скорѣй! — нетерпѣливо заторопилъ „Старый боцманъ", раздосадованный медлительностью Вольскаго, разглядывавшаго исписанный листъ почтовой бумаги съ непонятною, странною нерѣшительностью.

— Не лучше-ли отложить чтеніе? — тихо вымолвилъ, наконецъ, молодой человѣкъ, бросая на смотрителя какіе то растерянные взгляды.

— Для чего откладывать, почему?.. Что вы, батенька, съ ума что-ли спятили? Съ чего вы чушь такую загородили? — закипятился смотритель, свирѣпо шевеля густыми, сѣдыми бровями. — Если вы русскую грамоту забыли, такъ давайте я самъ прочту, хитрецъ этакій, — быстро перешелъ онъ съ сердитаго тона на обыденно-добродушный и протянулъ руку къ Вольскому.

Тотъ поспѣшно отодвинулся отъ смотрительской руки и быстро проговорилъ замѣтно тревожнымъ голосомъ:

— Вы, Яковъ Семеновичъ, рѣшительно ничего не разберете: написано ужасно скверно и при томъ карандашомъ... Каракули какія-то выведены, а не буквы!..

— Я то не прочту? — усмѣхнулся Старый боцманъ. — Вы говорите это, батенька, зря!.. Я привыкъ разбирать,

въ свое время, всякую матросскую таробарщину... Другой, бывало, напишетъ такъ, что самъ чертъ, кажись, не разберетъ, выведетъ, вмѣсто русскихъ буквъ, разные такіе китайскіе и японскіе ребусы, что даже господа офицеры, бывало, бились надъ ними, безъ всякаго толку, по цѣлымъ часамъ; а какъ только такая грамотка попадала въ мои руки —я ее живо, однимъ духомъ, разбиралъ... А все почему?.. Потому, что самъ, въ свое время, такіе-же китайскіе ребусы выводилъ, да еще съ какимъ примѣрнымъ стараніемъ!.. Все начальство удивлялось... Зайдетъ, бывало, судовой командиръ въ роту и непремѣнно милостиво потреплетъ меня по плечу за то, что я, незамѣчая начальства, царапалъ на грязной бумагѣ гусинымъ перомъ разныя экивоки... Да какъ еще царапалъ!.. И языкомъ, и головой, и глазами, и бровями, и губами, и даже носомъ себѣ помогалъ... Потѣлъ надъ каждой буквой!.. Со стороны глядучи, такъ хохотъ всѣхъ разбиралъ, такія я гримасы корчилъ, такъ я уморительно косилъ глаза, морщилъ носъ и брови, чмокалъ губами, гнулъ голову и высовывалъ даже языкъ... Надъ каждымъ словомъ кряхтѣлъ, сопѣлъ, пыжился, точно сто пудовую тяжесть на себѣ тащилъ... Всѣ смѣялись... А я ничего не замѣчалъ: царапалъ себѣ и царапалъ гусинымъ перомъ, примостившись гдѣ нибудь на нарахъ или на сундукѣ... И что же, доцарапалъ, наконецъ, до того, что пишу теперь лучше всякаго писаря... Терпѣніе и трудъ все, батенька, перетрутъ...

Былыя воспоминанія отвлекли вниманіе „Стараго боцмана“ отъ таинственной бумаги, добытой изъ бутылки. Яковъ Семеновичъ даже не замѣтилъ, какъ Вольскій сложилъ ее попрежнему и запихнулъ въ широкій рукавъ пиджака. Молодой человѣкъ продѣлалъ это съ ловкостью профессіональнаго фокусника, къ вящему удивленію Настеньки, не спускавшей съ него глазъ.

— Да гдѣ-же эта бумага?.. Давайте ее сюда, —спохватился, наконецъ, смотритель, съ недоумѣніемъ оглядывая пустыя руки Вольскаго.

— Я ее спряталъ, и мы будемъ читать ее въ другое время... Лучше было-бы, если бы мы прочли ее, предварительно, только вдвоемъ... Право, было бы лучше! — какимъ то умоляющимъ голосомъ проговорилъ Николай Александровичъ, глядя прямо въ пытливые, проницательные глаза изумленнаго смотрителя.

Нѣсколько секундъ оба смотрѣли другъ на друга при общемъ сосредоточенномъ молчаніи. Всѣ, видимо, находились въ полномъ недоумѣніи. Фокусническая продѣлка молодого человѣка произвела на всѣхъ какое-то непріятное впечатлѣніе: слишкомъ ужъ она была подозрительна и странна. Особенно подозрительно отнесся къ ней „Старый боцманъ", вообразившій, Богъ вѣсть, что.

— Да какъ вы смѣете прятать такой священнѣйшій документъ! — неожиданно накинулся онъ на Вольскаго, весь побогровѣвъ отъ гнѣва.—Да какъ вы смѣете идти наперекоръ моему приказанію!.. Кто здѣсь, на островѣ хозяинъ: я или вы? Отвѣчайте: я или вы?.. Подайте сію минуту эту бумагу!..

— Яковъ Семеновичъ, не горячитесь понапрасну... Поймите, наконецъ, что я не могу вамъ передать ее, не могу и не могу... Потерпите немного, я вамъ все объясню наединѣ, а теперь положительно не могу!—рѣшительно сказалъ Вольскій и умоляюще взглянулъ на Настеньку, точно прося ея заступничества.

Дѣвушка поняла этотъ взглядъ и начала успокаивать отца:

— Папочка, не надо такъ сердиться, не надо, папочка, волноваться... У Николая Александровича есть, вѣроятно, какія нибудь очень серьезныя причины, что онъ такъ упорно не хочетъ читать сейчасъ-же ту бумагу... Вѣроятно, есть? — обратилась она къ молодому человѣку, не спускавшему съ нея благодарныхъ глазъ.

— Вы отгадали, Настасья Яковлевна,—прошепталъ Вольскій.

— А я все таки желаю прочитать эту бумагу немедленно!—съ упрямою настойчивостью крикнулъ „Ста-

рый боцманъ", выведенный изъ терпѣнія.—Вы всѣ положительно рехнулись!.. Вы глумитесь надъ старикомъ! Вы... — хотѣлъ онъ сказать еще что то, но Настенька шаловливымъ движеніемъ зажала ему ротъ рукою:

— Довольно, папочка, довольно... Я не люблю слушать, когда ты бранишься.

— А я не люблю, когда мнѣ противорѣчатъ,—проворчалъ Яковъ Семеновичъ успокоившимся голосомъ. Укрощенный „дочуркою", онъ сталъ соображать: не лучше ли, правда, перетолковать съ Вольскимъ ранѣе наединѣ?

Молодой человѣкъ тотчасъ же воспользовался временнымъ затишьемъ и обратился къ смотрителю почти съ мольбою:

— Прикажите уйти всѣмъ; разсмотримте прежде этотъ документъ только вдвоемъ...

„Старый боцманъ" окончательно сдался и съ обычною рѣшимостью немедленно распорядился:

— Ты, женушка, ступай-ка къ Джону: не нужно ли ему еще лѣкарственнаго рому?.. Ты, дочурка, погуляй немного, а ты, сынокъ, прихвати съ собой Хесто и отправься на мысъ. Осмотрите, нѣтъ ли тамъ еще какихъ либо выкинутыхъ труповъ?.. Если найдете, соберите ихъ и аккуратненько сложите въ одно мѣсто... Ну, маршъ всѣ вонъ!

XXIII.

Проводивъ всѣхъ изъ комнаты, Яковъ Семеновичъ плотно закрылъ двери и неторопливо возвратился на свое мѣсто.

— Ну-съ, развертывайте документъ и читайте его живѣй,—приступилъ онъ прямо къ дѣлу, усаживаясь на диванъ и пытливо поглядывая на серьезное, сосредоточенное лицо Вольскаго.

Молодой человѣкъ добылъ, только что спрятанную въ рукавъ, бумагу и, не развертывая еще ее, заговорилъ тихимъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Прежде, чѣмъ приступить къ чтенію этого документа, выслушайте, пожалуйста, небольшое предварительное объясненіе... Это необходимо!.. Я уже успѣлъ нѣсколько ознакомиться съ тѣмъ, что здѣсь написано. Бѣглый взглядъ на первую же страницу этого печальнаго листка разъяснилъ мнѣ одну тайну, которую я тщетно силился разгадать въ теченіи трехъ недѣльнаго своего пребыванія на разбойничьемъ кораблѣ... Вы, конечно, помните мой послѣдній разсказъ о крушеніи „Кляйда?“ Вы, вѣроятно, не забыли штурмана, съ которымъ такъ свирѣпо ругался негодяй шкиперъ передъ самымъ крушеніемъ? — Старый боцманъ молча кивнулъ головой.

— Ну, такъ вотъ этотъ штурманъ былъ для меня чрезвычайно загадочною личностью. Его окружала какая то тайна. Характеромъ не злой, онъ производилъ на всѣхъ насъ, когда былъ въ трезвомъ состояніи, весьма хорошее впечатлѣніе... Но бывали дни, когда онъ становился страшилищемъ для всѣхъ. Онъ дѣлался жестокимъ, безпощаднымъ, свирѣпымъ и съ какимъ то нечеловѣческимъ злорадствомъ вымещалъ на подчиненныхъ матросахъ всѣ свои неудачи... Онъ становился звѣремъ, когда напивался ромомъ, а напивался онъ частенько, точно топилъ въ ромѣ какое то тайное горе. Онъ пилъ, обыкновенно, забившись въ свою каюту, при чемъ постоянно разговаривалъ самъ съ собой и вертѣлся въ тѣсномъ помѣщеніи, точно хищный звѣрь въ клѣткѣ. Матросы чрезвычайно любили подслушивать, какъ штурманъ изрыгалъ въ каютѣ, бесѣдуя съ бутылкой рома, безконечныя проклятія на свою судьбу, какъ онъ колотился головой о переборки, какъ онъ бѣсновался и, затѣмъ, вдругъ затихалъ... Я самъ не подслушивалъ, но товарищи разсказывали, что, будто-бы, штурманъ, въ моменты затишья, стеналъ, словно младенецъ... Нѣкоторые слышали даже сдержанныя рыданія и сообщали о нихъ своимъ товарищамъ съ злобною радостью. Этимъ жестокосерднымъ людямъ казалось, что штурманъ тер-

питъ душевныя муки подѣломъ, что такъ ему и надо: пускай терзается еще больше!.. Послѣ временнаго затишья, штурманъ вновь начиналъ бѣсноваться и ругаться, постепенно доходя до полнаго опьяненія. Затѣмъ онъ, какъ будто бы, засыпалъ, а когда послѣ того выходилъ изъ каюты съ налившимися кровью глазами, донельзя мрачный, хмурый, свирѣпый, то всѣ моментально прятались, чтобы не попасть подъ его жестокій кулакъ или даже сапогъ съ массивными подошвами и каблуками... Колотя всѣхъ, колотя направо и налѣво, штурманъ только ко мнѣ одному относился съ явнымъ доброжелательствомъ. Когда онъ узналъ, что я русскій, то несказанно обрадовался этому: это можно было замѣтить по его прояснившемуся лицу. Тѣмъ не менѣе, постоянно покровительствуя мнѣ, онъ не перемолвился со мной ни словомъ и даже избѣгалъ встрѣчъ со мной, точно эти встрѣчи были для него мучительны... Почему? — я никакъ не могъ догадаться и догадался только теперь: онъ былъ русскій!..

— Этотъ негодяй штурманъ, погубившій съ подобнымъ-же негодяемъ шкиперомъ столько людей, былъ русскій!?—съ горестнымъ изумленіемъ воскликнулъ Старый боцманъ и глаза его загорѣлись гнѣвнымъ огнемъ.

— Да, русскій, — тихо подтвердилъ Вольскій и затѣмъ еще тише добавилъ:

— Подождите, Яковъ Семеновичъ, ругать его... Пощадите его...

— Нѣтъ такому негодяю пощады: онъ не заслуживаетъ ее! — энергично крикнулъ смотритель, сильно ударивъ по столу сжатымъ кулакомъ.

— Онъ скорѣе несчастный человѣкъ, нежели негодяй,—попробовалъ заступиться Вольскій. — Надо знать обстоятельства, которыя сдѣлали его такимъ...

Старый боцманъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на молодого человѣка:

— Вы, что ли, адвокатъ его?

— Я жалѣю его и только...

— Ужъ не зато ли жалѣете, что онъ такъ здорово исполосовалъ вашу спину кошками? — сердито усмѣхнулся смотритель.

— Онъ исполнилъ въ этомъ случаѣ только приказаніе своего начальника — шкипера, съ спокойною внушительностью вымолвилъ Вольскій.

— А чье приказаніе исполнялъ онъ, напиваясь до озвѣрѣлости, и безпощадно колотя всѣхъ направо-налѣво, какъ вы сейчасъ разсказали? — продолжалъ саркастически допытываться Яковъ Семеновичъ.

Молодой человѣкъ, не находя отвѣта на заданный вопросъ, смѣшался и грустно поникъ головой.

— Вы кончили свое длинное предисловіе? — рѣзко спросилъ смотритель послѣ короткой паузы.

— Кончилъ.

— Въ такомъ случаѣ развертывайте живо документъ и читайте! — властно проговорилъ Старый боцманъ... Время дорого. У насъ еще много дѣла впереди... Я не могу позволить разводить тутъ глупую канитель... Читайте! — повелительно повторилъ онъ тономъ, не дозволяющимъ возраженія.

Вольскій повиновался и, медленно развернувъ таинственный документъ, началъ читать глухимъ голосомъ, не поднимая опущенной головы:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!.. Баркъ „Кляйдъ" погибаетъ... Молите Бога о насъ!.. Спасенія нѣтъ... Всѣ погибаемъ... Молите Бога о насъ!.. Ужасно умирать въ виду родного...

Молодой человѣкъ остановился въ нерѣшительности и поглядѣлъ на Стараго боцмана, — слушавшаго чтеніе документа съ мрачнымъ спокойствіемъ.

Только расширенные глаза его горѣли какимъ то внутреннимъ волненіемъ.

— Продолжайте, — проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, весь охваченный предчувствіемъ чего-то недобраго.

Вольскій покорно дочиталъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ужасно умирать въ виду родного маяка... Подписано: Семенъ Рощинъ...

— Я это предчувствовалъ, — прохрипѣлъ Старый боцманъ и невольно склонилъ сѣдую голову на грудь; но, спустя минуту, гордо поднялъ ее. На мгновенiе потухшiе глаза его засверкали суровымъ, безпощаднымъ огнемъ.

— Это второй мой сынъ, — пояснилъ онъ наружно спокойнымъ, мужественнымъ голосомъ, но тотчасъ-же торопливо поправился: „нѣтъ, не сынъ мой!.. Я отрекаюсь отъ него... Онъ слишкомъ преступенъ!.. Я не жалѣю его, напротивъ, радуюсь, что онъ погибъ съ прочими: мертвые-бо сраму не иматъ!.. Боже мой, какимъ несмываемымъ позоромъ покрылъ онъ мою сѣдую голову!.. Скажутъ, что я вскормилъ въ этомъ орлиномъ гнѣздѣ негодяя, вспоилъ пьяницу, взростилъ убiйцу... Какой срамъ, какой стыдъ!..

— Не орлиное гнѣздо виновато, а жизнь внѣ семьи: она калѣчитъ людей слабохарактерныхъ,—замѣтилъ тихо Вольскiй.

— Вы правы,—согласился Старый боцманъ и затѣмъ проговорилъ задушевнымъ тономъ, протягивая руку молодому человѣку:

— Спасибо вамъ, большое спасибо за ваше сердечное ко мнѣ отношенiе. Я теперь только понялъ, почему вы такъ упорно отказывались читать найденный документъ... Вы жалѣли меня, вы не хотѣли поразить мое сердце тяжкимъ горемъ... Горе, конечно, не въ томъ, что погибъ сынъ: въ жизни нашей воленъ Богъ; а горе въ томъ, что сынъ этотъ былъ ужаснымъ негодяемъ... Вы не хотѣли вынести моего позора на общее осужденiе, вы думали сохранить этотъ позоръ въ тайнѣ... Спасибо-же, еще разъ спасибо за ваше доброе, великодушное, хорошее сердце!.. „Пусть будетъ по вашему“!..

И Старый боцманъ крѣпко-крѣпко обнялъ Вольскаго, взволнованнаго до слезъ спокойнымъ горемъ мужественнаго старика.

— Отдайте мнѣ теперь этотъ документъ: я дочитаю его послѣ... Тамъ, вѣдь, еще что-то написано?—спросилъ Яковъ Семеновичъ, протягивая руку за послѣдними строками своего погибшаго сына.

— Да, тутъ идетъ далѣе цѣлое письмо на ваше имя,—подтвердилъ Вольскій.

— Письмо, повидимому, написано давно, а прочитанныя мною строки набросаны въ послѣднюю минуту жизни, сверхъ письма...

Дѣйствительно, извѣстіе о гибели барка „Кляйдъ" было безпорядочно набросано дрожащей рукой поперекъ четко выведенныхъ перомъ строкъ, озаглавленныхъ „Моя исповѣдь". Разсмотрѣвъ документъ, смотритель прошепталъ:

— Я познакомлюсь съ этою исповѣдью потомъ, а теперь надо подготовить жену... Она должна узнать о смерти сына, но не узнаетъ, конечно, о томъ, что онъ былъ такой мерзкій: это убьетъ ее... Кромѣ того, она станетъ тревожиться за остальныхъ сыновей, тоже вѣдь мытарствующихъ внѣ родной семьи... Впрочемъ, тѣ не чета Семену, по крайней мѣрѣ, судя по письмамъ, которыя они присылаютъ мнѣ аккуратно два раза въ годъ... Сохрани ихъ Господь чистыми сердцемъ, душой и помыслами!..

Старый боцманъ благоговѣйно перекрестился, съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ.

— Не лучше ли будетъ скрыть смерть вашего сына отъ всѣхъ?—вопросительно посовѣтовалъ Вольскій, желавшій какъ нибудь облегчить неожиданное семейное горе.

— Нѣтъ, нѣтъ этого нельзя сдѣлать, — энергично замоталъ головой Яковъ Семеновичъ. — Никакъ нельзя скрыть!.. Подумайте хорошенько: я скрою, а, можетъ быть, сегодня-же трупъ Семена будетъ выброшенъ на берегъ... Возможно, что уже это случилось? Вѣдь, жена съума сойдетъ отъ неожиданности. Она сейчасъ узнаетъ сына по карточкѣ, присланной пять лѣтъ тому назадъ.

Нельзя-же предположить, что онъ измѣнился за это время до неузнаваемости?.. Кромѣ того, возьмите въ разсчетъ материнское сердце: чуткое оно!..

— Ваша правда, - согласился Вольскій.

— Въ такомъ случаѣ, приступимъ къ печальному дѣлу,—рѣшительно проговорилъ Старый боцманъ и затѣмъ громко позвалъ:

— Жена, поди сюда!

XXIV.

Ирина Кузьминишна вошла въ столовую торопливою походкою. На здоровомъ, румяномъ лицѣ ея отражалось нетерпѣливое любопытство. Она, видимо, очень желала узнать, что за таинственный документъ былъ добытъ полъ часа тому назадъ изъ бутылки и почему, именно, мужъ выпроводилъ всѣхъ изъ комнаты? Она была убѣждена, что сейчасъ все узнаетъ, что для этого, именно, позвали ее. Каково же было ея разочарованіе, когда Яковъ Семеновичъ встрѣтилъ ее словами, совершенно не касающимися столь любопытнаго дѣла.

— Не помнишь-ли, жена, когда мы получили послѣднія письма отъ нашихъ сынковъ?..

— Право забыла... Не могу хорошо припомнить... Кажется, Яша, Коля и Леша писали намъ прошлую осень... Да, да, именно осенью пришли отъ нихъ письма,— вспомнила окончательно Ирина Кузьминишна.

— А отъ Семена когда получули послѣднее письмо?

Старушка глубоко вздохнула и запечалилась:

— Пять ужъ годковъ не пишетъ намъ, голубчикъ мой, пять ужъ годковъ ни слуху ни духу о немъ... Сердце все изболѣлось о голубчикѣ...

— А не помнишь ли, что писали о Семенѣ братья?— продолжалъ допрашивать смотритель, хмуря сѣдыя брови.

— Да можно ли это говорить при нихъ?—усомнилась Ирина Кузьминишна, поглядывая на Вольскаго, стоявшаго въ сторонкѣ.

— Коли спрашиваю, значитъ можно, — резонно замѣтилъ Яковъ Семеновичъ.

— Писали очень многое и все такое нехорошее, — начала тихо докладывать старушка, незамѣтно смахивая съ глазъ навернувшіяся слезы. — Писали они, напримѣръ, то, что, будто бы, дурно ведетъ себя, пить началъ... Писали они также, что, будто бы, Сеня на иностранныя суда служить пошелъ, ударился въ китобойство и сталъ попивать сильнѣй... Все только одно дурное о немъ писали, да что-то не вѣрится мнѣ все это...

— Вѣрно все это, совершенно вѣрно, — подтвердилъ сурово Старый боцманъ.

— Полно, Яковъ Семеновичъ, напрасно хулить Сеню, — заступилась Ирина Кузьминишна. — Можетъ быть, что нибудь и лишку написали, по наслышкѣ одной. А, вѣдь, есть пословица хорошая: не всякому слуху вѣрь!

— Я тебѣ не по слуху говорю, что все совершенно вѣрно, что писали братья о Семенѣ, а по документу, — рѣшительно проговорилъ смотритель.

— Ужъ не по тому ли документу, что въ бутылкѣ былъ закупоренъ? — догадалась старушка, похолодѣвъ вся отъ тяжкаго предчувствія.

— Именно по тому, — подтвердилъ мужъ.

— Развѣ Сеня служилъ на „Кляйдѣ?“ — трепетнымъ голосомъ спросила Ирина Кузьминишна и тихо заплакала, сама еще не зная о чемъ.

— Ну, вотъ, ты ужъ и нюни распустила, — досадливо проворчалъ смотритель. — Это нехорошо. Я этого не люблю. Слезами дѣлу не поможешь. Что случилось, того не отвратишь.

— Да ты не мучь меня, Яковъ Семеновичъ, скажи прямо: служилъ Сеня на Кляйдѣ или на какомъ другомъ суднѣ?

— Не скажу, пока не перестанешь плакать!.. Терпѣть не могу слезъ: все нутро онѣ у меня разворачиваютъ.

— Да какъ же мнѣ не плакать?.. Вѣдь, мнѣ ужасно Сеню жалко...

— Его ужъ нечего жалѣть,—намекнулъ смотритель.

— Неужели онъ умеръ!?—всплеснула руками Ирина Кузьминишна и разрыдалась, затрясшись всѣмъ тѣломъ.

— Перестань, женушка, перестань, родная,—началъ утѣшать Яковъ Семеновичъ, обнимая Ирину Кузьминишну.—Сознайся, что Семенъ былъ дурнымъ сыномъ, а дурная трава всегда изъ поля вонъ... Не стоитъ онъ твоихъ слезъ, родная!..

— Ахъ, не говори мнѣ этого,—рыдала старушка.—Всѣ мои дѣтки, пальцы одной руки: который ни отрѣжь, одинаково больно... И гноючій, вѣдь, палецъ больно рѣзать!..

— А когда приходится рѣзать его, такъ надо потерпѣть, родная моя. На забывай, что въ жизни нашей воленъ Богъ: да будетъ воля Его! Грѣшно плакаться на Бога... Ты гнѣвишь Господа своими слезами... Если горестно тебѣ, пойди помолись погорячѣе, и душѣ легче станетъ...

Долго утѣшалъ Яковъ Семеновичъ жену въ томъ же духѣ и, наконецъ, успѣлъ достичь, что та перестала рыдать. Скорбь ея потеряла свою остроту. Горестная мысль о мертвомъ блудномъ сынѣ начала стушевываться навѣянными думами о живыхъ дѣтяхъ. Значительно успокоенная мужемъ, Ирина Кузьминишна вышла изъ столовой, тихо плача, и направилась въ свою комнату, чтобы въ молитвѣ, по совѣту Якова Семеновича, найти окончательное утѣшеніе въ горестной, слишкомъ неожиданной, утратѣ... Во время молитвы, ей вдругъ вспомнился выброшенный на мысъ трупъ неизвѣстнаго страдальца.

„Не Сеня-ли это?“ съ невольнымъ трепетомъ подумала она. „Пойду и погляжу!..“

Ирина Кузьминишна задумала исполнить свое рѣшеніе тотчасъ-же, но, едва только она спустилась съ крыльца, послышался сзади голосъ Настеньки:

— Ты куда, мама?

— На мысъ, Настюша; хочется поглядѣть, кого тамъ еще выбросило.

— Не ходи туда, мамочка: папа не приказалъ... Я хотѣла было сама пойти туда-же, но онъ сказалъ мнѣ, что бабамъ нечего на мертвецовъ глядѣть и велѣлъ остаться, да еще и тебя предупредить, если вздумаешь на мысъ идти... Папа только что ушелъ туда вмѣстѣ съ Вольскимъ,—доложила обо всемъ Настенька.

Ирина Кузьминишна побоялась ослушаться мужа и въ горестномъ раздумьѣ присѣла на крыльцѣ, рядомъ съ дочерью. Обѣ начали безмолвно наблюдать, что дѣлается на мысѣ, но ничего не могли толкомъ разглядѣть на такомъ большомъ разстояніи.

— Отецъ ничего не говорилъ тебѣ?—тихо спросила старушка черезъ короткое время.

— Ничего, мамочка особеннаго... Приказалъ только не ходить на мысъ и больше ничего...

Ирина Кузьминишна опять смолкла, печально покачавъ головой. Настенька внимательно поглядѣла на мать и, въ свою очередь, спросила, ласково прижавшись къ ней:

— Ты, мамочка, плакала?.. О чемъ опять?

— Взгрустнулось вдругъ, милуша, я и поплакала немного... Вспомнила, видишь ли, о твоихъ старшихъ братьяхъ: какъ они, голубчики, горе мыкаютъ въ морѣ? Тяжело имъ, поди, бѣдняжкамъ... Можетъ быть, и померъ ужъ кто нибудь изъ нихъ?

— А я ихъ и не знаю совсѣмъ... Живы ли они или померли, для меня рѣшительно, кажется, все равно, — наивно созналась дѣвушка.

— Ну, конечно, все равно, потому что ты никогда не видала ихъ,—согласилась Ирина Кузьминишна,—но, подумай, каково мнѣ, матери ихней? Повѣришь ли, каждую свѣжую погоду сердце болитъ о нихъ: все то мнѣ чудится, какъ страшно и скверно имъ въ морѣ въ такіе дни... Какъ буря зачнется, я начинаю молиться о нихъ, чтобъ Господь помиловалъ ихъ, чтобъ покровитель моряковъ Св. Николай Чудотворецъ избавилъ ихъ отъ всякихъ бѣдъ и несчастій... Такъ то и маюсь все больше двадцати лѣтъ... Вѣдь, двадцать лѣтъ голубчиковъ сво-

ихъ не видала!.. Если бы не вы, ты да Петя, то я навѣрное давно съ тоски померла-бы. Вами теперь только и живу, особенно тобою, моя милуша, моя ненаглядная!— со страстною нѣжностью проговорила Ирина Кузьминишна, крѣпко обнимая дочь и покрывая ея смущенное лицо горячими поцѣлуями.

— Ты, вѣдь, никогда не покинешь свою старуху мать, не бросишь ее? Нѣтъ, нѣтъ, моя милуша? Вѣдь, никогда?.. Всегда будешь со мною?—шептала старушка, съ невыразимою нѣжностью заглядывая въ увлажненные глаза дочери.

Настенька растрогалась и заговорила съ любящею горячностью:

— Никогда, мамочка, никогда не оставлю тебя, никогда не разстанусь ни съ тобой, ни съ папочкой!.. Я васъ такъ сильно люблю, такъ люблю!..

— Наступитъ время, когда ты, милуша, и другого кого нибудь полюбишь,— съ ласковою ревностью прошептала Ирина Кузьминишна.

— Кого же? — вспыхнула дѣвушка до кончиковъ изящныхъ ушей.

— Встрѣтишь кого нибудь и полюбишь,— неопредѣленно высказалась мать.

— Да кого я могу тутъ, на островѣ, встрѣтить?.. Полноте, мамочка...

— Мало ли кого!.. Встрѣтишь и полюбишь... Знаю, вѣдь, сердце дѣвушки: порохъ оно, сейчасъ вспыхнетъ... Вотъ, напримѣръ, Николай Александровичъ...

— Ну, полноте, мамочка,—окончательно сконфузилась Настенька и спрятала свое смущенное личико на груди у матери.

— Да ужъ, кажется, ты...—начала было съ ревнивымъ укоромъ старушка, но дѣвушка быстро и нервно перебила ее:

— Ахъ, перестаньте, мамочка!.. Совсѣмъ не то... Вамъ все показалось!..

И Настенька, словно птичка, вспорхнула съ крыльца

и шаловливо побѣжала на встрѣчу отцу, показавшемуся вдали вмѣстѣ съ Вольскимъ.

Ирина Кузьминишна глубоко вздохнула, покачала головой и задумалась.

XXV.

— Это онъ!—съ невольнымъ негодованіемъ воскликнулъ Старый боцманъ, пристально взглянувъ въ лицо трупа, который только что принесли съ мыса Хесто съ Петей и положили, рядомъ съ двумя другими погибшими, на возвышенномъ берегу острова.

— Кто такой онъ?—изумился Вольскій.—Это, вѣдь, нашъ шкиперъ!..

— Ага, повадился кувшинъ по воду ходить,—пробормоталъ смотритель.

— Я васъ не понимаю, — съ недоумѣніемъ пожалъ плечами молодой человѣкъ.

— Да тутъ понимать нечего: дѣло простое и ясное... Вашъ шкиперъ, мой давнишній знакомецъ: я спасъ его, когда онъ разбился тутъ поблизости пять лѣтъ тому назадъ и разбился такъ-же намѣренно, какъ и теперь, чтобы получить хорошую страховую премію за свое старое судно... Ну, вотъ, наконецъ, и разбился кувшинъ!..

— Достукался своего,—вмѣшался Петя, отирая рукавомъ потное лицо.

— А тѣ два: итальянецъ Купіо и нѣмецъ Пальбергъ,—отрекомендовалъ Вольскій остальныхъ погибшихъ.

— Всѣ что ли?—угрюмо спросилъ Яковъ Семеновичъ, обращаясь къ сыну.

— Всѣхъ подобрали, больше нѣтъ выброшенныхъ,—доложилъ тотъ.

Старый боцманъ глубоко вздохнулъ и насупился.

— А когда на баркъ опять поѣдемъ?—поинтересовался Петя.

— Сейчасъ и поѣдемъ, благо погода все еще тихая. Надо пользоваться случаемъ и разгрузить съ барка все,

что можетъ пригодиться. Ну-съ, пойдемте опять готовиться къ походу,—обратился Старый боцманъ къ Вольскому, Хесто и Петѣ...

Спустя уже часъ, мужчины оставили островъ. Передъ отбытіемъ на погибшее судно, смотритель предупредилъ жену съ угрюмою ласковостью:

— Тебѣ незачѣмъ туда ходить. — И онъ указалъ рукой на мысъ.—Я уже всѣхъ тамъ разглядѣлъ: Семена нашего тамъ нѣтъ...

Маячные отшельники проработали на баркѣ до самаго обѣда и вернулись на маякъ довольно уставшими. Финка была совершенно загружена всевозможными предметами вооруженія корабля, разными вещами, болѣе или менѣе дѣльными, и, по крайней мѣрѣ, десяткомъ боченковъ съ ромомъ.

Послѣ обѣда сдѣлали второй рейсъ на баркъ, причемъ доставили на островъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми вещами, и трупъ француза Симона. Другихъ труповъ, не смотря на тщательный осмотръ всего судна, найдено не было, что не мало, повидимому, огорчило смотрителя, ходившаго дважды на баркъ съ тайной надеждой отыскать тѣло блуднаго сына, чтобы предать его христіанскому погребенію.

Ирина Кузьминишна разгадала тайные помыслы мужа. Встрѣтивъ его вечеромъ на пристани, она обратилась къ нему съ трепетнымъ вопросомъ, неопредѣленнымъ для остальныхъ, но чрезвычайно яснымъ для „Стараго боцмана“:

— Ну, что?

— И тамъ нѣтъ, лаконически отвѣтилъ тотъ и затѣмъ едва слышно добавилъ, склонившись къ самому уху, глубоко вздохнувшей жены:

— Полно вздыхать-то. Погоди немного: можетъ быть еще и выброситъ прибоемъ на островъ, если Господу Богу угодно будетъ даровать ему христіанское погребеніе... Только смотри, женушка, ни слова дочуркѣ; не надо отравлять ея душу нашими горестями: она

и безъ того такая печальная, что сердце за нее болитъ... А Петѣ я уже сказалъ: онъ мужчина и хорошо понимаетъ все...

На слѣдующее утро, всѣ маячные отшельники и отшельницы приступили, по распоряженію „Стараго боцмана“ къ печальной работѣ, вызванной высокимъ христіанскимъ чувствомъ смотрителя. Прежде всего онъ лично, съ помощью остальныхъ мужчинъ, совершилъ христіанское омовеніе всѣхъ жертвъ бурной стихіи и одѣлъ ихъ во все чистое, воспользовавшись разными вещами, добытыми съ погибшаго судна. Затѣмъ, эти жертвы были зашиты въ чистую парусину, при чемъ въ ноги ихъ положили по тяжелой балластинѣ. Послѣ этого, покойниковъ перенесли на ботъ, а черезъ часъ изъ маленькой маячной бухты тронулась печальная процессія. Ботъ, съ приспущеннымъ по морскому обычаю флагомъ, шелъ на буксирѣ маленькой финки, въ которой сидѣли на веслахъ Хесто и Петя. Позади бота слѣдовала большая финка съ остальными маячными отшельниками...

По выходѣ на открытое мѣсто, „Старый боцманъ“ остановилъ похоронную процессію. Всѣ вышли на ботъ и въ полномъ безмолвіи окружили останки несчастныхъ, аккуратно положенные на широкія доски, каждый трупъ особо. Яковъ Семеновичъ вытащилъ изъ кармана старый молитвенникъ. Всѣ обнажили головы.

— „Со духи праведныхъ скончавшихся души рабовъ Твоихъ, Спасе, упокой, сохраняя ихъ во блаженной жизни, яже у Тебѣ, Человѣколюбче“, началъ читать, нѣсколько дрожащимъ голосомъ, Старый боцманъ тропари объ умершихъ.

— „Въ покоищи Твоемъ, Господи, идѣже всѣ святіи упокоиваются, упокой и души рабовъ Твоихъ, яко единъ еси Человѣколюбецъ“, раздавалась въ тихомъ воздухѣ простая, трогательная молитва, наполнявшая сердца присутствовавшихъ невольною жалостью къ несчастнымъ жертвамъ моря.

— „Покой, Спасе нашъ, съ праведными рабовъ Твоихъ, и всели во дворы Твоя, яко же есть писано, презирая, яко Благъ, прегрѣшенія ихъ вольная и невольная и всѣ яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, Человѣколюбче“! съ особою душевною силою и выразительностью закончилъ Старый боцманъ тропари объ умершихъ.

— „Со святыми упокой, Христе, души рабовъ Твоихъ“, затянулъ онъ надтреснувшимъ голосомъ послѣ ірмоса шестой пѣсни.

Вольскій и Петя присоединились къ печальному мотиву, стараясь пѣть складно и благолѣпно. Всѣ склонились на колѣна. Ирина Кузьминишна, вспомнивъ объ утонувшемъ Сенѣ, горько разрыдалась, вызвавъ невольныя слезы у Настеньки... А солнце сверкало на ясномъ, безоблачномъ небѣ и обдавало все окружающее жизнерадостнымъ свѣтомъ. Ему не было дѣла до скоропроходящаго людскаго горя и мимолетной печали; его не смущали ни трогательные звуки молитвы, ни слезы, ни безформенные парусинные мѣшки съ сокрытыми въ нихъ жертвами бурной стихіи.,. Вся природа, какъ бы, улыбалась и кипѣла радостнымъ оживленіемъ, не обращая вниманія на ничтожную мелочь человѣческой жизни, представляющей, во всемъ своемъ цѣломъ, лишь мгновенный проблескъ, сравнительно съ вѣчностью мirosозданія... Природа ликовала и словно праздновала. Только, рѣявшія въ воздухѣ чайки жалобно кричали и плакали, придавая общей картинѣ морскихъ похоронъ еще болѣе печальный, грустный колоритъ...

Послѣ заключительной молитвы объ умершихъ, прочитанной „Старымъ боцманомъ“ съ поразительною трогательностью, мужчины взялись за края четырехъ широкихъ досокъ, на которыхъ лежали утонувшіе, и осторожно спустили послѣднихъ за бортъ, ногами впередъ. Раздался почти одновременный всплескъ воды, и море на вѣки сокрыло въ своихъ невѣдомыхъ нѣдрахъ жертвы своего же безпощаднаго гнѣва...

XXVI.

Всѣ возвратились на островъ въ угнетенномъ состояніи, въ особенности Ирина Кузьминишна, которая ни какъ не могла примириться съ мыслью о страшной гибели сына. „Старый боцманъ“ отлично видѣлъ затаенную печаль жены, но не находилъ больше словъ для утѣшенія. Наружно покойный и безстрастный, онъ самъ испытывалъ невыразимыя душевныя муки. Его мучила мысль о блудномъ сынѣ, позорно прожившемъ и столь же позорно погибшемъ, когда самъ замыслилъ наиболѣе тяжкое преступленіе. Отцовское чувство возмущалось. Честное сердце кипѣло негодованіемъ. Невольная краска стыда выступала на лицѣ „Стараго боцмана“ при горькой думѣ о томъ ужасномъ омутѣ, въ которомъ столь неожиданно погрязъ Семенъ. Какія обстоятельства толкнули его въ этотъ омутъ, что заставило его сойти съ безупречнаго пути, указаннаго отцомъ, и вступить на дорогу, усѣянную развратомъ и преступными дѣяніями? Какъ могло свершиться постыдное превращеніе хорошаго, честнаго юноши въ отъявленнаго негодяя и гнустнаго злодѣя? Эти мучительные вопросы жгли возбужденный мозгъ „Стараго боцмана“, словно раскаленнымъ желѣзомъ. Какъ жаждалъ онъ разрѣшить ихъ; съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ удобнаго случая, когда возможно будетъ уединиться, чтобы предаться чтенію исповѣди блуднаго сына. Этимъ чтеніемъ онъ тайно надѣялся успокоить свою взволнованную душу и хотя нѣсколько залѣчить сердечные раны, полученныя по неисповѣдимой волѣ Всевышняго.

Послѣ довольно продолжительнаго душевнаго томленія, „Старому боцману“ удалось, наконецъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, оставить тѣсный семейный кружокъ и уединиться на вершинѣ маяка, подальше отъ людей и поближе къ Богу.

Съ неотразимымъ сердечнымъ трепетомъ развернулъ

онъ сильно смятый листъ почтовой бумаги и началъ внимательно читать, стараясь вникнуть въ предсмертную исповѣдь блуднаго сына не только одними мозгами, но также душею и сердцемъ. Это казалось ему необходимымъ для болѣе человѣческаго сужденія о психологическомъ процессѣ, благодаря которому свершилось много непонятнаго и страннаго въ жизни несчастнаго, повидимому, Семена.

„Дорогой мой батюшка“, съ трудомъ разбиралъ Яковъ Семеновичъ дрожащія строки исповѣди. „Давно я собирался излить предъ тобой свою истомленную душу, но все откладывалъ или, вѣрнѣе сказать, не находилъ въ себѣ достаточныхъ нравственныхъ силъ высказаться съ безусловною откровенностью и безпощадностью къ самому себѣ... Ты не повѣришь, какъ тяжело раскрывать тайники своей грязной души, какъ невыносимо больно копаться въ собственныхъ моральныхъ ранахъ! Но чтожъ дѣлать, такъ надо, почему именно надо — я этого не сознаю хорошо умомъ, но только чувствую эту необходимость сердцемъ и душой. Да, такъ надо! Это подсказываетъ мнѣ моя совѣсть, иногда просыпающаяся послѣ продолжительной, гадкой спячки... Приступаю, однако, къ дѣлу. Начну издалека, начну съ того дня, какъ я оставилъ родную скалу и попалъ изъ любящей семьи въ среду чужихъ людей. Ты, конечно, не забылъ, какъ свезъ насъ всѣхъ въ мореходные классы. Скучное было это время, по крайней мѣрѣ для меня. Долго я тосковалъ по нашему маяку, гдѣ жилъ такъ привольно и весело подъ крыломъ любящей матушки. Ужь какъ баловала она всѣхъ, какъ лелѣяла и нѣжила!.. А ты, ты добрый батюшка, развѣ не баловалъ насъ такъ же, хотя старался скрыть это баловство подъ наружной суровой личиной, чтобы не подорвать семейную дисциплину? Итакъ, дома жилось намъ хорошо, вслѣдствіе чего жизнь въ чужихъ людяхъ показалась мнѣ ужасною. Я сильно скучалъ, но старался скрыть это отъ братьевъ: совѣстно было ихъ... Почему?

Этотъ вопросъ въ твоихъ устахъ вполнѣ будетъ естественъ. Тебѣ, несомнѣнно, покажется страннымъ, что я совѣстился признаться въ душевномъ томленіи братьямъ, съ которыми всегда жилъ такъ дружно. Да, было совѣстно, потому что братья какъ то очень скоро освоились съ новой обстановкой, а, занявшись усердно науками, вспоминали о маякѣ безъ тоски. Ихъ, почему-то, не тянуло на родную скалу. Они находили жизнь въ городѣ болѣе веселой и разнообразной. Имъ нравилась городская суетня и сутолока. Я же не выносилъ ихъ. Я всегда жаждалъ уединенія и тишины, прятался отъ всѣхъ, съ товарищами не сходился, сторонился отъ нихъ. Постоянно скучный, сосредоточенный и угрюмый, я возбуждалъ общія насмѣшки. Надомною потѣшались, издѣвались, глумились надъ моею душевною тоскою. Всѣ увѣряли, что въ тихомъ болотѣ черти водятся. Многіе начали высказывать по поводу моего постояннаго уединенія разныя оскорбительныя и подчасъ даже гнусныя предположенія. Меня обвиняли, Богъ вѣсть, въ чемъ. Я постепенно ожесточался и еще дальше уходилъ въ свою раковину, началъ даже сторониться отъ братьевъ, которые также изрѣдка подсмѣивались надъ моими „бабьими“ слезами и находили ихъ глупыми и неумѣстными. При всемъ этомъ наука шла у меня отвратительно. Книги валились изъ рукъ. Мозги не работали. Меня одолѣвала ужасная, лѣнь. Всѣ братья перегнали меня, вышли изъ классовъ и отправились въ море. Я остался совершенно одинокимъ, брошеннымъ, забытымъ. Я началъ тосковать еще сильнѣе. Жизнь показалась мнѣ невыносимой и я едва не наложилъ на себя руки. Мнѣ было тогда уже восемьнадцать лѣтъ. Въ это время я случайно познакомился съ двумя молодыми людьми и, по своей безхарактерности, очень скоро поддался ихъ вліянію. Они постепенно начали расширять мой узкій жизненный горизонтъ, стали увѣрять меня, что не сознаю значеніе своей жизни, что я коптитель неба и что меня ждутъ какія-то міровые задачи. Эти волки въ овечьей

шкурѣ краснорѣчиво описывали разные подвиги, которые я непремѣнно долженъ совершить.

Въ это время я кое-какъ кончилъ мореходные классы и поступилъ на службу на русскій пароходъ „Поспѣшный", не прерывая сношеній съ друзьями. Не стану подробно описывать, какъ я „работалъ", по совѣту друзей, на пользу человѣчества, пока не возбудилъ къ себѣ весьма опасныхъ подозрѣній. Я принужденъ былъ бѣжать за-границу, въ Англію, гдѣ попалъ въ ужаснѣйшій омутъ. Тутъ я только позналъ, на какой истинный путь толкали меня мои знакомцы. Глаза мои раскрылись, и я ужаснулся. Совѣсть моя неожиданно возмутилась и я поспѣшилъ порвать всякую связь съ извергами рода человѣческаго. Между тѣмъ возвратиться на родину я боялся, почему поступилъ на службу на одинъ китобойный корабль и ушелъ на два года въ Ледовитый океанъ. На этомъ кораблѣ я отдался съ тоски и скуки другой пагубной страсти: я началъ пить. Въ винѣ я топилъ свое тайное горе, въ винѣ я старался найти забвеніе всего минувшаго. Напрасно!.. Чѣмъ больше я пилъ, тѣмъ сильнѣе тосковалъ и мучился. Я началъ терпѣть невыносимыя душевныя муки и страшныя угрызенія совѣсти. Я нерѣдко положительно сходилъ съума; сердце мое ожесточалось; я становился звѣремъ. Я падалъ все ниже и ниже не имѣя силъ удержаться на наклонной плоскости, на которую самъ же взлезъ. Я чувствовалъ, что погибаю нравственно, душевно и физически, но меня тянула въ омутъ какая-то неотразимая сила. Ничья благодатная рука не протянулась въ этотъ моментъ надо мною и омутъ засосалъ меня окончательно. Я погибъ безвозвратно!.. Вскорѣ я перешелъ съ китобойнаго корабля на англійскій баркъ „Кляйдъ" и, вслѣдствіе своей порочности, не отказался принять участіе въ гнусныхъ замыслахъ шхипера Пробста, задавшагося цѣлью составить себѣ состояніе преднамѣренными крушеніями хорошо застрахованныхъ старыхъ судовъ. Я вошелъ въ долю съ злодѣемъ и самъ

превратился въ такого же злодѣя, благодаря своей безхарактерности и пагубному пороку... Прости-же меня дорогой батюшка!.. Вспомни кающагося разбойника на крестѣ и прости!"

Послѣднія двѣ фразы были, повидимому, наскоро приписаны чрезвычайно дрожащею рукою, приписаны карандашомъ незадолго, вѣроятно, до момента крушенія барка „Кляйдъ" на каменьяхъ „Могилы лайбъ". Тою-же дрожащею рукою были набросаны, поперекъ всей исповѣди, предсмертныя строки о гибели.

„Старый боцманъ" перечиталъ ихъ нѣсколько разъ подрядъ, вникая въ каждое отдѣльное слово и съ напряженнымъ вниманіемъ разглядывая увлажненными глазами каждую букву, точно силясь угадать въ нихъ великую тайну искренно раскаявшагося грѣшника... Сердце Якова Семеновича постепенно раскрывалось для всепрощенія, а вмѣстѣ съ послѣднимъ оно наполнилось чувствомъ душевнаго успокоенія. Растроганный и умиленный, упалъ „Старый боцманъ" на колѣни и, воздѣвъ къ небу руки, воскликнулъ трогательно-молящимъ голосомъ:

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего Семена! Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ: не вѣдалъ бо онъ, что творилъ!..

Нѣсколько минутъ молился несчастный отецъ о блудномъ сынѣ, моля Бога отпустить ему всѣ его прегрѣшенія, какъ вольныя, такъ и невольныя. Затѣмъ, не вставая съ колѣнъ, онъ крѣпко, крѣпко поцѣловалъ трижды послѣднія строки исповѣди, послѣ чего быстро изорвалъ ее и выбросилъ по вѣтру въ море.

„Пускай вѣтеръ развѣетъ эти мелкіе кусочки, а море на вѣки поглотитъ ихъ, какъ поглотило оно уже грѣшное тѣло Семена", шепталъ „Старый боцманъ" дрожащими губами, пытливо слѣдя, какъ крутились и рѣяли въ воздухѣ брошенные имъ кусочки бумаги. „Никто, никто не долженъ знать объ его преступной жизни... Рѣшительно никто!.. Тайну его ужасныхъ преступленій я унесу съ собой въ могилу"...

„Старый боцманъ“ простоялъ на колѣнахъ въ глубокомъ раздумьи до тѣхъ поръ, пока послѣдній клочекъ изорванной исповѣди не упалъ въ море. Послѣ этого онъ истово перекрестился и, поднявшись съ колѣнъ, сталъ медленно спускаться съ маяка, подавляя въ груди невольные, тяжкіе вздохи.

XXVII.

Прошла недѣля безъ всякихъ приключеній на маякѣ. Море не выкинуло больше ни одного трупа, къ величайшему огорченію Ирины Кузьминишны, ежедневно бродившей по узкому прибрежью острова съ тщетной надеждой отыскать тѣло погибшаго сына. Баркъ „Кляйдъ“ совершенно разбило волнами, во время свѣжаго вѣтра, дувшаго непрерывно въ теченіи двухъ сутокъ. Это было повтореніе шторма, но только при ясномъ небѣ и безъ пасмурности. Послѣ непогоды, на „Могилѣ лайбъ“ не осталось никакихъ слѣдовъ недавняго крушенія. Грозные, всеразрушающіе буруны смыли съ камней и разнесли по морю расщепленные останки „Кляйда“. Барка словно никогда не существовало...

Вечерѣло... Море, озаренное краснымъ отблескомъ заходящаго солнца, точно дышало. Зеркальная, чрезвычайно крупная, зыбь вздымалась и опускалась спокойно и ровно, словно богатырская грудь, крѣпко заснувшаго, сказочнаго великана. Легкій вѣтерокъ незамѣтно скользилъ по необъятной водной поверхности и, долетѣвъ до острова, едва шевелилъ зеленыя головки уже отцвѣтшаго мака и лѣниво игралъ его пожелтѣвшими листьями. Вѣяло пріятной прохладой. Влажный воздухъ былъ насыщенъ іодистымъ запахомъ разлагавшейся морской травы...

Маячные отшельники разбрелись и занялись своимъ вечернимъ дѣломъ. Хесто и Петя приводили, на вершинѣ маяка, въ порядокъ лампы, немного попорченныя въ послѣднюю непогоду. „Старый боцманъ“ чинилъ на

пристани порванную рыболовную сѣть. Ирина Кузьминишна, Настенька и Вольскій сидѣли на крыльцѣ и усердно клали заплаты на громадный парусъ бота, давно нуждавшійся въ капитальномъ ремонтѣ. Ремонтъ этотъ откладывался съ году на годъ, за неимѣніемъ парусины. Теперь же послѣ крушенія барка „Кляйдъ", этого матеріала оказалось вполнѣ достаточно, чтобы привести въ порядокъ всѣ маячные паруса. Этой кропотливой работой занялись женщины и Вольскій, владѣвшій парусной, кривой иголкой съ большимъ навыкомъ, пріобрѣтеннымъ во время продолжительнаго плаванія на коммерческихъ судахъ.

И такъ, смотрительша, Настенька и Вольскій чинили гротъ, перебрасывались довольно оживленными фразами на тему о минувшихъ непогодахъ. Ирина Кузьминишна сидѣла между дочерью и Вольскимъ. Растянутый парусъ лежалъ на ихъ колѣнахъ. Настенька была въ веселомъ настроеніи духа и изрѣдка шаловливо тянула парусъ къ себѣ, лукаво поглядывая исподлобья то на мать, то на Вольскаго, которые въ этотъ моментъ, не смотря на свое искусство, постоянно попадали иголками совсѣмъ не туда, куда мѣтили. Это обстоятельство, повидимому, очень забавляло дѣвушку. Мать и Вольскій смѣялись и шутили.

Работа подвигалась, тѣмъ не менѣе, впередъ довольно быстро. Иголки сверкали въ опытныхъ рукахъ, обезображенныхъ большими кожаными наперстками.

Время шло. Ирина Кузьминишна уже начала класть вторую заплату, какъ вдругъ до ея чуткаго уха долетѣлъ съ кухни стонущій призывъ Джона. Кокъ, повидимому, соскучился въ одиночествѣ и началъ жалобно взывать къ доброй старушкѣ, чрезвычайно щедрой на лѣкарственный ромъ. Эта щедрость была уже хорошо знакома хитрому пьяницѣ. Онъ стоналъ въ дежурство смотрительши особенно часто и усердно, даже не соотвѣтственно со своими физическими страданіями. Чтобы только получить лишній стаканчикъ живительнаго на-

питка, онъ пренебрегалъ даже достоинствомъ мужчины и плакался на свои муки съ женскою слабостью. Ирина Кузьминишна была очень отзывчива на всѣ жалобы и стенанія Джона. Такъ и въ данномъ случаѣ она не заставила стонать англичанина слишкомъ долго, и, оставивъ работу, поспѣшила на кухню...

Молодые люди неожиданно остались вдвоемъ, въ первый разъ за все истекшее время. Этого момента оба ждали давно, жаждали его, чтобы сказать другъ другу хотя нѣсколько фразъ по душѣ, безъ посторонняго вмѣшательства. Какъ Настенька, такъ и Вольскій ощущали неотразимую потребность провѣрить словами то, что уже подсказали имъ ихъ сердца, что оба подмѣтили во взаимныхъ взорахъ. Они давно мечтали о бесѣдѣ безъ постороннихъ свидѣтелей, но такого счастливаго случая до сихъ поръ не было. И вдругъ онъ представился. Молодые люди даже смутились отъ этой радостной неожиданности. Настенька вспыхнула и съ замершимъ сердцемъ уткнулась въ работу. Ея недавняя шаловливость исчезла и смѣнилась серьезною сосредоточенностью. Она „чего-то“ испугалась и въ то же время такъ сладостно желала этого „чего-то“. Она смолкла и ждала, что скажетъ, наконецъ, Вольскій и оправдаетъ ли онъ ея тайныя мечты и надежды.

Вольскій не сталъ злоупотреблять терпѣніемъ взволнованной, смущенной дѣвушки.

— Я давно хотѣлъ поблагодарить васъ, Настасья Яковлевна, за свое спасеніе,— началъ онъ трепетнымъ голосомъ.—До сихъ поръ мнѣ это не удавалось, такъ какъ я желалъ поблагодарить васъ наединѣ, безъ свидѣтелей... Благодарю васъ, Настасья Яковлевна, горячо благодарю!.. Вѣдь именно вамъ я обязанъ тѣмъ, что сижу здѣсь, съ вами, а не лежу на днѣ морскомъ...

— Не мнѣ, а Богу,—тихо перебила Настенька.— И затѣмъ—Хесто,—еще тише добавила она, низко опустивъ голову.

— Я не спорю съ этимъ,—горячо заговорилъ Воль-

скій, — но, во всякомъ случаѣ, Богъ избралъ васъ орудіемъ для моего спасенія. Онъ натолкнулъ васъ на эту мысль. Исполняя Божье соизволеніе, вы пожелали спасти неизвѣстную вамъ человѣческую жизнь, а Хесто геройски выполнилъ ваше желаніе. Все это для меня теперь ясно. Я своевременно возблагодарилъ Бога за Его божественную помощь. Я благодарилъ также и Хесто, но васъ еще не благодарилъ...

— И не надо, не надо!—опять перебила Настенька и прямо взглянула въ лицо Вольскому. — Слышите, не надо благодарить меня!.. Знайте: я счастлива уже тѣмъ, что спасла вашу жизнь... Въ этомъ заключается для меня все... Какъ было бы жаль, если бы вы, такой молодой, вдругъ погибли-бы такою ужасною смертію!..

— Что-жъ, я былъ готовъ тогда умереть, потому что жизнь моя была не изъ сладкихъ. Я испыталъ, несмотря на свои 24 года, много жгучаго горя; я вынесъ не мало тяжкихъ мукъ, душевныхъ и физическихъ, и смерть не пугала меня... Даже теперь я нахожусь въ раздумьи: стоитъ ли жить?

Настенька возмутилась:

— Какъ вы смѣете думать о смерти въ такіе годы? Вѣдь, будущее неизвѣстно: оно можетъ перемѣниться къ лучшему.

— Конечно, можетъ, — согласился Вольскій, — если чье либо благостное, любящее сердце отзовется на мои душевныя терзанія, согрѣетъ меня и приголубитъ. Я былъ до сихъ поръ несчастнымъ человѣкомъ, Настасья Яковлевна! Если вы когда нибудь узнаете всю мою предыдущую жизнь или, вѣрнѣе сказать, мои былыя горестныя мытарства, то вполнѣ согласитесь со мною, что я, дѣйствительно, выстрадалъ не мало...

— Вы, разумѣется, имѣете свои причины на жалобы, но меня удивляетъ одно: неужели жизнь въ мірѣ, дѣйствительно, такъ гадка, что вы успѣли уже разочароваться въ ней? Вѣдь, вы много видѣли и путеше-

ствовали. Все это, должно быть, очень весело и пріятно! А вы вспоминаете о быломъ только съ грустью...

— Потому что былое того вполнѣ заслуживаетъ.

— Я повѣрю этому только тогда, когда вы разскажете о себѣ все съ полною откровенностью. Я желаю знать, какъ тамъ, далеко отсюда, живутъ. Неужели хуже нашего? Вы еще не знаете, что я прожила восемнадцать лѣтъ отшельницей и для меня другая жизнь, кромѣ маячной, — потемки. Я до сихъ поръ видѣла только это море и этотъ островъ... И тѣмъ не менѣе я довольна жизнью...

— И всегда были довольны ею? пытливо спросилъ Вольскій.

Дѣвушка смутилась и склонила опять голову.

— И всегда были довольны ею? настойчиво повторилъ свой вопросъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, не всегда, созналась Настенька послѣ нѣкотораго раздумья и нерѣшительности. „Послѣднее время меня начало тянуть куда-то вдаль, за горизонтъ", Я хотѣла что-то знать, видѣть, подышать другимъ воздухомъ, познакомиться съ иною жизнью... Мнѣ казалось, что навѣрное существуетъ другая жизнь, кромѣ нашей, на этой скалѣ. Я распрашивала не разъ отца и матушку, но они все отмалчивались или отдѣлывались шутками. Они, какъ будто, боятся, что, узнавъ другую жизнь, я начну тяготиться жизнью на этой скалѣ... Это неправда! Меня снѣдаетъ одно только любопытство, и ничего больше... Правда, послѣднее время я немного хандрила, но теперь мнѣ опять весело и хорошо!,.

И Настенька взглянула на Вольскаго оживленными, радостными глазами. Тотъ отлично понялъ этотъ краснорѣчивый взглядъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ допытываться съ эгоистическимъ намѣреніемъ добиться, кромѣ взгляда, какого либо горячаго признанія:

— Отчего же вамъ теперь такъ весело и хорошо?

Дѣвушка вспыхнула еще сильнѣе прежняго, даже ея ушки зардѣлись полымемъ.

— Хотите, я объясню, отчего вамъ теперь не скучно? предложилъ Вольскій послѣ минутнаго тщетнаго ожиданія отвѣта, сдѣлавъ особенное удареніе на словѣ „теперь".

— Попробуйте объяснить, — тихо вымолвила Настенька, пряча свои глаза въ работу.

— Вамъ не скучно теперь потому, началъ съ разстановкой молодой человѣкъ, что ваша монотонная жизнь нарушилась новыми впечатлѣніями...

— Какими? живо и испуганно перебила дѣвушка, точно ей стало вдругъ страшно, что ея сердечная тайна будетъ сейчасъ разгадана.

— Зрѣлищемъ шторма и крушеніемъ барка „Кляйдъ", лукаво улыбнулся Вольскій.

— Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не то! — съ досадливымъ разочарованіемъ прошептала Настенька, тряхнувъ головкой. „Развѣ такіе ужасы могутъ веселить?.. Совсѣмъ, совсѣмъ не то"!

— Если не то — я начинаю догадываться о другой причинѣ, дрогнувшимъ голосомъ шепнулъ Вольскій, обдавъ дѣвушку пламеннымъ, любящимъ взглядомъ.

Та вздрогнула и быстро проговорила:

— Догадывайтесь, но не смѣйте высказывать своихъ догадокъ!

— Отчего же!?

— Такъ, не хочу!—скапризничала Настенька и затѣмъ добавила молящимъ тономъ:

— Будемте лучше говорить о чемъ нибудь другомъ... Познакомьте, напримѣръ, меня съ вашими мытарствами, какъ вы сами назвали свою предыдущую жизнь.

— Хорошо,—согласился Вольскій, я не стану высказывать своихъ догадокъ, чтобы не разсердить васъ... Конечно, можно и безъ этого... Мы, повидимому, отлично понимаемъ другъ друга и безъ словъ... Не такъ ли, Настасья Яковлевна?

— Я думаю, что такъ,—тихо-тихо отвѣтила дѣвушка, склонившись къ самому парусу и сдерживая лок-

темъ лѣвой руки сладостный трепетъ сердца, которое, какъ будто, желало выскочить изъ груди.

Вольскій глядѣлъ на Настеньку съ затаеннымъ дыханіемъ, весь охваченный неизъяснимымъ чувствомъ, полнымъ невыразимаго душевнаго наслажденія. Прошло нѣсколько секундъ какого то чуднаго затишья. Молодые люди, какъ бы, замерли въ волшебномъ гипнозѣ... Но вотъ Вольскій встрепенулся и заговорилъ съ порывомъ восторженнаго экстаза:

— Я ощущаю, что надо мною уже простерлась, столь желанная, благостная рука... Можетъ быть, и благостное сердце раскроется для меня?...

— Не можетъ быть, а навѣрное, — дохнула, а не-сказала Настенька и затѣмъ добавила немного громче:

— Если, конечно, вы желаете этого искренно, а не только ради препровожденія скучнаго времени на нашемъ островѣ...

— Мнѣ здѣсь не скучно, Настасья Яковлевна,—горячо перебилъ Вольскій;—мнѣ здѣсь чрезвычайно хорошо и весело, такъ хорошо, что никогда бы не разстался съ этой угрюмой, но милой, скалой!.. Я видѣлъ полъ міра; я встрѣчалъ много людей, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ покойно и чудесно, какъ здѣсь; ни одно сердце не отозвалось на мои душевныя терзанія, кромѣ вашего... Повторяю, мнѣ здѣсь очень хорошо, и я готовъ прожить здѣсь всю остальную свою жизнь...

— Но это невозможно,—тихо проговорила Настенька.—Вѣдь, у васъ есть же какіе нибудь дѣла, родные...

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ и, кромѣ того, я круглый сирота. Материкъ не тянетъ къ себѣ, а бурная жизнь моряка надоѣла мнѣ, опротивѣла. Я желаю теперь душевнаго покоя; я хочу остаться здѣсь...

— А что вы станете здѣсь дѣлать? — наивно спросила дѣвушка.

Этотъ простой вопросъ произвелъ на Вольскаго подавляющее впечатлѣніе. Онъ смущенно склонилъ голову, не зная, что отвѣтить на него...

XXVIII.

Настенька, тщетно прождавъ отвѣта на свой вопросъ, повторила его, спустя минуту, уже съ капризною настойчивостью:

— Что же вы станете здѣсь дѣлать?

— Помогать вашему отцу, — отвѣтилъ, наконецъ, молодой человѣкъ.

— Это хорошо; но пожелаетъ ли принять вашу помощь отецъ?.. У него, вѣдь, есть помощники: братъ и Хесто, и больше ему не надо, — резонно замѣтила дѣвушка.

— Ваша правда, — грустно согласился Вольскій и затѣмъ продолжалъ дрожащимъ, разочарованнымъ голосомъ:

— Я глупый мечтатель. Мечтами жилъ раньше и теперь опять началъ строить воздушные замки, но вы разрушили ихъ однимъ вопросомъ. Здѣсь, на островѣ, я лишній... Мнѣ остается отдаться своему прежнему дѣлу, чтобы заработать кусокъ хлѣба... И стану опять шататься по морямъ и океанамъ, стану мыкать свое тяжелое одиночество среди всевозможныхъ негодяевъ и пьяницъ!..

— Зачѣмъ вы хандрите? Мнѣ это очень не нравится... Перестаньте! чуть не заплакала Настенька. — Надѣйтесь на Бога — Онъ одинъ можетъ устроить все къ общему благополучію... Мнѣ кажется, что Богъ не даромъ же дозволилъ спасти вашу жизнь... Я вѣрю глубоко въ предопредѣленіе Божіе!..

— Оставили бы вы этотъ островъ? — неожиданно спросилъ Вольскій.

— Ни за что, пока живы отецъ и мать! Они чрезвычайно любятъ меня и не могутъ жить безъ меня: это я слышу отъ нихъ постоянно... Я... я... не въ силахъ бросить ихъ, разъ я такъ необходима имъ... Никто не заставитъ меня разстаться съ ними! — рѣшительно и

энергично проговорила Настенька и глубоко вздохнула, то, что ощущая въ себѣ тяжесть дочерней жертвы.

— Если бы даже полюбили кого нибудь?—тихо молвилъ Вольскій, обдавая дѣвушку горячимъ взглядомъ, полнымъ затаенной мольбы.

— Я никогда не полюблю того, кто станетъ отнимать меня отъ отца и матери, кто будетъ настаивать бросить ихъ, — просто и откровенно прошептала Настенька, поднявъ на молодого человѣка ясные, чистые глаза.

— Въ такомъ случаѣ, я остаюсь здѣсь, умру здѣсь, но не разстанусь съ вами! Вы—моя жизнь!.. Я не могу жить безъ васъ! — съ пылкимъ порывомъ воскликнулъ Вольскій, беря Настеньку за руку.

Это неожиданное прикосновеніе обдало дѣвушку сладостнымъ трепетомъ, ввергло ее въ неизъяснимое смущеніе. Сердце заполнилось чуднымъ чувствомъ удовлетворенной любви. Склонивъ лицо къ самому парусу, Настенька откровенно и мило призналась:

— И мнѣ безъ васъ будетъ опять скучно... Я къ вамъ уже привыкла... Вы сдѣлались для меня почти родной, свой.,.

— Но какъ, какъ все устроится?—съ душевной тревогой спросилъ Вольскій, сильно сжимая обѣими ладонями нѣжную руку дѣвушки.

— Не думайте пока объ этомъ, Николай Александровичъ, —замолила Настенька, не тревожьтесь... Помните одно: не намъ что либо устраивать... Предоставьте все Богу... Если Господь найдетъ нужнымъ связать насъ—Онъ непремѣнно свяжетъ!..

— Неразрывно, на всю жизнь! — пылко добавилъ Вольскій.

— Дай Богъ, дай Богъ! — съ молитвеннымъ умиленіемъ вымолвила дѣвушка и перекрестилась свободной правой рукой.

— Ахъ, вы, голуби! — неожиданно раздался добродушный голосъ „Стараго боцмана", который только что

показался изъ-за угла дома... — Разворковались тутъ, благо никого по близости нѣтъ, и не замѣтили, что старикъ идетъ ужинать... Шш..., пошли!—шутливо замахъ онъ руками.

— А вы у меня, смотрите не набивайте дочуркѣ голову разными пустяками,—съ тѣмъ же добродушіемъ погрозилъ смотритель Вольскому закорузлымъ пальцемъ.

Молодой человѣкъ, захваченный врасплохъ, сильно сконфузился, но вскорѣ оправился и рѣшительно проговорилъ:

— Яковъ Семеновичъ, я люблю вашу дочь... Благословите насъ!..

„Старый боцманъ" совершенно опѣшилъ:

— Да когда вы успѣли полюбить дочурку!?.. Подите, что вы тамъ бредите!.. Ишь, онъ какой прыткій: въ одну недѣлю взялъ и полюбилъ... Не вѣрится что-то...

— Я говорю серьезно, Яковъ Семеновичъ,—горячо заговорилъ Вольскій. — Чудесное провидѣніе бросило меня сюда, вырвавъ изъ когтей явной смерти. Это случилось не даромъ, какъ справедливо думаетъ Настасья Яковлевна... Да, не даромъ! Я чувствую, что не могу жить безъ вашей дочери!..

— И я не могу жить безъ моей ненаглядной дочурки,—съ лукавымъ эгоизмомъ промолвилъ „Старый боцманъ", взглянувъ на крайне смущенную Настеньку.

— Я это знаю; мнѣ уже сказала объ этомъ Настасья Яковлевна...

— Успѣла уже насплетничать,—погрозилъ смотритель дочери.

— И вотъ мы рѣшили,—продолжалъ Вольскій, но „Старый боцманъ" перебилъ его добродушно-саркастическимъ восклицаніемъ:

— Они уже рѣшили!.. Ишь, какіе министры!

— То-есть, рѣшилъ я, собственно, а Настасья Яковлевна только согласилась со мной,—поправился молодой человѣкъ.

— Интересно узнать: что же вы такое рѣшили?—

ухмыльнулся „Старый боцманъ", дѣлая удареніе на словѣ „рѣшили".

—Я рѣшилъ остаться на этомъ островѣ на всю жизнь!..

— На долго, однако, загадываете, — усмѣхнулся Яковъ Семеновичъ, но тотчасъ же перешелъ на дѣловой тонъ:

— А, впрочемъ, одобряю ваше рѣшеніе, одобряю. Живите себѣ съ Богомъ, благо охота есть, но раньше побывайте на материкѣ, выправьте себѣ законный видъ, чтобы не жить здѣсь безъ паспорта, бродягой... Прихватите также, откуда нужно, свое метрическое свидѣтельство и возвращайтесь сюда... Да вы не пугайтесь предстоящихъ расходо́въ! Я хорошо, вѣдь, знаю, что у васъ всѣ ка́рманы съ дырьями. Это ничего -зашьемъ ихъ какъ нибудь. Вѣдь не даромъ же я прослужилъ на маякѣ сорокъ лѣтъ, кое что сберегъ на черный день,— хитро подмигнулъ смотритель лѣвымъ глазомъ и затѣмъ продолжалъ послѣ короткой паузы:

— Такъ у меня есть кое какія сбереженія и я могу подѣлиться съ вами: дамъ въ долгъ... Вы потомъ выплатите мнѣ, когда служить здѣсь станете.

— Какъ, вы даже согласны принять меня въ число маячныхъ служителей!—съ восторгомъ прошепталъ Вольскій, недовѣрчиво поглядывая на смотрителя.

— А то какъ же иначе!.. Безъ дѣла на маякѣ жить нельзя. Вы будете моимъ помощникомъ, а сынокъ поступитъ смотрителемъ сосѣдняго маяка. Мнѣ обѣщали пристроить его къ зимѣ... А вы, милѣйшій Николай Александровичъ, живите тутъ, пока Господь меня милуетъ, а потомъ и сами смотрителемъ сдѣлаетесь. Жить тутъ хорошо. Помните только русскую мудрую пословицу: что хлѣба край и въ аду рай!.. А на маякѣ этого хлѣба вдосталь...

— Ахъ, папочка, какъ я рада!—бросилась Настенька на шею отцу, какъ только тотъ кончилъ.—Ужасно рада!.. Я ему говорила, что Богъ все устроитъ: такъ оно и случилось...

— Ужъ ты и это успѣла сказать ему, вострушка,— добродушно усмѣхнулся „Старый боцманъ", обнимая дочурку.

— Успѣла, папочка, — наивно созналась Настенька, горячо цѣлуя отца.

— Ахъ, вы, скороспѣлы этакіе!.. Ну, что-жъ дѣлать: разъ министры рѣшили — я покоряюсь этому рѣшенію. Я вамъ не препона. Живите на радость мнѣ, также дружно и счастливо, какъ прожилъ я со своей старухой... Да вотъ и она сама, легка на поминѣ... Ну, дорогая женушка, благословляй дѣтокъ! — весело обратился „Старый боцманъ" къ Иринѣ Кузьминишнѣ, только что вышедшей изъ кухни.

Смотрительша обомлѣла и остановилась на порогѣ крыльца въ полномъ недоумѣніи. Она никакъ не могла сообразить, что случилось въ ея кратковременное отсутствіе. „Старый боцманъ" развеселился окончательно:

— Ну, ну, женушка, благословляй маячныхъ министровъ, не мѣшкай, а то, пожалуй, чего Боже сохрани, прогнѣваешь ихъ превосходительствъ... Министры наши, видишь ли, рѣшили и постановили сыграть осенью свадьбу, а насъ просятъ благословить ихъ на счастливую жизнь. Ну-съ, милая женушка, уважимъ ихъ просьбу!

— Ну, и народъ-же! — развела руками Ирина Кузьминишна. — Ушла на нѣсколько минутъ къ Джону, а они безъ меня до свадьбы успѣли разговориться. Воистину скороспѣлы!.. Впрочемъ, я рада. Живите счастливо, какъ мы прожили, — крѣпко обняла старушка Вольскаго со слезами радости на глазахъ.

Отъ души разцѣловавъ молодого человѣка, Ирина Кузьминишна добавила:

— Только я васъ отсюда не пущу.

— Да мы, мамочка, никуда съ маяка и не уѣдемъ!— воскликнула Настенька счастливымъ тономъ и затѣмъ, прильнувъ къ материнскому уху, прошептала съ радостнымъ возбужденіемъ:

— Теперь, мамочка, я буду опять веселой!

„Старый боцманъ" подслушалъ эти слова и довольно звонко хлопнулъ себя ладонью по лысому лбу:

— Ахъ, я, телятина, совсѣмъ изъ ума выжилъ!.. Не съумѣлъ догадаться, отчего дочýрка моя хандрила...

XXIX.

Хесто узналъ о помолвкѣ Настеньки въ тотъ же вечеръ. Эта ужасная неожиданность произвела на него подавляющее впечатлѣніе. Онъ страшно поблѣднѣлъ и затрясся словно осиновый листъ. Ему показалось, что чья-то невидимая рука схватила его за горло и начала безпощадно душить. Дыханіе захватило. Въ глазахъ завертѣлись какіе-то огненные круги. Отказавшись отъ ужина, онъ, къ общему удивленію, почти выбѣжалъ изъ комнаты, точно преслѣдуемый невѣдомымъ призракомъ. Затѣмъ, шатаясь словно пьяный, началъ съ трудомъ подниматься въ свою каморку по крутой башенной лѣстницѣ, извивавшейся спиралью на полтораста футовъ надъ поверхностью моря. Злобное, мстительное чувство къ Вольскому наполнило все его болѣзненно-возбужденное существо. Съ каждой ступенькой это страшное чувство все разросталось и разросталось.

— Зачѣмъ я спасъ его, зачѣмъ не утопилъ его! — хрипѣлъ онъ, поднимаясь все выше и выше.—Онъ воръ!.. Онъ укралъ у меня Настасю!.. Не отдамъ ее ему!.. Ни за что не отдамъ!.. Убью, а не отдамъ!..

Поднявшись въ свою каморку, Хесто повалился на кровать въ какомъ-то странномъ изнеможеніи, но злоба къ ненавистному Вольскому закипѣла еще съ бóльшею силою.

— Убью, убью его!— продолжалъ онъ хрипѣть сквозь крѣпко стиснутые зубы.

— Убью его, убью! — повторялъ онъ съ безумною настойчивостью, судорожно сжимая правой ладонью роговую рукоять короткаго, нѣсколько кривого ножа— пукко, столь страшнаго въ рукахъ озвѣрѣлаго финна.

— Надо, надо убить его, — давила Хесто неотвязчивая, мучительная мысль.

— Убей, непремѣнно убей, — злобно твердилъ ему чей-то властный голосъ, внутри его, — Убьешь—Настася твоя... Убьешь—всѣ чары и злые козни великана-іотуна развѣются по вѣтру...

— Убью его! —заскрежеталъ зубами Хесто и, словно подброшенный таинственной могучей силой, стремительно вскочилъ съ кровати. Расширенные глаза его были налиты кровью. Въ сдавленной груди бурлило и клокотало. Сердце стучало и трепетало, сжимаясь и расширяясь съ щемящею болью...

Повинуясь невѣдомой, неотразимой волѣ, Хесто безъ суеты снялъ тяжелые сапоги и, съ ножемъ въ рукѣ, началъ осторожно, безшумно спускаться по лѣстницѣ. Было уже совсѣмъ темно. Въ смотрительскомъ домѣ, повидимому, уже угомонились. До напряженнаго слуха Хесто не доносилось ни одного звука бодрствующей жизни. Даже заштилѣвшее море замерло вокругъ острова въ сладостной истомѣ. Въ недвижномъ воздухѣ стояла мертвая тишина, ничѣмъ не нарушаемая.

Хесто зналъ, что Вольскій спитъ одинъ въ небольшой комнатѣ, смежной съ кухней. Дверь въ эту комнату находилась въ общей просторной передней, всегда открытой со стороны крыльца въ лѣтнюю пору, днемъ и ночью. Надо было пройти мимо дверей въ кухню, гдѣ навѣрное кто нибудь бодрствовалъ, ухаживая за Джономъ, чувствовавшимъ себя послѣдніе два дня хуже обыкновеннаго.

Затаивъ дыханіе, съ нервною дрожью во всемъ тѣлѣ, Хесто вышелъ изъ башни и сталъ, словно кошка, пробираться къ крыльцу, ежесекундно останавливаясь и чутко прислушиваясь. Неестественно сгорбившись, онъ почти ползъ, не спуская взора съ распахнутыхъ дверей передней... Вотъ онъ поставилъ ногу на первую деревянную ступень крыльца: она слегка скрипнула. Этотъ, едва слышный, скрипъ отдался въ его ушахъ какъ-то

особенно рѣзко и сильно. Хесто невольно вздрогнулъ и замеръ, точно закаменѣлъ. Кровь застыла въ его жилахъ, а между тѣмъ сердце стучало въ его груди поразительно громко. Эти сердечные удары били въ виски, словно молотомъ, и потрясали все существо финна. Хесто казалось, что они слышны не только ему, но рѣшительно всѣмъ, даже спящимъ, что они заполняютъ собой неподвижный воздухъ, нарушаютъ таинственное безмолвіе августовской ночи, отдаются эхомъ въ каждомъ бревнѣ и каждой доскѣ смотрительскаго дома. Хесто простоялъ, боясь пошевельнуться, нѣсколько минутъ. Затѣмъ онъ осторожно началъ передвигать по ступени занесенную ногу, стараясь отыскать мѣсто, менѣе скрипучее и болѣе неподвижное. Найдя подходящую точку опоры, онъ рѣшительно перенесъ другую ногу на слѣдующую ступень и опять замеръ въ мучительномъ ожиданіи... Вокругъ царствовала невозмутимая тишина, среди которой Хесто слышалъ только поразительно отчетливые, рѣзкіе удары собственнаго сердца. Глубокое, темное небо мерцало тысячами звѣздъ, точно тысячи чудныхъ, проникновенныхъ очей пристально глядѣли на скалу, одиноко брошенную среди уснувшаго моря. Вся природа застыла въ сказочномъ очарованіи...

Ободренный окружающимъ безмолвіемъ, Хесто шагнулъ еще выше. Вотъ онъ уже на крыльцѣ и безшумно, словно тѣнь, приближается къ раскрытому входу въ переднюю. Прямо передъ нимъ—дверь въ кухню. Влѣво, изъ за косяка наружныхъ дверей, едва виднѣется темная впадина—входъ въ комнату Вольскаго. Хесто впился въ эту впадину страшно расширенными глазами. Ненавистный врагъ близко! Еще нѣсколько шаговъ и все будетъ кончено. Исчадіе великана-іотуна погибнетъ заслуженною смертью. Хесто съ наслажденіемъ вонзитъ ему въ горло свой остро отточенный ножъ и повернетъ его... Финнъ, охваченный неудержимой злобой, сдѣлалъ рѣшительное движеніе впередъ и, неожиданно споткнувшись, загремѣлъ, стоявшимъ на пути, желѣзнымъ ведромъ...

Дверь изъ кухни быстро распахнулась. На порогѣ появилась Настенька. Горѣвшая въ кухнѣ лампа освѣщала ея стройную фигуру, рельефно выдѣлявшуюся въ рамѣ дверей. Лучи свѣта окружали ее, точно ореоломъ, и, скользнувъ далѣе, отражались на искаженномъ, страшно блѣдномъ лицѣ финна.

— Хесто, это ты?—узнала дѣвушка. Въ голосѣ ея звучала тревога.

Финнъ стоялъ недвижно, словно закаменѣлый. Въ правой его рукѣ, вытянутой впередъ, зловѣще сверкалъ ножъ.

— Хесто, это ты?—повторила дѣвушка сдавленнымъ голосомъ.—Зачѣмъ у тебя ножъ!?—едва выговорила она коснѣющимъ отъ ужаса языкомъ.

И вдругъ ее озарила страшная мысль:

— Хесто, ты хочешь убить его!?

И она указала на дверь, ведшую въ комнату Вольскаго.

Финнъ мрачно насупился и отвелъ глаза въ сторону; онъ не въ силахъ былъ выдержать пронзительнаго взора дѣвушки и затрепеталъ, точно хищный звѣрь передъ своимъ укротителемъ.

Настенька, инстинктивно сознавая свое неотразимое обаяніе на Хесто, смѣло и рѣшительно перешагнула высокій порогъ кухни. Приблизившись къ финну почти вплотную, она властно проговорила, ухватившись обѣими руками за правую его кисть:

— Не смѣй, Хесто, не надо! Слышишь, не смѣй!.. Ты, вѣдь не разбойникъ какой нибудь... Брось сейчасъ ножъ! Говорю тебѣ: брось!

И Хесто безпрекословно исполнилъ приказаніе Настеньки. Ножъ, глухо звякнулъ о деревянное крыльцо, скатился по ступенямъ на скалу. Звукъ упавшаго ножа произвелъ на дѣвушку смягчающую реакцію.

— Ахъ, бѣдный мой, Хесто, —прошептала она съ искреннимъ сожалѣніемъ, ласково сжавъ мозолистую руку финна.

Эта неожиданная ласка была каплей, переполнившей чашу. Злокачественный, душевный нарывъ у Хесто разомъ прорвался, точно вскрытый опытной рукой искусстнаго хирурга. Въ немъ мгновенно свершился поразительный поворотъ отъ тьмы къ свѣту, отъ мстительной злобы къ забвенію зла. Ожесточенное его сердце смягчилось и раскрылось для великодушнаго всепрощенія. Какая-то невѣдомая, но могучая, душевная волна быстро хлынула откуда-то снизу къ груди и однимъ махомъ смыла тяжелый камень, лежавшій на ней такимъ ужаснымъ бременемъ. Черезъ мгновеніе эта чудная волна поднялась еще выше и, вдругъ, Хесто разрыдался, какъ малый ребенокъ, закрывъ лицо руками и безсильно склонившись на перила крыльца.

— Бѣдный мой, Хесто,—повторила Настенька дрогнувшимъ голосомъ и положила свою руку на низко опущенную голову финна. Тотъ вздрогнулъ отъ этого прикосновенія, точно пронизанный сильнымъ электрическимъ токомъ, и разрыдался еще сильнѣе прежняго, ощущая въ этихъ рыданіяхъ удивительное душевное успокоеніе. Обильныя слезы облегчали сердце Хесто и наполняли его чувствомъ покорности судьбы.

Растроганная Настенька не выдержала и, въ свою очередь, тихо заплакала, не снимая руки съ головы финна, трепетавшаго всѣмъ тѣломъ, словно въ жестокой лихорадкѣ. Дѣвушкѣ было невыразимо жаль Хесто и она поспѣшила, сквозь слезы, успокоить его душевную муку словами утѣшенія:

— Не плачь, Хесто... Я не буду помнить, что случилось сейчасъ; я все забуду... Ты, все таки, останешься нашимъ лучшимъ другомъ. Ты будешь всегда жить съ нами.

Эти сердечныя слова подѣйствовали на Хесто подобно волшебному бальзаму. Онъ разомъ притихъ и, открывъ смоченное слезами лицо, схватилъ съ неудержимымъ порывомъ нѣжную руку дѣвушки, лежавшую на его головѣ.

— Друкомъ, друкомъ, — забормоталъ онъ трепетнымъ голосомъ, крѣпко пожимая эту руку своими мозолистыми ладонями и пытливо всматриваясь въ Настеньку безгранично преданными, любящими глазами. — Карашо, Настася, пусть такъ... Шабашъ!.. Вѣрно твое слово?

— Да, Хесто, ты останешься моимъ лучшимъ другомъ, — подтвердила дѣвушка задушевнымъ голосомъ, отвѣчая на пожатіе, на сколько хватало ея силъ.

— Пусть такъ, Настася!.. Шабашъ! — повторилъ финнъ съ самоотверженной энергіей. Затѣмъ, крѣпко сжавъ въ послѣдній разъ дѣвушки руку, онъ повернулся и направился, не оглядываясь, къ маячной башнѣ. Хищный звѣрь былъ окончательно укрощенъ. Спокойное мужество побѣдило безумную преступность. Сердечность и простая ласка побороли злобу и дикую мстительность.

Настенька чувствовала, что совершила своего рода подвигъ, при помощи, конечно, Бога, отстранившаго всемогущею дланью ужасное преступленіе. Благодаря божественному Промыслу, она вторично спасла жизнь человѣка, недавно еще невѣдомаго, а теперь неоцѣнимо дорогого и многолюбимаго.

— Дивны дѣла Твои, Господи! — съ порывомъ душевнаго умиленія воскликнула Настенька взволнованнымъ голосомъ, опускаясь невольно на колѣна и молитвенно складывая руки.

Простоявъ съ минуту въ религіозномъ оцѣпенѣніи, Настенька подняла къ чудному, звѣздному небу увлажненные глаза и зашептала съ глубокимъ чувствомъ:

— Господи, благодарю Тебя! Сохрани его и впредь, какъ сохранилъ сейчасъ... Ты, вѣдь, Самъ далъ его мнѣ... Не отнимай же его, Господи, отъ меня, не отнимай никогда! Не лишай меня давно желаннаго счастья...

Настенька горячо молилась въ томъ же духѣ довольно долго. Она вернулась въ свою комнату успокоенная и радостная, передавъ Джона на попеченіе проснувшейся матери.

XXX.

Настенька никому не разсказала о ночномъ приключеніи. Щадя Хесто, она твердо рѣшила сохранить въ глубокой тайнѣ мстительный порывъ ревниваго финна, вызванный, несомнѣнно, временнымъ, вполнѣ понятнымъ, умопомраченіемъ. Она не страшилась повторенія подобнаго порыва. Женскимъ чутьемъ она чувствовала, что теперь уже окончательно подчинила Хесто своему неотразимому обаянію и безповоротно сломила его натуру, не лишенную, на ряду съ грубыми, дикими инстинктами, нѣкоторыхъ внутреннихъ достоинствъ.

Избавивъ дорогого человѣка отъ смерти и отстранивъ невмѣняемое преступленіе, Настенька находила, что выполнила, благодаря Божіей помощи, все, что предназначено было ей еще разъ выполнить ради осуществленія завѣтной мечты. Для чего же вносить смятеніе среди близкихъ людей разглашеніемъ ночного приключенія? Это разглашеніе казалось ей жестокимъ и немилосерднымъ. Въ данномъ случаѣ ею руководилъ не холодный разсудокъ, но голосъ сердца, сердца добраго, отзывчиваго и незлопамятнаго. Сердце это во время подсказало ей, что жизнь Хесто на маякѣ станетъ немыслимой, какъ только кто либо другой узнаетъ объ его звѣрскомъ порывѣ. Настенька справедливо думала, что не всѣ отнесутся къ покушенію несчастнаго финна такъ же снисходительно и человѣчно, какъ отнеслась къ нему она сама; не всѣ, можетъ быть, пожалѣютъ кровожаднаго ревнивца, потрясеннаго душевно состоявшейся помолвкой.

Настенькѣ было невыразимо жаль Хесто, передъ которымъ чувствовала себя очень виноватой. Не она ли сама раздула въ немъ искорку въ бурное пламя? Не она ли сама подливала, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ огонь масло, вмѣсто того, чтобы потушить его въ самомъ началѣ? Конечно, все это произошло безъ вся-

каго умысла, случайно, само собой, въ силу лишь сложившихся обстоятельствъ совмѣстной жизни на крохотномъ островѣ; но, тѣмъ не менѣе, Настенька справедливо винила себя въ томъ, что неоднократно эксплоатировала безграничную любовь Хесто, безъ мысли вознаградить ее когда нибудь чѣмъ либо другимъ, кромѣ дружбы. Между тѣмъ Хесто могъ разсчитывать на что либо иное, могъ лелѣять несбыточныя мечты, что и было въ дѣйствительности: онъ лелѣялъ эти мечты и питалъ призрачныя надежды на возможное счастье. Надежды эти онъ таилъ въ своемъ сердцѣ долгіе годы и вдругъ, нежданно, самъ же разбилъ ихъ въ дребезги.

Совершивъ ради Настеньки самоотверженный подвигъ, онъ, по волѣ судьбы, спасъ соперника и, не вѣдая того, устроилъ чужое счастье. Помириться съ этимъ Хесто вначалѣ не могъ. Онъ рискнулъ на безумную борьбу. Въ слѣпотѣ душевной ему представилось, что онъ можетъ преступленіемъ очистить себѣ дорогу къ сердцу горячо любимой дѣвушки. Судьба, однако, рѣшила иначе: разрушила злодѣйскій замыселъ и заставила смириться...

Фаталистъ до мозга костей, Хесто не счелъ возможнымъ идти наперекоръ судьбѣ и покорился ей. Буря утихла въ его сердцѣ и смѣнилась щемящей, тихой тоской. Бѣшенный аффектъ миновалъ безслѣдно. Злоба улеглась. Въ душѣ наступило сравнительное затишье. Мстительное чувство уступило мѣсто горестному унынію. Забившись въ башню, Хесто все свободное время созерцалъ море и безъ устали плакался на свою злосчастную долю. Печально качая поникшей головой, онъ тоскливо пѣлъ, силясь излить въ безконечной пѣснѣ свое безъисходное горе, оплакать, навсегда утраченныя, надежды. Звуки его пѣсни, заунывной и монотонной, разносились вѣтромъ по всему острову и невольно хватали за сердце Настеньку, понимавшую тайный смыслъ непонятныхъ финскихъ словъ.

Другіе маячные отшельники относились къ вакаль-

ному занятію Хесто безучастно. Никто не подозрѣвалъ изливаемой имъ горести. Никому и въ голову не приходило, что финнъ тоскуетъ и все плачется въ пѣснѣ „на птичку, имъ вскормленную, собирающуюся улетѣть куда-то вдаль, въ невѣдомыя страны"...

Хесто, пѣняя на неблагодарную птичку, и впрямь воображалъ, что Настенька очень скоро покинетъ островъ, чтобы зажить новою, счастливою жизнью. Онъ и не думалъ о возможности дышать однимъ воздухомъ съ дѣвушкой и любоваться тѣмъ же воднымъ просторомъ. Словамъ Настеньки о совмѣстной жизни Хесто не придалъ особеннаго значенія и предполагалъ, что они сказаны сгоряча, для его лишь успокоенія. Въ данномъ случаѣ, финнъ остался вѣренъ своей подозрительной натурѣ.

— Уѣдетъ Настася, непремѣнно уѣдетъ, — думалъ онъ горестно,—и я опять останусь одинъ... Что мнѣ тогда дѣлать?.. Не могу безъ Настаси жить, право не могу... Какъ уѣдетъ она отсюда—сейчасъ утоплюсь!

Рѣшивъ на этомъ, Хесто еще болѣе успокоился, такъ какъ нашелъ, наконецъ, подходящій выходъ изъ тяжкаго положенія. Мысль о самоубійствѣ заняла его настолько, что онъ пересталъ даже плакаться на „неблагодарную птичку" и грустилъ молча.

Онъ находилъ ея поступокъ уже естественнымъ, не заслуживающимъ порицанія. Постепенно, здравый смыслъ у него бралъ верхъ надъ безумствомъ.

— „Вѣдь Настася уѣдетъ отсюда съ милымъ человѣкомъ и будетъ счастлива. Такъ и должно случиться. Иначе и быть не можетъ... Каждому свое судьба готовитъ"! — покорно думалъ онъ, печально качая головой,

И вдругъ, когда Хесто вполнѣ освоился съ мыслью о скорой разлукѣ съ Настенькой, онъ случайно узналъ изъ общаго разговора за обѣдомъ, что Вольскій и не думаетъ увозить дѣвушку съ острова, а „Старый боцманъ" разсчитываетъ прожить съ дочуркой на маякѣ до конца своихъ дней. Услыхалъ Хесто и другія хорошія

новости, изъ которыхъ заключилъ, что Настенька не даромъ толковала о совмѣстной, дружной жизни.

Всѣ эти новости чрезвычайно обрадовали финна и онъ разомъ просвѣтлѣлъ. Съ сердца его свалился тяжелый камень. Духъ воспрянулъ. Настенькино замужество перестало ужасать его, потерявъ значительную долю своей остроты и горечи. Грубый эгоизмъ испарялся въ Хесто и уступалъ, постепенно, мѣсто самоотверженной любви.

— „Пускай такъ будетъ, какъ судьба рѣшила",—размышлялъ онъ на вершинѣ башни, не спуская грустныхъ и покорныхъ глазъ съ Вольскаго и Настеньки, любовно бесѣдовавшихъ въ недалекомъ разстояніи отъ маяка.— „Отъ своей судьбы не уйдешь, а чужую не сломишь... Шабашъ!.. Настася счастлива... Шабашъ"!..

Спустившись къ ужину въ общую столовую, Хесто занялъ свое мѣсто далеко не съ прежнимъ сумрачнымъ, хмурымъ видомъ, сильно угнетавшимъ Настеньку, которая желала теперь видѣть вокругъ себя только счастливыя, радостныя лица. Дѣвушка тотчасъ же замѣтила пріятную перемѣну въ душевномъ настроеніи финна и благодарно взглянула на него. Хесто поймалъ этотъ взглядъ и просвѣтлѣлъ еще больше. Сердце его совершенно размякло и раскрылось для всепрощенія.

— Молодецъ, Никола! — неожиданно пробормоталъ онъ примирительнымъ тономъ и дружески хлопнулъ Вольскаго по плечу.

Николай Александровичъ съ ласковымъ недоумѣніемъ взглянулъ на Хесто. Тотъ улыбнулся во весь ротъ, видимо довольный произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

— За что хвалишь, дружище? — удивился молодой человѣкъ.

— Молодецъ и шабашъ!—уклонился Хесто отъ подробныхъ разъясненій и затѣмъ рѣшительно добавилъ:

— Давай твоя рука!

Вольскій не замедлилъ исполнить скромное желаніе финна. Тотъ энергично потрясъ протянутую руку, пробормотавъ сквозь зубы:

— Вотъ такъ!.. Теперь карашо будетъ.

Послѣ этого, Хесто хладнокровно принялся за ужинъ, точно съ нимъ ничего не случилось особеннаго, точно онъ не заключилъ сейчасъ великодушнаго мира съ соперникомъ, котораго, всего два дня тому назадъ, ненавидѣлъ всѣми силами своей первобытной натуры. Ненависть эта была тайной для всѣхъ, кромѣ Настеньки; но, тѣмъ не менѣе, „Старый боцманъ“ успѣлъ подмѣтить крайне натянутыя отношенія между Хесто и Вольскимъ. Причина этихъ отношеній была ему неизвѣстна и онъ справедливо опасался какихъ либо непріятныхъ и даже, можетъ быть, опасныхъ осложненій. И вдругъ, неожиданно, все измѣнилось къ лучшему. Это обрадовало смотрителя и вызвало съ его стороны искреннюю похвалу по адресу угрюмаго финна:

— Славный ты, Хесто.

Обратившись затѣмъ къ Вольскому Яковъ Семеновичъ сказалъ:

— Радуюсь за тебя, сынокъ, (старикъ, со дня помолвки, считалъ молодого человѣка уже членомъ своей семьи и называлъ его сынкомъ), отъ души радуюсь: ты пріобрѣлъ вѣрнаго друга. Я Хесто хорошо знаю; на дружбу его можешь положиться, какъ на каменную гору: не выдастъ, не продастъ и не измѣнитъ никогда. Золото „человѣкъ“...

— Правда твоя, папочка, — радостно подтвердила Настенька, счастливая заключеннымъ миромъ между недавними соперниками. Дѣвушка положительно торжествовала, что, наконецъ-то, разсѣялась единственная тучка, стоявшая, до послѣдняго момента, на ея жизнерадостномъ горизонтѣ, разсѣялась неожиданно скоро, спустя всего два дня послѣ памятной, страшной ночи. Во всемъ случившемся она видѣла Божественный промыслъ, особое небесное благоволеніе къ своему счастью, и невольно мысли ея неслись къ Богу, проникнутыя благоговѣйнымъ чувствомъ горячей благодарности.

XXXI.

Настенька и Вольскій сошлись чрезвычайно быстро. Нѣсколько дней скрѣпило ихъ неразрывными душевными и сердечными узами. Имъ казалось, что они уже прожили вмѣстѣ, никогда не разлучаясь, цѣлые годы; любили другъ друга чуть ли не съ младенчества. Они потеряли понятіе о времени. Все прошлое сосредоточилось въ чудномъ настоящемъ, а въ будущее они еще не проникали: находили это преждевременнымъ или, вѣрнѣе, просто забыли о будущемъ, принеся его въ жертву тому же сладостному настоящему. Цѣлые дни молодые люди проводили вмѣстѣ. Вольскій разсказывалъ Настенькѣ о своихъ плаваніяхъ, знакомилъ ее съ чужими странами и людьми.

Дѣвушка слушала жениха, не спуская съ него глазъ, ловя съ напряженнымъ вниманіемъ каждое его слово. Горизонтъ ея постепенно ширился. Передъ нею открывались новыя картины жизни, доселѣ невѣдомыя. Эта загоризонтная жизнь потянулась передъ ея восхищенными глазами, подобно безконечной, дивной панорамѣ. Ее начали охватывать новыя впечатлѣнія и мысли, не имѣвшія ничего общаго съ впечатлѣніями, навѣянными, чрезмѣрно знакомою, сказочною жизнью. Волшебный міръ постепенно уходилъ куда-то въ даль, а на первый планъ выступалъ міръ дѣйствительный. Сказочность поглощалась реальностью.

Вначалѣ Вольскій разсказывалъ совершенно объективно, рисуя картины видѣнной жизни, какъ настоящій художникъ. Забывъ въ любовномъ чаду о своихъ былыхъ мытарствахъ и невзгодахъ, онъ краснорѣчиво описывалъ только природу и людей далекихъ странъ, не жалѣя яркихъ красокъ. Онъ невольно вдохновлялся всѣми красотами роскошныхъ тропиковъ, ради которыхъ пошелъ нѣкогда странствовать по океанамъ и морямъ.

Настенька слушала Вольскаго, затаивъ дыханіе. Душа ея, казалось, парила тамъ, гдѣ такъ недавно странствовалъ Вольскій. Съ окружающаго міра постепенно спадалъ таинственный покровъ. Настенька узнала, наконецъ, то, что такъ тщательно старались скрыть отъ нее отецъ и мать, охваченные простительнымъ родительскимъ эгоизмомъ. Загоризонтная жизнь представлялась ея возбужденному воображенію прекрасною и радостною; но, тѣмъ не менѣе, сердце дѣвушки даже не шелохнулось желаніемъ унестись реально въ чудную даль, чтобы вкусить сладость иного бытія. Она увлеклась чудными картинами, но не жаждала взглянуть на нихъ... А между тѣмъ, еще недавно, ее неотразимо тянуло куда-то. Какая-то неодолимая сила влекла ее за горизонтъ. Непонятныя ощущенія разливались горячей волной по всему ея существу. Въ ея воображеніи рисовались дивные призраки невѣдомаго, сладостнаго счастья... Все это теперь безслѣдно миновало, исчезло, испарилось и развѣялось. . Благодаря Богу, Настенька неожиданно обрѣла свое счастье на родной скалѣ и мгновенно успокоилась. Призраки отлетѣли и уступили мѣсто одному человѣку, вырванному изъ когтей разъяреннаго моря. Голый камень превратился въ земной рай. Сердце дѣвушки заполнилось всепоглощающимъ чувствомъ, чистою и непорочною первою любовью...

Слушая разсказы Вольскаго, Настенька не столько увлекалась ихъ разнообразными темами, сколько наслаждалась душевно, чувствуя поблизости любящее сердце, слыша голосъ милаго человѣка и глядя въ дорогія черты лица возлюбленнаго.

Вотъ почему на вопросъ жениха:

— Не возбуждаю ли я въ тебѣ своими разсказами отвращеніе къ маячной жизни?—Настенька съ трогательною простотою отвѣтила:

— Нѣтъ, милый, мнѣ здѣсь теперь хорошо. Чужое счастье меня не соблазняетъ... Вся моя жизнь въ тебѣ одномъ.

Молодые люди начали говорить другъ другу „ты“ и перестали величать одинъ другого по имени и отчеству на другой же день помолвки. Это произошло какъ-то незамѣтно, безъ всякихъ любовныхъ прелюдій и разговоровъ, просто и естественно.

— Дорогая, милая, хорошая моя Настюша! съ восторженнымъ упоеніемъ воскликнулъ Вольскій, крѣпко пожимая невѣстѣ руки.—Какъ я счастливъ, какъ я невыразимо счастливъ! Могъ ли я ожидать такой чудной награды за свои былыя страданія!?

— Милый, милый, — шептала въ отвѣтъ Настенька, не спуская радостныхъ глазъ съ жениха.

Въ этомъ одномъ только словѣ, повторенномъ неоднократно съ восхитительною выразительностью, было столько безграничной любви, столько беззавѣтной преданности, что Вольскій едва не задохнулся отъ чудныхъ ощущеній, хлынувшихъ кипучей волной къ его затрепетавшему сердцу. Его вдругъ охватилъ неотразимый порывъ крѣпко обнять обожаемую дѣвушку и запечатлѣть на ея губахъ первый поцѣлуй.

Настенька, какъ будто, отгадала это и, словно притянутая магнитомъ, покорно склонилась къ плечу Вольскаго, стыдливо спрятавъ на его груди вспыхнувшее лицо.

Вольскій прильнулъ горячими губами къ пышнымъ волосамъ дѣвушки и замеръ въ сладостномъ очарованіи, не рѣшаясь и не смѣя приподнять ея низко опущенную голову.

Въ такомъ положеніи, забывъ весь окружающій міръ, молодые люди просидѣли, безмолвно и недвижно, нѣсколько часовъ подрядъ, до самаго солнечнаго заката. Они встрепенулись не ранѣе, какъ услышали вдали громкій призывъ Ирины Кузьминишны къ ужину. Съ сожалѣніемъ покинули они свое излюбленное мѣсто въ виду „Могилы лайбъ“ и, рука объ руку, тихо пошли домой. Души ихъ ликовали...

— Вотъ и голуби наши прилетѣли, — добродушно

встрѣтилъ молодыхъ людей „Старый боцманъ“ беззвучно разсмѣявшись. — Заворковались, я вижу, очень: ужина едва не прозѣвали... Ишь, вы, какіе!.. Ну, садитесь по мѣстамъ, полно конфузиться и краснѣть. Я, вѣдь, не сержусь на васъ, что вы по цѣлымъ днямъ на мысу пропадаете. Дѣло понятное!.. Я и самъ въ свое время такъ же на одномъ мѣстѣ высиживалъ... Не правда ли, милая женушка?

— Ишь что вспомнилъ,—ласково улыбнулась Ирина Кузьминишна и шмыгнула на кухню за разною вечернею снѣдью.

— А, вѣдь, Джонъ то ужъ крѣпнетъ, — тонко намекнулъ „Старый боцманъ“, послѣ краткаго безмолвія, на предстоявшую разлуку молодыхъ людей.

Настенька невольно вздрогнула и грустно взглянула на Вольскаго: она знала, что отецъ давно уже безповоротно рѣшилъ о поѣздкѣ жениха на материкъ, какъ только поправится Джонъ. Ей сдѣлалось вдругъ скучно.

„Старый боцманъ“ тотчасъ же замѣтилъ эту перемѣну въ душевномъ настроеніи дочери и проговорилъ утѣшительно:

— Полно, дочурка, кукситься!.. Вѣдь, твой Колюша не надолго отсюда уѣдетъ: черезъ мѣсяцъ долженъ вернуться... Успѣешь, вѣдь, сынокъ, обдѣлать за это время всѣ свои дѣлишки?—обратился Яковъ Семеновичъ къ Вольскому.

— Обдѣлаю ихъ и скорѣе еще, — торопливо отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Хорошо знаю, что будешь пороть тамъ горячку, чтобы поспѣть эту же осень свадьбу справить,—добродушно усмѣхнулся „Старый боцманъ“.—Ну, что-жъ, это дѣло хорошее: стоитъ изъ за него немного посуетиться... Не правда-ли, женушка?

— Правда,—лаконически согласилась Ирина Кузьминишна, любовно поглядывая то на Настеньку, то на Вольскаго.

— Ай, да молодецъ, женушка!—весело воскликнулъ

Яковъ Семеновичъ.—Крѣпко люблю тебя за то, что никогда не противорѣчишь мнѣ. Что не сдѣлаю—все хорошо, что не скажу—все ладно. Не говоришь стрижено, когда оно брито! Хорошо понимаешь, что я — глава дома и своего рода начальникъ здѣсь, на островѣ, чуть-чуть не губернаторъ... Хе, хе, хе, вотъ такъ штука!

— Ишь, куда хватилъ: въ губернаторы записался,—разсмѣялась Ирина Кузьминишна.

— И губернаторство-то мое наслѣдственное, — въ томъ же веселомъ тонѣ продолжалъ „Старый боцманъ".— Не даромъ, вѣдь, здѣсь почти полъ вѣка прожилъ и какъ еще прожилъ: хорошо, счастливо, дружно. За все время еще ни разу съ женушкой даже не поругался... Вотъ тебѣ, дочурка, славный примѣръ, какъ надо съ мужемъ ладить... И навѣрное поладишь: ты у меня покладистая, да и сердце у тебя доброе, любвеобильное, совсѣмъ какъ у матери.

— Съ чего ты, папочка, хвалить меня сегодня сталъ?—вспыхнула Настенька.

— Сегодня ужъ въ такомъ ударѣ, дочурка: всѣхъ хвалить хочется,—добродушно усмѣхнулся „Старый боцманъ".—На твое счастье глядучи, радуюсь, дочурка моя ненаглядная! Все устроилось такъ славно, какъ по печатному точно. Подишь ты, какая ты у меня прыткая: сама себѣ изъ моря женишка выудила, словно въ сказкѣ какой...

— И впрямь, все по щучьему велѣнью случилось,—поддакнула Ирина Кузьминишна.

— И по Божьему хотѣнью,—добавилъ Вольскій съ искреннимъ благоговѣніемъ.

— Да ужъ это само собой разумѣется, набожно перекрестился „Старый боцманъ".—Безъ Божьей воли волосъ съ человѣческой головы не упадетъ. Всюду—одинъ Богъ, и во всемъ — Богъ, только не всѣ Его видятъ или, вѣрнѣе, не хотятъ Его видѣть въ дѣлахъ Его... Помните-же, дѣтки, всегда Бога, носите Его въ сердцахъ своихъ. Гдѣ Бога не забываютъ, тамъ всегда миръ и

согласіе царствуютъ, тамъ не безумѣютъ отъ радости, съ жиру не бѣсятся, а съ горя не клянутъ судьбы своей и не давятся. Съ кѣмъ Богъ, тотъ стойко и мужественно вынесетъ всѣ жизненныя горести и несчастья, тотъ никогда не упадетъ духомъ, не войдетъ въ сдѣлку съ своею совѣстью, не преклонится передъ неправдой или несправедливостью...

Охваченный религіознымъ экстазомъ, „Старый боцманъ" проговорилъ въ томъ же проповѣдническомъ тонѣ довольно долго и, наконецъ, закончилъ свою проповѣдь-импровизацію слѣдующими заключительными словами, сказанными съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ:

— И такъ, Богъ — наша радость и утѣшеніе, наша охрана и опора! Воспоемъ же Ему славословіе великое!

И Яковъ Семеновичъ затянулъ старческимъ, дребезжащимъ, но вѣрнымъ, голосомъ:

— Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣцехъ благоволеніе...

Вся смотрительская семья, привыкшая къ общимъ молитвамъ, дружно и стройно подхватила славословіе. Чудные, торжественные звуки понеслись изъ раскрытыхъ оконъ и понеслись къ ясному, уже зазвѣздившемуся, небу... Хесто, зажигавшій маякъ на вершинѣ башни, невольно пріостановилъ свою срочную работу и, склонившись черезъ желѣзныя перила, началъ вслушиваться въ стройное пѣніе.

— Хорошо поютъ! — рѣшилъ онъ, спустя минуту, приступая опять къ зажиганію лампъ и стараясь сохранить при работѣ полную тишину.

— Славно поютъ! — пробормоталъ Хесто, вновь прислушиваясь. — А Настася лучше всѣхъ поетъ: звонкій у нее голосъ! съ неотразимымъ восхищеніемъ добавилъ онъ.

То-же самое думалъ и Вольскій, не спускавшій глазъ съ прекраснаго, умиленнаго лица обожаемой дѣвушки и старавшійся присоединиться къ общему хору, преисполненному трогательной гармоніей...

XXXII.

— Помнишь, милый, ты обѣщалъ разсказать мнѣ о своей жизни? Ты долженъ исполнить это обѣщаніе до отъѣзда на материкъ... Напримѣръ, теперь намъ никто не мѣшаетъ: приступай же къ разсказу.

Такими словами встрѣтила Настенька жениха, когда тотъ вышелъ, на другой день утромъ, изъ смотрительскаго дома на крыльцо, гдѣ сидѣла за шитьемъ дѣвушка, проснувшаяся въ этотъ день, почему-то, чуть-ли ни съ восходомъ солнца.

— Изволь, дорогая моя, — согласился Вольскій и затѣмъ предупредилъ, усаживаясь рядомъ съ невѣстой и пожимая ея нѣжныя ручки:

— Только знай: исторія моей жизни очень грустная исторія. Стоитъ ли омрачать наше чудное счастье тяжелыми воспоминаніями?

— Не бойся, милый, я не заплачу. Я знаю, что все это уже миновало безвозвратно и впереди насъ ожидаютъ только радостные дни. Познакомиться же съ твоими невзгодами мнѣ хочется для того, чтобы еще сильнѣе полюбить тебя и сторицею вознаградить за всѣ твои горести и несчастья... Ты, вѣдь, ничего не имѣешь противъ этого? — съ лукавою лаской спросила Настенька.

— Конечно, ничего, радость моя! — съ восхищеніемъ прошепталъ Вольскій, продолжая нѣжно жать Настенькины руки.

— Въ такомъ случаѣ, приступай живѣй къ разсказу: я положительно сгораю отъ нетерпѣнія... Ну-съ, я слушаю! — съ комическою важностью произнесла дѣвушка и затѣмъ добавила обыкновеннымъ тономъ:

— А теперь отпусти, милый, мои руки: я буду работать и слушать.

Вольскій безпрекословно исполнилъ желаніе невѣсты и началъ нѣсколько трепетнымъ голосомъ:

— Отца своего я не помню и кто онъ такой — не знаю, такъ какъ мать, почему-то, никогда не вспоминала о немъ и на всѣ мои дѣтскіе распросы неуклонно и кратко отвѣчала, грустно качая головой: „узнаешь послѣ"... О самой себѣ мать разсказывала довольно охотно. Изъ этихъ разсказовъ я узналъ, что она была единственной дочерью одного важнаго сановитаго и богатаго чиновника. Дѣтство ея прошло какъ-то странно и неестественно. Родителей своихъ, вѣчно занятыхъ службой, знакомыми, выѣздами по гостямъ и театрамъ, она почти не видала. Она проводила свои младенческіе годы среди особаго штата прислуги, среди разныхъ нянекъ, боннъ и кормилицъ, вдали отъ родительскихъ комнатъ. Отецъ ея не могъ выносить дѣтскаго писка, крика, бѣготни и старательно уединилъ дочь въ отдаленной дѣтской комнатѣ. Только изрѣдка ее выносили, до нельзя разряженную, въ гостиную, на показъ собравшимся знакомымъ, и, послѣ многочисленныхъ поцѣлуевъ и ласкъ, относили обратно въ дѣтскую. Мать, разсказывая о своихъ, болѣе и менѣе, сознательныхъ дѣтскихъ годахъ, всегда вспоминала объ этихъ торжественныхъ выносахъ и лицемѣрныхъ ласкахъ гостей, съ грустнымъ отвращеніемъ... Когда мать подросла на столько, что наступила пора подумать о наукахъ, она перешла съ рукъ нянекъ на руки разныхъ домашнихъ учителей и учительницъ. Родители ея, по прежнему занятые свѣтскою жизнью, не обращали вниманія на воспитаніе и образованіе своей единственной дочери... Но вотъ прошло еще нѣсколько лѣтъ, и мать стала невѣстой, возмужала и расцвѣла, словомъ, сдѣлалась годною для вывоза въ свѣтъ. Ее нарядили въ длинное платье и перевели на главную половину барской квартиры. Съ этого дня началась у матери новая жизнь, о которой она не могла говорить безъ горечи. Постепенно, она превратилась въ свѣтскую куклу, лишенную воли и характера, мечтавшую только о выѣздахъ, балахъ, театрахъ и нарядахъ. Красавица собой, мать очень скоро сдѣлалась предметомъ общаго

вниманія. Всѣ находили ее необыкновенно умной, причемъ главнымъ мѣриломъ материнскаго ума, по ея собственнымъ словамъ, было то, что она умѣла хорошо и ловко танцовать, граціозно раскланиваться и дѣльно говорить о пустякахъ. Дѣйствительной, настоящей жизни мать совершенно не знала; ее познакомили только съ надутою, безцвѣтною жизнью важныхъ сановитыхъ чиновниковъ; отъ нее ревниво скрывали всѣ шипы дѣйствительности. Въ семнадцать лѣтъ она была еще ребенкомъ, какъ по складу своего ума, такъ и по взгляду на жизнь вообще. Она наивно воображала, что все ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы порхать съ бала на балъ, выѣзжать въ коляскѣ на прогулки и тратить бѣшеныя деньги на модные наряды, не думая о томъ, откуда бралъ отецъ большія средства для широкой жизни... Когда матери минуло девятнадцать лѣтъ, ее сосватали какіе то родственницы за моего отца, и она вышла замужъ очень скоро. Бракъ этотъ, повидимому, былъ несчастливый. Хотя мать ничего не разсказывала, но я догадываюсь, что отецъ мой думалъ женитьбой устроить какія то денежныя дѣла, но это ему не удалось, и въ семейной жизни моихъ родителей наступилъ полный разладъ. Кончилось тѣмъ, что они разошлись, когда мнѣ было всего два года. Матушка моя, привыкшая къ роскоши, оказалась, неожиданно, безъ всякихъ средствъ. Дѣло въ томъ, что богатство ея отца оказалось дутымъ и растраченнымъ. Мало того, пошли какія-то непріятности по службѣ, возникли какія то грязныя обвиненія, кончившіяся судомъ. Наступилъ полный разгромъ всего... Родители моей матери не вынесли жестокаго удара и вскорѣ умерли, одинъ за другимъ. Мать моя осталась совершенно одинокой. Всѣ знакомые отшатнулись отъ нее, потому что она стала нищей... Мнѣ минуло тогда уже восемь лѣтъ и я отлично помню, какъ мы жили гдѣ то на городской окраинѣ, въ крохотной комнаткѣ полуразвалившагося, деревяннаго домика. Мать любила меня до безумія, а я положительно

боготворилъ ее. Наблюдательный, впечатлительный до болѣзненности, я подмѣчалъ все, что творится вокругъ меня, хотя матушка прилагала всѣ усилія, чтобы скрыть отъ меня многое. Я видѣлъ безъисходную нужду, вѣчную заботу о насущномъ хлѣбѣ. Между тѣмъ мать всѣми силами старалась обставить мою жизнь возможными удобствами. Она не жалѣла для меня ничего. Чтобы исполнить какую нибудь мою прихоть, она нерѣдко отказывала себѣ въ самомъ необходимомъ. Тогда я не все соображалъ достаточно хорошо, но теперь, вспоминая нѣкоторыя подробности, я положительно пораженъ ангельскимъ самоотверженіемъ матери и ея тихою покорностью судьбѣ. Она работала съ утра до глубокой ночи, добывая себѣ необходимыя средства разными переводами. Знаніе двухъ языковъ, французскаго и англійскаго, принесло ей существенную пользу и дало возможность зарабатывать на кусокъ хлѣба. Одновременно, матушка учила меня всему, что сама знала, и воспитывала такъ, какъ научила ее горькая, одинокая жизнь. Она постоянно напоминала мнѣ о Богѣ, постоянно говорила о черствомъ эгоизмѣ людей. Я хорошо помню ея слова, глубоко запавшія въ мою впечатлительную душу. Она часто говорила мнѣ: „Не вѣрь людямъ — они думаютъ только о себѣ, забывая, что они — братья по Христу... Вѣрь въ одного Бога — Онъ убѣжище и утѣшеніе несчастныхъ и угнетенныхъ. Вотъ мой завѣтъ тебѣ: не забывай Бога, будь всегда правдивъ, справедливъ и честенъ, не смотря на всѣ превратности судьбы“...

— Твоя мать, вѣроятно, много вытерпѣла отъ людей, что совершенно извѣрилась въ нихъ?—тихо вымолвила Настенька, воспользовавшись краткимъ перерывомъ разсказа.

Вольскій глубоко вздохнулъ и подтвердилъ глухимъ голосомъ:

— Да, она вынесла ужасно много отъ людской злобы и несправедливости. Она несла невыразимо тя-

желый крестъ... Она страдала, страдала вдвойнѣ: и за себя и за меня. Она постоянно грустила и замѣтно таяла; о чемъ-то задумывалась, не спуская съ меня своихъ прекрасныхъ, любящихъ и кроткихъ глазъ. Я не разъ спрашивалъ ее о предметѣ ея вѣчной грусти и душевной тревоги, не разъ силился проникнуть въ ея душевную тайну, но всегда слышалъ отъ нее одно и то-же: „Милый, рано еще тебѣ знакомиться съ моими страданіями... Подростешь—самъ узнаешь"... Такъ прошло еще четыре мучительныхъ года. Мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ... Вдругъ матушка, надорвавшись въ непосильной работѣ, расхворалась и слегла... Наступили ужасные дни. Лѣчить было не на что, а о больницѣ матушка вспоминала съ содраганіемъ и все твердила, что лучше умретъ дома, на своей кровати, и ни за что не разстанется со мной. Между тѣмъ нужда опутывала насъ все больше и больше... Наконецъ наступилъ день, когда въ домѣ не было куска хлѣба даже для меня... Я хорошо видѣлъ ужасныя, душевныя и физическія, муки больной матери и, не имѣя силъ помочь ей, тихо, незамѣтно плакалъ, забившись въ свой уголъ. Сердце мое раздиралось на части...

— Бѣдный, бѣдный мой Колюша, — задушевнымъ голосомъ прошептала Настенька, съ невольными слезами на глазахъ, и нѣжно взяла за руку жениха, какъ бы ободряя его...

Дѣйствительно, это неожиданное прикосновеніе любящей руки подѣйствовало на Вольскаго чрезвычайно благодѣтельно. Мучительныя воспоминанія потеряли значительную долю своей горечи и остроты. Молодой человѣкъ могъ продолжать свой разсказъ менѣе взволнованнымъ тономъ:

— Безъ тяжелыхъ подробностей скажу тебѣ, моя ненаглядная, что матушка, проболѣвъ всего недѣлю, померла, и я остался круглымъ сиротой. Передъ смертью, когда я неутѣшно рыдалъ, прильнувъ къ исхудалой материнской груди, она начала утѣшать меня и настав-

лять въ будущей одинокой жизни.—Успокойся, не плачь, родной мой,—шептала она запекшимися губами... Береги свои слезы—онѣ будутъ нужны тебѣ впереди. Помни: жизнь наша слишкомъ печальна, чтобы прожить ее безъ слезъ и страданій; но ты, родной мой, мужайся и крѣпись, будь тверже на предстоящемъ жизненномъ пути; не забывай Бога, и Онъ никогда не забудетъ тебя и въ свое время сторицей вознаградитъ тебя за всѣ страданія... Эти пророческія слова глубоко запали въ мою впечатлительную душу и сдѣлались моимъ жизненнымъ катехизисомъ... И такъ, матушка померла. Ее похоронили на счетъ полиціи, а меня выгнали на улицу. Люди, позаботившись о мертвой, позабыли о живомъ, и я сдѣлался бродягой. Общественная благотворительность, по обыкновенію, дремала. Никто не подалъ мнѣ руки помощи. Вмѣстѣ съ подобными мнѣ брошенными, несчастными дѣтьми, я спалъ подъ мостами, въ пустыхъ баркахъ, на огородахъ и въ паркахъ. Питаясь изо дня въ день кое какими крохами, удѣленными моими новыми товарищами, я не рѣшался нищенствовать... Изнуренный, въ рубищахъ, безцѣльно бродилъ я по улицамъ съ ранняго утра до поздней ночи, не зная, что дѣлать и гдѣ преклонить голову. Изрѣдка встрѣчались наивные люди и съ видимымъ соболѣзнованіемъ подавали мнѣ копѣйки, но я бросался отъ нихъ, точно отъ зачумленныхъ. Своимъ подаяніемъ они растравляли мою душу, безжалостно напоминали мнѣ, что я — нищій и безпріютный сирота... Нѣсколько разъ я доходилъ до глубокаго отчаянія, помышлялъ о самоубійствѣ, но мысль о матушкѣ всегда останавливала меня отъ этого ужаснаго, безумнаго шага. Я всегда во время припоминалъ ея предсмертныя слова, и малодушіе уступало мѣсто терпѣнію и мужеству... Появлялась надежда и вѣра въ Божью помощь. Я начиналъ молиться, простаивалъ въ храмахъ всѣ службы и доходилъ до поразительнаго религіознаго возбужденія... Однажды, это было уже глубокою осенью, я слушалъ всенощную въ какой то убо-

гой церкви, расположенной на городской окраинѣ. Въ храмѣ было почти пусто. Я стоялъ на колѣнахъ въ темномъ углу и не спускалъ молящихъ глазъ съ лика Спасителя, освѣщенный образъ Котораго висѣлъ на противоположной стѣнѣ. Я молился горячо и долго... Вдругъ мнѣ почудилось, что, будто-бы, Спаситель сошелъ со стѣны и приблизился ко мнѣ. Въ правой рукѣ Онъ держалъ роскошный вѣнокъ изъ розъ, а въ лѣвой—терновый. — Который желаешь? — тихо спросилъ Спаситель, протягивая мнѣ оба вѣнка.—Этотъ, Господи!—воскликнулъ я и съ неизъяснимымъ порывомъ простеръ обѣ руки къ терновому вѣнку: онъ показался мнѣ вполнѣ соотвѣтствующимъ моему несчастному положенію. Спаситель ласково улыбнулся и сталъ медленно удаляться отъ меня. Терновый вѣнокъ лежалъ на Его головѣ, а въ обѣихъ рукахъ Онъ держалъ высоко вѣнокъ изъ розъ и словно осѣнялъ меня имъ... Я упалъ ницъ и разрыдался отъ невыразимаго сладостнаго восторга, вдругъ охватившаго все мое существо... Вскорѣ я впалъ въ какое-то полузабытье и не замѣтилъ, что служба уже кончилась и храмъ совершенно опустѣлъ.

— Ну, мальчикъ, довольно молиться,—услышалъ я вдругъ возлѣ себя ласковый голосъ и кто-то прикоснулся къ моему плечу. Я встрепенулся, поднялъ голову и увидѣлъ дряхлаго священника, который глядѣлъ на меня съ такимъ добродушіемъ, что я смѣло схватилъ его за рясу и пробормоталъ рыдающимъ голосомъ: „батюшка, спасите меня, спасите“! „Вставай, мальчикъ, и пойдемъ ко мнѣ: дома разскажешь, въ чемъ дѣло“, ласково проговорилъ священникъ, приподнимая меня...

Съ этого памятнаго вечера жизнь моя измѣнилась къ лучшему. Я нашелъ пріютъ у добраго священника, который, выслушавъ мой правдивый разсказъ о тяжеломъ сиротствѣ, принялъ во мнѣ горячее участіе. Вскорѣ онъ помѣстилъ меня въ учебное заведеніе Человѣколюбиваго Общества. Спустя шесть лѣтъ, я кончилъ курсъ и сталъ готовиться для поступленія въ лѣсной инсти-

тутъ. Въ это время мой благодѣтель скоропостижно умеръ, и я опять очутился въ тяжеломъ положеніи, при которомъ нельзя было и думать о дальнѣйшемъ образованіи. Мнѣ вновь предстояло вступить на тернистый путь безпріютнаго скитальца. Долго не раздумывая, я рѣшилъ сдѣлаться морякомъ, благо своевременно начитался разными книгами о прелестяхъ морской службы и морскихъ путешествіяхъ.. Ты уже знаешь, какъ я плавалъ на „Церерѣ“ и какъ попалъ на баркъ „Кляйдъ“...

— Знаю также, какъ ты очутился на нашемъ островѣ, — весело добавила Настенька. — Благодаря Богу, твой тернистый путь безпріютнаго скитальца конченъ!..

— И я въ настоящее время у тихой пристани, — восторженно прошепталъ Вольскій, придвигаясь къ дѣвушкѣ и обдавая ее пламеннымъ взоромъ.

— А какъ женитесь, будете стоять здѣсь на четырехъ мертвыхъ якоряхъ, — раздался басистый голосъ „Стараго боцмана, вышедшаго изъ комнаты на крыльцо.—Рейдъ здѣсь хорошій: я простоялъ на немъ счастливо почти полъ-вѣка... Чудная стоянка была, особенно съ такимъ превосходнымъ фрегатомъ, какова моя милая женушка... Дай Господи и вамъ того же, дорогіе дѣтки!

— Спасибо, папочка, — вспорхнула Настенька съ мѣста и любовно повисла на жилистой шеѣ отца.

— Я готовъ бросить сотню мертвыхъ якорей возлѣ такого чуднаго клипера, какова моя Настюша! — воскликнулъ также иносказательно Вольскій, не спуская любящаго взора съ стройной фигуры невѣсты.

Настенька полуобернулась къ жениху и нѣсколько разъ благодарно кивнула ему головой. Глаза ея горѣли радостнымъ огнемъ. На розовыхъ, сочныхъ губкахъ играла безгранично счастливая улыбка...

XXXIII.

— Джонъ выглядитъ совсѣмъ молодцомъ и можетъ вынести небольшое морское путешествіе... Завтра съ

разсвѣтомъ въ походъ! — неожиданно объявилъ спустя два дня, послѣ ужина, „Старый боцманъ“, прищуривая, по привычкѣ, лѣвый глазъ.

— Такъ скоро!? удивилась Настенька и грустно взглянула на жениха.

— По военному, дочурка, по военному... Я не превыкъ канителить. У меня все такъ: разъ, два и готово! Къ тому же легкій попутничекъ дуетъ: это намъ съ руки. Мы пойдемъ на боту, чтобъ удобнѣе Джону было... Ты, Петя, останешься на маякѣ, а ты, Хесто, собирайся съ нами,—распорядился „Старый боцманъ“ рѣшительнымъ тономъ, не допускавшимъ возраженій.

— Настюша, выйдемъ на минутку на крыльцо: мнѣ нужно съ тобой кое о чемъ поговорить,—шепнулъ Вольскій на ухо невѣстѣ, сидѣвшей рядомъ съ нимъ. „Завтра намъ не удастся потолковать“, — добавилъ онъ съ затаеннымъ вздохомъ.

Дѣвушка безъ слова поднялась съ дивана и направилась изъ комнаты. Вслѣдъ за ней пошелъ и Вольскій.

— Что?.. Опять ворковать, голуби? — добродушно замѣтилъ „Старый боцманъ“. „Ступайте, ступайте, поворкуйте на послѣдокъ всласть... Только, смотрите, не засиживайтесь до полуночи: завтра, съ восходомъ солнышка, всѣхъ на ноги подниму“.

Выйдя на крыльцо, Настенька облокотилась на перила и задумчиво, сосредоточенно начала всматриваться въ серебристую гладь почти уснувшаго моря. Легкій южный вѣтеръ едва рябилъ воду и ласково, и нѣжно игралъ пушистыми волосами дѣвушки. Полная, ясная луна стояла высоко въ небѣ, среди чудныхъ созвѣздій, словно величавая, волшебно-прекрасная, царица среди таинственныхъ красавицъ невѣдомаго, надземнаго міра. Ея фосфорическія, голубоватыя лучи причудливо играли въ морской ряби и фантастически освѣщали „Могилу лайбъ“ съ ея, уходящими въ темную даль, острымъ мысомъ и каменной грядой, а также съ ея бѣлой, стройной, маячной башней, эффектно выдѣляв-

шейся на общемъ, сравнительно темномъ, фонѣ картины. Въ воздухѣ стояла почти мертвая тишина, точно вся природа замерла въ нѣгѣ подъ ласкающими, гипнотизирующими лучами великолѣпнаго ночного свѣтила. Изрѣдка лишь доносился, едва слышный, нѣжный ропотъ прибойной волны, да гдѣ-то вдали не то грустно плакала проснувшая чайка, не то жалобно чиликалъ морской куликъ, не нашедшій еще себѣ подходящаго пристанища для ночлега...

Вольскій нѣжно обнялъ замечтавшуюся дѣвушку и также впалъ въ неизъяснимое, созерцательное состояніе окружающей природы. Голова его склонилась къ слегка наклоненной головкѣ Настеньки. Оба молчали, не находя словъ для передачи взаимныхъ чувствъ, которыми были переполнены ихъ беззавѣтно любящія сердца. Влюбленная парочка, ярко освѣщенная луной, представляла замѣчательную, восхитительную группу тихаго, спокойнаго счастья. Настенькѣ и Вольскому было невыразимо хорошо стоять обнявшись. Ихъ душевное состояніе вполнѣ гармонировало дивной ночи. Сердца ихъ замирали въ сладостной истомѣ. Забывъ весь окружающій міръ, они витали въ далекой области чудныхъ иллюзій и фантазій. Они забыли даже о предстоявшей разлукѣ и жили настоящей счастливой минутой, преисполненной сказочнаго очарованія...

Въ такомъ дивномъ безмолвіи влюбленные простояли довольно долго; но вотъ Настенька встрепенулась и страстно прошептала:

— Боже, благодарю Тебя за дарованное мнѣ счастье!.. Господи, какъ я люблю, какъ я люблю!..

И дѣвушка крѣпко прижалась къ своему жениху.

— Милая, дорогая моя, ненаглядная моя голубушка,—зашепталъ трепещущимъ голосомъ Вольскій, задыхаясь отъ восторга.

— Коля, голубчикъ, объ одномъ прошу тебя: возвращайся скорѣй, какъ можно скорѣй,—горячо запросила вдругъ Настенька.—Не оставайся вдали отъ меня

ни одной лишней минуты... Безъ тебя мнѣ будетъ здѣсь ужасно скучно.,.

— Будь тверже, Настюша, не поддавайся скукѣ,— съ нервною страстью заговорилъ Вольскій.—Мы, вѣдь, разлучаемся не надолго. Черезъ мѣсяцъ я вернусь, и наша жизнь свяжется на вѣки. Вѣрь мнѣ, моя возлюбленная, что сердце мое всегда будетъ принадлежать тебѣ одной. Во время разлуки, душа и мысли мои будутъ постоянно съ тобой... Ты знаешь, моя голубка, что я люблю тебя безгранично и беззавѣтно!..

Настенька затрепетала при этихъ страстныхъ, горячихъ словахъ, быстро повернула къ жениху свое разгорѣвшееся личико, крѣпко обхватила его за шею красивыми, теплыми руками и замерла въ неожиданномъ первомъ поцѣлуѣ.

— Твоя, твоя на вѣки,—прошептала она едва слышно, выскользнувъ изъ объятій жениха и спрыгивая легкой козочкой съ крыльца на скалу. Вскорѣ она скрылась по направленію къ „Могилѣ лайбъ", крикнувъ издали: „спокойной ночи, милый"!..

Вольскій не посмѣлъ слѣдовать за невѣстой и остался на крыльцѣ, весь охваченный неописуемымъ очарованіемъ. Прислонившись къ периламъ, онъ грезилъ, не спуская умиленныхъ глазъ съ таинственнаго, звѣзднаго неба. Душа его парила въ заоблачныхъ пространствахъ. Въ его возбужденномъ воображеніи стояло чудное видѣніе дѣтскихъ годовъ. Ему чрезвычайно живо представился темный уголъ убогаго храма, въ которомъ онъ обрѣлъ утѣшеніе и спасеніе отъ жизненныхъ невзгодъ. Онъ вновь, какъ бы, увидѣлъ надъ собой благостныя, милосердныя руки съ роскошнымъ вѣнкомъ изъ розъ... И невольно колѣна его согнулись, и онъ палъ ницъ, охваченный величайшимъ благоговѣніемъ и безграничною благодарностью за избавленіе отъ ужасныхъ терній жизни...

Въ религіозной экзальтаціи, онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ мимо Хесто, возвращавшійся въ свою башню, какъ вышелъ, наконецъ, на крыльцо „Старый боцманъ",

которому показалось своевременнымъ разогнать „голубковъ“ по своимъ комнатамъ, въ виду завтрашняго ранняго похода...

Вольскій пришелъ въ себя только при удивленномъ вопросѣ смотрителя:

— А гдѣ же дочурка моя?

— Я здѣсь, папочка, — раздался звонкій голосъ, и на крыльцо взбѣжала Настенька, вынырнувшая точно изъ самой скалы.

— Гдѣ ты была, плутовка?—спросилъ отецъ, ухвативъ дочурку за подбородокъ.

— На мысу была: любовалась „Могилой лайбъ“ при лунномъ освѣщеніи,—живо отрапортовала Настенька и затѣмъ, обратившись къ жениху, добавила выразительнымъ тономъ:

— Я давно уже вернулась; стояла тутъ за крыльцомъ и все, все видѣла.

— Что-жъ ты видѣла? — заинтересовался „Старый боцманъ“, посматривая на смущенную фигуру Вольскаго.

— Это мой секретъ, — уклонилась отъ отвѣта дѣвушка.

— Ты просто ничего не видѣла, а только подзадориваешь меня, старика, — рѣшилъ Яковъ Семеновичъ, добродушно усмѣхнувшись.

— Нѣтъ, видѣла,—заспорила Настенька,—да не хочу сказать.

— Зачѣмъ же ты на мысъ бѣгала, а своего Колюшу одного тутъ оставила? — продолжалъ допрашивать „Старый боцманъ“, любившій всегда добираться до сути дѣла.

— Я съ нимъ поссорилась, — лукаво проговорила дѣвушка, поглядывая на жениха.

— Ахъ, если бы она ссорилась со мной такъ каждую минуту! съ восхищеніемъ прошепталъ Вольскій, вспомнивъ полученный поцѣлуй.

— Ну, васъ теперь не разберетъ самъ царь Соломонъ,—разсмѣялся Яковъ Семеновичъ.

— Это всегда такъ съ влюбленными голубками бываетъ,—молвилъ старикъ послѣ краткой паузы тономъ авторитета... „Ну, Господь съ вами, идите-ка лучше спать: уже пора",—добавилъ онъ рѣшительно. „Дочурка, цѣлуй меня и съ Богомъ!.. Сынокъ, спокойной ночи"!

Повинуясь энергичной командѣ, молодые люди распростились, хотя не особенно охотно. Вольскій, удалившись въ свою комнату, уснулъ не тотчасъ. Онъ рѣшительно не могъ уснуть. Его волновали всевозможныя грезы и мечты, однѣ соблазнительнѣе другихъ. Вслѣдствіе продолжительной безсонницы, онъ заснулъ передъ разсвѣтомъ особенно крѣпко, и „Старый боцманъ" едва добудился его...

Быстро одѣвшись и вымывшись, чтобы наверстать потерянное время, Вольскій отправился въ столовую, гдѣ засталъ въ сборѣ, за чаемъ, всѣхъ маячныхъ отшельниковъ, исключая Джона, который отчаянно кряхтѣлъ еще на кухнѣ, собираясь въ походъ на материкъ.

— Вотъ и соня нашъ явился, — добродушно встрѣтилъ Вольскаго Яковъ Семеновичъ.

„Жена, наливай ему живо чаю. Онъ, кажется, совсѣмъ забылъ о походѣ".

— А мы собрались проводить васъ немного,—проговорила Ирина Кузьминишна.

— Вотъ и финка уже для насъ готова, — добавилъ Петя, указавъ рукой, черезъ раскрытое окно, на шлюпку, качавшуюся у пристани съ поставленными мачтами.

— Вотъ неожиданный сюрпризъ! — радостно воскликнулъ Вольскій, съ любовью взглянувъ на Настеньку. Онъ былъ убѣжденъ, что этотъ пріятный сюрпризъ состоялся, благодаря ея предложенію.

Настенька грустно улыбнулась и утвердительно качнула головой, какъ бы говоря мимикой: „ты отгадалъ, милый"...

Послѣ чего, Яковъ Семеновичъ заставилъ всѣхъ вспомнить русскій обычай:

— Посидимте немного, затѣмъ помолимся и распростимся.

Всѣ безпрекословно усѣлись въ кружекъ. Въ комнатѣ наступила торжественная тишина. Всѣ находились подъ давленіемъ предстоявшей разлуки. Настенька сидѣла совершенно опечаленная, не спуская глазъ съ жениха. Вольскій, въ свою очередь, глядѣлъ на невѣсту со щемящею болью въ сердцѣ: ему было чрезвычайно грустно разставаться съ нею... Но вотъ „Старый боцманъ" всталъ, обратился къ образу и съ трогательною простотою прочиталъ молитву о путешествующихъ. Затѣмъ онъ обратился къ Вольскому задушевнымъ, немного взволнованнымъ, тономъ:

— Прощай, сынокъ, помни мою дочурку и насъ, стариковъ, не забывай. Возвращайся скорѣй здравымъ и невредимымъ.

Послѣ этихъ словъ, Яковъ Семеновичъ крѣпко обнялъ молодого человѣка и, по-русскому обычаю, трижды поцѣловалъ его. Ирина Кузьминишна и Настенька расплакались. Хесто не выдержалъ и началъ по своему утѣшать дѣвушку, слезъ которой онъ не могъ хладнокровно видѣть:

— Полно, Настася, плакать... Не нада плакать... Худо плакать... Никола скоро назадъ ходи...

Вольскій, расцѣловавшись со всѣми, даже съ Хесто, глядѣвшимъ дружелюбно и привѣтливо, подошелъ къ невѣстѣ и проговорилъ задыхающимся голосомъ:

— До скораго свиданья, дорогая...

— Милый!—только крикнула Настенька и въ какомъ-то изнеможеніи повисла на шеѣ жениха. Слезы неудержимо потекли изъ ея глазъ и капля за каплей падали на грудь Вольскаго, смачивая его шитую рубаху, подаренную наканунѣ дѣвушкой, вмѣстѣ съ полнымъ запасомъ другого бѣлья, внимательно заготовленнаго на время разлуки.

Вольскій не выдержалъ и заплакалъ самъ.

— Чего нюни-то распустили? — проворчалъ добро-

душно сердитымъ тономъ „Старый боцманъ", незамѣтно смахивая со щеки невольную слезу. „Полно вамъ... Съ Богомъ въ дорогу маршъ"!—энергично и твердо добавилъ онъ, совладавъ со своею душевною слабостью. Твердая команда возымѣла надлежащее дѣйствіе. Молодые люди оторвались другъ отъ друга и покорно вышли, вслѣдъ за остальными, изъ комнаты. Стояла чудная, ясная погода. Дулъ ровный, умѣренный, южный вѣтеръ, попутный для отъѣзжавшихъ. Блестящее солнце уже поднялось надъ горизонтомъ и обдавало жизнерадостными лучами, слегка волнующуюся, поверхность залива. Высоко въ небѣ рѣяли стаи чаекъ, сверкая бѣлоснѣжными крыльями и оглашая воздухъ рѣзкими криками. Вся природа улыбалась и ликовала, не обращая вниманія на грустное настроеніе маячныхъ отшельниковъ, вереницей сходившихъ по циклопическимъ ступенямъ скалы къ уютной бухтѣ. Впереди всѣхъ осторожно шли Хесто и Петя, поддерживая съ обѣихъ сторонъ охавшаго Джона. За ними слѣдовали смотритель съ женой. Вольскій съ Настенькой замыкали шествіе, перекидываясь послѣдними клятвами и словами беззавѣтной любви.

XXXIV.

Спустя полчаса, изъ маячной бухты вышли въ море подъ парусами ботъ и большая финка. Оба суденышка держались совершенно рядомъ, благодаря ловкому управленію „Стараго боцмана" и Пети, сидѣвшихъ на рулѣ. Иногда ботъ и финка шли такъ близко другъ отъ друга, что Вольскій могъ свободно пожимать протянутую съ финки руку невѣсты, къ обоюдному большому удовольствію. Такъ прошли около десяти верстъ. Скалистый островъ началъ уже скрываться за горизонтомъ и только одна маячная башня гордо еще высилась надъ поверхностью залива.

— Ну, сынокъ, приводи къ вѣтру и возвращайся на

маякъ,—приказалъ вдругъ „Старый боцманъ".—Довольно натѣшились!..

Петя безпрекословно положилъ руль на бортъ, и, почти мгновенно, оба суденышка разъединились. Ботъ, подгоняемый, все крѣпчавшимъ, попутникомъ, началъ быстро отдаляться, держа на сѣверъ. Финка, приведенная къ вѣтру, слегка накренилась и бойко запрыгала на встрѣчныхъ волнахъ, гулко шлепая форштевнемъ о вспѣненную поверхность залива.

Настенька, примостившись на кормѣ, грустно глядѣла, изъ подъ туго растянутаго паруса, на удалявшійся ботъ и безъ устали махала платкомъ, въ отвѣтъ на прощальныя привѣтствія, посылаемыя Вольскимъ... Прошло нѣсколько минутъ, и ботъ почти скрылся: надъ горизонтомъ виднѣлись только однѣ высокія мачты.

Настенька глубоко вздохнула и безпомощно прижалась къ материнскому плечу.

Ирина Кузьминишна любовно обняла дочь и стала нѣжно гладить ее по головѣ, точно малаго ребенка. Въ такой безмолвной горести обѣ просидѣли три часа подрядъ, пока финка, послѣ длинной лавировки, не вошла, наконецъ, въ маячную бухту и не пристала къ пристани...

— Ахъ, какъ пусто, какъ скучно теперь здѣсь!— горестно воскликнула Настенька, оглядывая грустными глазами голую скалу.

Ирина Кузьминишна начала утѣшать:

— Полно, Настюша!.. Тебѣ это такъ только кажется. Вотъ пріѣдетъ твой милый—все опять тутъ повеселѣетъ.

— Ахъ, поскорѣй бы онъ возвратился... Я умру безъ него тутъ съ тоски!.. Что мнѣ теперь дѣлать одной? Чѣмъ я убью свое длинное, скучное время? начала Настенька задавать мучительные вопросы, тихо подымаясь отъ бухты къ дому.

Ирина Кузьминишна закачала укоризненно головой:

— Не гнѣви Бога, Настюша... Неужели у тебя не

хватитъ терпѣнія на мѣсяцъ? Припомни, голубка: ты, вѣдь, прожила на этой скалѣ безъ малаго двадцать лѣтъ и все находила здѣсь хорошимъ; а теперь заныла въ тотъ же день, какъ женихъ не надолго уѣхалъ... Что же дальше будетъ?

Материнскій упрекъ сконфузилъ Настеньку и она проговорила виноватымъ тономъ:

— Не сердись ты, мамочка, на меня: я совсѣмъ одурѣла отъ счастья.

Затѣмъ, послѣ короткаго перерыва, спросила съ любопытствомъ:

— А какъ ты думаешь, мамочка: скоро вернется отецъ?

— Ну, разсчитать этого я не съумѣю,—добродушно созналась старушка.—Все зависитъ отъ погоды и вѣтра. Задуетъ имъ попутный оттуда — они вернутся дня черезъ два либо три; а какъ зареветъ непогода въ лобъ, такъ и больше недѣли прождемъ ихъ... Все отъ Бога!.. А тебѣ то что?

— Да хочется поскорѣй узнать: благополучно ли дошли?

— Ну, въ этомъ не сумнѣвайся, голубушка—дойдутъ какъ слѣдуетъ. Вишь, какая благодать сегодня для нихъ: дуетъ себѣ попутничекъ, да еще хорошій—живо до мѣста добѣгутъ... Въ городѣ отецъ обѣщалъ не долго пробыть: закупитъ кое что изъ провизіи и обновокъ, да и назадъ, если погода позволитъ, то-есть если съ неба камни не будутъ валиться,—добавила, слегка усмѣхнувшись, Ирина Кузьминишна.

— Вѣрно, мамочка, отецъ никакой погоды не боится,—раздался сзади Петинъ голосъ.

Молодой человѣкъ, убравъ шлюпку, нагонялъ женщинъ, ловко прыгая по грубымъ каменистымъ ступенямъ, выбитымъ на скользкой поверхности скалы.

— Онъ у насъ неустрашимый,—съ гордостью промолвила старушка.—Да хранитъ его только Богъ!—добавила она, набожно перекрестившись.

— Да хранитъ его Богъ! — повторили, какъ эхо, Настенька и Петя, перекрестившись въ свою очередь.

— Ну, вотъ мы и опять дома, благодушно проговорила Ирина Кузьминишна, поднимаясь на крыльцо.

— Славно тутъ, точно въ раю: тихо, спокойно и радостно, — продолжала она тѣмъ же благодушнымъ тономъ, любовно посматривая вокругъ себя. — Живемъ, какъ у Христа за пазухой... Не правда ли, милые дѣтки?

— На маякѣ жить отлично, — просто согласился Петя и затѣмъ добавилъ съ наивною откровенностью: „Хорошо бы только жениться, а то безъ жены, какъ будто, чего-то не хватаетъ“...

Ирина Кузьминишна улыбнулась и, склонившись къ самому Петиному уху, таинственно прошептала:

— Будетъ тебѣ жена, голубчикъ, непремѣнно будетъ. Я ужъ говорила объ этомъ съ отцомъ... Безъ жены нельзя, никакъ нельзя, особенно когда своимъ хозяйствомъ станешь жить, какъ мѣсто смотрителя маяка получишь... Отецъ ужъ и невѣсту тебѣ приглядѣлъ...

— О чемъ вы тамъ шепчетесь?—съ любопытствомъ спросила Настенька.

— И сама не знаю, съ чего вдругъ шептаться стала, — разсмѣялась Ирина Кузьминишна. — Секрета никакого нѣтъ: Петя хочетъ жениться, а отецъ ужъ и невѣсту ему нашелъ, такую же смотрительскую дочь, какъ и ты сама. Славная дѣвушка?..

— А ты развѣ видѣла ее, матушка? — заинтересовался Петя.

— Я то не видѣла ее, голубчикъ, — добродушно созналась старушка, но отецъ видѣлъ и шибко хвалилъ: и добрая-то она, и здоровая, и хозяйственная, и религіозная, и веселая... Словомъ, по всѣмъ статьямъ хороша.

— А много ей лѣтъ? — продолжалъ выспрашивать Петя съ разгорѣвшимися глазами.

— Годковъ на семь моложе тебя будетъ: какъ разъ

пара,—удовлетворила мать понятное любопытство сына и затѣмъ добавила нравоучительно:

— Да, впрочемъ, не въ годахъ, голубчикъ дѣло: иная молодая старой вѣдьмой выглядитъ, а бываетъ и такъ, что старуха по лѣтамъ всякую молодую за поясъ заткнетъ своимъ здоровьемъ, да благообразіемъ и другими качествами.

— Вотъ ты, напримѣръ, мамочка, — молвила Настенька, ластясь къ матери.

— Ишь куда хватила!—расхохоталась Ирина Кузьминишна. —Развѣ я про себя говорю? Мнѣ ужъ больше шестидесяти лѣтъ, а ты, вдругъ, меня на одну доску съ молодыми хочешь поставить. Правда, я здорова...

— И пригожа,—быстро вставила Настенька, горячо цѣлуя мать въ румяныя, упругія щеки.

— Перестань, плутовка,—отмахнулась Ирина Кузьминишна.—Ну, довольно, довольно, а то, пожалуй, безъ обѣда останемся... Пора и за стряпню приняться. Посмотри, какъ солнышко ужъ высоко поднялось... Петя, Петя, неси скорѣй на кухню дровъ, — крикнула она сыну, продолжая добродушно отбиваться отъ ласкъ дочери.

Настенька, наконецъ, угомонилась и, оставивъ мать въ покоѣ, схватила стоявшее на крыльцѣ ведро и стремглавъ бросилась съ нимъ къ водоему.

— Ишь, стрекоза какая, — съ неизяснимою нѣжностью прошептала Ирина Кузьминишна, скрываясь на кухню.

Почти вслѣдъ за ней прошелъ туда же, съ охабкой дровъ, Петя, а спустя минуту вернулась съ водой и Настенька. Всѣ приступили къ обыденной стряпнѣ, весело разговаривая. Петя проворно растопилъ плиту и принесъ съ ледника, изъ вновь раскупореннаго боченка, кусокъ сочной солонины. Настенька сбѣгала въ кладовую, откуда возвратилась съ горохомъ и тотчасъ же, тщательно вымывъ его, поставила варить въ ярко вычищенной кострюлѣ. Ирина Кузьминишна, въ это время,

успѣла приготовить все для варки солонины и, кромѣ того, уставила плиту, въ виду предстоявшей стирки, нѣсколькими котлами съ водой, принесенной проворнымъ Петей. Вообще, работа кипѣла на кухнѣ дружная и веселая. Каждый зналъ свое дѣло и выполнялъ его безъ суетни и охотно.

Справившись на кухнѣ, Петя отправился въ маячную башню, чтобы привести въ надлежащій порядокъ, за отсутствіемъ Хесто, лампы и отражательныя стекла маяка. Настенька продолжала помогать матери: разсортировала грязное бѣлье и аккуратно сложила его въ большіе котлы съ водой, для обычнаго кипяченія со скипидаромъ и сѣрымъ мыломъ, разрѣзаннымъ на мелкіе куски. Этому способу стирки научилъ женщинъ „Старый боцманъ", который въ каждую свою поѣздку на материкъ пріобрѣталъ тамъ нѣкоторыя, полезныя для хозяйства, свѣдѣнія и рецепты. Ирина Кузьминишна, благодарная за облегченіе работы, при каждой стиркѣ непремѣнно вспоминала мужа добрымъ словомъ и всегда повторяла свою неизмѣнную фразу:

— Молодецъ муженекъ, что такихъ славныхъ помощниковъ намъ добылъ. Прежде бывало, всѣ руки при стиркѣ изотрешь, а теперь эту работу скипидаръ съ мыломъ выполняютъ: всю грязь съѣдаютъ... Наше дѣло только выполоскать, да выгладить. Настенька столь же неизмѣнно соглашалась съ этимъ, энергично мѣшая и переворачивая въ котлахъ распаренное бѣлье. Паръ, пропитанный скипидарнымъ запахомъ, подымался изъ котловъ густыми клубами и осаживался на разгорѣвшемся лицѣ дѣвушки въ видѣ многочисленныхъ мелкихъ капель. Болѣе крупныя капли осажденнаго пара нависали въ ея пушистыхъ волосахъ, сверкая въ нихъ, точно алмазы. Бальзамическій запахъ скипидара наполнялъ всю кухню и густыми волнами выносился, черезъ раскрытыя настежь окна, на воздухъ, пропитывая его ароматомъ сосноваго лѣса, сильно пригрѣтаго лѣтнимъ солнцемъ. Настенькѣ чрезвычайно нравился этотъ ароматъ и она

постоянно нарочно выходила изъ дому, чтобы вдохнуть его полною грудью. При этомъ она вспоминала тѣ чудные, рѣдкіе дни, когда теплый бризъ доносилъ съ отдаленнаго материка подобный же бальзамическій ароматъ дремучихъ финляндскихъ лѣсовъ и наполнялъ все ея существо какимъ-то неизъяснимымъ, чисто физическимъ, наслажденіемъ...

Незатѣйливый обѣдъ поспѣлъ очень скоро, но Ирина Кузьминишна медлила подавать его, желая раньше справиться съ бѣльемъ, накопившимся за цѣлый почти мѣсяцъ, благодаря недавнимъ хлопотамъ съ больнымъ Джономъ. Прокипятивъ бѣлье еще разъ въ чистой водѣ, старушка позвала на помощь сына, все еще копошившагося на вершинѣ башни.

Петя не заставилъ ждать себя. Спустившись на кухню, онъ проворно вывалилъ дымящееся бѣлье изъ котловъ въ корзины и затѣмъ снесъ послѣднія, при энергичной помощи сестры, на берегъ бухты, для первоначальнаго полосканья въ морской водѣ. Оба хорошо знали цѣну прѣсной воды и желали сберечь ее на болѣе серьезныя нужды, особенно въ такое время года, когда нельзя было ждать, болѣе или менѣе, обильныхъ дождей, питающихъ маячное водохранилище. Всѣ справедливо находили, что, при настоящемъ запасѣ прѣсной воды, достаточно выполоскать бѣлье въ ней только въ послѣдній разъ, чтобы избавить его отъ частицъ морской соли, непозволяющей бѣлью просохнуть въ достаточной степени...

Покончивъ съ бѣльемъ, маячныя отшельницы съ особеннымъ удовольствіемъ сѣли за обѣденный столъ. Усиленный физическій трудъ вызвалъ превосходный аппетитъ, при которомъ даже неизмѣнные щи изъ солонины и свѣжая рыба казались превкусными...

Остатокъ дня, послѣ обѣда, прошелъ на островѣ въ обычной работѣ. Ирина Кузьминишна, приведя въ порядокъ кухню, сѣла за шитье. Петя отправился на рыбную ловлю, чтобы сдѣлать необходимый запасъ свѣжи-

ки на завтра, а Настенька усердно занялась вязаньемъ новой сѣти, съ цѣлью скоротать работой скучное время. Дѣвушка вязала и все думала о своемъ миломъ, ненаглядномъ женихѣ, мысленно слѣдя за каждымъ его шагомъ и движеніемъ.

XXXV.

„Старый боцманъ“ и Хесто возвратились съ материка черезъ три дня и привезли съ собой цѣлую кучу новостей. Яковъ Семеновичъ, любившій послѣдовательность, стойко выдержалъ первый натискъ обожаемой дочурки и на всѣ ея многочисленные, удивительно безпорядочные, распросы только добродушно отмахивался и приговаривалъ широко улыбаясь:

— Да потерпи, стрекоза, не юли; все узнаешь по порядку, а теперь помолчи немного.

Но Настенька не умолкала. Не добившись ничего отъ отца, она бросилась къ Хесто, и начала теребить его съ капризною шаловливостью:

— Разсказывай скорѣй, какъ вы дошли? Хороша ли была погода? Не случилось ли чего въ дорогѣ?

— Замолчи, безтолковая дочурка, и слушай, а то не стану разсказывать и ты ничего не узнаешь, потому что я запретилъ Хесто болтать,—рѣшительно объявилъ Яковъ Семеновичъ, опускаясь въ просторное кресло, любовно подставленное женой.

Угроза подѣйствовала. Настенька смолкла и съ разгорѣвшимися глазками приготовилась слушать разсказъ отца о послѣднемъ походѣ на материкъ или, вѣрнѣе сказать, о своемъ миломъ Колюшѣ, такъ какъ только что совершенное морское путешествіе интересовало ее исключительно въ той степени, въ какой оно было связано съ ея возлюбленнымъ женихомъ. Яковъ Семеновичъ, догадавшись о душевномъ настроеніи дочурки, ласково привлекъ ее къ себѣ на грудь и лаконически шепнулъ въ настороженное ухо:

— Кланяется тебѣ и крѣпко цѣлуетъ. Здоровъ совершенно... А вотъ тебѣ и писвмецо отъ него.

Съ послѣдними словами „Старый боцманъ“ передалъ Настенькѣ небольшой конвертъ, добытый изъ широкаго кармана кафтана. Дѣвушка съ удивительнымъ проворствомъ спрятала конвертъ и горячо поцѣловала отца. По ея вспыхнувшему лицу разлилась неудержимая радость. Она хотѣла тотчасъ же убѣжать въ свою комнату, чтобы какъ можно скорѣй познакомиться съ восхитительнымъ посланіемъ жениха, но Яковъ Семеновичъ съ благодушной улыбкой удержалъ ее за руку:

— Успѣешь прочитать. Ты хорошо знаешь, что я не люблю никакой суетни и твердо помню пословицу: поспѣшишь — людей насмѣшишь. Сядь же и выслушай меня.

Настенька покорно сѣла рядомъ съ отцомъ; трепещущая отъ сдерживаемаго волненія, она напоминала пойманную птичку, тщетно пытающуюся вырваться на воздушный просторъ къ чудному, лазоревому небу...

„Старый боцманъ“ громко откашлялся и, добывъ изъ другого кармана пачку смятыхъ конвертовъ, разныхъ величинъ, съ печатями и безъ печатей, весело заявилъ, обернувшись къ женѣ:

— Почту получилъ. Тутъ много новостей.

И Яковъ Семеновичъ звонко ударилъ по пачкѣ широкою ладонью.

Ирина Кузьминишна радостно встрепенулась: она хорошо знала, что почти съ каждой почтой приходили вѣсточки отъ сыновей, тянувшихъ тяжелую лямку на купеческихъ корабляхъ. Этихъ вѣсточекъ она всегда поджидала съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. Несмотря на продолжительную разлуку съ дѣтьми, она не переставала горячо интересоваться всѣми подробностями ихъ жизни. Эта многолѣтняя разлука нисколько не умалила беззавѣтной материнской любви. Ирина Кузьминишна твердо хранила въ своемъ сердцѣ живую память о незабвенныхъ сыновьяхъ, оставившихъ родную

скалу мальчиками и прожившихъ среди чужихъ людей уже около тридцати лѣтъ. Она не могла забыть этихъ дорогихъ, милыхъ мальчиковъ, вскормленныхъ ея собственнымъ молокомъ, всхоленныхъ въ суровой обстановкѣ орлинаго гнѣзда. Они стояли передъ нею точно живые, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ запечатлѣлись въ ея памяти въ послѣднюю тяжкую минуту разлуки. Ирина Кузьминишна воображала себѣ сыновей, приближавшихся уже къ сорокалѣтнему возрасту, все еще дѣтьми; частенько тосковала о нихъ въ ночной тиши и горячо молила Бога сохранить ихъ отъ всѣхъ мірскихъ соблазновъ и горестей. Живя впечатлѣніями отдаленныхъ воспоминаній, она все еще тревожилась за сыновей, точно они были неоперившіеся птенцы, нуждавшіеся въ материнскихъ заботахъ, уходѣ и совѣтахъ. Вотъ почему старушку особенно поразила первая новость, торжественно объявленная Яковомъ Семеновичемъ послѣ краткаго, довольно лукаваго, молчанія:

— Яша уже женился, а Коля собирается жениться и проситъ нашего благословенія. Вотъ и письма отъ нихъ.

И „Старый боцманъ" вторично хлопнулъ ладонью по пачкѣ конвертовъ, которую продолжалъ держать въ лѣвой рукѣ.

— Боже мой, какъ же это такъ случилось? — воскликнула съ радостнымъ недоумѣніемъ Ирина Кузьминишна, всплеснувъ руками.

Яковъ Семеновичъ разсмѣялся:

— Просто, милая женушка, случилось, очень просто — по нашему: задумали молодцы жениться — одинъ, не откладывая въ долгій ящикъ, женился по военному, разъ — два и готово, а другой женится зимою, по возвращеніи изъ плаванія... Читать писемъ ихъ не стану: сама послѣ прочтешь, а скажу тебѣ, дорогая женушка, вкратцѣ то, что Яша уже командуетъ отличнымъ компанейскимъ пароходомъ, а Леша состоитъ у него въ помощникахъ. Что касается Коли, то морская служба

ему надоѣла и онъ пристраивается къ выгодному береговому мѣсту... Словомъ, ура! Наши дѣтки на хорошей дорогѣ и въ родительскихъ заботахъ не нуждаются. Наконецъ-то дожили мы, милая женушка, до великихъ радостей!... Еще и еще разъ ура, ура, ура!!

„Старый боцманъ" воодушевился до неузнаваемости. Радость преобразила его. Онъ обнималъ жену, Настеньку, Петю, Хесто и настойчиво требовалъ, чтобы всѣ кричали вмѣстѣ съ нимъ ура. Долго сдерживаемый восторгъ вырвался у него кипучей волной и охватилъ всѣхъ маячныхъ отшельниковъ и отшельницъ. Даже угрюмый Хесто повеселѣлъ, глядя на окружающія оживленныя лица.

Добродушно выразивъ свою безграничную радость, Яковъ Семеновичъ усѣлся опять въ кресло и началъ знакомить всѣхъ съ остальными новостями:

— Яша живетъ отлично и на хорошемъ счету у компаньоновъ. Онъ получаетъ, на всемъ готовомъ, по сту рублей въ мѣсяцъ. Жена плаваетъ вмѣстѣ съ нимъ и не разлучается: на купеческихъ судахъ это разрѣшается...

При послѣднихъ словахъ „Старый боцманъ" сдѣлалъ едва замѣтную презрительную гримасу и вдругъ заговорилъ, послѣ короткаго перерыва, суровымъ тономъ морскаго волка:

— А я не разрѣшилъ бы такой глупой блажи, право, не разрѣшилъ бы... Женщина всегда приноситъ на суднѣ какое-нибудь несчастье. Заправскій морякъ не станетъ таскать на своемъ кораблѣ женщинъ, потому что въ морѣ онѣ все дѣло портятъ. Онѣ хороши только на берегу... Эхъ-хе-хе, не тѣ времена, какія раньше бывали. Нынѣшніе моряки — не моряки, а всего только морячишки — совершенно обабились. По моему такъ: хочешь плавать — плавай съ Богомъ, а остальное все брось, знай только одну свою службу; а захотѣлъ семьей обзавестись — сиди на берегу, мѣсто подходящее найди... Я въ свое время такъ сдѣлалъ, а потому Колю хвалю—

по моимъ стопамъ пошелъ, не хочетъ раздваиваться, парень. Молодецъ!

— Не осуждай Яшу, Яковъ Семенычъ, право, не осуждай, — заступилась Ирина Кузьминишна за первенца. — Грѣхъ, вѣдь, осуждать!..

— Ну, полно, милая женушка", — добродушно усмѣхнулся „Старый боцманъ". Развѣ я осуждаю? Не осуждаю я, а такъ къ слову пришлось — я и сказалъ, каковы прежніе моряки были... Яша, вѣдь, не маленькій: онъ самъ знаетъ, что дѣлаетъ и самъ отвѣтчикъ за всѣ свои дѣла... И съ чего ты взяла, что я осуждаю его? Сохрани меня, Господи, отъ такого грѣха! Вѣдь, я хорошо знаю, что человѣкъ человѣка осуждать не смѣетъ: это дѣло Божье; а мы, твари Всевышняго, должны только прощать людямъ всѣ ихъ вины, вольныя или невольныя... Такъ-то, милая женушка!

Ирина Кузьминишна благодарно взглянула на мужа. Ей вспомнился несчастный блудный сынъ Сеня, всѣ прегрѣшенія котораго она давно уже простила въ душѣ и только все опасалась, какъ бы отецъ не сталъ вспоминать о немъ лихомъ. Тревожныя опасенія оказались напрасными: она въ этомъ убѣдилась изъ послѣднихъ, особенно выразительныхъ, словъ мужа, и сердце ея наполнилось тихою, свѣтлою радостью, смягчившею тайную горечь ужасной, столь неожиданной, утраты.

— Такъ-то, милая женушка, — повторилъ „Старый боцманъ" и затѣмъ продолжалъ прежнимъ веселымъ тономъ, оглядывая всѣхъ радостными глазами:

— Наконецъ и на нашей улицѣ наступилъ праздникъ, да еще какой!.. Виданное ли это дѣло — четыре свадьбы почти заразъ!..

— Какія такія четыре ты насчиталъ? — удивленно спросила Ирина Кузьминишна, поглядывая на мужа широко раскрытыми глазами.

Настенька и Петя насторожились: внутреннее чувство подсказало имъ, что сейчасъ рѣчь зайдетъ о нихъ.

— Четыре и есть, дорогая женушка: не больше —

ни меньше... Считай по пальцамъ: Яшина свадьба — разъ, Колина — другая свадьба, Настенькина — третья и, наконецъ, Петина — четвертая, — весело отчеканилъ Яковъ Семеновичъ, загибая, послѣдовательно, пальцы лѣвой руки, начиная съ мизинца.

— Развѣ и Петю ты женишь теперь же!? — съ радостнымъ изумленіемъ вскричала Ирина Кузьминишна и любовно взглянула на сына, какъ бы говоря ему взоромъ: „Ну вотъ, милый, и твое желаніе, наконецъ, исполнилось"!..

— И Петю женю теперь же, — подтвердилъ „Старый боцманъ", по товарищески ударивъ сына по плечу. -Пора уже!.. Вишь, парень какой выросъ: косая сажень въ плечахъ. Двѣ свадьбы въ одинъ день съиграемъ: это будетъ дешевле, да и хлопотъ меньше... Завтра же махнемъ съ сынкомъ къ сосѣду, смотрителю Енскаго маяка: пускай на свою невѣсту посмотритъ... И понравится она ему, право понравится — головой ручаюсь. Славная, хорошая, красивая дѣвушка!.. Я уже давно держу ее для тебя, сынокъ, на примѣтѣ. Зовутъ ее Еленой. Она разъ видѣла тебя мелькомъ въ городѣ, года три тому назадъ, и ты ей понравился. Съ тѣхъ поръ въ мою голову и запала мысль женить васъ. Съ отцомъ Елены я уже своевременно перетолковалъ объ этомъ, а тебя не хотѣлъ пока смущать, потому что мѣста подходящаго въ виду у тебя еще не было... Ну, а теперь пора, теперь скоро и самъ съумѣешь семью прокормить.

— Развѣ я получу какое нибудь назначеніе? — съ радостнымъ любопытствомъ спросилъ Петя, пытливо посматривая на отца.

— Ты будешь назначенъ смотрителемъ Плонскаго маяка, вмѣсто заболѣвшаго и увольняемаго въ отставку Куликова. Приказъ о твоемъ назначеніи состоится въ новый годъ, такъ какъ Куликову необходимо пробыть на службѣ для полной пенсіи еще четыре мѣсяца, о чемъ меня и увѣдомляетъ начальство. Прочти вотъ эту

цидулю. И „Старый боцманъ“ торжественно протянулъ сыну большой, сѣрый конвертъ со сломанною казенною печатью.

— Вотъ неожиданная для меня радость! — прошепталъ Петя, развертывая трепетными руками полусѣрый листъ оффиціальной бумаги.

— „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!“ — благоговѣйно воскликнула Ирина Кузьминишна, истово крестясь. — Услышалъ, Господь, молитвы мои горячія!

— Ну, поздравляю тебя, Петя, отъ всей души поздравляю, — пылко проговорила Настенька, крѣпко цѣлуя брата. — Я чрезвычайно рада за тебя...

— Погоди дочурка, погоди не спѣши. Надо поздравить сынка, какъ слѣдуетъ, по морскому. Эй, милая женушка, подай-ка намъ живо наши завѣтные графинчики. Каждый долженъ, по случаю такихъ радостей, что нибудь пригубить, а я съ Хесто выпью англійскаго рому, — аппетитно причмокнулъ „Старый боцманъ“, хлопнувъ финна по плечу.

Хесто весело осклабился: ромъ, доставленный съ разбившагося Кляйда, сдѣлался любимѣйшимъ его напиткомъ и онъ не могъ равнодушно слышать о немъ. Проворная Ирина Кузьминишна удовлетворила желаніе мужа съ обыденною быстротою, чѣмъ доставила ему большое удовольствіе, которое онъ тотчасъ же и высказалъ:

— Молодецъ, женушка, любо-дорого глядѣть на тебя: въ твоихъ рукахъ всякое дѣло идетъ какъ по маслу...

— Ну, ну, чего хвалить-то понапрасну, — съ ласковымъ укоромъ проговорила старушка, зажимая мужу ладонью ротъ. — Не надо хвалить, а то испорчусь, пожалуй, съ забавнымъ комизмомъ прибавила она, шутливо грозя пальцемъ свободной руки.

— Не испортишься: ты у меня замариновалась до гробовой доски, — съ веселою увѣренностью возразилъ Яковъ Семеновичъ, разливая по рюмкамъ принесенные

напитки: женщинамъ—послабѣе, а себѣ съ Хесто—покрѣпче. Петю онъ присоединилъ къ женщинамъ, такъ какъ тотъ пилъ рѣдко и мало, несмотря на свои тридцать лѣтъ.

Разливъ вино, „Старый боцманъ“ откашлялся и повелъ такую рѣчь:

— Съ новаго года нашъ сынокъ станетъ такимъ же смотрителемъ, какъ и я. Смотрительствовать онъ будетъ по сосѣдству, въ какихъ нибудь тридтати морскихъ миляхъ: это, по нашему, рукой подать. Въ морѣ такія разстоянія все равно, что въ городѣ изъ одного квартала въ другой переѣхать. Такимъ образомъ, жить мы будемъ на глазахъ другъ у друга; повидаться всегда сможемъ—то онъ къ намъ, то мы къ нему. И маяки то наши въ виду одинъ другого... Славное житье!.. Ирина съ семьей, внуками и внучатами, всего въ сорока миляхъ къ востоку, а Петя будетъ въ тридцати миляхъ къ западу... Цѣлая колонія!.. Тутъ заживетъ Настенька съ мужемъ, а мы съ тобой, дорогая женушка, станемъ здѣсь свой вѣкъ коротать и на дѣтокъ, да на внучатъ радоваться. Заживемъ словно патріархи какіе! Право такъ! Сердца наши ликовать будутъ, на все глядучи, и совѣсть наша будетъ спокойна, что мы сдѣлали въ жизни все, что слѣдуетъ. Не даромъ прожили ее, право недаромъ, благодаря, конечно, Божьему милосердію и помощи. Никто не упрекнетъ насъ, что на этомъ голомъ камнѣ мы коптили небо. Нѣтъ, не коптили, а свято и честно выполняли свое маленькое житейское дѣло. Наша жизнь приближается къ концу и мы безъ страха ждемъ смерти, если Господу Богу угодно послать ее намъ. Да будетъ Его святая воля!.. Итакъ, дорогіе друзья мои, ты, дочурка, и ты, сынокъ, живите, какъ мы научили жить, и Богъ никогда не забудетъ васъ своими милостями, пошлетъ вамъ покойную и радостную жизнь... Пью за ваше будущее семейное счастье! „Ура“!!.—„Старый боцманъ“ говорилъ, постепенно воодушевляясь, а послѣднія слова произнесъ съ юношескимъ почти увлеченіемъ и пыломъ.

Настенька и Петя, донельзя растроганные, бросились къ отцу и начали, наперерывъ, горячо цѣловать его. Яковъ Семеновичъ крѣпко прижималъ дѣтей къ груди, одновременно обоихъ, при чемъ ласкалъ ихъ точно малютокъ. Глаза его были переполнены счастливыми, радостными слезами. Онъ чувствовалъ себя въ эту минуту на седьмомъ небѣ.

На такой же небесной высотѣ ощущала себя также Ирина Кузьминишна, когда молодые люди перешли отъ отца къ матери и, словно сговорившись, стали покрывать поцѣлуями ея упругія щеки и полную шею. Какъ Настенька, такъ и Петя желали, повидимому, излить свой восторгъ наивными, почти дѣтскими, ласками, трогательными по своей неподдѣльной искренности и задушевности. Въ сердечномъ порывѣ они забыли о своемъ возрастѣ и радовались съ восхитительною наивностью натуръ, не испорченныхъ и не исковерканныхъ лицемѣрнымъ городскимъ воспитаніемъ. Эта наивность достигла своего апогея, когда молодые люди вздумали наконецъ растормошить Хесто, не желавшаго выйти изъ своей обычной угрюмой сосредоточенности. Схвативъ финна за мозолистыя руки, Настенька — за правую, Петя — за лѣвую, они вытащили его изъ-за стола на середину комнаты и начали кружиться съ нимъ, при добродушномъ смѣхѣ стариковъ. Хесто слабо отбивался и упирался ногами въ полъ, больше изъ упрямства, чѣмъ, съ дѣйствительнымъ желаніемъ избавиться отъ назойливыхъ, великовозрастныхъ шелуновъ. Глаза его повеселѣли и разгорѣлись. По лицу разлилась волна благодушнаго настроенія. Спустя еще полъ минуты, онъ уже окончательно заразился общимъ радостнымъ возбужденіемъ, къ большому удовольствію всѣхъ, особенно Настеньки, неустанно твердившей при вознѣ:

— Смѣйся, Хесто; перестань хмуриться!.. Будь веселѣй! Смѣйся!..

И Хесто смѣялся вполнѣ искренно, повинуясь неотразимой волѣ дѣвушки. Онъ чувствовалъ себя счаст-

ливымъ при дружескихъ ласкахъ молодыхъ людей. Онъ инстинктивно сознавалъ всѣмъ своимъ обновленнымъ существомъ, что время его отчужденности и грустнаго одиночества миновало безвозвратно и безслѣдно.

XXXVI.

Наступила осень. Лѣтніе, теплые дни смѣнились холодными и бурными. Постоянно стоятъ свѣжія погоды, при пасмурномъ небѣ и туманномъ горизонтѣ. Осенніе, крѣпкіе вѣтра нерѣдко доходятъ до степени шторма, при чемъ почти всегда приносятъ съ собой пронизывающую сырость и стужу. Ясные дни стали рѣдкостью. Солнце показывается на короткое время только при своемъ восходѣ или закатѣ, и то не каждый день. Темно-грязныя, безформенныя облака застилаютъ сплошь весь небосклонъ, сливаясь въ одно нераздѣльное цѣлое съ свинцовыми волнами недовольнаго, сумрачнаго моря. Это море точно гнѣвается на слишкомъ раннюю осень и кипитъ злобою противъ дневнаго свѣтила, переставшаго пригрѣвать его съ прежнею лаской. Оно постоянно бурлитъ и пѣнится, стонетъ и злится. Его мятущаяся сѣдая поверхность угнетаетъ душу моряковъ и разстраиваетъ ихъ желѣзные нервы... Въ воздухѣ чувствуется приближеніе зимы. Начался осенній перелетъ птицъ. Безконечныя стаи утокъ, гусей, лебедей потянулись съ сѣвера на югъ, въ мѣста, гдѣ можно и въ зимнее время найти свободную, не скованную льдомъ, воду. Тучи всевозможной мелкой птицы стали проноситься черезъ заливъ въ теплыя страны, оглашая воздухъ тревожными, нетерпѣливыми криками. Бурное море точно пугало лѣсныхъ представителей пернатаго царства, рискнувшихъ на большой перелетъ черезъ невѣдомую стихію, коварную, капризную и вѣчно рокочущую. Она мчалась надъ водой съ какою-то пугливою торопливостью, безпорядочной шумливой массой, словно среди нихъ не было опытныхъ руководителей. Во всѣхъ дви-

женіяхъ лѣсныхъ птицъ замѣчалась страшная безтолковость. Они находились, почти постоянно, въ непонятномъ смятеніи. Дѣйствія ихъ отличались рѣзкою нелѣпостью, точно, очутившись въ иной обстановкѣ, они теряли свой природный инстинктъ и дѣлались игралищемъ окружающихъ случайностей. Лѣсныя перелетныя птицы представляли, вообще, удивительную аномалію, въ сравненіи съ водяными птицами. Въ это время, когда среди послѣднихъ царствовалъ всегда полный порядокъ и дисциплина, какое-то поразительное сознаніе каждаго своего движенія и дѣйствія, первыя совершали свой перелетъ черезъ заливъ въ странномъ очумѣломъ состояніи. Эта очумѣлость особенно рѣзко выдѣлялась въ ненастные, дождливые ночи. Не найдя себѣ, своевременно, удобнаго мѣста для ночлега, лѣсныя птицы продолжали свой перелетъ и съ наступленіемъ темноты, при чемъ теряли понятіе о разстояніяхъ и направленіяхъ. Завидя маячные огни, онѣ безтолково сворачивали съ настоящаго пути и, точно притягиваемыя магнетическими лучами этихъ огней, стремительно летѣли на маяки, съ полнаго полета ударялись о маячные чугунные фонари и падали мертвыми къ подножію башенъ...

Послѣ такихъ ночей, Настенька находила сотни мертвой птицы, преимущественно ласточекъ и дроздовъ. Ея сердце обливалось кровью при видѣ маленькихъ, изящныхъ труповъ, разбросанныхъ вокругъ маячной башни въ печальномъ безпорядкѣ, съ разбитыми головами и грудью, съ поломанными крыльями и ногами. Со слезами на глазахъ, она собирала убившихся птицъ въ большую корзину, при чемъ съ болѣзненнымъ вниманіемъ осматривала каждую жертву своей неосторожности, въ надеждѣ найти въ ней какой либо признакъ неугасшей еще жизни. Но надежды эти были напрасны. Еще ни разу Настенькѣ не удавалось поднять полуживую птицу, а между тѣмъ ей такъ хотѣлось быть сестрой милосердія пернатыхъ друзей, постоянно развлекавшихъ ее при своихъ весеннихъ и осеннихъ перелетахъ. Она жа-

ждала возвратить къ жизни всѣхъ убившихся птицъ, но, чувствуя свою немощь выполнить это чудо, старалась устроить имъ хотя приличныя похороны. Это было трудно, почти невозможно при скалистой формаціи родного острова, но Настенька не смущалась кажущеюся невозможностью. Безъ посторонней помощи, она уносила корзину съ мертвыми птицами на мысъ, выворачивала, послѣ значительныхъ нерѣдко усилій, подходящій камень изъ морскаго дна, аккуратно складывала въ образовавшуюся могилу своихъ погибшихъ друзей и затѣмъ наваливала тотъ же камень сверху, въ видѣ надгробнаго памятника. Подобныхъ памятниковъ было на мысу уже не мало, и съ каждымъ годомъ они все прибавлялись и прибавлялись. Настенька и въ этомъ случаѣ была постоянна и энергична. Она еще ни разу не оставила безъ погребенія ни одной убившейся птицы. При этомъ она настойчиво и твердо требовала, чтобы никто изъ маячныхъ обитателей не воспользовался несчастными случаями для удовлетворенія своего аппетита. Дрозды, напримѣръ, представляли очень лакомое блюдо для отшельниковъ, сидѣвшихъ круглый годъ на рыбѣ, солонинѣ и кислой капустѣ, очень могли-бы скрасить ихъ скудную трапезу, но Настенька рѣшительно не позволяла употреблять убившихся дроздовъ въ пищу, находя это гадкимъ и отвратительнымъ. И всѣ безпрекословно подчинялись ея трогательному капризу...

Послѣдняя ненастная ночь оказалась особенно гибельной для перелетной птицы. Съ разсвѣтомъ, Настенька собрала по счету шестьсотъ двадцать дроздовъ, триста ласточекъ и болѣе двухъ сотъ штукъ разной мелкой птицы. Она чуть не рыдала, складывая въ корзину трупики пернатыхъ друзей, тщательно собранные не только вокругъ башни, но также и на вершинѣ маяка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ убившаяся птица лежала грудами. Особенно много было ее у самаго фонаря. Нѣкоторые дрозды были еще теплы, и Настенька пыталась возвратить ихъ къ жизни, но тщетно. Эта неудача оконча-

тельно разстроила дѣвушку и она вдругъ неожиданно залилась горькими, неудержимыми слезами. Склонившись надъ корзиной съ убившимися птицами, Настенька плакала, словно ребенокъ, закрывъ лицо обѣими руками и нервно подергивая полными плечами...

„Старый боцманъ", напившись чаю, вышелъ на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ. Увидя плачущую дочь, онъ положительно обомлѣлъ, не зная истинной причины ея горести.

— Что съ тобой, дочурка? спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Настенька молча указала на корзину съ мертвой птицей.

— Ахъ, только то, съ облегченнымъ вздохомъ пробормоталъ Яковъ Семеновичъ.

Настенька возмутилась:

— Какъ только, папочка!?. Развѣ для тебя этого мало!?.. Посмотри: полная корзина....

— Перестань, дочурка. Глупая птица не стоитъ твоихъ слезъ. Сама она виновата: зачѣмъ лѣзла на огонь? — рѣзонно замѣтилъ Яковъ Семеновичъ. „Похорони ее по прежнему, и дѣло въ шляпѣ", прибавилъ онъ, послѣ короткаго раздумья, довольно безучастнымъ тономъ. Нервы его были уже достаточно закалены подобной ужасной картиной истребленія перелетной птицы.

Жестокія слова отца разстроили дѣвушку еще больше, а безучастный его тонъ задѣлъ за живое. Не возбудивъ сочувствія къ своему горю, она ощутила въ сердцѣ какую-то временную досаду, смѣшанную съ невыразимою печалью. Она начала плакать еще сильнѣе и сквозь слезы сокрушенно шептать:

— Всѣ бѣдненькія, мертвыя—хоть бы одна живая!.. И это постоянно.

„Старый боцманъ" поспѣшилъ утѣшить дочь, загадочно проговоривъ:

— Не плачь, дочурка, скоро этого у насъ не будетъ.

Настенька подняла заплаканное лицо. Въ ея увлажненныхъ глазахъ засвѣтилось любопытство.

— Почему не будетъ?

— Ишь, любопытныя какая!—Сейчасъ насторожилась: почему, да отчего? усмѣхнулся Яковъ Семеновичъ, лукаво поглядывая на дѣвушку. Та нетерпѣливо повела плечемъ.

— Да скажи-жъ, папочка, скорѣй, не томи меня!

Ну, ну, дочурка не сердись, добродушно молвилъ „Старый боцманъ", любовно поглаживая дочь по пышнымъ волосамъ и затѣмъ прибавилъ дѣловымъ тономъ:

— Я тебѣ еще не сказалъ, что съ послѣдней почтой получилъ отъ своего начальства увѣдомленіе о скорой передѣлкѣ нашего маяка: хотятъ поставить фонарь съ проблесками, вмѣсто теперешняго постояннаго огня.

— Ну, такъ что же будетъ изъ этого? съ недоумѣніемъ произнесла Настенька, не спуская глазъ съ отца.

— А будетъ то, дочурка, что ты перестанешь плакать по убившейся птицѣ, перешелъ опять Яковъ Семеновичъ на добродушный тонъ. „Послѣ передѣлки маяка этого не будетъ"....

И онъ указалъ на корзину съ птичьими трупами. Потомъ продолжалъ:

— Да, не будетъ, потому что птица никогда не полетитъ на маячный огонь съ проблесками: ее тянутъ къ себѣ только лучи постояннаго огня... Такъ-то!

— Ахъ, Господи, какъ я буду рада! воскликнула Настенька, повеселѣвъ.

— То-то рада, усмѣхнулся смотритель и затѣмъ добавилъ, ущипнувъ дѣвушку за щеку: А какъ, небось, возрадуешься ты, когда вернется твой женишокъ?

— Еще бы! произнесла дѣвушка, вся вспыхнувъ. А скоро ли онъ вернется? спросила она, глубоко вздохнувъ.

— Скоро, скоро успокоительно молвилъ „Старый боцманъ". — Черезъ недѣлю придетъ къ намъ шкуна „Наяда" съ зимними запасами и на ней вернется онъ непремѣнно: мы такъ уговорились....

Яковъ Семеновичъ довольно точно опредѣлилъ время

прибытія къ острову военнаго судна съ запасами на долгую, суровую зиму. Первую вѣсть о немъ принесъ, рано утромъ, Хесто, видимо желавшій обрадовать Настеньку, давно уже поджидавшую обѣщанную шкуну. Это было на десятые сутки послѣ описаннаго случая съ перелетными птицами. Стоялъ настоящій осенній день: холодный, сырой и вѣтряный. Пасмурное небо, казалось, плакало по солнцу, которое упорно пряталось за темно-грязными тучами уже пять сутокъ подрядъ....

Хесто, увидя на горизонтѣ ожидаемое судно, на время забылъ свою неповоротливость и сбѣжалъ съ вершины маяка съ изумительнымъ для него проворствомъ. Какъ бомба влетѣлъ онъ въ столовую, гдѣ сидѣла у окна Настенька, не спускавшая глазъ съ унылаго, сѣраго моря, и возбужденно пробормоталъ слегка задыхающимся голосомъ:

— Шкунъ виденъ... Тамъ!

И онъ энергично ткнулъ корявымъ пальцемъ въ мглистый горизонтъ.

Радостная вѣсть произвела на дѣвушку неотразимое впечатлѣніе. Она вскочила со стула, точно подброшенная, вдругъ развернувшеюся, могучею, пружиною, и вытянувшись во весь ростъ, жадно стала глядѣть по указанному направленію. Она дрожала, словно въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Сердце ея хотѣло выскочить изъ груди, и она сдерживала его біеніе обѣими руками. Она задыхалась. Лицо ея то пылало, то блѣднѣло. Глаза метали искры...

Настенька пробыла въ подобномъ нервномъ напряженіи довольно долго, тщетно стараясь что либо разглядѣть на горизонтѣ. Хесто молча наблюдалъ. Но вотъ дѣвушка оторвала свой взоръ отъ моря и, полуобернувшись къ финну, прошептала разочарованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались едва сдерживаемые слезы:

— Я ничего не вижу, Хесто.

— Нада на башня ходить, лаконически надоумилъ финнъ Настеньку.

Едва онъ успѣлъ проговорить это, дѣвушка стрем-

главъ выскочила изъ комнаты и, почти въ одинъ моментъ, взбѣжала на вершину маяка, оставивъ далеко позади себя Хесто, а также и другихъ маячныхъ отшельниковъ, всполошившихся, въ свою очередь, по случаю появленія шкуны...

Поднявшись къ фонарю, Настенька тотчасъ же разглядѣла небольшую военную шкуну, которая шла подъ парами, держа прямо на островъ. Она отчетливо разсмотрѣла хорошо знакомый корпусъ, изящный, прекрасно выправленный, рангоутъ и бѣлую трубу. Не было никакого сомнѣнія, что къ острову шла именно „Наяда", совершающая свой обычный осенній рейсъ по маякамъ, съ цѣлью ихъ снабженія всѣми необходимыми матеріалами и провизіей. Съ каждой минутой, шкуна подходила все ближе и ближе. Маячные отшельники слѣдили за нею съ напряженнымъ вниманіемъ. Настенька не отрывала праваго глаза отъ подзорной трубы, стараясь разглядѣть, гдѣ-нибудь, знакомую фигуру Вольскаго. Она осматривала шкуну вдоль и поперекъ, не пропуская ни одного видимаго пункта. Она нетерпѣливо водила трубой съ носа до кормы и обратно, зорко всматривалась въ людей, виднѣвшихся въ разныхъ мѣстахъ палубы, на полубакѣ и мостикѣ.

Судно уже подошло настолько близко, что Хесто сталъ разглядывать отдѣльныя фигуры простымъ глазомъ, но Настенька все еще не могла увидѣть того, кого такъ жаждало видѣть ея трепетавшее сердце. Дѣвушка начала волноваться и тревожиться. Съ каждой секундой тревога все росла и росла. Мучительное сомнѣніе стало быстро охватывать все ея существо. Невѣдомое внутреннее чувство подсказывало ей, что на шкунѣ нѣтъ Вольскаго: иначе она увидѣла бы его. Онъ непремѣнно стоялъ бы на виду: это такъ естественно...

— Онъ не пріѣхалъ, нѣтъ, не пріѣхалъ, — мучительно думала Настенька съ лихорадочною дрожью во всемъ тѣлѣ.—Но почему, почему?—старалась она выяснить себѣ причину ужаснаго факта.

Вначалѣ дѣвушка сдерживалась, старалась скрыть свою душевную тревогу отъ окружающихъ, но, наконецъ, ей сдѣлалось такъ тяжело, что изъ ея сдавленной груди вдругъ вырвался невольный страдальческій крикъ:

— Боже мой, онъ не пріѣхалъ... Не пріѣхалъ!

И она залилась неудержимыми слезами.

Старики начали утѣшать и урезонивать, доказывая противное.

— Не пріѣхалъ, не пріѣхалъ, — твердила рыдающимъ голосомъ Настенька, безпомощно опускаясь на колѣна и упираясь горячимъ лбомъ о желѣзную рѣшетку фонаря. Подзорная труба выскользнула изъ ея ослабѣвшихъ рукъ. Хесто поднялъ трубу и началъ разглядывать, въ свою очередь, шкуну, уже входившую въ маячную бухту.

— Никола тама нѣту, — проворчалъ онъ спустя минуту и грустно уставился на плачущую дѣвушку.

— И ты затвердилъ то же самое, — разсердился сильно встревоженный „Старый боцманъ". — Зачѣмъ каркаешь? Поѣдемъ лучше на шкуну: надо мнѣ явиться къ командиру... А вы поглядите за дочуркой, — обратился онъ къ женѣ и сыну, торопливо сбѣгая внизъ.

Была уже пора. Шкуна, ставъ на якорь, медленно заворачивала по вѣтру, кормой къ берегу.

Настенька продолжала плакать, прильнувъ къ материнской груди. Ирина Кузьминишна горестно качала головой, обхвативъ дочь съ невыразимою нѣжностью обѣими руками. Она не утѣшала больше, потому что не находила подходящихъ словъ для утѣшенія. Она только болѣла душой и страдала, съ трудомъ сдерживая слезы, назойливо подступавшія къ глазамъ. Она бодрилась, чтобы этою мужественною бодростью подкрѣпить дочь. Она не смѣла плакать, а между тѣмъ ей такъ страстно хотѣлось смѣшать свои слезы съ слезами дочери...

XXXVII.

„Старый боцманъ“ вернулся со шкуны только черезъ часъ, когда кончилъ пріемку доставленныхъ матеріаловъ и провизіи, вернулся угрюмый и сумрачный. Петя встрѣтилъ отца на пристани.

— Дочурка права: его нѣтъ на шкунѣ,—проворчалъ Яковъ Семеновичъ, какъ только онъ подошелъ на финкѣ къ пристани. Затѣмъ спросилъ:

— Все еще плачетъ?

— Нѣтъ, перестала; сидитъ у себя въ комнатѣ, грустная и задумчивая,—коротко доложилъ Петя, привыкшій къ лаконизму отца, не любившаго многословія въ скверныя минуты жизни.

— А мать гдѣ?

— Съ Настенькой.

— Письма даже нѣтъ,—какъ бы про себя буркнулъ „Старый боцманъ“, подымаясь къ дому.

— Не заболѣлъ ли онъ? -предположилъ Петя.

— Все таки могъ бы написать два слова, резонно замѣтилъ Яковъ Семеновичъ, сердито хмуря густыя брови.

Остальную дорогу оба не проронили ни слова. Взойдя на крыльцо, „Старый боцманъ“ оглянулся на бухту. Шкуна уже снялась съ якоря и медленно выползала на просторъ, слегка покачиваясь на крутыхъ волнахъ. Изъ ея трубы валилъ густой, черный дымъ, растилавшійся по вѣтру въ видѣ длинной ленты съ растрепанными коймами. Чѣмъ дальше уходила шкуна отъ острова, тѣмъ длиннѣе становилась эта безобразная лента, внѣшній конецъ которой постепенно ширился и рѣдѣлъ до едва замѣтнаго грязнаго пятна, сливавшагося съ подобными ему тучами. Эта дымная полоса, охватившая почти полъ-неба, сосредоточила, почему-то, на себѣ все вниманіе „Стараго боцмана“, медлившаго войти въ комнаты. Онъ слѣдилъ за нею со страннымъ видомъ празднаго человѣка, не имѣющаго другого дѣла. Онъ гля-

дѣлъ, не отрываясь, какъ дымъ медленно расползался по пасмурному небосклону и какъ постепенно таялъ на самомъ горизонтѣ. Эта картина, какъ будто, занимала его...

Петя, между тѣмъ, вернулся на пристань и началъ, вмѣстѣ съ Хесто, выгружать изъ финки матеріалы и провизію, доставленные шкуной. Работа кипѣла въ ихъ сильныхъ, привычныхъ рукахъ. Сложивъ матеріалы въ нижній этажъ маячной башни, они начали таскать къ дому и къ леднику: боченки съ солониной, масломъ и кислой капустой, мѣшки съ сухарями, гречневой крупой и горохомъ. Особенно бережно пронесли они въ домъ небольшіе боченки съ водкой и уксусомъ, затѣмъ нѣсколько головъ сахару, пачки чаю, табаку и сухой зелени... Словомъ, весь незатѣйливый запасъ, разсчитанный на всю зиму.

Шкуна къ этому времени уже скрылась среди осенней мглы; но „Старый боцманъ" продолжалъ стоять на крыльцѣ въ прежней сосредоточенной раздумчивости. Изрѣдка онъ поглядывалъ на работавшихъ молодыхъ людей, точно провѣряя: то ли они дѣлаютъ? Иногда онъ прислушивался, что дѣлается въ домѣ, но тамъ царствовала могильная тишина. Эта тишина производила на него угнетающее впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что въ комнатахъ господствуютъ горесть и уныніе. У него не хватало духа взглянуть на печальную дочурку, разочаровавшуюся въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ не желалъ съиграть роль скорбнаго вѣстника. Онъ страшился какихъ-либо распросовъ, такъ какъ у него не было отвѣтовъ на нихъ. Онъ самъ находился въ полномъ недоумѣніи и терялся во всевозможныхъ догадкахъ. Онъ ощущалъ, что почва, какъ будто, колеблется подъ нимъ. Онъ не зналъ, что предпринять дальше и какъ утишить скорбь дочурки. Вначалѣ у него явилась мысль сбѣгать на финкѣ на материкъ и произвести тамъ необходимыя развѣдки объ участи Вольскаго; но, по зрѣломъ обсужденіи, онъ на-

шелъ эту мысль нелѣпою, въ виду поздней осени, когда каждый день можно было ожидать наступленія морозовъ. Онъ по горькому опыту зналъ, какъ рискованно очутиться въ морѣ въ зимнюю пору и при томъ на утлой ладьѣ. Однажды, еще въ молодости, онъ едва не погибъ, застигнутый морозами на возвратномъ пути съ материка. Желая непремѣнно вернуться на маякъ, чтобы избавить жену отъ мучительной тревоги, „Старый боцманъ" рѣшился выйти въ море при довольно сильномъ морозѣ. Узкія мѣста финляндскихъ шхеръ уже затянулись крѣпкимъ льдомъ, черезъ который пришлось пробиваться съ величайшимъ трудомъ и рискомъ. Деревянная обшивка финки совершенно измочалилась. Каждую минуту можно было ожидать, что острые края зимняго льда разрѣжутъ истончившіяся доски, словно стальнымъ ножемъ, и финка затонетъ, гдѣ-нибудь, въ безлюдномъ мѣстѣ, безъ всякой надежды на человѣческую помощь... Послѣ неимовѣрныхъ усилій, „Старый боцманъ" выбрался, наконецъ, на свободную воду, но тутъ бѣда пришла съ другой стороны: финка начала обмерзать. Водяныя брызги, попадая на паруса и снасти, покрывали ихъ ледяной броней, постепенно утолщавшеюся. Подобная же броня быстро наростала на всемъ корпусѣ финки, которая все тяжелѣла и тяжелѣла, словно наливаемая свинцомъ. Съ каждымъ часомъ положеніе „Стараго боцмана" становилось безвыходнѣе и ужаснѣе. Смертельная опасность казалась неотвратимой; но благодаря Божьей помощи, все кончилось благополучно. Неожиданно задулъ южный вѣтеръ, принесшій съ собой временное тепло. Выглянуло солнышко и любовно пригрѣло обледенѣвшую финку. Страшная броня постепенно стаяла, и опасность миновала... Вспомнивъ все это, „Старый боцманъ благоразумно отказался отъ мысли повторить подобное путешествіе, не обѣщавшее при томъ какого-либо точнаго результата... Гдѣ искать Вольскаго? Можетъ быть, онъ еще въ столицѣ и хлопочетъ о необходимыхъ документахъ? Мало ли какія могутъ быть не-

ожиданныя препятствія?.. Все возможно. Но почему Вольскій не извѣстилъ письмомъ о неотвратимыхъ задержкахъ? Этотъ вопросъ особенно смущалъ „Стараго боцмана". Стоя на крыльцѣ, онъ угрюмо думалъ:

Могъ бы, кажись, написать два слова и насъ отъ тревоги избавить... Дочурку жаль, ахъ, какъ жаль: прождала больше мѣсяца и вдругъ на тебѣ—не пріѣхалъ. Затаскуетъ, бѣдняжка, а вѣдь, никакъ не урезонишь ее... Эхъ ма! Да и я тоже хорошъ, преждевременно ликовать сталъ... Совсѣмъ изъ ума выжилъ и забылъ, что надъ нами иная власть есть. Да-съ!.. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! И вдругъ, такую мудрую пословицу изъ виду упустилъ... Ахъ я дурень! — выругалъ себя Яковъ Семеновичъ и, какъ бы въ наказаніе, сталъ теребить свою сѣдую бороду...

Между тѣмъ, Петя и Хесто кончили выгрузку провизіи и убрали фишку. Хесто побрелъ въ свою башню, а Петя направился къ дому. „Старому боцману" показалось уже неловкимъ оставаться на крыльцѣ безъ всякаго видимаго дѣла, и онъ, поневолѣ, пошелъ въ комнаты. Настенька встрѣтила отца вопросомъ, полнымъ невырозимой грусти:

— Даже письма нѣтъ?

Яковъ Семеновичъ ждалъ этого вопроса со щемящимъ сердцемъ. Онъ чувствовалъ въ немъ печальный упрекъ и затаенныя слезы. Въ первый моментъ онъ не зналъ, что отвѣтить на него. Сказать голую правду у старика не хватало духу, а соврать онъ не умѣлъ; но слѣдующій Настенькинъ вопросъ неожиданно вывелъ его изъ затруднительнаго положенія. Второй вопросъ былъ заданъ почти вслѣдъ за первымъ; въ немъ слышалась скрытая надежда.

— Можетъ быть, „Наяда" не заходила въ Ловизу?—тихо спросила дѣвушка, устремляя на отца заплаканные глаза.

„Стараго боцмана" осѣнила счастливая мысль. Шкуна „Наяда" заходила въ Ловизу; но, въ утѣшеніе дочурки, онъ рѣшился на невинную ложь.

— Въ томъ-то и дѣло, голубка моя, что „Наяда“ не успѣла зайти въ Ловизу, и наша почта лежитъ тамъ,— отвѣтилъ Яковъ Семеновичъ напускнымъ, досадливымъ тономъ. Потомъ прибавилъ въ видѣ возможнаго предположенія:

— И женихъ твой навѣрное тамъ: сидитъ и ждетъ у моря погоды... Мы такъ разсчитывали на „Наяду“...

— Въ такомъ случаѣ, папочка, надо съѣздить за нимъ на нашей шлюпкѣ,—перебила Настенька съ оживившеюся надеждою. Лицо ея запылало; глаза разгорѣлись.

„Старый боцманъ“ сомнительно покачалъ головой:

— Нельзя, дочурка.

— Почему? — упавшимъ голосомъ прошептала дѣвушка, сразу поблѣднѣвъ.

— Поздно уже... Вѣдь теперь конецъ октября... Съ часу на часъ могутъ ударить морозы... Наши разсчеты не оправдались. Мы думали, что „Наяда“ придетъ сюда двумя недѣлями раньше, а она пришла передъ самыми заморозками. Вотъ оно что, дочурка!..

Настенька слушала отца съ затаеннымъ дыханіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не съ прежнимъ угнетеннымъ видомъ. Въ ея сердцѣ опять затеплилась сладостная надежда. Душа ея просвѣтлѣла. Слѣдующія отцовскія слова еще больше успокоили ее.

— Черезъ мѣсяцъ, пожалуй, заливъ замерзнетъ и возстановится безопасное сообщеніе съ материкомъ... Не долго ждать, дочурка. Терпѣла полтора мѣсяца — потерпи еще не много... А весной свадьбу справимъ! — закончилъ „Старый боцманъ“ увѣреннымъ тономъ, хотя въ душѣ онъ сознавалъ нѣкоторую сомнительность по поводу такой быстрой свадьбы...

Настенька вняла отцовскимъ словамъ и начала терпѣливо ждать заморозковъ, ставшихъ теперь желанными. Каждое утро, она первая выбѣгала на крыльцо и жадно глядѣла на море: не покажется ли гдѣ первый ледъ? Уже спустя недѣлю сдѣлалось такъ холодно, что маяч-

ные отшельники принуждены были облачиться въ зимнее платье. Термометръ показывалъ—10°R. Такіе морозы упорно держались въ теченіи десяти дней; но море все еще бурлило и кипѣло, какъ бы протестуя противъ жестокихъ усилій наступившей зимы связать его волюшку ледяными оковами. Отяжелѣвшія, сгустившіяся волны съ какимъ то озлобленіемъ клокотали среди камней „Могилы лайбъ", постепенно превращая ихъ въ безобразныя ледяныя глыбы. Одновременно, вода намерзала, при каждомъ ударѣ валовъ, вокругъ крутого берега острова. Черезъ недѣлю островъ сталъ походить на созданіе полярной природы—гигантскую льдину, застрявшую на отмели...

Настенька слѣдила за всѣми усиліями зимы съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ. При каждомъ подъемѣ ртути въ термометрѣ она чуть не плакала. Она жаждала самыхъ жестокихъ, небывалыхъ морозовъ и трепетала при каждомъ дуновеніи вѣтра отъ запада, справедливо опасаясь, что западный вѣтеръ принесетъ съ собой столь нежелательную оттепель. Въ морозѣ она видѣла свою жизнь, а въ оттепели—смерть. Только однажды термометръ поднялся до нуля и простоялъ въ такомъ неопредѣленномъ положеніи три дня, а Настенька едва не свела всѣхъ съ ума своими горячими слезами и горестными жалобами на природу. Эти три дня она почти не спала и ничего не ѣла. Она совершенно расхворалась, словно Снѣгурочка подъ теплыми лучами весенняго солнца...

Но вотъ термометръ вновь упалъ до—8°R, и Настенька разомъ повеселѣла и поправилась. Явилось хорошее расположеніе духа, а вмѣстѣ съ нимъ и аппетитъ...

XXXVIII.

Хесто слѣдилъ за появленіемъ льда почти съ тѣмъ же нетерпѣніемъ. Онъ не могъ видѣть тоски Настеньки и готовъ былъ снять съ неба звѣзды, чтобы только раз-

веселить ее. Не выпуская изъ рукъ подзорной трубы, онъ чуть ли не цѣлыми днями просиживалъ на вершинѣ башни, внимательно наблюдая за моремъ. Особенно сосредоточенно смотрѣлъ онъ на восточную часть горизонта, откуда, по его мнѣнію, долженъ былъ показаться первый ледъ. Мнѣніе это, основанное на примѣрахъ прежнихъ лѣтъ, оказалось вѣрнымъ. Хесто не ошибся...

Перваго декабря задулъ свѣжій восточный вѣтеръ, при совершенно ясномъ небѣ, и продолжалъ дуть непрерывно въ теченіи трехъ сутокъ. Стужа усилилась, къ большой радости Настеньки, наблюдавшей за термометромъ съ величайшимъ интересомъ. На третій день ртуть упала до—15°R; но море продолжало еще катить свои свинцовыя волны, какъ бы надсмѣхаясь надъ суровыми усиліями мороза...

Хесто былъ на вершинѣ маяка. Закутанный въ казенный постовый тулупъ, онъ пристально глядѣлъ противъ вѣтра, рѣзавшаго его открытое лицо, точно ножемъ. Взоръ его былъ устремленъ на горизонтъ, изъ-за котораго медленно выплывала громадная льдина, засверкавшая на солнце своимъ снѣжнымъ покровомъ... Хесто обрадовался этой льдинѣ, какъ малый ребенокъ. Не желая терять время на спускъ съ башни въ тяжеломъ тулупѣ, онъ перегнулся черезъ перила и закричалъ на весь островъ зычнымъ голосомъ, способнымъ разбудить покойниковъ:

— Настася, Настася, леда идетъ!

Дѣвушка тотчасъ же услыхала этотъ богатырскій крикъ, выскочила на крыльцо и благодарно закивала Хесто головой. Финнъ благодушно улыбался, тая отъ восторга. Онъ получилъ свою награду за многодневную бдительность и былъ вполнѣ доволенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пришелъ къ справедливому заключенію, что задачу свою выполнилъ добросовѣстно и теперь можетъ погрѣться въ тепломъ помѣщеніи. Взглянувъ еще разъ на льдину, сверкавшую всѣми цвѣтами радуги, онъ спустился въ

свою каморку и съ удовольствіемъ растянулся на кровати. Онъ впадалъ въ кейфъ человѣка, достаточно потрудившагося. Этотъ кейфъ сдѣлался особенно сладкимъ, когда Петя принесъ ему бутылку рому, пожалованную „Старымъ боцманомъ", по просьбѣ Настеньки, за усердную службу...

Между тѣмъ льдина, подгоняемая свѣжимъ вѣтромъ, все приближалась и приближалась. Размѣры ея постепенно увеличивались. Она тянулась по горизонту по крайней мѣрѣ на четверть версты. Ширину трудно было опредѣлить за отдаленностью. Впрочемъ, никто изъ маячныхъ отшельниковъ и не стремился узнать настоящую величину льдины. Для всѣхъ было достаточно, что съ востока приближается первая предвѣстница скораго прекращенія навигаціи вокругъ острова. Даже Настенька, удовлетворенная въ своихъ ожиданіяхъ, не слишкомъ интересовалась дальнѣйшимъ движеніемъ льдины. Она твердо знала, что съ заходомъ солнца льдина будетъ не далѣе, какъ въ двухъ-трехъ миляхъ отъ маяка, а на утро слѣдующаго дня она приткнется къ острову или же ее пронесетъ дальше въ море. Она достаточно освоилась съ движеніемъ льдовъ, чтобы разсуждать о немъ болѣе или менѣе безошибочно... Дѣвушку занимала уже не льдина, а мысль о томъ, какъ скоро теперь вся окружающая поверхность моря покроется сплошнымъ льдомъ и когда, наконецъ, приблизится моментъ безопаснаго сообщенія съ материкомъ...

Въ тотъ же день, около девяти часовъ вечера, всѣ маячные отшельники собрались, по обыкновенію, въ столовой, для ужина. Настенька, находясь въ радостномъ возбужденіи, весело болтала о скоромъ прекращеніи навигаціи, о поѣздкѣ на материкъ за женихомъ и близкомъ свиданіи съ нимъ. Она была охвачена массой радужныхъ надеждъ. Душевная тревога улеглась и уступила мѣсто трепетному ожиданію счастливаго дня.

Старики, обрадованные хорошимъ настроеніемъ дочери, поддакивали ей, на сколько умѣли, любовно согла-

шались съ каждою ея мыслью и съ каждымъ выводомъ, иногда очень смѣлыми и преждевременными. Они начали смотрѣть на все сквозь розовыя очки, надѣтыя властной рукой Настеньки. Препятствій для нихъ уже не существовало. Они вполнѣ искренно были убѣждены, что все свершится именно такъ, какъ желала обожаемая дочурка. Даже „Старый боцманъ", еще недавно терзавшійся сомнѣніями по случаю страннаго молчанія Вольскаго, сталъ относиться къ этому молчанію болѣе снисходительно, началъ подыскивать въ умѣ всевозможныя причины, безусловно оправдывающія молодого человѣка. Яковъ Семеновичъ винилъ почту, всегда отличавшуюся, будто бы, неисправностью, подозрѣвалъ какую либо неаккуратность со стороны служащихъ на шкунѣ „Наяда", предполагалъ вину во всѣхъ, но только не въ Вольскомъ. „Старый боцманъ" не сомнѣвался въ своемъ будущемъ затѣ, считалъ его теперь непогрѣшимымъ. Въ немъ окрѣпла увѣренность въ благополучномъ исходѣ всѣхъ треволненій, вызванныхъ не прибытіемъ въ срокъ Вольскаго. Онъ сталъ находить, что дочурка права, постоянно упоминая о Божественномъ промыслѣ, спасшемъ Вольскаго ради нея.

Дѣйствительно, Настенька не разъ твердила съ вдохновенною настойчивостью:

— Жениха далъ мнѣ Богъ и только Онъ одинъ можетъ отнять его у меня!... Эта твердая вѣра въ Божественное провидѣніе укрѣпляла дѣвушку, возвращала ей, послѣ кратковременной душевной слабости, всѣ надежды, вселяла новыя силы для терпѣливаго ожиданія и осуществленія тайныхъ желаній...

Маячные отшельники, кончивъ ужинать, начали расходиться. Настенька въ послѣдній разъ взглянула черезъ окно на море и вдругъ ея взоръ былъ привлеченъ какимъ то колеблющимся пламенемъ, рѣзко выдѣлявшимся среди ночного мрака.

— Что это такое? съ удивленіемъ воскликнула она, указывая на пламя.

— Кажется, костеръ, — промолвилъ Петя тономъ полнаго недоумѣнія и вопросительно взглянулъ на отца. Тотъ приблизился къ окну и началъ внимательно разглядывать неожиданно появившійся огонь.

— Да, костеръ,— подтвердилъ онъ спустя минуту и затѣмъ прибавилъ тревожно, точно прозрѣвая тайну:

— Эге, тутъ что нибудь да неладно! Костеръ зажженъ навѣрное на льдинѣ, что съ утра видѣли. Тамъ либо тюленьщики, либо рыбаки... Они подаютъ намъ сигналъ о бѣдствіи!.. Сынокъ и Хесто, не зѣвайте, живо готовьте большую финку...

— Господи, неужели ты поѣдешъ въ море въ такую непроглядную ночь, да еще въ стужу? — вмѣшалась Ирина Кузьминишна, пугливо посматривая въ слѣдъ Петѣ и финну, безпрекословно вышедшимъ изъ столовой.

— Эхъ, жена, жена, что съ тобою!? укоризненно закачалъ головой „Старый боцманъ“. — Къ чему задаешь такіе вопросы? Ты вѣдь, меня хорошо знаешь. Неужели я оставлю погибать въ морѣ несчастныхъ? Ни за что? Богъ покораетъ и совѣсть замучаетъ.

Старушка сконфузилась и молча начала готовить мужа въ ночной походъ, стараясь одѣть его какъ можно теплѣе. Яковъ Семеновичъ не противился и вполнѣ охотно напялилъ на себя, немного узковатый, короткій полушубокъ и длинные сапоги изъ тюленьей кожи, сшитые безъ шпилекъ и гвоздиковъ въ видѣ непромокаемыхъ чулокъ. На голову онъ надѣлъ мѣховую финскую шапку съ наушниками...

У пристани между тѣмъ, Петя и Хесто готовили шлюпку. Они подвели подъ киль финки длинный полозъ, сдѣланный изъ тонкаго бревна, окованнаго желѣзомъ. Нижняя часть бревна была обита желѣзной полосой въ четверть дюйма толщиной. Привязавъ задній конецъ полоза наравнѣ съ ахтерштевнемъ шлюпки, молодые люди притянули его передній, слегка загнутый вверхъ, конецъ къ форштевню и прикрѣпили къ нему прочной верев-

кой. При этомъ полозъ, выступая на полтара аршина передъ носомъ шлюпки, образовалъ примитивный таранъ, достаточно крѣпкій для плаванія среди льдовъ.

Когда „Старый боцманъ" пришелъ на пристань, провожаемый женой и дочерью, финка была уже совершенно готова къ походу. Не разсчитывая на мускулы своихъ рукъ, маячные отшельники вышли изъ бухты подъ парусами, при чемъ шлюпка довольно свободно разбивала своимъ тараномъ тонкій ледъ, образовавшійся въ глубинѣ бухты. Обогнувъ островъ съ сѣверной стороны, маячные отшельники вышли на морской просторъ. Свѣжій восточный вѣтеръ гналъ передъ собой безконечные ряды, едва видимыхъ, крутыхъ волнъ. Финка, отягченная полозомъ, неуклюже запрыгала по взволнованной поверхности залива. Пришлось привести къ вѣтру и начать лавировку. Шлюпка накренилась на правую сторону и забуравила воду своимъ тараномъ. При каждомъ ударѣ ея о волны, тучи брызгъ обдавали финку холоднымъ дождемъ, покрывая паруса, снасти и людей ледяной корой. Петя и Хесто, сѣвъ на дно финки, старались укрыться отъ студеныхъ душей за бортомъ и и подъ банками.

„Старый боцмамъ" не спуская глазъ съ яркаго костра, сидѣлъ на рулѣ и старался разглядѣть что либо сквозь непроглядный мракъ безлунной ночи. Морозный вѣтеръ рѣзалъ его лицо точно ножемъ, но онъ безстрастно смотрѣлъ въ одну точку, не мѣняя, нѣсколько согнутаго, сосредоточеннаго положенія. Онъ словно закоченѣлъ или превратился въ металлическое изваяніе. Только правая его рука слегка шевелилась, нажимая на деревянный румпель. „Старый боцманъ" управлялъ финкой мастерски. Сдѣлавъ длинный галсъ и выбравшись на вѣтеръ, онъ ловко повернулъ и легъ прямо на костеръ, пылавшій среди ночи какимъ то трепетнымъ пламенемъ. Разстояніе между костромъ и шлюпкой быстро начало сокращаться. Спустя нѣсколько минутъ, уже можно было различить у костра какія-то неясныя тѣни, суетливо

мелькавшія взадъ и впередъ. Море сдѣлалось значительно тише. Было очевидно, что, невидимая еще, льдина защищаетъ финку отъ разъяренныхъ волнъ, точно несокрушимымъ брекватеромъ или молломъ...

Вскорѣ шлюпка зашурчала среди мелко разбившагося льда. Ходъ ея началъ замедляться. Наконецъ она остановилась совсѣмъ, несмотря на сильно надутые паруса. Свѣжій вѣтеръ не могъ уже подвинуть финку ни на дюймъ впередъ: онъ оказался безсильнымъ бороться съ сплошной массой мелкаго льда. Паруса были лишними, но убрать ихъ не представлялось возможности, вслѣдствіе ледяной коры, покрывшей толстымъ слоемъ снасти и парусину...

Маячные отшельники взялись за весла и начали проталкиваться впередъ. Послѣ энергичныхъ усилій, шлюпка подвинулась еще немного и, наконецъ, остановилась окончательно, застрявъ во льду. До костра оставалось около ста пятидесяти саженъ. Уже слышны были не то крики о помощи, не то громкій говоръ, доносимый порывами вѣтра. Началась выюга.

— На ледъ! лаконически скомандовалъ „Старый боцманъ“ мужественнымъ, рѣшительнымъ голосомъ, въ интонаціи котораго слышался боевой кличъ: „на абордажъ“!

И Яковъ Семеновичъ, показывая примѣръ, первымъ легъ животомъ на край борта и, свѣсивъ ноги внаружу, началъ ощупывать болѣе или менѣе надежную опору. Два раза онъ провалился выше колѣнъ, но успѣлъ удержаться руками за бортъ финки. Наконецъ онъ всталъ достаточно прочно и скомандовалъ вновь такъ же лаконически и энергично:

— На полозъ!

Хесто и Петя, изрядно выкупавшись въ студеной водѣ и найдя, въ свою очередь, безопастную опору, безъ труда приподняли облегченный носъ шлюпки. Спустя минуту, послѣдняя, уже стояла на полозѣ, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ. Финка превратилась въ спасательную шлюпку. Маячные отшельники начали осто-

рожно двигать ее впередъ, не выпуская изъ рукъ борта. Они часто проваливались, но всегда удерживались за финку. Каждый шагъ они брали положительно съ бою, ежесекундно рискуя своею жизнью и здоровьемъ. Они пробирались къ льдинѣ въ полномъ безмолвіи. Постепенно, ледъ дѣлался крѣпче, и крѣпче. Путь становился безопаснѣе. Явилась возможность двигаться быстрѣе. Костеръ былъ уже всего въ двадцати саженяхъ, когда финка въѣхала на цѣльную льдину... Маячные отшельники пріостановились, чтобы хотя немного передохнуть послѣ двухъ-часовой, энергичной, безумно-смѣлой, работы... Ихъ еще никто не видѣлъ...

XXXIX.

Былъ ясный, солнечный, тихій день. Послѣ сильной стужи, едва морозило. Наступила лучшая пора для зимней рыбной ловли. Крѣпкій ледъ покрывалъ всю восточную часть залива бѣлоснѣжной броней, сверкавшей на солнцѣ милліонами разноцвѣтныхъ огней. Крестьяне прибрежныхъ селеній выѣхали на ловъ, точно сговорившись, не только въ тотъ же день, но даже почти въ тотъ же часъ. Уже къ восьми часамъ утра на льду собрались ловцы съ подводами, нагруженными рыболовными снарядами. Тутъ были мужчины, женщины и подростки. Послѣдніе выѣхали на рыбную ловлю, какъ на праздничную прогулку, столь соблазнительную, благодаря отличной погодѣ.

Послѣ короткаго, добродушнаго спора, рыбаки разбились на артели, отъ десяти до двадцати человѣкъ въ каждой, и разъѣхались группами въ разныя стороны. Въ трехъ—четырехъ верстахъ отъ берега всѣ остановились и, выбравъ подходящія мѣста для ловли, начали пробивать пешнями лунки, располагая ихъ въ симметричномъ порядкѣ. Подростки выпрягли изъ роспусковъ лошадей и задали имъ корму; затѣмъ устроили отчаянную игру въ снѣжки, благо у нихъ не было другого

дѣла Воздухъ огласился веселымъ хохотомъ мальчugановъ и пронзительными взвизгиваніями дѣвочекъ, которыя, по привычкѣ, кричали кстати и некстати, слѣпо подчиняясь своей женской натурѣ. Комья смятаго снѣга летали по всѣмъ направленіямъ, словно ручныя гранаты, и звонко шлепались о грудь, спины, бока и лица играющихъ, иногда совершенно залѣпляя глаза, рты и носы. Нерѣдко игра въ снѣжки переходила въ веселую свалку, извѣстную среди школьниковъ подъ названіемъ „мала куча". Десятки дѣтей копошились въ рыхломъ снѣгу, наваливаясь одинъ на другого въ видѣ животрепещущаго кургана. Потѣя и кряхтя, каждый наровилъ выбраться изъ подъ товарищей и задорно придавить всю кучу сверху, какъ бы въ отмѣстку за только что протерпѣнныя невзгоды подъ тяжестью человѣческаго муравейника....

Послѣ полудня погода начала портиться. Задулъ восточный вѣтеръ, постепенно свѣжѣвшій. Стало холоднѣе. Небо заволокло свинцовыми облаками. Вскорѣ началъ падать сухой снѣгъ. Темный берегъ покрылся полупрозрачной, мглистой пеленой...

Перемѣна погоды къ худшему не испортила веселаго расположенія рыбаковъ. Уловъ рыбы, вообще счастливый, сдѣлался еще болѣе обильнымъ. Рыба, словно очумѣлая, лѣзла во всѣ рыболовные снаряды въ баснословномъ количествѣ. Подобнаго улова не помнили даже старики, ходившіе на зимніе промыслы, изъ года въ годъ, не менѣе сорока лѣтъ подрядъ. Торжествующіе хозяева потирали отъ восторга руки и съ веселой улыбкой прикидывали въ умѣ предстоявшіе барыши...

Часа за два до захода солнца погода испортилась окончательно. Вѣтеръ задулъ свѣжими порывами, неся передъ собой тучи сухого снѣга. Берега уже не было видно. Непроглядная, молочная завѣса скрыла все окружающее. Все предвѣщало жестокую снѣжную бурю... Болѣе благоразумные рыбаки, довольствуясь своей добычей, поспѣшили домой; но жадные -никакъ не могли

оторваться отъ ловли, обѣщавшей еще улучшиться передъ самымъ солнечнымъ закатомъ... Но вотъ начало уже темнѣть, и оставаться на льду дольше было положительно безумно. Запоздавшіе ловцы стали торопливо собираться въ обратный путь. Нагрузивъ въ роспуски рыбу и рыболовные снаряды, они спѣшно тронулись къ берегу, держась все время поперекъ вѣтра, то-есть прямо на югъ. Болѣе опытные, бывалые рыбаки ѣхали впереди, указывая дорогу. Лошади утопали въ рыхломъ снѣгу выше колѣна и съ большимъ трудомъ тащили перегруженные возы. Люди безпечно лежали на возахъ, плотно закутавшись въ теплыя одежды и обернувшись къ вѣтру спинами. Засыпанные снѣгомъ, они дремали, вполнѣ довѣряя вожакамъ и чутью лошадей. Длинная вереница роспусковъ растянулась почти на полъ-версты, въ видѣ черной змѣи, медленно извивавшейся среди молочной мглы снѣжной бури...

Спустя часъ, какъ будто, показался на секунду высокій лѣсистый берегъ, до котораго оставалось, повидимому, не болѣе пятидесяти саженъ. Вожаки вздохнули облегченною грудью: направленіе, взятое ими, оказалось вѣрнымъ. Всѣ повеселѣли въ ожиданіи теплой избы и сытнаго ужина. Дремавшіе ловцы встрепенулись и, ударивъ по лошадямъ, пустили ихъ въ перегонку, какъ бы смѣясь надъ злобными порывами вѣтра, желавшаго точно опрокинуть всѣ возы вверхъ полозьями... Вдругъ передовыя лошади остановились, какъ вкопанныя, присѣвъ на заднія ноги. Многія шлеи оборвались. Хомуты налезли на головы. Лошади, повидимому, инстинктивно почуяли какую-то опасность. Онѣ пугливо фыркали и дрожали. Онѣ не трогались съ мѣста, несмотря на нетерпѣливыя понуканія и удары возжей. Такое непонятное упрямство животныхъ заставило рыбаковъ осмотрѣться, и они съ невыразимымъ страхомъ увидѣли передъ собой широкую щель, въ которой вода плескалась съ зловѣщимъ шумомъ. Не было сомнѣнія, что напоромъ вѣтра ледъ оторвало отъ берега!..

Рыбаки тотчасъ же сознали весь ужасъ своего положенія. Они слишкомъ хорошо помнили подобные случаи, унесшіе въ былые годы не мало жертвъ. Волоса встали дыбомъ на ихъ головахъ. Не отдавая себѣ отчета, они начали отчаянно кричать о помощи; но эти крики затеривались въ хаосѣ бури. Ни одного вопля не долетѣло до берега, бывшаго не болѣе какъ въ тридцати саженяхъ. Многіе метались у самой полыньи. Одинъ изъ рыбаковъ бросился въ воду, въ надеждѣ доплыть до земли; но тотчасъ же закоченѣлъ и, на глазахъ товарищей, безпомощно пошелъ ко дну. Эта страшная попытка образумила остальныхъ. Послышались ободряющіе голоса болѣе мужественныхъ. Кто-то предложилъ пробираться вдоль полыньи къ востоку, вселяя въ души робкихъ надежду на возможное еще спасеніе. Вереница саней повернула противъ вѣтра... Вскорѣ полынья начала заходить влѣво, отъ берега... Ужасъ положенія несчастныхъ увеличился сознаніемъ, что они находятся на льдинѣ, оторвавшейся отъ общей массы льда... Не было никакого сомнѣнія, что ихъ уносило вѣтромъ въ открытое море! Фактъ былъ слишкомъ очевиденъ...

Какъ только въ рыбакахъ исчезла послѣдняя надежда на спасеніе, они впали въ мрачное, сосредоточенное состояніе. Они перестали безумствовать и покорно предали себя волѣ Божіей. Многіе начали горячо молиться. Никто не подумалъ объ ѣдѣ, несмотря на то, что всѣ не ѣли съ полудня. Никто не могъ заснуть. Всѣ бодрствовали, сидя на роспускахъ, и тупо прислушивались къ вою непогоды. Матери и отцы старались прикрыть дѣтей отъ стужи, закутывали ихъ въ свои полушубки, накрывали рогожами, а сами согрѣвались усиленными движеніями, похлопываньемъ другъ-друга по спинѣ и бедрамъ. Дѣти вначалѣ все хныкавшіе, согрѣвшись, притихли и заснули; но имъ не давали спать долго. Ихъ будили почти каждые полчаса изъ боязни, чтобы они не замерзли. Эта предосторожность опытныхъ родителей была не лишнею...

Несчастные провели ужасную ночь, полную невыразимыхъ душевныхъ мукъ. Къ утру снѣжная буря прекратилась, но восточный вѣтеръ продолжалъ дуть съ прежней силой. Появившееся на горизонтѣ солнце ободрило почти всѣхъ. Дневной свѣтъ позволилъ опредѣлить положеніе вполнѣ точно. Рыбаки, числомъ сто двадцать человѣкъ, считая дѣтей, находились на громадной льдинѣ, до трехъ верстъ въ окружности. Пятьдесятъ возовъ, нагруженныхъ рыбой, стояли на южной половинѣ льдины, медленно плывшей въ открытое море. Берегъ былъ видѣнъ только слѣва. Онъ тянулся темной полосой не далѣе какъ въ пяти верстахъ отъ несчастныхъ. Впереди виднѣлся крутой, возвышенный мысъ съ длинною отмелью, хорошо извѣстною всѣмъ рыбакамъ, какъ лучшее мѣсто рыбной ловли...

Разсвѣтъ возбудилъ аппетитъ. Кто-то предложилъ сварить уху. Эта мысль понравилась всѣмъ, благо котелки и соль были взяты изъ дому въ числѣ прочаго запаса. Рыбаки разбрелись по льдинѣ и, разбившись опять на артели, начали готовить незатѣйливый завтракъ. Запылали небольшіе костры, сложенные изъ всевозможныхъ обрѣзковъ дерева, прихваченныхъ для разныхъ надобностей...

Утоливъ голодъ, всѣ, какъ будто, повеселѣли. Ужасъ положенія потерялъ свою остроту. Въ сердца несчастныхъ начала закрадываться кое-какая надежда. Стали толковать о возможной встрѣчѣ съ какимъ-нибудь судномъ. Пригрѣтые солнцемъ, многіе уснули крѣпкимъ сномъ сильно измученныхъ людей...

По мѣрѣ того, какъ льдина выходила на бо́льшій морской просторъ, ее начало покачивать все сильнѣй и сильнѣй. Края ея постепенно крошились при каждомъ ударѣ волнъ, и вскорѣ она вся оказалась окруженною широкою каймою мелко разбитаго льда...

До солнечнаго захода все прошло благополучно. Вечеромъ опять сварили уху, при чемъ талый снѣгъ замѣнилъ прѣсную воду. Поужинавъ, начали собираться

спать, рѣшивъ на всякій случай бодрствовать по очередно. Солнце уже почти скрылось за горизонтомъ, отбрасывая высоко въ небо ярко-красные лучи, чрезвычайно густыми снопами. Вѣтеръ опять значительно засвѣжѣлъ. Набѣжали темныя облака. Море заволновалось сильнѣе прежняго... Вдругъ раздался страшный трескъ, и льдина неожиданно переломилась на-двое. Морозный воздухъ огласился пронзительнымъ воплемъ, преисполненнымъ невыразимаго ужаса и страданія... Нѣсколько возовъ съ людьми и лошадьми провалились въ разверзшуюся пропасть и, почти мгновенно, скрылись въ морской пучинѣ. Кто именно погибъ—никто не могъ сообразить. Всѣхъ охватила безумная паника. Каждому казалось, что безпощадная смерть уже протянула къ нему свои цѣпкія руки, что Богъ отвелъ отъ несчастныхъ Свою благостную, милосердную длань. Съ искаженными отъ ужаса лицами, оглашая воздухъ дикими криками, всѣ бросились въ разныя стороны, подальше отъ страшной щели, зіявшей среди бѣлоснѣжныхъ льдинъ въ видѣ мрачнаго пути въ преисподню... А щель, между тѣмъ, все ширилась и ширилась, словно сказочное чудовище медленно разверзая свою гигантскую, дьявольскую пасть... Одна половина льдины, съ большимъ числомъ людей и лошадей, тяжело заколыхалась по направленію къ крутому мысу, точно подчиняясь невѣдомому теченію или милосердной силѣ Всевышняго, сжалившагося надъ несчастными страдальцами...

Другую часть льдины понесло дальше въ открытое море. На ней находились: четверо мужчинъ, три женщины и трое подростковъ, а также два воза съ лошадьми. Положеніе этихъ, какъ бы, отвергнутыхъ Богомъ казалось безъисходнымъ. Несчастливцы упали духомъ и считали себя обреченными на вѣрную смерть. Всю ночь они провели въ ужасной тревогѣ. Имъ все чудилось, что льдина, рано или поздно, разсыпется на куски и погребетъ подъ собой всѣхъ. Они съ трепетомъ прислушивались къ шуму сердитыхъ волнъ и къ

мучительно-страшному шороху мелко-раздробленнаго льда...

Наступилъ новый день, но солнце не принесло съ собой отрады. Оно поднялось изъ-за горизонта, словно облитое свѣжею кровью, и охватило кровавымъ свѣтомъ половину небосклона. Страдальцы оглядѣли вокругъ себя безнадежнымъ взоромъ. Берегъ исчезъ. Льдину окружало необъятное море, грозное, бурное и мрачное. Ужасъ близкой смерти все возрасталъ. Несчастные испытывали тяжкія муки, какъ душевныя, такъ и физическія. Они, словно приговоренные къ казни, ждали страшнаго момента съ невыразимой тоской и сердечною болью...

Прошло пять сутокъ неописуемыхъ страданій. Льдину, значительно уменьшившуюся, продолжало нести на западъ. Изможденные промышленники едва двигались. Постоянная стужа, сырость и крайне скудная пища довели ихъ до полнаго истощенія. Они испытывали нестерпимую ломоту во всѣхъ суставахъ. Подростки, менѣе выносливые, окончательно слегли, не имѣя силъ шевельнуться. Они медленно умирали, несмотря на заботливый уходъ самоотверженныхъ матерей. Они, какъ будто, застывали, хотя ихъ постоянно держали вблизи миніатюрнаго костра, поддерживаемаго съ благоразумной экономіей, а также согрѣвали шкурами, снятыми съ павшихъ отъ безкормицы лошадей...

День шестыхъ сутокъ страдальцы провели въ полной апатіи. Физическія мученія достигли своего апогея. Всѣ начали жаждать смерти, какъ избавленія отъ этихъ нестерпимыхъ мукъ. Всѣ пришли въ то странное состояніе моральнаго изнеможенія, при которомъ жизнь становится людямъ въ положительную тягость. Цѣлый день никто не подумалъ даже объ ѣдѣ. Мужчины совершенно упали духомъ. Завалившись на снѣгъ, они не выказывали никакого желанія пошевельнуться, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣть свои коченѣющіе члены. Теплая одежда уже не грѣла ихъ, какъ раньше, и

стужа свободно начала пробираться къ изможденнымъ тѣламъ страдальцевъ. Морозъ уже праздновалъ свою побѣду и какъ-то особенно жестоко обдавалъ всѣхъ ледянымъ дыханіемъ... Женщины оказались выносливѣе: ихъ, повидимому, поддерживало горячее материнское чувство, великое чувство, способное привести въ движеніе горы и повернуть теченія рѣкъ въ обратную сторону. Крѣпко прижавшись къ умиравшимъ дѣтямъ, онѣ старались еще согрѣть ихъ въ своихъ любящихъ объятьяхъ, старались вдохнуть въ нихъ угасавшую жизнь. Ихъ побѣлѣвшія, потрескавшіяся губы неслышно шептали горячія молитвы. Онѣ не разставались съ мыслью о Богѣ, Который одинъ только могъ простереть надъ страдальцами Свою спасительную длань. Въ ихъ застывающихъ сердцахъ еще таилась надежда на какое-нибудь чудо...

И это чудо свершилось!.. Едва стемнѣло, одна изъ женщинъ, раскрывъ глаза, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ, какъ ей казалось, на небо, вдругъ увидѣла на горизонтѣ яркій, привѣтливо сверкавшій, огонь. Женщина встрепенулась и, съ трудомъ приподнявшись на локоть, начала пристально всматриваться въ ночной мракъ, среди котораго огонь продолжалъ горѣть съ дивною ласкою, словно око Всевышняго... Изъ ея груди вырвался радостный крикъ, всполошившій остальныхъ страдальцевъ. Оживленные надеждой, всѣ начали глядѣть на горизонтъ, изъ-за котораго все выше и выше поднимался чудный свѣточъ. Начались разныя догадки о происхожденіи этого свѣточа и, наконецъ, установилось убѣжденіе, что показавшійся огонь ни что иное, какъ неизвѣстный маякъ. Кто-то предложилъ разжечь костеръ вмѣсто сигнала о бѣдствіи. Едва была высказана эта счастливая мысль, всѣ съ лихорадочною поспѣшностью начали усиленно раздувать, едва тлѣвшійся на льду, огонь и сваливать въ него весь горючій матеріалъ, оказавшійся подъ руками. Прежде всего разломали послѣдніе роспуски. Потомъ сложили въ общую

кучу сбрую, хомуты и дуги, какъ запасное топливо. Очень скоро на льдинѣ запылалъ яркій костеръ, бросавшій вокругъ себя кровавые отблески. На душѣ у всѣхъ сдѣлалось, какъ будто, веселѣй...

Началось томительное ожиданіе. Всѣ молчали, но у каждаго засѣла въ головѣ жгучая, тревожная мысль: „Увидятъ ли? Спасутъ ли"? Никто не смѣлъ еще надѣяться на конецъ страданій. Сомнѣнія боролись съ призрачной надеждой и рвали на части изболѣвшіяся сердца. Время проходило. Маякъ все приближался и приближался, но ничто еще не предвѣщало возможнаго спасенія. Окружающій мракъ не рѣдѣлъ.

Море продолжало кипѣть и бурлить. Студеный вѣтеръ злобно крутилъ языки костроваго пламени и со свистомъ и воемъ несся дальше, взметывая передъ собой тучи снѣга. Вокругъ не слышно было ничего, кромѣ стона непогоды и грознаго рокота волнъ. Къ этимъ страшнымъ звукамъ изрѣдка примѣшивался ужасающій трескъ, постепенно крошившейся, льдины. Костеръ, между тѣмъ, догоралъ, жадно пожирая послѣдній хомутъ. Страдальцы съ невыразимымъ отчаяніемъ глядѣли то на костеръ, то на маякъ. Они чувствовали, что вмѣстѣ съ костромъ угасаетъ ихъ жизнь, исчезаетъ сладостная надежда, едва затлѣвшаяся. Ночной мракъ становился, какъ будто бы, все гуще и гуще. Море, казалось, начало неистовствовать съ большею злобою, а морозный вѣтеръ словно жаждалъ смести съ льдины, вмѣстѣ со снѣгомъ, всѣхъ изможденныхъ страдальцевъ. Буря свирѣпѣла. Невыразимый ужасъ вновь заползъ въ сердца несчастливцевъ и исторгъ изъ ихъ груди дикіе, хриплые вопли, слившіеся съ адскимъ хаосомъ непогоды. Люди кричали, бѣгая по льдинѣ въ какомъ-то безуміи: казалось, они хотѣли прыгнуть на маякъ.

Послѣ безумія наступила реакція душевныхъ силъ. Обезсиленные страдальцы безпомощно упали возлѣ костра и впали въ отупѣлое состояніе хищнаго звѣря, на смерть загнаннаго неутомимыми собаками... Въ этотъ

тяжкій моментъ передъ ними предстало вдругъ чудное явленіе. Невѣдомая сказочная птица спустилась съ темнаго неба и привѣтливо захлопала своими чудовищными крыльями... Ближе и ближе... Вотъ она уже возлѣ костра, словно хочетъ схватить страдальцевъ и унести ихъ въ заоблачный міръ... Вотъ она заговорила человѣчьимъ голосомъ: совсѣмъ какъ въ сказкѣ... Боже мой, да это не птица, а шлюпка съ распущенными парусами, точно вынырнувшая съ морского дна!.. Это не она говоритъ почеловѣчески, а люди, живые люди!.. Страдальцы едва не обезумѣли отъ радости. Они встрѣтили давно жданныхъ спасителей, какъ посланцевъ Всемогущаго Бога, смѣнившаго гнѣвъ на милость...

XL.

„Старый боцманъ", какъ всегда, распорядился быстро и толково. Онъ видѣлъ, что медлить было нельзя, въ виду тяжелаго положенія, едва дышавшихъ подростковъ. Прежде всего онъ оживилъ ихъ нѣсколькими глотками рома, прихваченнаго на всякій случай съ маяка. Потомъ, вмѣстѣ съ Хесто и сыномъ, началъ растирать ихъ тутъ же на льдинѣ, стараясь разогрѣть почти застывшую кровь.

Послѣ довольно продолжительныхъ, упорныхъ усилій, подростки пришли въ себя настолько, что можно было не тревожиться за ихъ жизнь, по крайней мѣрѣ на переходѣ до маяка. Подбодривъ и остальныхъ страдальцевъ тѣмъ же ромомъ, „Старый боцманъ" уложилъ дѣтей на дно финки съ возможнымъ удобствомъ и тщательно прикрылъ ихъ всѣмъ, что нашлось подъ руками подходящаго, не исключая и лошадиныхъ шкуръ. Затѣмъ, выбравъ вполнѣ удачный спускъ съ льдины, онъ посадилъ болѣе слабыхъ въ шлюпку, а остальнымъ приказалъ, раздѣлившись поровну, взяться за ея борта.

— Смотрите, молодцы, держитесь руками крѣпче,— сталъ поучать смотритель энергичнымъ, громкимъ го-

лосомъ, „не давайте финкѣ валиться на бокъ и ходко двигайте ее къ водѣ. Какъ только я крикну: садись!.. живо всѣ въ шлюпку... Ну, не зѣвайте!.. Съ Богомъ!

Спускъ шлюпки на воду совершился, сравнительно, очень благополучно. Почти всѣ успѣли сѣсть въ финку во время, и только одну зазѣвавшуюся женщину пришлось втаскивать за шиворотъ. Она сорвалась и едва не ушла ко дну; но Петя бывшій рядомъ, мгновенно поймалъ ее за полушубокъ и тѣмъ спасъ отъ явной смерти. Все ограничилось студеной ванной и страхомъ. „Старый боцманъ" тотчасъ же напоилъ эту женщину ромомъ и бережно спряталъ ее затѣмъ подъ лошадиныя шкуры, представлявшія хорошую защиту отъ морознаго вѣтра...

Вскорѣ финка вышла на просторъ и, подгоняемая свѣжимъ попутнякомъ, быстро понеслась къ маяку, безуспѣшно преслѣдуемая водяными, пѣнистыми громадами, силившимися поглотить крохотное судёнышко...

Ирина Кузьминишна и Настенька, измученныя долгимъ ожиданіемъ, встрѣтили страдальцевъ на пристани. Несмотря на пасмурную ночь, онѣ не проглядѣли финки и вышли изъ дому совершенно во время, съ фонарями въ рукахъ.

Такая предусмотрительность была кстати при гололедицѣ, покрывавшей всю скалу, точно стекляннымъ покровомъ. „Старый боцманъ", увидавъ женщинъ, тотчасъ же крикнулъ имъ:

— Оставьте фонари на пристани, а сами ступайте домой!.. Живо приготовьте постели для трехъ больныхъ дѣтей!.. А послѣ и другихъ пристроемъ...

— Сколько же всѣхъ? — поинтересовалась Ирина Кузьминишна, дрожа отъ волненія.

„Старый боцманъ" сказалъ и затѣмъ опять сталъ торопить:

— Не мѣшкай, жена. Живо, живо, живо!.. Сію минутку принесемъ дѣтей на твое попеченіе...

Ирина Кузьминишна побрела домой, поддерживаемая Настенькой на скользкихъ ступеняхъ, высѣченныхъ въ скалѣ.

— Ахъ, Господи, и дѣтки тутъ... Бѣдненькія, бѣдненькія,—шептала старушка сердобольно.

Настенька разслышала этотъ сердечный шепотъ. Прижавшись къ матери, она произнесла съ трогательнымъ душевнымъ порывомъ:

— Мамочка, мамочка, какъ я благодарна Богу!

— За что, милушка?—тихо спросила Ирина Кузьминишна, недоумѣвая.

— За то, мамочка, за то, моя дорогая, что онъ надоумилъ меня взглянуть послѣ ужина на море... Вѣдь, я же первая увидѣла костеръ!—съ благодарнымъ чувствомъ воскликнула дѣвушка, ощущая неизъяснимое душевное удовлетвореніе по случаю своей прикосновенности къ спасенію погибавшихъ.

— Ужъ такое тебѣ счастье,—любовно прошептала мать. Потомъ заговорила дѣловымъ тономъ:

— Мы положимъ дѣтей въ ту комнатку, гдѣ жилъ Николай Александровичъ. Я поставлю туда свою кровать. Третьяго можно положить на полъ.

— Ахъ, нѣтъ, мамочка, на полъ нельзя: будетъ дуть изъ дверей,—мягко заспорила Настенька и затѣмъ добавила рѣшительнымъ голосомъ:

— Мы поставимъ туда же и мою кровать.

— А ты какъ же спать будешь?

— Ахъ, мамочка, обо мнѣ не безпокойтесь: я, вѣдь, здоровая,—просто молвила Настенька, торопливо вбѣгая на крыльцо

Войдя въ свою комнату, дѣвушка неожиданно рѣшила иначе:

- Мы положимъ дѣтей здѣсь. Здѣсь воздуху больше и свѣтлѣе. А мы можемъ переселиться на время въ ту комнату.

Потомъ прибавила съ резономъ сообразительной хозяйки:

— Да и легче одну кровать принести сюда, нежели двѣ — туда...

— Дѣлай, какъ знаешь, — добродушно согласилась Ирина Кузьминишна, не любившая противорѣчить дочери, всегда настойчивой въ своихъ добрыхъ рѣшеніяхъ...

Больныхъ дѣтей устроили совершенно по желанію Настеньки. „Старый боцманъ" вполнѣ одобрилъ ея сердечный порывъ обставить ихъ возможно лучше. Онъ видѣлъ, что спасенные подростки очень измождены, висятъ, какъ говорится, на волоскѣ отъ смерти, почему нуждаются въ самомъ нѣжномъ, заботливомъ уходѣ. Онъ отлично сознавалъ, что ихъ окончательное спасеніе зависитъ теперь отъ извѣстныхъ гигіеническихъ удобствъ и условій, съ которыми на маякѣ были немного знакомы, благодаря разнымъ казеннымъ инструкціямъ, трактовавшимъ объ уходѣ за спасенными отъ всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ.

Больныя дѣти были отданы на полное попеченіе Настеньки, какъ она сама желала. Ирина Кузьминишна приняла подъ свое любовное покровительство женщинъ, размѣщенныхъ на кухнѣ; а „Старый боцманъ", Петя и Хесто взяли на свою отвѣтственность мужчинъ, для которыхъ отвели достаточно сносное помѣщеніе въ маячной башнѣ. Такимъ образомъ трудъ по уходу за спасенными былъ раздѣленъ по взаимному соглашенію.

Маячные отшельники отдались своему милосердному дѣлу съ обычною сердечностью, какъ люди, посвятившіе себя высокимъ христіанскимъ подвигамъ не по обязанности, а по душевному влеченію. Чисто отшельническая жизнь пріучила ихъ понимать человѣческія страданія и относиться къ нимъ съ нелицемѣрнымъ, теплымъ участіемъ, мало доступнымъ городскимъ жителямъ. На заброшенной скалѣ, въ забытой глуши они творили истинно-добрыя дѣла безъ всякой мечты на награду; безкорыстно и скромно служили человѣчеству, не сознавая въ этомъ самоотверженномъ служеніи какого

либо подвига или заслуги. Они слѣдовали Христову ученію о страждующихъ, голодающихъ и немощныхъ лишь по неотразимому влеченію своихъ чистыхъ сердецъ, не отравленныхъ еще скрытымъ ядомъ современныхъ Вавилоновъ. Они представляли самую крайнюю противоположность акробатовъ и акробатокъ благотворительности, достаточно ярко охарактеризованныхъ въ нашей литературѣ. Они были христіане въ полномъ значеніи этого великаго слова. Въ заботахъ о ближнихъ, въ безкорыстномъ служеніи несчастнымъ „братьямъ и сестрамъ по Христу" они находили душевное удовлетвореніе и высокое нравственное наслажденіе...

Съ появленіемъ на островѣ крушенцевъ, Настенька стала неузнаваемой. Больныя дѣти поглотили всѣ ея мысли, сосредоточили на себѣ все ея вниманіе. Время потекло чрезвычайно быстро. Дѣвушка уже не считала минутъ, такъ какъ цѣлые дни проходили удивительно незамѣтно. Она почти перестала грустить объ отсутствующемъ женихѣ. Въ ея душѣ наступило чудное равновѣсіе. Возвышенное христіанское чувство какъ бы временно вытѣснило въ ней безсознательные порывы молодой крови и здороваго тѣла. Духъ одолѣлъ плоть...

Спасенные быстро поправлялись, несмотря на отсутствіе свѣжей провизіи. Заботливый, родственный уходъ за ними сторицей возмѣщалъ недостатки маячной кухни, меню которой ограничивался неизмѣнной солониной, кислой капустой, горохомъ и гречневой кашей. Изрѣдка эта скудная пища скрашивалась свѣжей рыбой, съ трудомъ добываемой Хесто, несмотря на лютый морозъ. Словомъ, на островѣ все шло отлично. Одно только обстоятельство сильно смущало „Стараго боцмана"— это недостатокъ прѣсной воды. Запасъ ея быстро истощался, а снѣгъ еще не выпадалъ въ достаточномъ количествѣ. Снѣжило рѣдко, но безъ пользы для маячныхъ отшельниковъ. Постоянно дувшій вѣтеръ дочиста сметалъ снѣгъ съ обледенѣвшей скалы въ море, не оставляя даже горсти въ какой либо выемкѣ или трещинѣ.

Вначалѣ „Старый боцманъ“ сильно разсчитывалъ на льдину, съ которой были сняты рыбаки, но ее пронесло мимо острова на западъ. Слѣдующія льдины, чаще и чаще выплывавшія изъ-за горизонта, также миновали маякъ. Вѣтеръ, задувшій отъ юга, отнесъ всѣ эти льдины къ финляндскимъ шкерамъ, гдѣ образовались цѣлыя ледяныя горы, различаемыя съ острова въ ясные, солнечные дни. Забота о прѣсной водѣ засѣла въ головѣ „Стараго боцмана“ гвоздемъ. Чтобы не оказаться въ ужасномъ положеніи, онъ прежде всего воспретилъ мыться ею, и всѣмъ маячнымъ отшельникамъ пришлось пользоваться для мытья лица морской водой, сильно раздражавшей кожу. Спустя нѣсколько дней, Яковъ Семеновичъ нашелъ необходимымъ еще болѣе сократить расходъ прѣсной воды, ради чего сталъ выдавать ее для питья по порціямъ, а для приготовленія кушаньевъ началъ подмѣшивать къ двумъ третямъ прѣсной воды одну треть морской. Подобная подмѣсь придавала всѣмъ кушаньямъ непріятный горьковатый вкусъ, но голодные отшельники не обращали на это обстоятельство большого вниманія и продолжали пользоваться прежнимъ аппетитомъ. Вскорѣ они привыкли къ этому особенному вкусу настолько, что даже перестали замѣчать его.

Настенька выносила всѣ маячныя невзгоды съ непоколебимымъ мужествомъ и стойкостью. Къ одному только она никакъ не могла привыкнуть — это мыться морской водой, отъ которой лицо ея сильно перхнуло. Тѣмъ не менѣе, „Старый боцманъ“ изъ принципа не баловалъ обожаемой дочурки и не выдавалъ ей ни капли воды больше, чѣмъ получали другіе. Онъ справедливо разсуждалъ, что несчастье сравняло всѣхъ и никто не долженъ пользоваться какими либо льготами, соблазнительными для остальныхъ. Настенька нисколько не претендовала на отца за такое непреклонное рѣшеніе и покорно подчинялась установленному имъ режиму. Она находила отца совершенно правымъ. По ея мнѣнію, онъ не смѣлъ поступить иначе безъ явнаго нарушенія спра-

ведливости. Чувство эгоизма въ ней отсутствовало настолько, что она даже упорно отказывалась отъ прѣсной воды, тайно предлагаемой для ея нуждъ Хесто и матерью изъ доли, имъ отпускаемой. Она не желала огорчить отца пренебреженіемъ его распоряженіями, имѣвшими громадное моральное значеніе. Кромѣ того, ей было положительно совѣстно облегчать чѣмъ либо свое положеніе. Она считала своимъ нравственнымъ долгомъ терпѣть, одинаково со всѣми, неожиданныя невзгоды и даже находила въ общей страдѣ какое-то неизъяснимое душевное наслажденіе, точно приносила христіанскую жертву, угодную всеблагому Богу.

XLI.

Несмотря на сильный морозъ, море не замерзало и продолжало бурливо катить свои сѣдыя, отяжелѣвшія волны. Вѣтеръ, усиливая стужу, мѣшалъ морю покрыться зимней броней. Надо было ждать штиля; въ немъ заключался не только весь вопросъ закрытія навигаціи, но и дальнѣйшаго существованія маячныхъ отшельниковъ, терпѣвшихъ нужду въ прѣсной водѣ съ каждымъ днемъ все больше и больше. „Старый боцманъ“ въ тайнѣ сильно безпокоился за участь ввѣренныхъ ему людей, хотя ни словомъ, ни видомъ не выказывалъ тревоги, терзавшей сердце и смущавшей его умъ. Онъ ежедневно вымѣривалъ оставшееся количество прѣсной воды и пытливо разсчитывалъ время, на которое она можетъ хватить при благоразумной экономіи. Онъ тщательно прикрывалъ водохранилище досками и старыми парусами, свезенными съ разбившагося „Кляйда“, чтобы не дать водѣ промерзнуть до дна, что могло бы создать большія затрудненія при ея добываніи. Онъ сосредоточилъ на водоемѣ все свое вниманіе, ревниво охранялъ его, словно величайшую драгоцѣнность, и прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы какъ нибудь дотянуть до хорошаго снѣга. Онъ ждалъ штиля, точно манны небесной,

такъ какъ только со штилемъ можно было ожидать перемѣны погоды къ лучшему, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и облегченія положенія маячныхъ отшельниковъ, какъ вольныхъ, такъ и невольныхъ. „Старому боцману" пришлось ждать недолго. Около половины декабря, вѣтеръ, наконецъ, стихъ, и море скоро успокоилось. Спустя еще день, совершенно заштилѣло, и, несмотря на слабый, сравнительно, морозъ, доходившій всего до —5°R, вся видимая поверхность моря покрылась гладкимъ, зеркалоподобнымъ льдомъ. Настенька торжествовала. Не отвлекаемая уже уходомъ за подростками, окончательно поправившихся, она опять отдалась мечтамъ о скоромъ свиданіи съ женихомъ. Она опять начала сгорать отъ нетерпѣнія, когда ледъ окрѣпнетъ настолько, что можно будетъ открыть безопасное сообщеніе съ материкомъ. „Старый боцманъ" раздѣлялъ ея нетерпѣніе, но онъ думалъ не о Вольскомъ, а о спасенныхъ, которыхъ надо было какъ можно скорѣе доставить въ городъ. Онъ началъ побаиваться нехватки зимней провизіи. Десять лишнихъ ртовъ значительно опустошили всѣ запасы, строго разсчитанные казной только для постоянныхъ маячныхъ обывателей. Кладовыя истощались, а пополнить ихъ не представлялось возможности. Слишкомъ быстрое истребленіе провизіи, доставленной осенью шкуной „Наяда", чрезвычайно смущало „Стараго боцмана", смущало болѣе, чѣмъ, все увеличивавшійся недостатокъ прѣсной воды. Онъ предвидѣлъ грозный призракъ неотвратимой голодовки, если море, наконецъ, не покроется достаточно прочнымъ льдомъ. Онъ хорошо понималъ, что недостатокъ прѣсной воды можно легко отстранить при первомъ же снѣгѣ, но пищевые продукты возможно было добыть только съ материка, совершенно изолированнаго отъ острова. Вотъ почему „Старый боцманъ" сталъ интересоваться состояніемъ льда даже сильнѣе Настеньки. Онъ слѣдилъ за льдомъ почти съ болѣзненнымъ вниманіемъ, видя въ немъ избавленіе отъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ, еще не подозрѣваемыхъ остальными

маячными отшельниками. Онъ частенько поднимался на вершину башни и чуть ли не часами изучалъ, при помощи подзорной трубы, будущій зимній путь на материкъ. Онъ знакомился съ многочисленными полыньями трещинами, слѣдилъ за ихъ исчезновеніемъ и образованіемъ и мысленно соображалъ при этомъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Онъ приказалъ Петѣ и Хесто вооружить, на всякій случай, маячный буеръ, хотя не особенно разсчитывалъ на него, потому что все предвѣщало скорую снѣжную погоду. Небо заволакивало характерными снѣговыми тучами. Становилось теплѣе и пасмурнѣе. Продолжительный штиль смѣнился легкимъ юго-восточнымъ вѣтромъ. Всѣ эти признаки близкаго снѣга и радовали, и, одновременно, печалили „Стараго боцмана“, видѣвшаго въ немъ и благодѣтеля и врага. Надежда пополнить истощавшійся запасъ прѣсной воды омрачалась сожалѣніемъ, что снѣгъ лишитъ быстраго буернаго сообщенія, возможнаго только при гладкомъ льдѣ. Кромѣ того, съ перемѣной погоды явилось опасеніе, что, неокрѣпшій еще, ледъ придетъ въ движеніе и отдалитъ на неопредѣленное время зимнее сооообщеніе съ материкомъ.

Это опасеніе отчасти оправдалось. Задувшій юго-восточный вѣтеръ тронулъ ледъ съ мѣста и медленно понесъ его къ западу, при чемъ во многихъ мѣстахъ образовались торосы и новыя трещины. Въ теченіи двухъ сутокъ ледъ двигался съ какимъ-то стихійнымъ упорствомъ, точно намѣревался сравнять съ морскою поверхностью всѣ встрѣчные острова, скалы и камни. Необъятныя массы льда шли какъ бы въ бѣшеную атаку. Съ грознымъ шорохомъ, подобно сказочнымъ чудовищамъ, онѣ лѣзли на высокіе, отвѣсные берега «Могилы лайбъ», нагромождаясь чуть ли не до самаго маяка. На мысу и рифѣ образовались высокіе, ледяные холмы, сверкавшіе на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, словно среди этихъ фантастическихъ холмовъ были разбросаны щедрою рукою алмазы, сапфиры, топазы, рубины, изум-

руды и другіе драгоцѣнные каменья. Гигантскіе торосы совершенно скрыли страшныя скалы рифа, точно ихъ никогда не существовало. «Могила лайбъ» стала неузнаваемой. Буруны затихли, скованные несокрушимой ледяной броней.

Снѣгъ падалъ хлопьями двое сутокъ подрядъ и покрылъ все окружающее рыхлымъ, блестящимъ покровомъ. Спустя двое сутокъ, небо опять прояснилось и вѣтеръ стихъ.

Ледъ остановился, на этотъ разъ уже окончательно, къ великой радости Настеньки. Все видимое пространство залива покрылось сплошною, ослѣпительною пеленою. коварно скрывшею незатянувшіяся еще щели и трещины. Наступило зимнее мертвенное затишье. „Старый боцманъ" нашелъ своевременнымъ прекратить освѣщеніе маяка или, по мѣстному выраженію, „надѣть на фонарь колпакъ". Это случилось уже во второй половинѣ декабря мѣсяца, почти наканунѣ Рождества Христова. Великій праздникъ былъ близокъ, но маячные отшельники не мечтали праздновать его по прежнему, въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, съ явною простотою древнихъ христіанъ, проводившихъ эти знаменательные, торжественные дни въ горячей молитвѣ и псалмопѣніяхъ. Надо было думать не о праздникѣ, а о скорѣйшей доставкѣ спасенныхъ рыболововъ на материкъ, чтобы отвратить неизбѣжную голодовку. На этой доставкѣ сосредоточились всѣ мысли и соображенія „Стараго боцмана". Въ ней онъ видѣлъ исходъ изъ тяжелыхъ обстоятельствъ, грозившихъ смертельными опасностями всѣмъ маячнымъ отшельникамъ. Въ его памяти отлично сохранился одинъ ужасный эпизодъ, случившійся, почти при тѣхъ же условіяхъ, на одномъ изъ маяковъ, и онъ страшился повторенія подобной маячной драмы, стоившей жизни смотрителю и всей его семьѣ. Несчастные маячные отшельники, израсходовавъ свои скудные зимніе запасы на случайныхъ ѣдоковъ, не дотянули до весны и погибли отъ голода. Судно, пришедшее весной

на маякъ съ новымъ запасомъ провизіи, застало ужасную картину, не поддающуюся описанію.

„Старый боцманъ“ неоднократно слышалъ ужасающіе подробности медленной агоніи злополучной смотрительской семьи. Эти подробности были взяты изъ маячнаго журнала, веденнаго мужественнымъ смотрителемъ до послѣдняго издыханія съ поразительнымъ самообладаніемъ и съ дивною покорностью волѣ Божіей.

Въ упомянутой драмѣ „Старый боцманъ“ видѣлъ грозное предостереженіе и потому при первой же возможности, какъ только снѣгъ пересталъ, онъ началъ торопить Петю и Хесто на тюлeній промыселъ, съ цѣлью произвести необходимую рекогносцировку зимняго сообщенія съ материкомъ. Онъ не желалъ вести спасенныхъ рыболововъ по неблагонадежному льду и подвергать ихъ жизнь новой опасности. Онъ считалъ себя обязаннымъ доставить ихъ въ городъ въ полномъ здравіи и невредимыми. Его чуткая совѣсть возмущалась при одной мысли о возможномъ съ нимъ несчастіи на длинномъ пути черезъ замерзшій заливъ...

„Старый боцманъ“, Петя и Хесто изготовились для тяжелаго тюленьяго промысла въ нѣсколько часовъ. Прежде всего они привели въ порядокъ длинные, легкіе полозы, сдѣланные изъ еловой жерди, гладкой и несучковатой. Подобный полозъ беретъ съ собою каждый тюленьщикъ и тащитъ его за собой на короткой веревкѣ. Онъ служитъ промышленникамъ не только для перехода черезъ щели, до двухъ саженъ шириной, но также и для подкрадыванія къ тюленямъ, выползшимъ на ледъ. Впереди полоза устроены сошки, съ которыхъ охотникъ стрѣляетъ въ звѣря, лежа на животѣ. Тутъ же имѣется приспособленіе для ружья, чтобы не таскать его за плечами. Вообще, тюленьщики стараются облегчить себя по возможности, въ виду тяжелой ходьбы по рыхлому, глубокому снѣгу. Все, что возможно, они складываютъ на свой полозъ, не исключая и трехъдневнаго запаса провизіи, преимущественно черныхъ су-

харей и вареной малосольной солонины. На себѣ промышленники имѣютъ только ножъ, въ кожаномъ чехлѣ, для снимапія шкуръ съ убитыхъ звѣрей, и кожаный мѣшечекъ или кисетъ съ пулями. Рогъ съ порохомъ тщательно прячется въ карманъ непромокаемыхъ штановъ, сшитыхъ изъ выдѣланной тюленьей кожи. Изъ той же кожи шьются длинные промысловые сапоги, доходящіе до половины бедеръ въ видѣ непромокаемыхъ чулокъ, сшитыхъ на изнанку и потомъ вывернутыхъ на лицевую сторону, подобно перчаткѣ. Промысловые сапоги отличаются замѣчательною легкостью и мягкостью, каблуковъ у нихъ нѣтъ, а тонкая подошва вшивается одной дратвой, безъ шпилекъ и гвоздиковъ...

Одѣвшись тепло, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и легко, маячные отшельники напялили сверхъ всего бѣлыя парусинныя рубахи и такіе же брюки, а головы прикрыли бѣлыми колпаками. Въ такомъ одѣяніи они были едва замѣтны на снѣгу, что было необходимо для успѣшной охоты за чрезвычайно зоркими тюленями.

Промышленники оставили островъ рано утромъ при отличной, ясной погодѣ. Снѣжный покровъ залива сверкалъ на солнцѣ ослѣпительной бѣлизной, рѣзавшей глаза и доводившей зрительные нервы до чрезмѣрнаго раздраженія. Чтобы не получить опасную слѣпоту, предусмотрительные промышленники повязали глаза тонкимъ, синимъ флагтухомъ и только изрѣдка открывали то одинъ, то другой глазъ, съ цѣлью своевременно замѣтить отдыхающихъ на льду тюленей. Промышленники шли гуськомъ, таща на веревкахъ свои полозья: впереди—„Старый боцманъ", за нимъ—Петя, и наконецъ—Хесто. Яковъ Семеновичъ имѣлъ въ рукахъ длинную пешню, при помощи которой иногда удостовѣрялся, въ подозрительныхъ мѣстахъ, въ достаточной крѣпости льда. Благодаря такой осторожности, тюленьщики не рисковали провалиться въ какую-нибудь невидимую щель, коварно прикрытую рыхлымъ снѣгомъ... Путь былъ не легкій, вслѣдствіи изобилія снѣга, но промышленники

подвигались впередъ довольно быстро, зорко оглядывая необъятную бѣлоснѣжную пелену. Въ четырехъ верстахъ отъ маяка, Хесто, какъ болѣе зоркій, первый замѣтилъ вдали нѣсколько неподвижныхъ черныхъ точекъ, о чемъ немедля сообщилъ товарищамъ. Внимательно разглядѣвъ эти, едва замѣтныя точки, промышленники пришли къ несомнѣнному заключенію, что показались первые тюлени, благодушно грѣвшіеся на утреннемъ солнцѣ. Чтобы не спугнуть чуткихъ животныхъ, охотники рѣшили подкрадываться. Вставъ однимъ колѣномъ на полозья, они начали осторожно подвигаться впередъ, подпихивая себя другой, нѣсколько согнутой, ногой. Приблизившись къ тюленямъ саженъ на двѣсти, промышленники легли на полозья всѣмъ тѣломъ и, упираясь носками сапогъ въ ледъ, стали тихо и осторожно подаваться впередъ, старательно скрываясь за каждою неровностью, чтобы чуткіе и зоркіе животныя не могли замѣтить приближающихся враговъ. Въ такомъ положеніи охотники успѣли подползти къ тюленямъ на вѣрный выстрѣлъ, не болѣе какъ на пятьдесятъ шаговъ. Каждый выбралъ себѣ подходящую жертву. Черезъ минуту раздался дружный залпъ, произведенный точно по командѣ. Три тюленя, пораженные наповалъ въ голову, остались лежать на льду въ прежней позѣ, словно не тронутые мѣткими пулями. Остальныя животныя, съ поразительной быстротой скрылись въ широкой щели, тянувшейся по параллели версты на двѣ.

Удачная охота привела промышленниковъ въ веселое настроеніе духа. Забывъ усталость, они тотчасъ же сняли съ убитыхъ тюленей шкуры, вмѣстѣ съ подкожнымъ жирнымъ слоемъ, и аккуратно сложили ихъ на полозьяхъ. Кости и мясо бросили въ море, чтобы скрыть слѣды недавней бойни отъ другихъ животныхъ, избѣгающихъ, вообще, выползать на ледъ въ виду труповъ своихъ собратьевъ. Кромѣ того, мясо тюленей было брошено потому, что оно не употребляется въ пищу, вслѣдствіи отвратительнаго вкуса и запаха.

XLII.

Когда промышленники кончили свою работу, время подходило уже къ полдню. Погода начала портиться. Солнце скрылось за облаками свинцоваго, зловѣщаго оттѣнка. Задулъ юго-восточный вѣтеръ. Поднялась метелица. Перемѣна погоды къ худшему произошла както незамѣтно и при томъ чрезвычайно быстро, точно по мановенію волшебнаго жезла. Промышленники начали тревожно оглядываться, чуя близость новой снѣжной бури. „Старый боцманъ“ глядѣлъ на пасмурный горизонтъ, сердито хмуря сѣдыя брови и что-то соображая. Наконецъ онъ вышелъ изъ сосредоточеннаго состоянія и отрывисто проворчалъ:

— Гайда на маякъ!

И самъ быстро тронулся къ острову, едва видиѣвшемуся среди мглы. Вѣтеръ дулъ пока слабыми порывами и шаловливо крутилъ сухой снѣгъ, подымая его вверхъ въ видѣ миніатюрныхъ смерчей. Иногда вѣтеръ замиралъ, точно раздумывалъ: съ той ли стороны повелъ онъ свою буйную атаку на промышленниковъ? На нѣсколько секундъ наступала гнетущая, зловѣщая тишина, полная коварства. Но затѣмъ налеталъ новый вихрь и обдавалъ охотниковъ снѣжною пылью, словно стараясь залѣпить ею имъ глаза. Острова уже не стало видно: онъ совершенно скрылся за непроницаемой пеленой молочнаго цвѣта... Прошло съ полчаса. Вдругъ въ воздухѣ раздался какой-то странный звукъ, точно невидимый сказочный богатырь разорвалъ однимъ взмахомъ могучей руки гигантскую шелковую завѣсу. Вслѣдъ за тѣмъ, почти мгновенно, отъ юго-востока налетѣлъ страшный вихрь и со стономъ понесся по замерзшей поверхности залива, вздымая передъ собой непроглядныя тучи льдистой пыли. Вокругъ загудѣло, засвистало и заревѣло. Все окружающее затмилось непроглядной мглой. Небо почернѣло и опустилось совсѣмъ низко, словно

намѣреваясь придавить своею ужасающею громадою охотниковъ, едва подвигавшихся среди стихійнаго хаоса. Снѣгъ съ озлобленіемъ хлесталъ въ ихъ лица и залеплялъ глаза Студеный вѣтеръ рвалъ съ нихъ одежду и обдавалъ нестерпимымъ холодомъ. У нихъ захватывало дыханіе и они, ежеминутно, были принуждены поворачиваться къ вьюгѣ спиной, чтобы вздохнуть полною грудью и собраться съ новыми силами для дальнѣйшей борьбы съ непогодой. Промышленники шли молча, съ трудомъ переставляя ноги, постоянно утопавшіе въ глубокихъ сугробахъ. Они держались приблизительно на маякъ, руководясь отчасти инстинктомъ, да плохимъ компасикомъ, предусмотрительно взятымъ на охоту опытнымъ смотрителемъ. Несмотря на путеводный инструментъ, „Старый боцманъ" не былъ увѣренъ, что тотъ приведетъ прямо на маякъ. Онъ отлично помнилъ случаи, какъ, въ подобную погоду, другіе тюленьщики проходили небольшой островокъ почти вплотную, не видя его и даже не слыша маячнаго колокола, въ который, обыкновенно били безъ устали въ теченіи каждой мятели, чтобы облегчить заблудившимся промышленникамъ выходъ изъ опаснаго положенія. Для той же цѣли зажигали также маякъ и не тушили его до полнаго улучшенія погоды. Маякъ нерѣдко горѣлъ въ зимнее время по нѣскольку сутокъ подрядъ, днемъ и ночью, и тѣмъ спасалъ отъ явной смерти многихъ тюленьщиковъ, застигнутыхъ вьюгой во время охоты. Благодаря замѣчательной бдительности и удивительной предусмотрительности „Стараго боцмана", промышленники частенько находили на маякѣ теплое пристанище и ласковый уходъ, за что хранятъ въ своихъ простыхъ сердцахъ вѣчную признательность къ привѣтливой, благостной смотрительской семьѣ, добрая слава о которой разносится постепенно за сотни верстъ...

Вообще, въ зимнее время всѣ мѣстные промышленники смотрятъ на грозную „Могилу лайбъ", какъ на спасительный пріютъ. Насколько избѣгаютъ они прохо-

дить мимо этого скалистаго острова весной, лѣтомъ и осенью, страшась его опаснаго каменнаго рифа, настолько-же ищутъ его, стремятся къ нему въ теченіи всего зимняго періода, съ момента выгоднаго тюленьяго промысла. „Могила лайбъ" славится какъ лучшее мѣсто для охоты во всемъ заливѣ. Тюлени, почему-то, чрезвычайно любятъ держаться по близости непривѣтливаго острова и привлекаютъ въ извѣстное время года не мало промышленниковъ даже съ отдаленныхъ пунктовъ побережья...

Припоминая обстоятельства, при которыхъ тюленьщики проходили въ мятель мимо маяка, „Старый боцманъ" не повторилъ ихъ ошибокъ. Чтобы не оказаться съ навѣтренной стороны острова, онъ прошелъ по компасу съ полъ-версты на западъ и затѣмъ повернулъ на прежній курсъ. Такимъ образомъ, охотники оказались подъ вѣтромъ „Могилы лайбъ". „Старый боцманъ" правильно сообразилъ, что только при такомъ относительномъ положеніи можно будетъ услышать спасительный маячный колоколъ. И онъ не ошибся. Послѣ трехъчасовой упорной борьбы съ снѣжной бурей, до слуха маячныхъ отшельниковъ донесся давно жданный, отрывистый звукъ колокола и тотчасъ же затерялся среди адскаго рева непогоды. Всѣ невольно остановились и стали чутко прислушиваться, затаивъ дыханіе, боясь пошевельнуться.

Всѣ старались уловить въ хаосѣ стихійной бури тотъ же знакомый звукъ, чтобы точно опредѣлить положеніе маяка... Простояли на одномъ мѣстѣ не менѣе получаса, какъ вновь глухо звякнулъ колоколъ, звякнулъ и замеръ, словно задавленный бушующимъ вихремъ. Этотъ, едва слышный, звякъ позволилъ „Старому боцману" оріентироваться вполнѣ безошибочно. Онъ увѣренно зашагалъ по вновь замѣченному румбу... Отрывистый, колокольный звонъ началъ доноситься все чаще и громче, яснѣе и отчетливѣе. Руководствуясь спасительными звуками, охотники очень скоро достигли

острова, гдѣ застали всѣхъ въ ужасной тревогѣ. Ирина Кузьминишна и Настенька встрѣтили промышленниковъ, точно вернувшихся съ того свѣта. Обѣ даже расплакались отъ радости, что всѣ возвратились невредимыми въ такую адскую погоду.

— Боже мой, какъ мы безпокоились за васъ, — начала старушка разсказывать о вынесенныхъ впечатлѣніяхъ, — все думали, что вы съ дороги собьетесь... Вначалѣ, когда было видно, все за вами съ маяка слѣдили; глазъ отъ подзорной трубы не отрывали, а потомъ, какъ замело все снѣгомъ, начали въ колоколъ звонить...

— Я цѣлый часъ сама звонила, — вставила Настенька, ласкаясь къ отцу.—Я ужасно боялась, что васъ снѣгомъ занесетъ.

— И, полно!—усмѣхнулся „Старый боцманъ". —Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ... Мы себѣ шли да шли и въ усъ не дули. Дорога, вѣдь, знакомая. Что намъ такая погода!.. И не въ такихъ передѣлкахъ бывали, да здравыми выходили, благодаря Господу Богу...

— Ахъ, да, — торопливо заговорила Ирина Кузьминишна, о чемъ-то вдругъ вспомнивъ,—я отъ радости забыла тебѣ сказать, что мы и другихъ тюленьщиковъ видѣли съ башни...

— Гдѣ!?—встрепенулся „Старый боцманъ". —Откуда они шли? Куда?

— Какъ будто съ материка къ намъ, — отвѣтила старушка и затѣмъ, набожно перекрестившись, добавила дрожащимъ голосомъ:

— Сохрани ихъ, Господи!... Добредутъ ли, голубчики, въ такую погоду?...

„Старый боцманъ" насупился. Лицо его омрачилось безпокойствомъ.

— Едва ли добредутъ? — сомнительно покачалъ онъ головой. На заливѣ очень скверно... Я такой погоды тридцать лѣтъ не видалъ... Зги не видно!.. А вѣтеръ такъ и рветъ съ ногъ... Охъ, Господи, Господи, тяже-

ленько имъ теперь, — глубоко вздохнулъ Яковъ Семеновичъ...

— Богъ не безъ милости, —тихо проговорила Настенька.

— Правда твоя, дочурка, правда, — поспѣшно согласился „Старый боцманъ", гладя дѣвушку по головѣ, Богъ не безъ милости; а мы, съ своей стороны сдѣлаемъ все, что въ силахъ... Ну-ка, сынокъ, — обратился онъ къ Петѣ,—поди, распорядись сейчасъ, чтобы Хесто маякъ зажегъ, да раздѣли всѣхъ нашихъ рыболововъ на смѣны: пускай бьютъ въ колоколъ во всю, безъ передышки... Авось, кто-нибудь и услышитъ!..

— Дай-то, Господи!—почти въ одинъ голосъ вымолвили мать и дочь, уже болѣвшія душой и сердцемъ за тюленьщиковъ, застигнутыхъ непогодой посреди залива...

Петя, между тѣмъ, распорядился съ быстротою, вызываемою обстоятельствами. Уже спустя четверть часа, маякъ былъ зажженъ, а колоколъ глухо застоналъ отъ учащенныхъ въ него ударовъ. Звуки отчаяннаго набата покрывали стихійный шумъ снѣжной бури и, уносимые бѣшенными порывами вѣтра, замирали вдали, среди хаоса непогоды. Колоколъ словно ожилъ, точно превратился въ сказочное чудовище съ широкимъ горломъ и могучею грудью. Это чудовище ревѣло на всѣ лады, не ощущая устали, не чувствуя потребности передохнуть хотя на одну минуту. Оно, будто, силилось перекричать вой свирѣпаго вихря и энергично поощряло несчастныхъ тюленьщиковъ къ мужественной борьбѣ со стихіей. Въ его неумолчномъ ревѣ слышался привѣтливый призывъ къ безопасному крову и теплому пристанищу. Въ непрерывныхъ вибраціяхъ колокола ощущалось нѣчто стихійное; въ нихъ, кипѣла, казалось, сама жизнь, жизнь сильная и несокрушимая, полная сладкихъ надеждъ. Въ каждомъ ударѣ можно было уловить что-то живое: то трогательную мольбу о пощадѣ, то смѣлый призывъ къ поединку со смертью, то побѣдный кличъ. Каждый звонарь точно вкладывалъ въ колоколъ

свою душу и старался передать въ его звукахъ всѣ свои внутреннія ощущенія... А снѣжная буря, между тѣмъ, продолжала неистовствовать, затмѣвая воздухъ; превративъ день въ ночь, она дико выла и стонала. Это многоголосное завыванье смущало душу и захватывало сердце. Кровь застывала въ жилахъ отъ неотразимаго ужаса. Возбужденному воображенію представлялось, что гдѣ-то по близости собрался на демонскій шабашъ цѣлый легіонъ вѣдьмъ, праздновавшихъ людское несчастіе и горе...

XLIII.

Непогода ревѣла, не ослабѣвая, весь день. Съ заходомъ солнца она стихла столь же быстро и неожиданно, какъ началась. Снѣгъ пересталъ, но небо, по прежнему, было покрыто мрачными тучами, продолжавшими нестись съ тою же быстротою. Было очевидно, что въ верхнихъ слояхъ атмосферы буря еще не улеглась и стихійныя силы не угомонились. Тамъ все еще господствовалъ первобытный хаосъ, преисполненный непостижимой угрозой успокоившейся землѣ. Наступившая ночь не предвѣщала ничего отраднаго для тюленьщиковъ, невѣдомо гдѣ затерявшихся. Непроглядный мракъ окуталъ весь заливъ словно чернымъ покровомъ. Въ двухъ шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка; но за то яркій маячный огонь горѣлъ въ вышинѣ подобно дивному ночному свѣтилу. Снопы блестящихъ лучей пронизывали тьму и, затериваясь въ отдаленіи, посылали радостный привѣтъ всѣмъ заблудившимся путникамъ. Высокая, маячная башня была невидима среди мрака. Фонарь, казалось, висѣлъ въ воздухѣ, подобно небесному свѣточу. Блескъ его, усиленный, на славу выполированными, отражательными стеклами, былъ нестерпимъ вблизи. Онъ ослѣплялъ почти въ равной степени, какъ солнце. Непроницаемая, ночная тьма выдѣляла его чрезвычайно рѣзко. Благодаря этой тьмѣ, при отсутствіи пасмурно-

сти на горизонтѣ, маячный огонь былъ видѣнъ не менѣе какъ на тридцать миль въ окружности.

Съ прекращеніемъ вьюги, колоколъ оказался лишнимъ. Въ него перестали бить непрерывно и только каждые полчаса дѣлали по нѣсколько учащенныхъ ударовъ съ тѣмъ же ритмомъ, съ какимъ бьютъ на военныхъ судахъ рынду въ туманную погоду. Это дѣлалось на всякій случай, чтобы дать заблудившимся тюленьщикамъ возможность оріентироваться среди непрогляднаго мрака съ большею непогрѣшимостью, хотя бы въ отношеніи разстоянія. Кромѣ того, „Старый боцманъ", хорошо сознавая, по собственному опыту, душевное состояніе злополучныхъ промышленниковъ, желалъ ободрить ихъ колокольными звуками, краснорѣчиво говорившими среди ночного безмолвія о близости теплаго, спасительнаго пріюта. Онъ зналъ, что самый изнеможенный человѣкъ, услыша маячный колоколъ, непремѣнно почувствуетъ въ себѣ новый запасъ силъ, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, и бодро добредетъ до гостепріимнаго острова.

Благодаря стихнувшей погодѣ, ободряющій звонъ разносился на далекое, сравнительно, разстояніе. Звуковыя волны распространялись въ морозномъ воздухѣ съ удивительною легкостью и отчетливостью. Это обстоятельство радовало всѣхъ коренныхъ маячныхъ отшельниковъ, съ часу на часъ ожидавшихъ прибытія на маякъ кого-нибудь изъ числа заблудившихся во время вьюги. Несмотря на поздній часъ, смотрительская семья бодрствовала. Никто не хотѣлъ спать, чувствуя, что можетъ быть, по близости происходитъ отчаянная борьба изнемогающей жизни съ грозною смертью, что, можетъ быть, почти рядомъ люди погибаютъ съ мольбами о помощи, не слышными на островѣ. Эта ужасная возможность смущала всѣхъ, даже привычныхъ ко всему „Стараго боцмана" и Хесто. Охваченные жгучимъ нетерпѣніемъ помочь несчастнымъ, оба неоднократно обходили весь островъ и чутко прислушивались къ таинственному безмолвію ночи: не раздастся ли гдѣ-либо

призывный крикъ или вопль? Съ тою же цѣлью, ежеминутно выходила на крыльцо Ирина Кузьминишна и Настенька, сильно безпокоившіяся объ участи, видѣнныхъ днемъ, тюленьщиковъ. Обѣ волновались, особенно Настенька, не находившая себѣ покоя. Какое-то невѣдомое, внутреннее чувство подсказывало ей, что драма на заливѣ имѣетъ неизъяснимую, непосредственную связь со всѣмъ ея существомъ. Дѣвушкѣ, почему-то, казалось, что одинъ изъ участниковъ этой драмы долженъ быть непремѣнно ея женихъ, который несомнѣнно воспользовался оказіей пробраться на „Могилу лайбъ". Она была въ этомъ увѣрена, но долгое время таила въ себѣ свою душевную тревогу. Наконецъ не вытерпѣла сердечной муки и подѣлилась ею прежде всего съ матерью. Ирина Кузьминишна поспѣшила признать полную логичность дочернихъ соображеній, чѣмъ еще больше растревожила Настеньку, совершенно упавшую духомъ. Разразившись неудержимыми слезами, Настенька выбѣжала опять на крыльцо и начала громко звать отца, только что ушедшаго въ обходъ по острову. „Старый боцманъ" не замедлилъ вернуться къ дому. Одновременно съ нимъ прибѣжали Хесто и Петя.

— Что случилось? — спросилъ онъ. Въ его голосѣ звучала скрытная тревога.

— Ахъ, папочка, вѣдь съ тюленьщиками Коля! — вырвался изъ Настенькиной груди неудержимый вопль наболѣвшаго сердца.

„Старый боцманъ" невольно вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго душевнаго крика и слегка опѣшилъ точно кто ударилъ его по головѣ обухомъ.

— Ну, вотъ, съ чего ты взяла это?—пробормоталъ онъ неувѣреннымъ тономъ, потому что сознавалъ возможность высказаннаго предположенія.

— Боже мой, что съ нимъ теперь!?. Онъ навѣрное замерзъ!.. Его занесло снѣгомъ!..—продолжала стонать Настенька, не слушая отца. Слезы душили ее. Ужасная тоска охватила все ея существо.

— Настася, не плачь, моя сичасъ посмотри есть,— неожиданно вмѣшался Хесто и, точно разрѣшивъ этими немногими словами жгучій вопросъ, быстро скрылся въ темнотѣ.

— Хесто, куда ты?—крикнулъ вслѣдъ „Старый боцманъ, недоумѣвая.

— На море ходи есть, — хладнокровно отозвался издали финнъ, даже не обернувшись

„Старый боцманъ“ только развелъ руками, но, спустя секунду, — проговорилъ рѣшительнымъ голосомъ, обратившись къ Петѣ:

— Пойдемъ также съ нимъ! Живо ставьте маленькую финку на полозъ! Прихватите съ собой фонари и ромъ!.. Попытаемъ...

Петя догналъ Хесто у пристани передалъ ему приказаніе отца.

— Моя это думалъ, — одобрительно кивнулъ финнъ головой и сталъ снаряжать шлюпку почти съ лихорадочною быстротою, столь несвойственною неподвижной и флегматической его натурѣ.

„Старый боцманъ“, оставшись съ Настенькой, началъ успокаивать ее:

— Полно хныкать, дочурка, и себя растравлять разными страхами. Богъ, вѣдь, не безъ милости... Ступай-ка лучше въ комнаты, да помолись погорячѣй,—а мы свое дѣло какъ-нибудь сладимъ...

— Куда это вы опять собираетесь?—раздался тревожный голосъ Ирины Кузьминишны, появившейся на крыльцѣ.

Яковъ Семеновичъ коротко и ясно опредѣлилъ ей цѣль предстоявшей ночной экспедиціи.

— Да что вы увидите въ такую темень?—съ недоумѣніемъ воскликнула старуха.—Гдѣ вы будете искать ихъ?.. Вѣдь, заливъ великъ... Легче, кажись, булавку найти въ стогѣ снѣга, нежели человѣка въ такую ночь...

— Глазомъ не разглядимъ, такъ крикомъ возьмемъ

усмѣхнулся „Старый боцманъ". — Вы только послушайте здѣсь, какъ начнемъ втроемъ вопить на весь заливъ: эгое! эгое!.. Всякая живая душа на этотъ вопль отзовется... Право!..

— Пожалуй-что, согласилась Ирина Кузьминишна. — Ну, съ Богомъ! со вздохомъ добавила она послѣ короткой паузы и затѣмъ кротко обратилась къ дочери:

— Пойдемъ, Настюша, въ комнату... Полно тебѣ волноваться попустому... Можетъ быть, все тамъ благополучно, а ты терзаешься... Напрасно, голубушка!..

Настенька покорно послѣдовала за матерью, вздрагивая плечами отъ сдерживаемыхъ рыданій...

Маячные отшельники оставили островъ очень скоро. Благодаря двумъ фонарямъ, поднятымъ на мачтахъ финки, съ берега можно было слѣдить за всѣми ихъ движеніями. Яркіе огоньки медленно ползли въ ночномъ мракѣ, подобно путеводнымъ звѣздочкамъ, постепенно удаляясь по направленію къ финляндскимъ шкерамъ, откуда показались днемъ первые тюленьщики. Изрѣдка, огоньки останавливались, и тогда до острова доносились дружные, призывные крики: Эгое!.. эгое!.. эгое!.. Затѣмъ финка опять приходила въ движеніе, при чемъ поднятые на ея мачтахъ фонари начинали красиво колыхаться и раскачиваться во всѣ стороны. Постепенно, шлюпочные огни тускнѣли и тускнѣли, по мѣрѣ того, какъ маячные отшельники удалялись отъ острова. Ихъ единодушные крики доносились до маяка все слабѣе и слабѣе... Спустя часъ, огни исчезли совершенно и, почти одновременно, перестало долетать неизмѣнное, энергичное: „эгое"! Маячные отшельники безслѣдно затерялись среди необъятнаго снѣжнаго поля, но Ирина Кузьминишна и Настенька продолжали слѣдить за ними мысленно, предугадывать ихъ дальнѣйшее движеніе на помощь тюленьщикамъ...

Время уже прошло за полночь, но никто изъ нихъ не желалъ уснуть. Онѣ не могли сомкнуть глаза. Душевная тревога отгоняла отъ нихъ сонъ и держала въ

напряженномъ, нервномъ состоянiи. Онѣ нетерпѣливо ждали возвращенiя финки и пристально всматривались въ ночной мракъ: не мелькнутъ ли гдѣ опять мачтовыя огни шлюпки? Минуты тянулись за минутами съ угнетающею медлительностью. Съ каждымъ истекшимъ часомъ увеличивалась невыносимость ожиданiя. Неотразимое безпокойство угнетало душу и терзало сердце. Зарождалось сомнѣнiе въ благополучномъ исходѣ ночной экспедицiи... Въ подобные тягостные моменты, обѣ женщины искали душевное успокоенiе въ молитвѣ и находили его. Стоя на колѣнахъ передъ образами и благоговѣйно созерцая кроткiй ликъ Спасителя, мягко освѣщенный тлѣвшейся лампадой, онѣ вдохновлялись новымъ мужествомъ, укрѣплялись новыми надеждами. Сомнѣнiя исчезали и смѣнялись крѣпкой вѣрой въ божеское милосердiе...

Во второмъ часу ночи, неожиданно раздались на крыльцѣ чьи-то тяжелые шаги.

Маячныя отшельницы встрепенулись и начали прислушиваться, затаивъ дыханiе и сдерживая руками сильно бившiяся сердца. Кто-то топоталъ ногами, точно отряхивая съ сапогъ налѣпившiйся снѣгъ. Слышался сдержанный говоръ. Нѣсколько чужихъ голосовъ, какъ будто, о чемъ-то совѣщались. Незнакомцы точно недоумѣвали: что имъ дѣлать дальше и куда идти?..

Настенька не стала больше ждать и, охваченная жгучимъ нетерпѣнiемъ и любопытствомъ, быстро вышла въ переднюю съ лампой въ рукѣ. Ирина Кузьминишна торопливо послѣдовала за дочерью, также сгорая отъ любопытства узнать, что случилось.

— Здравствуйте, здравствуйте, — послышались съ крыльца привѣтливые голоса и изъ темноты выступили къ распахнутымъ дверямъ три коренастыя фигуры тюленьщиковъ.

— Входите, входите скорѣй, нечего тамъ мерзнуть,— гостепрiимно проговорила Настенька, освѣщая промышленникамъ дорогу въ комнаты.

— Ахъ, вы, мои голубчики, замерзли, поди, совсѣмъ... Идите, идите, а я сію минутку самоваръ вамъ поставлю, согрѣю да накормлю, — засуетилась Ирина Кузьминишна и проворно шмыгнула въ кухню.

— Спасибо,—почти въ одинъ голосъ поблагодарили тюленьщики и, отряхнувъ еще разъ ноги, осторожно вошли въ уютно убранную столовую.

— Садитесь и разсказывайте, какъ дошли.., — Все ли у васъ благополучно? — нетерпѣливо спросила Настенька, съ любопытствомъ оглядывая незнакомцевъ-финновъ, одѣтыхъ въ оригинальные, бѣлые, промысловые костюмы. Одинъ изъ нихъ былъ сѣдой, но чрезвычайно крѣпкій, старикъ, а двое остальныхъ — молодые люди отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ, очень похожіе другъ на друга, повидимому, братья.

— Ты, вѣрно, дочка „Стараго боцмана"? — вмѣсто отвѣта освѣдомился старикъ-промышленникъ на совершенно чистомъ, русскомъ языкѣ.

— Дочка,—кивнула головой Настенька.

— Отецъ твой кланяется тебѣ и матери твоей также. Братъ также кланяется и Хесто вмѣстѣ съ нимъ... Всѣ здоровы,.. — ровнымъ, спокойнымъ тономъ произнесъ старый тюленьщикъ, протягивая дѣвушкѣ мозолистую, закорузлую руку.

— Гдѣ вы ихъ встрѣтили? — радостно вскрикнула Настенька, вся просіявъ, и за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, бросилась на кухню. Ей захотѣлось, какъ можно скорѣй, обрадовать мать хорошею вѣстью.

Спустя минуту, обѣ вернулись въ столовую. Ирина Кузьминишна крестилась и шептала улыбающимися губами:

— Слава Богу, слава Богу...

— Мужъ твой и сынокъ кланяются тебѣ,—обратился старикъ къ смотрительшѣ, протягивая и ей свою руку.

— Спасибо, голубчикъ; вотъ такъ обрадовалъ!.. Гдѣ вы ихъ встрѣтили? — повторила старушка дочерній вопросъ.

— Въ миляхъ шести отъ маяка.

— Гдѣ-жъ они теперь?—продолжала распрашивать Ирина Кузьминишна.

— Дальше пошли захотѣли другихъ тюленьщиковъ сыскать...

— Развѣ, кромѣ васъ, и другіе были? — вмѣшалась Настенька, насторожившись.

— Были, были, — подтвердилъ старый промышленникъ. — Насъ вышло изъ шкеръ восемь человѣкъ съ двумя финками на полозьяхъ. Впереди я шелъ съ племянниками, а позади—остальные.

— Всѣ тюленьщики? — продолжала допытываться Настенька, трепещущая отъ неотразимаго волненія.

— Нѣтъ, не всѣ тюленьщики... Двое вольныхъ были— на вашъ маякъ оба пробирались...

— Кто такіе!?—чуть не крикнула дѣвушка, широко раскрывъ глаза.

— Вотъ ужъ не могу тебѣ сказать, потому что не знаю, — съ сожалѣніемъ покачалъ головой старый промышленникъ.

— Да какъ они выглядятъ, наконецъ? —нетерпѣливо спросила Настенька.

— Какъ выглядятъ?.. Ишь, ты какая пытливая! — усмѣхнулся тюленьщикъ и задумался, точно припоминая спутниковъ.

Спустя четверть минуты. онъ продолжалъ:

— Одинъ былъ мужчина уже достаточно пожилой. съ большой, черной бородой, а другой—совсѣмъ молодой, чуточку постарше вотъ этого молодца...

И промышленникъ указалъ на младшаго племянника.

Настенька вся затрепетала. Сердце подсказало ей, что молодой спутникъ тюленьщиковъ былъ никто другой, какъ женихъ. Въ этомъ она не сомнѣвалась. То же самое подумала также Ирина Кузьминишна. Но кто былъ другой, постарше?

— Навѣрное Коля,—мелькнуло у старушки въ го-

ловѣ... Вѣдь, онъ обѣщалъ побывать у насъ, а у него борода на карточкѣ дѣйствительно большая... Навѣрное онъ!—рѣшила она, радостно улыбаясь.

— Отчего же вы пришли сюда не вмѣстѣ? Гдѣ же остальные? Куда они дѣвались? — забросала Настенька стараго тюленьщика цѣлымъ рядомъ нетерпѣливыхъ вопросовъ.

— Отчего, да почему?—все-то тебѣ знать надо, — усмѣхнулся опять старикъ, привѣтливо посматривая на дѣвушку. — До всего ты допытываешься, точно судья какой... Ну, слушай коли знать желаешь... Видишь ли, милая моя, какъ дѣло было... Первый день шли мы всѣ вмѣстѣ, а на другой день, какъ заревѣло, мы и разлучились. Я, какъ опытный морякъ, двадцать лѣтъ на военныхъ судахъ прослужившій, хорошо понималъ, что во вьюгу легко съ дороги сбиться и въ полынью попасть. Не долго думая, опрокинулъ я съ племянниками финку, вверхъ килемъ, и сами подъ нее забрались, словно въ конуру собачью... Насъ замело немного снѣгомъ, и сдѣлалось намъ такъ тепло, какъ въ избѣ... Такимъ манеромъ мы пролежали всю непогоду, а какъ стихло—дальше пошли, уже одни, потому что товарищи гдѣ-то позади остались, такъ же, вѣрно подъ финкой вылеживались... Вскорѣ маякъ увидѣли и прямо на него держать начали. Часа черезъ два отца твоего встрѣтили. Онъ все разспросилъ насъ и дальше пошелъ. Очень ужъ ему, видно, захотѣлось другихъ тюленьщиковъ перенять...

— А съ ними ничего не могло случиться? — спросила Настенька тревожно.

— И, что можетъ, случиться — разъ финка при нихъ... Народъ, вѣдь, опытный и бывалый... Вотъ безъ шлюпки въ такую погоду не сдобровать; легко погибнуть въ такую погоду безъ шлюпки,—увѣренно повторилъ старикъ.

Выслушавъ простой разсказъ тюленьщика, Ирина Кузьминишна и Настенька перестали тревожиться. На-

попвъ и накормивъ промышленниковъ, онѣ начали поджидать возвращенія маячныхъ отшельниковъ, съ остальными тюленьщиками, хотя съ нетерпѣніемъ, но за то со спокойной душой.

XLIV.

Пошелъ уже пятый часъ утра, когда зоркіе глаза маячныхъ отшельницъ увидѣли вдали знакомые огоньки—мачтовые фонари финки. Быстро одѣвшись потеплѣе, обѣ вышли изъ дому и стали осторожно пробираться къ пристани. Имъ хотѣлось, какъ можно скорѣй, разрѣшить всѣ незначительныя сомнѣнія и убѣдиться въ томъ, что такъ настойчиво и сладостно твердили ихъ сердца. Имъ пришлось прождать недолго. Вскорѣ знакомые огоньки замелькали уже при входѣ въ бухту. Настенька не утерпѣла и закричала во всю мочь своей молодой, крѣпкой груди:

— Папочка, всѣ ли здоровы?

— Здоровы, дочурка, здоровы!—тотчасъ же послышался отвѣтный, радостный крикъ „Стараго боцмана“, и мачтовые фонари заколыхались сильнѣе, точно финкѣ поддали ходу.

— Слава Тебѣ, Господи!—съ благоговѣйнымъ умиленіемъ прошептала Настенька, опускаясь на колѣни подъ горячимъ наплывомъ восторженныхъ чувствъ.

— Слава Тебѣ, Господи! — словно эхо повторила Ирина Кузьминишна, часто крестясь.

Спустя нѣсколько минутъ, мачтовые фонари финки закачались возлѣ самой пристани. Настенька, низко наклонившись, старалась разглядѣть знакомую фигуру жениха. Она была убѣждена, что Вольскій прибылъ съ отцомъ и, съ сердечнымъ трепетомъ, силилась пронизать ночной мракъ жадными взорами, полными радостныхъ слезъ. Вотъ отъ темной массы финки отдѣлился какой-то человѣкъ и почти однимъ скачкомъ очутился на пристани, возлѣ Настеньки. Дѣвушка не успѣла вы-

молвить слова, какъ оказалась въ крѣпкихъ объятьяхъ жениха, судорожно шептавшаго:

— Наконецъ-то, наконецъ-то я опять съ тобой, съ тобой, моя ненаглядная, моя радость, мое сокровище... Никто, никто теперь не разлучитъ насъ... Боже мой, какъ я счастливъ, какъ я невыразимо счастливъ!..

— Милый, милый, милый, — повторяла безсчетное число разъ Настенька, прильнувъ къ Вольскому въ сладостномъ изнеможеніи.

— Шшш., голуби, маршъ домой!.. Полно вамъ тутъ, на морозѣ, цѣловаться, — раздался веселый, добродушный голосъ „Стараго боцмана“. – Ишь, шельмецы, какъ сладко цѣлуются! — добавилъ онъ, какъ будто бы, завистливымъ тономъ...—Сорокъ лѣтъ ужъ такъ не цѣловался... Глянь-ка, жена, на нашихъ голубковъ, глянь скорѣй!.. Вспомни старое времячко...

Но Иринѣ Кузьминишнѣ было не до „голубковъ“: она обнимала и миловала своего, превратившагося въ богатыря, Колюшу и наивно удивлялась, что у него выросла такая огромная борода. Она словно забыла, что не видѣлась съ ненагляднымъ „мальчикомъ“ болѣе тридцати лѣтъ. Покрывая лицо сына страстными поцѣлуями, старушка судорожно шептала:

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ, сдержалъ свое слово... На долго ли?.. Поживешь, вѣдь, у насъ, дашь на себя наглядѣться?

— И, полно, женушка, сынка такъ теребить. Ты ему всю бороду разлохматишь, — добродушно усмѣхнулся „Старый боцманъ“. — Ну, маршъ всѣ домой!.. Усталъ я шибко и ѣсть хочу,—добавилъ онъ шуточно-повѣлительнымъ тономъ.

Ирина Кузьминишна пришла въ себя. Слова мужа напомнили ей объ ея хозяйственныхъ обязанностяхъ. Она захлопотала:

— Сейчасъ, сейчасъ накормлю всѣхъ... Пойдемъ, Колюша, пойдемъ домой...

И старушка потащила сына по скользскимъ каменнымъ ступенямъ..

— Да на долго ли къ намъ? -спросила она по дорогѣ вторично.

— Только на три дня, дорогая матушка, — пробасилъ Коля.

— Какъ, на три дня!?—воскликнула съ печальнымъ изумленіемъ Ирина Кузьминишна, невольно пріостановившись.

— Точно такъ, милая женушка,—шутливо вмѣшался „Старый боцманъ". Нашему сынку нельзя здѣсь долго засиживаться: онъ хочетъ съиграть на-дняхъ свадьбу...

— Вѣрно это?—спросила старушка съ радостнымъ возбужденіемъ.

— Да, матушка, вѣрно", — подтвердилъ Коля. Я пришелъ за родительскимъ благословеніемъ...

— Вотъ, сынокъ какой у насъ молодецъ! — съ нескрываемымъ восторгомъ проговорилъ „Старый боцманъ", похлопывая Колю по плечу. — Уважилъ насъ, славно уважилъ; по заповѣди Божьей поступилъ...

— А знаешь ли, женушка, что я придумалъ? — неожиданно перемѣнилъ онъ тему разговора. — Навѣрное не отгадаешь, хоть сто лѣтъ думай...

— Гдѣ ужъ мнѣ догадаться, — усмѣхнулась Ирина Кузьминишна.—Тебя я знаю хорошо: ты вѣдь скоръ на всякія придумки и выдумки... Ну, говори скорѣй!..

— Чтобъ тебя не томить - скажу скоро и коротко: не хочу канителить; хочу теперь же съиграть всѣ свадьбы вмѣстѣ. Нечего ждать до весны!..

— Хорошо ты придумалъ, Яковъ Семеновичъ, отлично придумалъ, — съ восхищеніемъ прошептала старушка.

— И устрою я знатный свадебный поѣздъ, — продолжалъ „Старый боцманъ" развивать свою мысль, входя въ домъ. „Выберемъ хорошій денекъ и махнемъ всѣ на материкъ. Всѣхъ заберемъ: и рыболововъ также, благо кормить ихъ здѣсь нечѣмъ. Оставимъ на маякѣ одного Хесто: пускай похозяйничаетъ съ недѣльку — другую... Такъ ли, женушка"?

— Конечно, такъ, — радостно согласилась Ирина Кузьминишна и затѣмъ суетливо добавила:

— А гдѣ же Настенька съ женихомъ?.. Надо ихъ скорѣй обрадовать...

— Ахъ, милая мамочка! — неожиданно раздалось счастливое восклицанiе Настеньки, стремительно вбѣжавшей въ столовую. Повиснувъ на шеѣ матери, дѣвушка зашептала ей на ухо:

— Мы уже обрадованы, ахъ, какъ обрадованы. . Мы шли сзади васъ и все слышали, рѣшительно все...

— Плутовка ты, дочурка, плутовка,—ласково ущипнулъ „Старый боцманъ“ дочь за разгорѣвшуюся щеку.

Настенька оторвалась отъ матери и начала съ восторженнымъ опьяненiемъ цѣловать отца. Ирина Кузьминишна, въ это время, радостно здоровалась съ вошедшимъ Вольскимъ и съ любопытствомъ допытывалась, почему онъ не возвратился на маякъ осенью, какъ обѣщалъ.

— Я сидѣлъ въ кутузкѣ, — разсмѣялся молодой человѣкъ.

— Да, да, представь себѣ, милая женушка, онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ бродяга, и въ этомъ все я виноватъ, —вмѣшался въ разговоръ „Старый боцманъ“, только что освободившiйся изъ крѣпкихъ дочернихъ объятiй.— Я забылъ выдать ему форменное свидѣтельство о томъ, что онъ состоялъ въ числѣ команды погибшаго барка. И вотъ, изъ-за такой моей глупости сыръ-боръ загорѣлся! Нашего зятька арестовали, какъ безпаспортнаго бродягу, и продержали въ заключенiи, пока не выяснили дѣло оффицiальной перепиской... Совсѣмъ, видно, я изъ ума уже выжилъ! —досадливо прибавилъ Яковъ Семеновичъ, довольно крѣпко ударивъ себя по лбу ладонью.

— Стоитъ ли досадовать объ этомъ! —весело вскричалъ Вольскiй. —Я уже забылъ всѣ свои былыя мытарства, какъ только попалъ на этотъ милый маякъ... —И онъ съ неизъяснимою нѣжностью взглянулъ на Настеньку, конфузливо разговаривавшую съ братомъ Колей.

— Спасибо тебѣ, дорогой зятекъ, спасибо,—крѣпко обнялъ смотритель молодого человѣка.—Господь опять помиловалъ тебя для моей дочурки.

— Пославъ напослѣдокъ еще одно тяжелое испытаніе, — тихо добавила Ирина Кузьминишна, хлопотавшая у стола, на которомъ быстро появилась скудная маячная трапеза.

— Да, испытаніе было дѣйствительно тяжелое, — подтвердилъ Коля. — Мы думали, что наступилъ нашъ конецъ жизни, что ни за что не выйдемъ живыми изъ адской метели... Если бы не тюленьщики мы непремѣнно погибли бы. Только благодаря имъ мы живы и здоровы. Эти добрые люди, узнавъ кто мы такіе, начали ухаживать за ними, какъ за родными. Они самоотверженно спрятали насъ подъ опрокинутую финку. Двое уступили намъ свое безопасное убѣжище, а сами остались снаружи, рискуя замерзнуть... Удивительные люди!..

— И при томъ какіе безкорыстные! — добавилъ съ восхищеніемъ Вольскій.—Когда стихло, мы предложили имъ деньги, а они наотрѣзъ отказались принять ихъ и все вспоминали при этомъ о своемъ благодѣтелѣ „Старомъ боцманѣ"...

— Тогда, батюшка, я только и узналъ, что ты извѣстенъ среди тюленьщиковъ подъ прозвищемъ „Стараго боцмана"... И какъ эти простые люди тебя любятъ, какъ уважаютъ!—восхищался Коля, любовно поглядывая на отца.

Яковъ Семеновичъ съ наивнымъ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— И за что только?

XLV.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Въ этотъ долгій промежутокъ времени „Могила лайбъ" стала неузнаваемой. Скалистый островъ будто разцвѣлъ и оживился, потерялъ прежній угрюмый и мертвенный колоритъ. Проходящія

мимо моряки, знакомясь съ лоціей залива, внимательно перечитывали сдѣланное въ ней добавленіе, написанное сжатымъ оффиціальнымъ языкомъ: „Съ восточной стороны маячнаго дома имѣется пристройка; все зданіе почти скрыто теперь деревьями, разведенной рощицы. На сѣверной оконечности острова воздвигнута спасательная станція; тутъ же стоятъ двѣ хижины промышленниковъ-тюленьщиковъ, приходящихъ на островъ въ зимнее время“...

Перечитывая эти сухія строки, моряки и не подозрѣвали, сколько египетскаго труда потратили маячные отшельники при созданіи на голомъ камнѣ роскошнаго оазиса, среди котораго тонулъ въ лѣтнее время чистенькій смотрительскій домъ. Любуясь издали сплошнымъ вѣнкомъ пышной зелени, молодые мореходы, еще не знакомые съ „Могилой лайбъ“, не могли представить себѣ, что красивая рощица разрослась, словно по сказочному велѣнію, на совершенно обнаженной скалѣ, еще недавно лишенной самой ничтожной растительности. Никому изъ этихъ мореходовъ не приходило въ голову, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ, земля для оазиса привозилась, при каждомъ случаѣ, съ отдаленнаго материка, что только четыре неутомимыя руки создали, между дѣломъ, нѣчто замѣчательное и почти чудесное. Душой этого египетскаго созданія былъ Вольскій, страстно пожелавшій окончательно осчастливить свою обожаемую жену Настеньку, такъ много всегда мечтавшую о зелени и цвѣтахъ—этихъ чудныхъ, изящныхъ дарахъ щедрой природы. Вольскому энергично и съ любовью помогалъ Хесто, совершенно сроднившійся съ смотрительской семьей и Могилой лайбъ.

Какъ только почва для рощицы и сада была достаточно подготовлена, оба труженика-друга доставили съ материка, осенью, нѣсколько десятковъ молодыхъ деревьевъ: березу, рябину, ветлу, черемуху и другія неприхотливыя породы, а также большое число всевозможныхъ ягодныхъ разсадъ: малины, смородины и крыжовника.

Вольскій оказался превосходнымъ хозяиномъ и свѣдущимъ садоводомъ. Благодаря его искусству и знаніямъ, всѣ деревья и кустарники принялись отлично и очень скоро разрослись въ пышную рощицу, ласкающую взоръ мимо проходящихъ моряковъ. Съ каждымъ годомъ, роскошный оазисъ все увеличивался и увеличивался. Земля подвозилась съ неустанною настойчивостью. Вмѣстѣ съ рощицей ширились цвѣточныя клумбы, къ большой радости Настеньки, лично занявшейся разведеніемъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Одновременно не упускалась изъ виду и практическая сторона сказочной затѣи. Вольскій, хозяинъ по натурѣ, обратилъ особенное вниманіе на произрастаніе всѣхъ овощей, потребныхъ для маячныхъ отшельниковъ. Онъ энергично занялся также огородомъ и, спустя нѣсколько лѣтъ, двѣ ничтожныя грядки превратились въ три десятка большихъ, образцово обработанныхъ грядъ, дававшихъ смотрительской семьѣ годовой запасъ превосходной зелени и отличныхъ овощей. Къ довершенію всего на островѣ появилась живность. Прежде всего Вольскій началъ успѣшно разводить куръ, утокъ, гусей и поросятъ, а какъ только явилось на „Могилѣ лайбъ“ новое поколѣніе маячныхъ отшельниковъ, внуки и внучки „Стараго боцмана“, онъ ухитрился доставить на островъ корову, чтобы удовлетворить жизненныя потребности своихъ милыхъ, обожаемыхъ дѣтей. Вообще, Вольскій старался всѣми силами улучшить условія жизни на маячной скалѣ и, нужно отдать ему полную справедливость, достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ, блестящихъ результатовъ, немыслимыхъ для прежнихъ маячныхъ отшельниковъ...

Жаркій, августовскій день. Солнце стоитъ высоко въ ясномъ небѣ и обдаетъ радостными лучами зеркальную поверхность уснувшаго залива, въ которомъ, словно въ гигантскомъ зеркалѣ, отражается. „Могила лайбъ“ съ стройнымъ, заново отдѣланнымъ, маякомъ. Пятый часъ пополудни. „Старый боцманъ“ только что всталъ послѣ

обѣденнаго сна и вышелъ изъ комнаты на крыльцо— подышать свѣжимъ воздухомъ. Истекшіе годы нисколько не измѣнили браваго смотрителя маяка и атамана, недавно воздвигнутой на островѣ, спасательной станціи. Время не оставило на его свѣжемъ, румяномъ лицѣ разрушительныхъ слѣдовъ, не пошатнуло физической мощи маячнаго богатыря, не прибавило вокругъ его веселыхъ, точно улыбающихся, глазъ ни одной лишней морщинки. „Старый боцманъ", будто замаринованный отъ дряхлости, вошелъ на крыльцо твердымъ, увѣреннымъ шагомъ человѣка, сохранившаго свои силы. Не смотря на очень преклонный возрастъ, отъ всей его крупной, атлетической фигуры вѣяло поразительно бодростью и несокрушимой энергіей. Во всѣхъ его движеніяхъ чувствовались стальные мускулы, которымъ могъ бы позавидовать любой представитель городской молодежи, слишкомъ изнѣженной и чрезмѣрно надорванной условіями неестественнаго прозябанія въ душныхъ городахъ...

Войдя на крыльцо, сплошь обрасшее хмѣлемъ, „Старый боцманъ" съ наслажденіемъ вздохнулъ полною грудью. Освѣжающій морской воздухъ, пропитанный бальзамическимъ ароматомъ окружающей листвы, произвелъ на него благотворное дѣйствіе. Онъ еще болѣе повеселѣлъ и пришелъ въ благодушное настроеніе. Изъ его груди вырвалось невольное восклицаніе, преисполненное благодарностью къ Всевышнему, помогшему устроиться такъ хорошо на голой скалѣ.

— Ишь, благодать-то какая, Господи!.. Совсѣмъ славно стало тутъ теперь!.. Хоть не помирай совсѣмъ!.. Чудны дѣла Твои, Господи!..

— Дѣда, дѣда! —раздались вдругъ изъ рощицы звонкіе голоса и, спустя нѣсколько секундъ, по деревяннымъ ступенямъ крыльца дружно затопотали шесть маленькихъ ногъ. Трое здоровыхъ, свѣжихъ дѣтей, восьмилѣтній мальчуганъ Яша, вылитый отецъ, и двѣ дѣвочки, пяти и трехъ лѣтъ, очень похожія на мать, взбѣ-

жали на крыльцо въ перегонку и дружно бросились къ „Старому боцману, словно солдаты на приступъ крѣпости. Яша однимъ прыжкомъ повисъ на шеѣ Якова Семеновича.

Старшая дѣвочка, Настя, ухватилась за его правую руку, а младшая, Ирина, принявъ, вѣроятно, въ соображеніе свой миніатюрный ростъ, храбро обхватила обѣими рученками его ноги. При этомъ всѣ, въ перебой, что-то начали разсказывать.

— Ахъ, вы мои славныя, хорошія!—съ умиленіемъ произнесъ „Старый боцманъ", лаская и цѣлуя поочереди всѣхъ дѣтей, для чего ему пришлось взять младшую внучку на руки.

Въ этотъ моментъ на крыльцо поднялась изъ рощицы Настенька, мало измѣнившаяся за истекшіе годы. Она только пополнѣла и разцвѣла, превратилась изъ нѣжнаго бутона въ пышную розу. Увидѣвъ дѣтей, повѣсшихъ на отцѣ, она стала ихъ усовѣщевать:

— Полно вамъ, милыя, на дѣдушку вѣшаться: вѣдь ему, бѣдному, тяжело...

„Старый боцманъ" запротестовалъ:

— И полно, дочурка, какой тяжело: перышки онѣ, голубки мои.

— Конечно, не тяжело,—весело подхватилъ Яша.— Дѣдушка еще утромъ насъ всѣхъ на рукахъ носилъ...

— Меня и Ришу на рукахъ, а ты у дѣды верхомъ на спинѣ сидѣлъ, — поспѣшила поправить сообщеніе брата старшая внучка Настя.

— Да, Яша верхомъ! —звонко разсмѣялась Ирина и весело захлопала въ ладоши.—Дѣда, посади и меня теперь верхомъ,—добавила она властно и довольно энергично ухватила Якова Семеновича, за жилистую, загорѣлую шею.

— Еще что выдумаешь, плутовка?—ущипнулъ тотъ внучку за полную, упругую щечку.

— Посади, посади,—настойчиво твердила малютка, нетерпѣливо ерзая на рукахъ у дѣдушки.

— Ахъ, Риша, Риша,—укоризненно покачала головой Настенька, глядя на младшую дочь взоромъ, преисполненнымъ неизъяснимой любви и нѣжности.

— Ну, что-жъ съ тобой дѣлать, садись, плутовка,—добродушно проговорилъ Яковъ Семеновичъ, сажая внучку на плечо.—Держись теперь крѣпче, сейчасъ поѣдемъ въ лѣсъ, къ бабѣ-ягѣ, костяной ногѣ,—добавилъ онъ весело и спустился съ крыльца въ рощицу.

— И меня такъ же покатай,—начала просить Настя, сбѣгая въ садъ за дѣдушкой.

— И тебя потомъ покатаю,—благодушно согласился Яковъ Семеновичъ, широко улыбаясь. „Гопъ, гопъ, гопъ"!

— Да перестаньте вы мучить дѣдушку,—вступилась опять Настенька за отца.

— Ничего, ничего, дочурка, оставь ихъ въ покоѣ, я самъ съ ними справлюсь,—радостно молвилъ „Старый боцманъ" и затѣмъ мысленно добавилъ:

„Экое счастье мнѣ привалило... Могъ ли я думать, что доживу до такихъ чудныхъ дней... Вотъ истинная благодать Божья"!..

— Гопъ, гопъ, гопъ! —продолжалъ онъ слегка подпрыгивать съ Ришей на плечѣ... — А гдѣ муженекъ?—неожиданно обратился онъ къ дочуркѣ, которая шла по пятамъ отца, съ цѣлью оградить его, въ случаѣ надобности, отъ слишкомъ большой назойливости наивныхъ дѣтей.

— Коля уѣхалъ съ Хесто за рыбой... Да вонъ они уже и возвращаются... Дѣти за мной, — скомандовала Настенька.. „Кто скорѣй"?..

И она легко побѣжала къ пристани, преслѣдуемая Яшей и Настей, старавшимися догнать мать.

— Пусти, дѣда, меня,—запросилась Риша съ плеча. Я тоже къ папѣ хочу...

— Бѣги, плутовка, бѣги, да, смотри, носа не расшибись,—разсмѣялся „Старый боцманъ", спуская внучку на земь.

— И зачѣмъ ты, Яковъ Семенычъ, пустилъ Ришу одну?.. Она можетъ упасть,—раздался съ крыльца встревоженный голосъ Ирины Кузьминишны, только что вышедшей изъ кухни, гдѣ она занималась разными хозяйственными работами.

— Не упадетъ,—проворчалъ „Старый боцманъ", но тотчасъ же, точно надоумленный, торопливо зашагалъ за внучкой, пятки которой сверкали уже далеко впереди...

Дѣти встрѣтили отца и Хесто съ радостнымъ оживленіемъ, словно не видѣли ихъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ. Они вѣшались обоимъ на шеи, обнимались и цѣловались, вызывая неотразимую улыбку даже на лицѣ угрюмаго финна, ласкавшаго дѣтей съ несвойственною ему нѣжностью.

— Каковъ уловъ сегодня?—спросила Настенька, здороваясь съ мужемъ.

— Превосходный, небывалый,—весело отвѣтилъ Вольскій, крѣпко цѣлуя жену... Взгляни, полная финка всякой рыбы!..

Настенька съ любопытствомъ заглянула съ пристани въ шлюпку, въ которой, дѣйствительно, виднѣлась богатая добыча. „Старый боцманъ" одобрительно закивалъ головой:

— Добре, сынокъ, добре... Есть что и на зиму посолить...

— Я сегодня ловилъ въ первый разъ новою сѣтью, что съ Настюшей прошлую зиму связалъ. Славная, чудная сѣть! Рыба такъ и плыветъ въ нее!—съ радостнымъ возбужденіемъ произнесъ Вольскій. На его красивомъ, мужественномъ лицѣ, обросшемъ густою бородою, сіяло безграничное счастье и полное довольство судьбой.

— Жаль, что ты не обновилъ этой сѣти съ нашими классиками", замѣтилъ „Старый боцманъ" усмѣхнувшись.

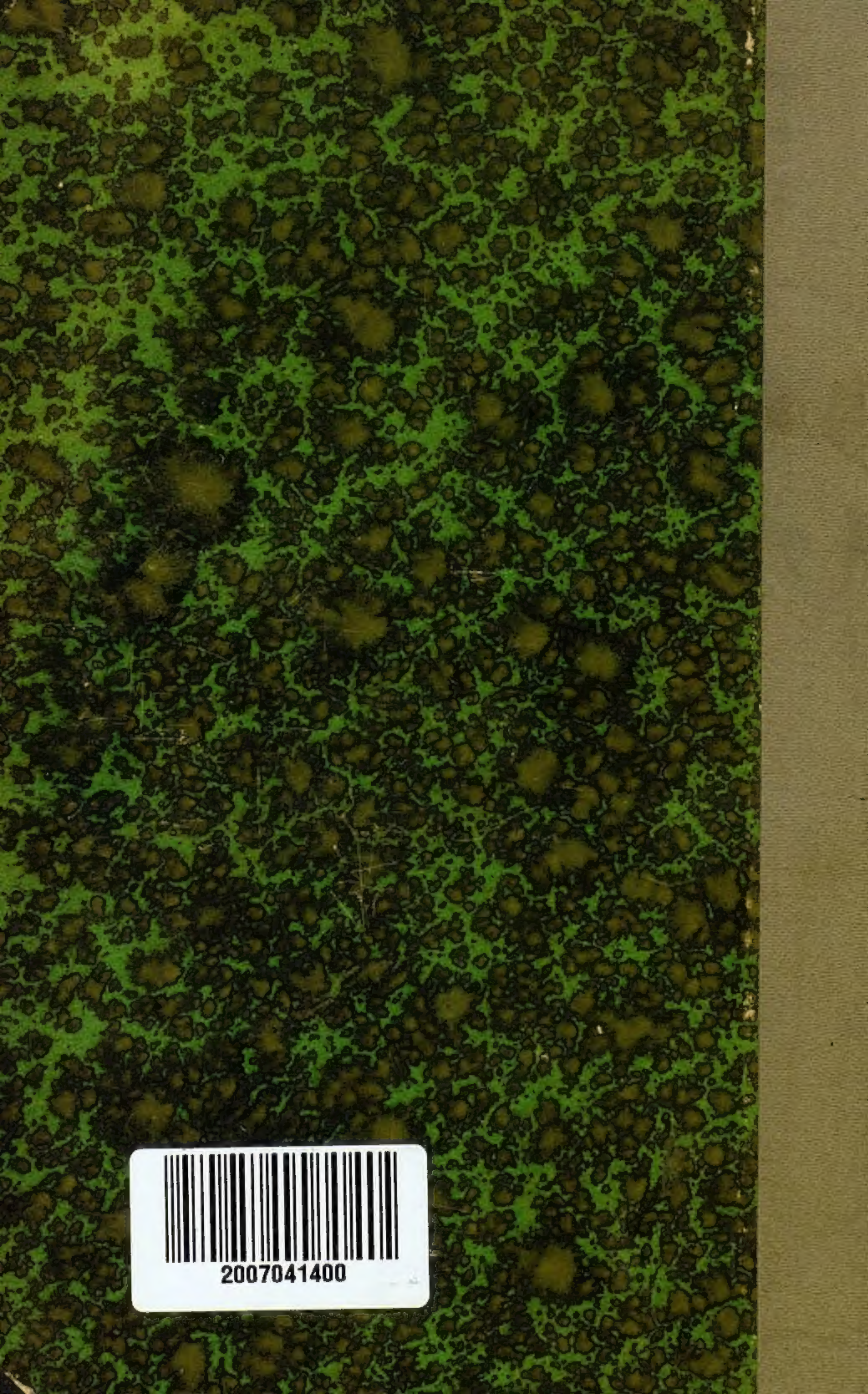
„Классиками" прозвалъ Яковъ Семеновичъ двухъ старшихъ внуковъ, обучавшихся въ гимназіи и жив-

шихъ на материкѣ подъ крѣпкимъ, родственнымъ крыломъ „дяди Коли“, любившаго племянниковъ какъ родныхъ дѣтей. Каждое лѣто „классики“, здоровые, крѣпкіе мальчики четырнадцати и двѣнадцати лѣтъ, пріѣзжали мѣсяца на три на „Могилу лайбъ“. Родная скала была для нихъ превосходнымъ дачнымъ мѣстомъ, полнымъ оригинальной, дикой прелести. Они только что уѣхали съ острова, по окончаніи вакацій, къ большому горю Настеньки, которая каждый разъ разставалась съ обожаемыми дѣтьми со слезами и тяжкою печалью. Девятимѣсячная разлука съ ними крайне смущала молодую женщину. Она никакъ не могла освоиться съ мыслью о необходимости подобныхъ разлукъ ради будущности способныхъ мальчиковъ, подававшихъ хорошія надежды.

Помѣщеніе старшихъ сыновей въ гимназію состоялось не безъ нѣкоторой борьбы между дѣдушкой и отцомъ. „Старый боцманъ“, тяготѣя къ морю, чрезвычайно жаждалъ видѣть своихъ внуковъ моряками и настаивалъ объ ихъ опредѣленіи въ мореходные классы. Вольскій, напротивъ, пожелалъ осуществить въ дѣтяхъ то, что оказалось, въ силу разныхъ обстоятельствъ, недостижимымъ ему лично. Онъ страстно мечтаетъ дать сыновьямъ высшее образованіе и пустить ихъ въ жизнь во всеоружіи необходимыхъ знаній. Онъ не жалѣетъ средствъ и отдаетъ послѣднее, твердо вѣря, и, конечно, не напрасно, что высшее образованіе, при отличныхъ способностяхъ сыновей, дастъ имъ въ будущемъ хорошій кусокъ хлѣба и выведетъ ихъ изъ узкой маячной колеи на большій жизненный просторъ. Вольскій справедливо разсуждаетъ, что не всѣмъ же быть маячными отшельниками, не всѣмъ же ютиться на скалистомъ островкѣ, могущемъ пропитать лишь ограниченное число душъ. Безконечно довольный личнымъ счастьемъ, пріобрѣтеннымъ какимъ-то чудомъ, онъ надѣется устроить судьбу своихъ дѣтей, нѣсколько иначе, составить имъ иное счастье... И онъ идетъ къ осуществленію намѣчен-

ной цѣли стойкими, твердыми, энергичными шагами... Будемъ надѣяться, что онъ устроитъ своихъ сыновей именно такъ, какъ задумалъ. Искренно желаемъ полнаго успѣха въ дальнѣйшихъ предположеніяхъ энергичнаго маячнаго отшельника — достойнаго преемника незабвеннаго „Стараго боцмана", здравствующаго до нынѣ на своей родной, незамѣнимой скалѣ, подобно вѣтхозавѣтному патріарху.

2007041400